

CLAUSEWITZ

**DIE FELDZUGE
VON 1799
IN ITALIEN
UND DER SCHWEIZ**

BERLIN

9 25A
57

801-18
2448

КЛАУЗЕВИЧ

1799
Г О Д

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1938

2016127237

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Выпуском в свет настоящего перевода Воениздат НКО СССР продолжает свою работу по ознакомлению советского читателя с выдающимися произведениями крупнейшего военного мыслителя К. Клаузевица.

Его военно-исторические исследования посвящены, как известно, главным образом, войнам французской буржуазной революции. Среди этих войн кампания 1799 г., по словам Клаузевица, «принадлежит к числу наиболее важных и поучительных во всей военной истории».

Для нашего читателя кампания 1799 г. представляет особый интерес в связи с тем, что главным действующим лицом в ней являлся гениальный русский полководец Александр Васильевич Суворов.

Блистательные успехи семидесятилетнего Суворова в кампании 1799 г. были последними в его полководческой деятельности. Эти успехи тем замечательней, что Суворову, которому поручили командование войсками феодальной коалиции, выступившей против Франции, пришлось действовать в тяжелой обстановке интриг и всяческих препятствий как со стороны Павла I, так и со стороны бездарного придворного военного совета Австрии — гофкригсрата. Это обстоятельство вскрыто в известной мере и Клаузевицем, отзывающимся с высокой похвалой о полководческом искусстве Суворова.

Клаузевиц на протяжении своего труда не скупится в резких выпадах против Французской республики. Наш читатель поймет, конечно, всю неуместность этих выпадов, которые по справедливости надо адресовать инициаторам феодального крестового похода против Французской республики.

Для облегчения ориентировки читателя Издательство снабдило труд К. Клаузевица фотокопией карты из книги Д. Миллютина «История войны 1799 г.», издания 1857 года.

ВВЕДЕНИЕ

Итальянский и швейцарский походы 1799 г. нельзя рассматривать изолированно; при подобном рассмотрении они не могут быть поняты в полной степени и утрачивают значительную долю интереса, так как отдельные моменты этих походов тесно связаны между собою.

Рассматриваемые в общей связи они принадлежат к числу наиболее важных и поучительных во всей военной истории. В них принимали участие четыре крупнейших полководца: Суворов, эрцгерцог Карл, Моро и Массена; из генералов, менее выдающихся, на одной стороне участвовали Лекурб, Макдональд, Жубер, Султ, Шампионе, Дессоль, на другой — Край, Мелас, Готце, Багратион. Это были лучшие представители обеих армий. Во время этих кампаний произошло семь генеральных сражений, три раза форсировались реки, множество раз производились решительные атаки и велась упорная оборона позиций, расположенных среди альпийских высот; наконец, был совершен переход армии через С.-Готтардский проход, занятый и обороняемый противником, силы которого, возмставшие подобно снежной лавине, замыкали естественные выходы и принудили армию искать другого пути среди крутых скал и ущелий.

Наконец, эти войны замечательны еще и в том отношении, что союзники, ведя их, руководились не только общим чувством возмущения против врага, но также обособленными мелкими политическими интересами; разногласия между союзниками и последовавшие затем военные неудачи скоро привели к расторжению союза.

ГЛАВА 1

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ. ОТКРЫТИЕ КАМПАНИЙ В ГЕРМАНИИ. ЗАВОЕВАНИЕ ФРАНЦУЗАМИ ГРАУБЮНДЕНА. ПОРАЖЕНИЕ, НАНЕСЕННОЕ ЭРЦГЕРЦОГОМ КАРЛОМ ЖУРДАНУ ПРИ ШТОГАХЕ

Политическое положение при открытии кампаний

Вскоре после заключения Кампо-формийского мира осенью 1797 г. французы эвакуировали свои войска из Австрии и отошли к Германии за Рейн, а в Италии — за р. Эч, которая должна была стать границей, отделяющей Цизальпинскую республику от австрийских владений. Австрийцы заняли Венецию и свои ломбардские провинции, разместив войска тремя большими массами, из которых одна занимала Италию до р. Эч, другая — Тироль и третья, называвшаяся имперским контингентом, — район между Изаром и Лехом. При таком положении начались на Раштадтском конгрессе в декабре переговоры о заключении мира. В одном из секретных пунктов Кампо-формийского мирного трактата австрийцы согласились на уступку Франции левого берега Рейна и обязывались вывести оттуда свои войска, исключая имперский контингент в случае, если немецкие князья не захотят вступить в соглашение о вознаграждении за секуляризованные духовные владения; французы же не соглашались эвакуировать Венецию, прежде чем они не вступят во владение Майнцем. Поэтому в декабре австрийцы вывели свои войска из Майнца, и курфюрст, военные силы которого состояли всего лишь из 3 000 человек, не желая снова подвергать свои владения неприятельскому вторжению, вынужден был отдать приказ о сдаче города. Таким образом, это германское владение мирным путем перешло в руки французов. Фактическая передача города произошла спустя несколько недель. Было не вполне ясно, стремилась ли Австрия путем Кампо-формийского мира только выиграть время, чтобы подготовиться к новой войне и при иной политической конъюнктуре противопоставить Франции такие силы, ко-

торые позволяли бы рассчитывать на верный успех, или же она и в самом деле хотела заключить с Францией мир, не только возместив свои потери за счет мелких владений, но даже увеличив свои владения; по крайней мере, она надеялась окружить их и, таким образом, заключив временный союз с Францией, вырасти в такую мощную силу, которая могла бы быть использована или для того, чтобы в дальнейшем действовать на равных правах с Францией, ничего ей не уступаая, или же чтобы снова выступить против нее.

Если мы представим себе, какие чувства люди переживают после продолжительной неудачной войны, причем необходимость нередко заставляет их, не добившись одной цели, ставить себе другую цель, противоположную первой, то весьма вероятно будет предположить, что в австрийском кабинете из этих двух точек зрения сначала преобладала первая, а впоследствии получила перевес вторая.

Французскому правительству вследствие непрочности его положения и постоянной смены стоявших во главе его лиц было крайне трудно выработать какой-нибудь определенный взгляд на политические отношения и принять какой-либо план. Каждый раз брали верх потребности данного момента. По отношению к Пруссии во время заключения Кампо-формийского мира обнаруживались холодность и пренебрежительное равнодушие. Со стороны Австрии нельзя было и ожидать ничего другого; со времени ее неудачного союза с этой державой она должны были возникнуть чувства старой неприязни и зависти. Обе воевавшие державы — и Франция и Австрия — из-за Раштадтского конгресса имели в виду играть впоследствии роль господина по отношению к этому государству, в чем и заключалась их общая конечная цель. По крайней мере, только этим можно объяснить то пренебрежительное отношение, которое проявили к Пруссии оба эти государства в первой половине раштадтских переговоров, между тем как впоследствии они стали добиваться союза с нею.

Но вследствие бесхарактерности и непоследовательности французского правительства и при том высокомерия, которое обычно обнаруживает нация в результате военных успехов, доводящих ее до экзальтации, не могло быть и речи о спокойном достижении разумных целей. Еще не установился общий мир или, по крайней мере, мир на континенте; еще не упрочились новые политические отношения, Раштадтский конгресс пока еще не добился существенных успехов, а дух революции и беспокойный характер французов толкали их на такие шаги, из которых каждый мог бы в другое время привести в движение всю Европу.

Уже в январе 1798 г. французы вступили в Швейцарию с намерением превратить эту страну в демократическую республику и, подчинив ее Франции, овладеть ее денежными ресурсами и запасами оружия.

После нескольких кровопролитных сражений новая республика была основана, однако, без включения в нее Граубюндена, который отдался в руки Австрии. Вновь образованное государство можно было рассмат-

ривать скорее как вассальное, чем союзное. Та небольшая помощь, которой добились Франция от его нового правительства, имела мало значения вследствие возникавших повсюду разногласий, которые в некоторых местах приводили к кровавым столкновениям.

В это же время в Риме вспыхнуло восстание, во время которого был убит генерал Дюфо, член французской миссии Люсьена Бонапарта. Воспользовавшись этим поводом, генерал Бертье вступил в Рим и, спровоцировав новое восстание, противоположное первому, провозгласил Римскую республику. Папа был вынужден бежать в Тоскану.

Спустя несколько месяцев после этого в мае Бонапарт отправился в Египетскую экспедицию. Он начал свой поход с завоевания о. Мальты. Если при этом можно было не считаться с Австрией, повидимому, не заинтересованной непосредственно, а также с Англией, как с неприятельским государством, то зато здесь в такой степени были затронуты интересы двух держав, до сих пор оставшихся нейтральными, что они вступили в военный союз с Англией против Франции. Это были Турция и Россия. Император Павел, всегда питавший в душе пристрастие к Мальтийскому ордену и объявивший себя его защитником, был так возмущен захватом Мальты, который являлся нарушением международного права и повлек за собой уничтожение ордена, что это было единственным основанием его участия в союзе против Франции и вместе с тем явилось основной причиной создания второй коалиции.

Во всяком случае представляется странным, что такое незначительное событие, каким должен казаться захват Мальты в сравнении с захватом Египта и которое было только простым добавлением к последнему, послужило причиной событий, значительно более крупных, чем сама Египетская экспедиция.

Так как император Павел при вступлении на престол в 1796 г. отказался выполнить принятое императрицей Екатериной II обязательство выступить против Франции с 60-тысячной армией, то его выступление, последовавшее год спустя, со 100-тысячной армией следует приписать исключительно захвату Мальты. Во всяком случае большой вопрос, решилась ли бы Австрия на новую войну без этого выступления русских.

Легко понять, что такие высокомерные и насильственные действия делали мир совершенно невозможным. Правда, австрийское правительство стремилось избежать разрыва. Между австрийским министром иностранных дел графом Кобенцлем и французским экспедиционным Франсуа де-Невшато в мае начались переговоры в г. Зельде в Эльзасе относительно оскорбления, нанесенного французскому послу в Вене генералу Бернадотту. Но эти переговоры не привели к успешным результатам. В этом не было ничего удивительного. Как раз во время этой конферен-

ции началась Египетская экспедиция, а ничто не могло так побудить Австрию к новой войне, как это событие.

С одной стороны, оно создавало Франции нескольких новых врагов, с другой — лишало ее 45 000 лучших войск. Легко было также предвидеть огромные затруднения, которые возникнут при этом завоевании; кроме того, Франция лишалась того полководца, которого считали главным и ближайшим виновником совершенно утраченного военного равновесия.

Таким образом, в это время, т. е. в июне 1798 г., во всех своих намерениях Австрия ориентировалась на новую войну, и переговоры на Раштадтском конгрессе продолжались только для видимости.

Австрийское правительство делало все возможное, чтобы снова привести свои военные силы в боевую готовность. Оно заключило договор с Россией, по которому к австрийской армии должны были присоединиться 50 000 русских под начальством Суворова. Первые колонны этих войск уже в августе показались на границах Галиции. В другом договоре, заключенном в конце этого года с Англией, император давал обещание в случае вступления в коалицию также и Пруссии присоединить к ее армии 45 000 человек. Если же Пруссия не войдет в коалицию, обе державы имели в виду другие мероприятия диверсионного характера: в июне 1799 г. была заключена конвенция, согласно условиям которой Россия с армией в 18 000 человек и Англия с 13-тысячной армией должны были произвести совместный десант в Голландию.

Россия и Англия стремились сблизить Австрию с Пруссией и привлечь последнюю к участию в коалиции, однако безрезультатно.

Наконец, русский император заключил также союз с Портой и королем Неаполитанским. Эти союзы, правда, не оказали решительного влияния на кампанию 1799 г., но в отношении Франции последний из них послужил основанием к тому, чтобы снова занять укрепленные пункты в Южной Италии, эвакуированные главными силами французской армии, и уничтожить обе учрежденные там республики.

Король Неаполитанский с октября 1797 г. находился в мире с Францией. Однако, расширение территории этого государства в течение 1798 г. и возникновение Римской республики, естественно, должны были причинить особые заботы неаполитанскому правительству. Поэтому оно вступило в союз с Австрией, Англией и Россией, решив принять деятельное участие в новой войне, и выставило армию силой в 60 000 человек. Понятно, что это не могло остаться скрытым от французской Директории, и неаполитанский двор боялся, что он в любой момент может подвергнуться нападению французских сил, находившихся в Римской области и на р. По. Допущение в неаполитанские гавани победоносного флота Нельсона, возвращающегося из Египта после победы при Абукире, было прямым нарушением одного из условий заключенного в октябре мирного договора с Францией. Англичане с своей стороны полагали, что в их интересах будет к концу

1798 г. поджечь мину, зарытую в Неаполе, так как они не вполне еще были уверены в австрийском кабинете, опасаясь возможности нового соглашения его с Францией. Если при этом принять во внимание личное влияние Нельсона, обманившие надежды на большие выгоды, предоставляемые наступательным образом действий, а также открывавшие перспектив восстановления церковного государства, привлекавшие религиозно настроенного короля и интриганку-королеву, то будет вполне понятно, почему неаполитанский король, вопреки советам австрийцев, в конце ноября 1798 г. открыл военные действия нападением на французские войска в Римской области, хотя можно было предвидеть, что австрийцы начнут свой поход не ранее апреля следующего года. Мы можем сказать, что это событие, непонятное при общем взгляде, получает некоторое объяснение, но оно, конечно, никем образом не может быть оправдано. Может быть, при лучшем командовании и более удачном образе действий неаполитанской армии имелись некоторые основания ожидать, что она победоносно достигнет р. По. Однако, там должно было создаться равновесие сил, а затем при моральном превосходстве французов, которого они не могли так легко утратить, и при решительности французских генералов трудно было ожидать, что они останутся пассивными. Наоборот, можно было предвидеть со стороны французов решительные действия; при превосходстве же сил, которое постепенно будет у них создаваться, они неизбежно дошли бы до Неаполя, и таким образом и самое существование этого государства на континенте было бы поставлено на карту. Для всего этого было бы достаточно 3—4 месяцев. В действительности события сложились еще хуже, чем это обрисовано в приведенных выше предположениях.

40 тысяч неаполитанцев, которые под начальством Мака в конце ноября начали свое наступление, не могли похвастаться ни одной, даже самой ничтожной победой. Они повсюду терпели поражения от французской армии под начальством Шампионе, вдвое меньшей по численности, и через 4 месяца король был вынужден отдать свои провинции на континенте республиканцам-французам, которые после непродолжительной игры с лаццарони в конце января провозгласили Партенопейскую республику.

Итак, благодаря этому поражению один из участников коалиции, силы которого насчитывали 40 000 человек, уж исчез с театра войны.

Оставалось, конечно, сомнительным, ослаблены ли были силы французов вследствие того, что они были вынуждены расширить театр военных действий.

В то время как генерал Шампионе положил конец Неаполитанскому королевству, а именно в декабре, французская Директория приказала своим войскам под начальством Жубера вторгнуться в Пьемонт и принудить короля Карла-Эммануила отказаться фактически от власти в этом герцогстве, предписав своим подданным подчиниться

французам, и уехать со своим семейством в Сардинию. Для этого насилие не было непосредственного политического повода. Французское правительство просто решило, что будет гораздо спокойнее и безопаснее захватить в собственные руки эту ответственную базу итальянского театра войны, чем оставлять ее в руках сомнительного союзника.

Великое герцогство Тосканское с 1795 г. не находилось более в состоянии войны с Францией, оно охотно согласилось бы сохранять так называемый нейтралитет в предстоящей коалиции, но французы не предоставили ему выбора и тотчас же объявили ему войну вместе с объявлением войны Австрии.

Кроме великого герцога Тосканского, из прежних итальянских государств оставался еще герцог Пармский. Поскольку Испания находилась в союзе с Францией, он в качестве испанского инфанта (наследника) принадлежал также к ее союзникам.

Все остальные итальянские области были разворованы в Цизальпинской республике, которая, следовательно, состояла из Милана, Мантуи и Модены, лежавших на левом берегу р. Эч, части Венецианской области и трех папских легатств — Болоньи, Феррары и Равенны. Это было государство с 4-миллионным населением, внутренняя организация которого только еще создавалась и которое в качестве суверенного государства не могло еще оказать Франции значительной поддержки.

Таким образом, Франция хотя и владела бесспорно всей Италией, но, конечно, не в такой степени, чтобы иметь возможность почерпнуть из нее значительные военные силы.

Напротив, среди европейских держав Франция не имела ни одного союзника, кроме Испании, которая на кампанию 1799 г. не оказала никакого влияния. На стороне коалиции находились Австрия, Россия, Англия, Сицилия, Турция. Из немецких государств все северные, а со времени похода французской армии 1797 г. также и большинство южных князей, заключили сепаратный мир с Францией, но их военное содействие заключалось лишь в незначительных государственных контингентах, которые были расположены в качестве гарнизонов в Филиппсбурге, Мангейме и Вюрцбурге. Со стороны России только 50 000 человек принадлежало к собственному союзному контингенту. Если бы Англия выставила подобные же военные силы, то она все-таки не могла бы иметь такой же вес на чаше весов, так как ее силы должны были быть использованы на крайних флангах (Голландия и Неаполь) только позднее, и вообще неизвестно, когда они могли бы приступить к военным действиям. Турцию и Сицилию в кампанию 1799 г. почти нельзя было принимать во внимание.

Итак, безусловно можно было рассчитывать только на австрийские войска с 50 000 русских. Таково было политическое положение воюющих сторон в феврале 1799 г., когда обе они были уже убеждены

в неизбежности войны, однако, австрийцы хотели еще на некоторое время задержать события, чтобы дать возможность подойти русским.

Так, после двухлетнего мира снова началась большая европейская война.

В предшествующей шестилетней борьбе пришлось заплатить потерей Бельгии, Голландии, левого берега Рейна и всей Верхней Италии. Так как на протяжении этих 6 лет не было недостатка в отдельных удачных операциях и походах, то не без основания казалось, что конечный военный успех Франции и потеря территории были следствием политических разногласий и противоречий интересов среди союзников.

Новая война, повидимому, началась при благоприятных условиях. Австрия выставила такие по численности силы, какими она не обладала в прежних кампаниях. Во главе армии должны были стать выдающиеся полководцы: Суворов, прославивший своей энергией, и эрцгерцог Карл, который благодаря своему походу 1796 г. выдвинулся в ряды талантливейших полководцев. Напротив того, французы ослабили свои силы, чрезмерно растащив их во все стороны, так как занятые ими страны не давали их боевым силам никакого действительного подкрепления; все три выдающихся полководца — Пипрегю, Моро и Бонапарт — были в отсутствии, правительство было слабо, и ему угрожала борьба партий. Конечно, эти преимущества Австрии были очень значительны и вполне достаточны для счастья войн, если бы при этом они были хорошо использованы, т. е. если бы имевшиеся средства были употреблены с должным пониманием дела и энергии, если бы позаботились об экономии времени и сил, прежде чем изменились эти условия. Но подобная интенсивность действий могла быть достигнута только двумя средствами: или энергией одного лица, которое возглавляет все дело, имеет постоянно в виду определенную цель, обдумывает и приводит в порядок все отдельные элементы, наблюдает за соразмерным развитием целого, толкает вперед каждого, остающегося позади, или же общим рвением в борьбе, увлекающим всех за собой. Ни одного из этих средств не было в новом союзе. Шпага коннетабля* была заменена пером гофкригсрата, на знамени которого было написано слово «рутина».

Численность и расположение боевых сил воюющих сторон Австрийцы

1. Армия эрцгерцога Карла, расположенная на квартирах в районе между Лехом и Изаром—65 000 пехоты (61 батальон), 27 000 кавалерии (138 эскадронов)—92 000 чел.

* Главном командующий армией, которому в армии подчинился даже король. Это здание уничтожено в 1627 г.

2. Армия генерала Готце в Форарльберге и Граубюндене, подчиненная верховному командованию эрцгерцога Карла, — 24 600 чел. пехоты (23 батальона), 1 400 кавалерии (8 эскадронов) — 26 000 чел.

3. Армия генерала Бельгарда в Тироле — 44 400 чел. пехоты (56 батальонов) и 2 600 кавалерии (14 эскадронов) — 47 000 чел.

4. Итальянская армия на р. Эч под командованием Край — 64 000 пехоты (82 батальона) и 11 000 кавалерии (76 эскадронов) — 75 000 чел.

Общая численность 240 000 чел.: 198 000 чел. пехоты и 42 000 чел. кавалерии. К этому еще следует прибавить 15 000 чел. артиллерии. Всего 255 000 человек.

Французы

1. Дунайская армия под командованием Журдана — 38 000 чел.

2. Обсервационная армия под командованием Бернадотта на Среднем Рейне, не считая гарнизонов крепостей, — 10 000 чел.

3. Армия Массены в Швейцарии под общим командованием Журдана — 30 000 чел.

4. Армия Шерера в Верхней Италии — 60 000 чел. Общая численность 138 000 чел., из них около 20 000 чел. кавалерии.

Такова была численность тех войск, которые уже в действительности вошли в соприкосновение и могли быть обеими сторонами использованы для решительных действий.

Австрийцы, таким образом, имели численный перевес на 117 000 чел., в кавалерии же они превосходили противника более чем вдвое. Если мы бросим взгляд на все боевые силы, которые могли действовать в этой кампании и, следовательно, должны быть приняты в расчет при рассмотрении всего плана войны, то на стороне французов нужно еще считать около 34 000 чел. в Верхней Италии, 25 000 чел. — в Пьемонте, 20 000 чел. в рейнских крепостях и 10 000 чел. в Голландии. Всего мы получаем, таким образом, около 230 000 чел., среди которых находились швейцарские, цизальпинские и лигурийские союзные войска, которые, однако, насчитывали не более 10 000 чел. Следовательно, на собственно французские войска приходилось около 220 000 чел. Повидимому, это было немного.

45 000 человек было отправлено в Египетскую экспедицию, кроме того, правительство ввиду неспокойного состояния страны, недостаточной прочности своего положения и предстоящих выборов не считало возможным вывести из страны все войска. Наконец, нужно было как-нибудь охранять и береговую линию. Если все это принять во внимание, то ничего не будет удивительного в том, что силы Франции на границах были невелики. Повидимому, для всех надобностей внутри страны было оставлено около 120 000 чел. Вместе с войсками, стоявшими на границах, и Египетской армией получится общая численность в 400 000 чел. Это для Франции было не много, но все истории согласны с тем, что со времени Кампо-формийского мира Директория проявляла крайне небрежное отношение к военным силам страны.

Только в сентябре 1798 г. почувствовалась необходимость в значительном увеличении армии, и в конце этого месяца, согласно закону о наборе, установленному вместо прежней реквизиции, был объявлен призыв в 200 000 чел. Однако, мобилизация, обмундирование, вооружение и обучение этих 200 000 человек производились крайне медленно. 13 февраля армия получила едва лишь 40 000 чел., так что по крайней мере 150 000 чел. должны были считаться в резерве и лишь понемногу вливались в армию. Военные силы, выставленные зависимыми республиками в качестве союзных войск, были крайне незначительны. Швейцария должна была, согласно договору, выставить 18 000 чел., в действительности же в швейцарских войсках никогда не было больше 3—4 тыс. чел., как это утверждает швейцарский писатель Галлер. Поэтому, кроме тех немногих сил, которые уже находились при Итальянской армии и которые уже были включены нами в общий подсчет сил, нужно прибавить еще лишь Батавскую армию численностью около 20 000 чел.

Общая численность всех французских сил выражается в следующих цифрах:

армия на границе, готовая к операциям против австрийцев	138 000 чел.
гарнизонные войска в Верхней Италии	25 000 »
войска рейнских крепостей	20 000 »
в Голландии	10 000 »
в Южной Италии	34 000 »
резервы по набору	150 000 »
Батавская армия	20 000 »

Всего . . . . . 397 000 чел.

В этот подсчет не входят войска, размещенные внутри страны, часть которых могла быть использована в ходе кампании.

Итак, всего в этой кампании Франция была в состоянии выставить около 400 000 чел.

В войсках коалиции мы должны считать, кроме австрийской армии, 50 000 русских, далее около 40 000 чел. союзных сил, которые Россия и Англия намеревались высадить в Голландии, и 10 000 чел., которые обе эти державы и Сицилия могли выставить в Южной Италии во время войны. Прибавим к этому еще 30 000 чел., которых австрийцы могли послать своим армиям в качестве подкреплений во время кампании, 10 000 чел. русских подкреплений и 10 000 чел. имперского контингента. Войска для наступательной войны исчислялись, таким образом, в 390 000 чел., т. е. были такой же численности, как и войска противника.

Мы видим из этого подсчета, что о большом перевесе сил на стороне коалиции, если рассматривать кампанию в целом, не может

быть и речи. Указанное здесь соотношение сил не является результатом позднейших событий, оно должно было представлять правительствам уже тогда приблизительно в таком виде, как мы указали. Поэтому его можно рассматривать как основу военных планов обеих сторон.

Равным образом наблюдалось равновесие и в отношении морального состояния войск противников.

Бонапарт с большей частью своей Итальянской армии отправился в Египет, Шерер не пользовался хорошей репутацией, Журдан в 1796 г. был совершенно разбит эрцгерцогом Карлом, Моро не получил никакого командования. От Суворова, по крайней мере, всегда можно было ожидать чего-нибудь не совсем обыкновенного. Таким образом, моральное превосходство французов, которое главным образом и создавало им успех в прежних походах, теперь значительно уравновешивалось. Но, с другой стороны, нельзя было также рассчитывать на действительное моральное превосходство союзников, если не предаваться необоснованному высокомерию. В дальнейшем мы увидим, что никоим образом нельзя считать неизменной ценностью войск и их командиров, начиная с дивизионного генерала и ниже, в течение всего хода кампании. Моральное состояние австрийской пехоты значительно снизилось вследствие многочисленных новых формирований, быстро сменявших друг друга.

Впрочем, этого нельзя было полностью предвидеть, и совершенно естественно, что в подобном случае правительство несколько переоценило моральную стойкость своих войск.

Французское правительство было плохо организовано, и положение его было непрочным, в стране царил беспокойство и партийные раздоры, в управлении вступил обман и колебания, финансы были в совершенно расстроенном состоянии. Этим невыгодным сторонам нужно противопоставить еще далеко неутраченную революционную энергию масс, характер страны, естественные и искусственные укрепления границ и единство плана, исходящее из единого центра; военные силы союзников подчинялись единой воле, управлявшей ими в большом треугольнике Вена — Петербург — Лондон.

Итак, нам кажется, что при оценке общего состояния сил обоих противников не было никакого основания для очень большого успеха на той или другой стороне. Предположим, что на одной стороне какой-нибудь Бонапарт стоял бы во главе всех сил или, по крайней мере, $\frac{2}{3}$ их; тогда, если бы он был во главе французов, поход закончился бы угрозой Вене; если же, наоборот, он командовал бы союзными армиями, то он победоносно проник бы в сердце Франции. Теперь нет возможности решить, что произошло бы в последнем случае: если возникли бы политические разногласия, которые привели бы к походу на Париж и вызвали бы политическую революцию; эта революция могла протянуть руку армии, и они взаимно поддержали бы

друг друга, или же возникла бы бурная реакция, о которую можно приткнуться острей победы и которая могла бы принудить союзников снова отступить за Рейн и там перейти к обороне. Можно только сказать одно, принимая во внимание человеческий характер и национальную психологию, что это зависело от обстановки, а также размеров и блеска тех побед, в результате которых союзники вступили бы во Францию. Моральные факторы имеют чрезвычайно большое значение, и бывают случаи, как учит нас история, что военные успехи неприятеля не встречают никакого сопротивления. Но ни на той, ни на другой стороне полководца подобной величины не было, и, таким образом, естественно, что ни одна из сторон не могла рассчитывать на чрезмерный успех и в расчете на него строить свои планы. Так обстоит дело, если мы говорим об общем соотношении сил на протяжении всей кампании; иначе дело обстоит, если мы будем иметь в виду простое сравнение сил в начале похода, когда австрийцы, как мы видели, на обоих театрах войны имели превосходство над противником приблизительно на 120 000 чел.; отношение сил Германии и Швейцарии к силам противника складывалось как 180 к 80.

Подобный численный перевес при отсутствии большой разницы в качестве войск давал основания рассчитывать на большую победу.

Положение сторон

Мы уже указали в основных чертах расстановку боевых сил. Границу между обеими сторонами составлял Рейн от Майнца до его истоков, затем граница Граубюндена (исключая Вальтели, который занимали французы) до тирольской границы и р. Эч, по течению которой она доходила до Адриатического моря.

Такое положение сторон возникло в результате чисто политического захвата. Только Граубюнден составлял исключение. Когда французы заняли Швейцарию с целью превращения ее в единую республику, их намерением, естественно, было включить в нее также Граубюнден, за исключением Вальтели, присоединенного ими к Цизальпийской республике. Жители Граубюндена сначала не думали сопротивляться этому плану. Французы не вступали в эту наиболее отдаленную область Швейцарии; в связи с введением новой конституции политические отношения не пришли еще в устойчивое состояние, а между тем французская система реквизиций и контрибуций получила уже полное развитие, и сопротивление маленького кантона привело к кровавым событиям. Тогда в августе 1798 г. жители Граубюндена, крепя сердце, обратились к помощи австрийцев, причем они ссылались на старые связи, существовавшие между Австрией и Швейцарским союзом. Австрийцы послали туда один корпус под командованием генерала Ауффенберга. Граубюнден начал вооружаться, что побудило австрийцев включить эту область в свою оборонительную линию.

Клаузевиц, 1799 г.

Западная тирольская граница от Фельдкирха до р. Эч образует, за исключением одного пункта Наудерса, приблизительно прямую линию, последний же пункт вместе с Энгадином составляет входящий угол. Напротив того, граница от Граубюндена, включающая Рейнские долины и Энгадин, образует полуэллипсис, основанием которого можно считать Италья или, точнее говоря, линию, идущую от Фельдкирха через Наудерс до Монстерталя. Таким образом, пришлось занять Граубюнден и оборонять его специальным корпусом, далеко выдвинутом вперед, и трудно видеть, что в этом далеко вдавшемся в неприятельскую линию эллипсисе следовало соблюдать особую осторожность, чтобы при серьезном нападении не подвергнуть себя большой опасности.

Австрийцы не рассчитывали на раннее открытие кампании, очевидно, введенные в заблуждение поведением французов на Раштадтском конгрессе. Поэтому в конце февраля главные их силы стояли еще в отдаленных от границы кantonах. Армия эрцгерцога в большей своей части была сосредоточена между Лехом и Изаром, во всяком случае она находилась в большом отдалении от будущего театра военных действий, а именно от областей между Дунаем и Боденским озером. Бельгард разбросал свои силы по всему Тиролю, т. е. при длине фронта в 30 миль растянул их почти на столько же в глубину. Итальянская армия занимала область от р. Эч до Мурхталля на протяжении 40 миль. Здесь впоследствии развернулись операции главных австрийских сил.

Французские позиции нигде не выходили за пределы указанных границ, и в начале марта, как мы увидим, французы сосредоточили свои силы там, где они намерены были держаться наступательного образа действий, т. е. на Рейне и в Швейцарии.

Из крепостей на всем этом театре войны в руках французов находились, если не считать Эренбейтштейна, не представлявшего большого стратегического значения, только Майнц, Страсбург, Гюнгинген, Брейзах и Мангун. Кроме того, они владели еще небольшими укрепленными пунктами: Пескьерой, Миланской цитаделью и Пиччигетоне. Австрийцы в Германии имели только полуразрушенный Мангейм, цитадель Вюрцбурга и временные укрепления городов Ульма и Ингольштадта. В Италии Венеции нельзя было принимать в расчет, так как она не имела сухопутной крепости, а, кроме нее, австрийцы владели только временно укрепленными пунктами — Вероной и Леньяго. Таким образом, в этом отношении на стороне французов было решительное преимущество.

Что касается продовольствования армии, то в этом отношении не могло возникнуть никаких серьезных затруднений, поскольку театр военных действий составляли плодородные и густонаселенные провинции. Мы должны только отметить, что эрцгерцог Карл жаждет на подножную организацию продовольственного дела в австрийской армии и в этом усматривает причину запоздания в развитии операций главных ее сил.

Влияние Швейцарии на войну

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению и рассмотрению кампании, мы должны бросить взгляд на новые условия, в которых оказались Швейцария и Нижняя Италия в этой войне, и указать, какое влияние оказали на кампанию эти государства.

Жюмнин в своей «Истории революционной войны» утверждает, что вторжение французов в Швейцарию и нарушение вследствие этого ее нейтралитета было невыгодно для обеих воюющих сторон. Нет необходимости отмечать, что подобное утверждение заключает в себе противоречие. Если бы нарушение нейтралитета Швейцарии было невыгодно французам, то оно должно было этим самым представлять выгоду для австрийцев, так как, поскольку речь идет о двух противниках, здесь всегда должна иметь место поляризация интересов. Конечно, можно думать и так, что это нарушение нейтралитета было невыгодно для французов в каком-нибудь одном отношении, а для австрийцев — в каком-нибудь другом, но и в таком случае невыгоды одной из сторон являются столь же большой выгодой для другой, и, таким образом, можно произвести сравнение между ними. Если плюсы или минусы уравниваются, то следствием этого будет безрезультатность целого, но конечный результат никоим образом не может быть отрицательным для обеих сторон.

Эта критическая ошибка, которая нередко встречается в подобных случаях, побуждает нас более подробно рассмотреть данный вопрос.

Если между двумя воюющими государствами находится какое-нибудь третье и возникает вопрос, какие результаты будут иметь его нейтралитет или вмешательство с его стороны, то прежде всего нужно заметить следующее: сохранение нейтралитета делает страну недоступной, вмешательство же открывает доступ в нее противникам; однако, пассивное допущение на свою территорию следует отличать от активного вмешательства в войну. Такая нейтральная страна, бросив значительную тяжесть на чашу весов в каком-нибудь пункте, легко может дать перевес одной из воюющих сторон. В таком случае не может возникнуть никакого спора, для какой стороны это является выгодным, — бесспорно, для того из противников, на стороне которого выступает третья страна. Если бы активное вмешательство Швейцарии имело такое значение, какое оно могло бы иметь соответственно положению этой страны, то нарушение ее нейтралитета, вне всякого сомнения, было бы выгодно для Франции, на стороне которой она находилась.

Впрочем, бывают и такие случаи, когда вмешательство подобных стран совершенно не имеет никакого значения или по той причине, что они слишком малы и незначительны, или потому, что они не хотят воевать, как это было и со Швейцарией. Тогда их активное вмешательство будет иметь значение не больше, чем простое допущение прохода войск через их территорию. Следовательно, мы так должны будем ответить на поставленный вопрос: невозможно вообще рассматривать ре-

результаты, не принимая во внимание специфических географических условий.

Нейтральную страну, находящуюся между двумя воюющими государствами, мы можем рассматривать как большое озеро, которое прерывает связь между двумя участками суши. Из этого, совершенно очевидно, может возникнуть двойного рода результат: или отрицательный, в случае прерыва сообщения, или же положительный, благодаря сокращению границы.

Указанный выше отрицательный результат может иметь место как при обороне, так и при наступлении, если прерыв параллельных линий связи равно невыгоден в обоих случаях. Но он может иметь место только для той из двух сторон, для которой это озеро находится позади линии расположения ее сил.

Если же линия расположения сил обеих сторон приходится на середину этого озера, то минусы будут для обеих сторон одинаковы, т. е. эти минусы отпадают, и положение будет в равной степени благоприятным для обеих противников.

Но боевые действия во время похода редко ведутся на одной линии, в большинстве же случаев, если нейтральная сторона не имеет решающего значения, война приходит к тому или иному концу, и, таким образом, можно сказать, что в общей сумме случаев и этот минус для обеих сторон является одинаковым, и в конечном счете ни для одного из противников не получается никакого минуса.

Сокращение границы является выгодным, как это весьма очевидно, для обороняющейся стороны. Сведение всей границы к единственному проходу открывает возможность упорной обороны. Невыгоды пресечения коммуникационной линии в большинстве случаев можно парализовать тем или иным способом, причем линия расположения относится назад или на всем протяжении, или же только на одном фланге, вследствие чего нейтральная страна полностью или частично оказывается лежащей перед фронтом; поэтому в общем выгоды ее нейтралитета всегда будут на стороне обороняющегося.

Если мы будем рассматривать Швейцарию только с точки зрения геометрических отношений, то должны будем внести поправку в утверждение Жюминьи в том смысле, что нейтралитет Швейцарии был выгодным для французов до тех пор, пока они находились в положении обороняющейся стороны. Но поскольку они перешли к стратегическому наступлению, становится для них выгодным открытие пути через Швейцарию, во-первых, потому, что это позволяло французам установить непосредственную связь между их армиями в Германии и Италии, во-вторых, потому, что оно вынуждало австрийцев включить в свою оборонительную систему отрезок границы от Базеля до истоков р. Рэ. Не следует думать, что австрийцы могли улучшить свое положение, отказавшись от местной обороны. Даже наиболее сконцентрированная оборона всегда должна сообразовываться с размерами оборо-

няемой территории, только способы обороны должны находиться в зависимости от возрастающего числа неприятельских комбинаций.

Если мы обратим внимание на географические особенности Швейцарии, мы נתолкнемся на следующие два обстоятельства: во-первых, Швейцария, как горная страна, особенно благоприятна для обороны, вследствие чего тот, кто владеет ею, имеет большое преимущество.

Во-вторых, Швейцария занимает господствующее положение над всей равниной Верхней Италии до подножия Савойских Альп.

Здесь нам следует рассмотреть, в каком смысле нужно понимать эти особенности Швейцарии и к какому собственно результату они могли привести.

В другом месте мы выставили положение и старались доказать его, что горный характер страны в относительном смысле является благоприятным фактором для всякого рода сопротивления, в абсолютном же смысле представляет невыгоды и опасность. Мы не можем здесь повторять этих доказательств, но хотим лишь объяснить наше мнение.

Под словом «относительное» мы разумеем такое сопротивление, которое длится только в течение некоторого периода времени, ибо оно не дает решения само по себе, но зависит от решения в другом месте. Всякая боевая операция в горах протекает медленней, чем на равнине, поэтому даже и неудачное сопротивление, т. е. такое, которое оканчивается очищением позиций, в горах всегда продолжается дольше, чем на равнине; если же сопротивление имеет целью, главным образом, выигрыш времени, как, например, на передовых постах, то оборона в горной местности уже поэтому является более успешной.

Но она является более успешной еще и потому, что наступающий несет большие потери. Там, где добиваются общего решения, на потери не обращают внимания, и цена, которой можно добиться победы, — это вопрос в большинстве случаев второстепенный. Но там, где речь идет о подчиненной цели, обращается очень большое внимание на то, какой ценой покупается победа, и во многих случаях наступление прекращается только по этим соображениям.

Наконец, любой малочисленный отряд в горах бесконечно более силен, чем на равнине, потому что он никогда не может быть обращен в бегство, а, конница, этот наиболее опасный род оружия для наступающих небольших отрядов, в горах утрачивает значительную долю своих боевых качеств.

Все эти обстоятельства приводят к тому, что в горных местностях даже слабые отряды войск надо принимать в расчет, ибо они не только в состоянии оказывать гораздо более длительное сопротивление, но могут также показываться на глаза более сильному, чем на равнине, противнику.

Но, поскольку речь идет о главной армии, которая должна добиться общего решения, поскольку длительное сопротивление не

имеет более значения и в нем нельзя усматривать никакого положительного результата, коль скоро оно кончается отступлением, поскольку борьба ведется не за выигрыш пространства, а за победу, поскольку, таким образом, сопротивление обороняющегося должно быть вполне абсолютным, — постольку горная страна совершенно невыгодна для ведения обороны. Мы можем, как уже сказано, не развивать здесь этих соображений, сошлемся только на опыт и мнение того полководца, с которым мы здесь прежде всего будем иметь дело: эрцгерцог Карл как раз был первым из всех теоретиков, который в своем труде о походе 1796 г. в Германии высказал мысль, что горные районы невыгодны для обороняющегося. Мы добавим к этому: «поскольку ищут большого решительного сражения или, наоборот, избегают его».

В частности, по отношению к Швейцарии мы должны сказать, что ее наиболее возвышенные горные части менее пригодны, чем средние горные области, даже и для относительной обороны. Если горы настолько круты и высоки, что для ведения обороны приходится оставаться в долинах, и, таким образом, значительная часть преимуществ, представляемых горными районами для защиты, утрачивается и на их месте возникают даже невыгоды, то вообще встает вопрос, не является ли подобная страна более благоприятной для наступления, чем для обороны.

Итак, только с такой оговоркой мы можем признать, что Швейцария по своим географическим особенностям представляет благоприятные условия для обороны. Когда мы говорим о так называемых преимуществах горных стран перед лежащими рядом равнинами, то это нужно понимать только в том смысле, что эти менее доступными странами армии, ведущей операции на равнине, не так легко овладеть, как странами ровными и открытыми. В этом случае неприятельские фланговые корпуса должны держаться на равной высоте с главными силами; если же они этого не делают, их легко можно принудить и заставить поплатиться за это. Продвижение армий в равнинных условиях очищает от противника на известное расстояние районы, прилегающие с флангов, не требуя для этого особых частей войск. Но иначе обстоит дело, если движение совершается в горах.

Горная страна не может быть обозреваемой с равнины уже вследствие своего возвышенного характера, между тем как для того, кто находится на ее последних склонах, открывается превосходный обзор большей части долины. Ущелья и леса, через которые нужно проходить в горной стране, делают также обзор значительно более трудным, чем на равнине. Когда мы находимся на равнине и имеем сбоку горный хребет, на котором расположился противник, то нельзя за ним наблюдать так, как он наблюдает за нами с хребта.

Просто пересеченная и прикрытая местность представляет нечто подобное, не давая хорошего обзора, причем элемент возвышенности здесь не имеет значения.

Далее, каждая горная страна является менее доступной и, как мы уже сказали, очень подходящей для сопротивления со стороны небольших отрядов. В результате этого противник очень легко может удержаться с слабыми силами и прерывать отсюда наши коммуникации на равнине, если они идут вдоль горного хребта. Мы не можем в любой момент прогнать его оттуда, как это можно сделать в открытой местности, где отдельный неприятельский отряд, выдвинувшийся вперед, легко может быть поставлен в опасное положение высланной против него кавалерией в преобладающих силах. В горах можно овладеть местностью только путем систематического и комбинированного продвижения вперед нескольких колоннами, и при этом всегда нужно применять значительно более крупные силы, чем те, которые имеет здесь противник.

Нельзя захватить горный район лишь временно, а потом снова отказаться от обладания им — необходимо постоянно держать его в своих руках, следовательно, рядом с главными силами армии должны идти более или менее постоянные фланговые корпуса. Поэтому возникает необходимость в таких мероприятиях, от которых мы отделились вначале. Нельзя избежать этих мероприятий, не поставив свои коммуникации под угрозу, более или менее действительную и опасную.

В этом смысле говорится, но, конечно, с известной долей преувеличения: горы господствуют над лежащими внизу долинами.

Если мы обратимся к Швейцарии, мы должны будем сказать, что она по своей природе не имеет такого значения в отношении Ломбардии. Ее южные горные склоны слишком высоки, круты и недоступны, ее связь с Ломбардией ограничивается немногими труднопроходимыми тропами; поэтому она непригодна для продолжительных действий различных небольших отрядов. Наряду с этим долина Ломбардии слишком широка, а По является хорошим прикрытием против гор. В самом деле, мы увидим, что в этой кампании 1799 г. французы продолжали владеть Швейцарией, без того чтобы это заметным образом отразилось на приобретенном союзниками господстве в Верхней Италии.

Из этого рассуждения Швейцария с двух точек зрения, во-первых, как самостоятельного горного театра войны, во-вторых, как своеобразного бастиона, фланкирующего долину Верхней Италии, вытекает, что обладание ею не давало французам никаких стратегических и тактических преимуществ, которые могли бы, согласно модным взглядам того времени, указать Директории военные советники. Это обладание привело даже к противоположным результатам, так как туда вступила одна из трех главных французских армий, и, таким образом, дело могло дойти до решительных ударов. Кроме того, соотношение сил предписывало французам оборонительный образ действий, и они никоим образом не могли считать надежды вести наступательные операции, хотя вначале они сдела-

ли такую попытку. Поэтому мы не можем согласиться с мнением Жомини, рассматривающего как ошибку в отношении войны тот факт, что французское правительство вторжением в Швейцарию нарушило ее нейтралитет.

Влияние Южной Италии на войну

Теперь нам предстоит рассмотреть еще один вопрос — о том, какое политическое влияние на кампанию 1799 г. оказало выступление Южной Италии. Это, однако, не так далеко отвлечет нас от общей цели, как предыдущее рассуждение.

Жомини рассматривает операцию против Неаполя также как предприятие, решительно невыгодное, которое якобы заставило французоз чрезмерно растрачивать свои наступательные силы.

Французы начали войну с Неаполем не по своей инициативе, и это можно приписать их вине лишь постольку, поскольку они вообще способствовали расширению коалиции и в частности причинили большие заботы неаполитанскому королю своим пренебрежением к интересам церковного государства.

Король неаполитанский выступил в поход в ноябре 1798 г. с 40-тысячной армией. В марте 1799 г. он, вероятно, мог бы выставить еще значительные силы, к которым впоследствии присоединились бы 10 или 15 тыс. русских и английских войск. Борьба с 60-тысячной армией для французов, конечно, не представляла никакой выгоды, и мы должны отметить, что, поскольку неаполитанский король не мог взять инициативу в свои руки, французы совершили бы большую ошибку, если бы они не напали на него и не нанесли ему поражения еще до выступления в поход других союзников.

Тот факт, что французы послали в Южную Италию 30 000 чел., в значительной степени обеспечивал их успех, так как нужно признать, что 30 000 французов представляли такую же силу, как 60 000 неаполитанцев. Учреждение Партенопейской республики было карательной мерой, а вовсе не являлось необходимым следствием войны с Неаполем.

Французы просто могли бы принудить неаполитанского короля сократить армию до размеров небольшого корпуса, наложить на него значительную контрибуцию и связать его обязательством нейтралитета: тогда им не было бы надобности оставлять здесь свои войска. Совершенно неверно, чтобы король продолжал еще принимать участие в кампании 1799 г.

Впрочем, мы не должны чрезмерно удивляться возникновению этой Партенопейской республики при господствовавших тогда у французского правительства тенденциях превращать все покоренные государства второго ранга в республики. Кроме того, французская Директория, оставляя там военные силы, имела в виду заменить их отчасти союзным контингентом нового свободного государства. Во всяком случае у

французов оставался еще в распоряжении целый месяц до фактического начала войны для того, чтобы увести отсюда эти части и присоединить их к своей Итальянской армии. Если они этого не сделали, рассчитывая со своей 80-тысячной армией, находившейся в Италии, держать в подчинении весь полуостров, в то же время противостоя почти столь же сильной австрийской армии на р. Эч, то это следует прежде всего рассматривать как основную их ошибку.

Выводы из предыдущего применительно к оперативным планам обеих сторон

После того как мы ознакомились с условиями, в которых находились обе стороны, рассмотрим теперь, какие они должны были принять планы, вытекавшие из существа обстановки, а затем посмотрим, каким планам они следовали в действительности.

Начнем с Австрии.

Австрия прежде всего стремилась к новой войне, преследуя в ней положительную цель. Во время мира французы расширили свое влияние в небывалых дотоле размерах. Австрийцы видели необходимость заставить французоз отказаться от предпринятых ими шагов к порабощению Европы. Как только в этом пункте было достигнуто соглашение с Англией и Россией, возникла вторая коалиция.

Эта коалиция не прибегала ни к каким чрезвычайным средствам, чтобы разгромить Францию, как это было во время союза 1813 г. Об этом не думал ни один из трех главных союзников, и, вероятно, даже ни один из них не считал тогда это вообще возможным. Подобным образом нельзя было сломить волю Франции.

Там, где само государство не может быть разрушено, для того, кто ставит себе положительную цель, не остается ничего другого, как завладеть желаемым объектом или при заключении мира получить какой-нибудь другой объект, признаваемый достаточным эквивалентом.

Объектами притязаний Франции были Швейцария и Италия. Следовательно, на завоевание этих двух стран и была направлена в первую очередь деятельность австрийцев. С завоеванием Верхней Италии созданные Францией в Южной Италии государства падали сами собой, и вместе с тем Цизальпийскую республику (при действительном намерении положить в основу Кампо-формийский договор) можно было рассматривать как залог для того, чтобы скорее склонить противника к заключению мира. Однако, представляется сомнительным, чтобы все три союзника имели намерение добиться более выгодного мира, чем тот, который был заключен в Кампо-Формио.

Хотя деятельность союзников в первую очередь была направлена на Италию и Швейцарию, но из этого вовсе не следует, что они не могли выбрать объектом своего похода какую-нибудь другую фран-

цузскую провинцию, которая казалась бы им достаточным эквивалентом, заменяющим ту или другую из этих двух стран, если бы они могли завоевать ее с большей легкостью. Впрочем, подобной провинции, очевидно, не оказалось. Раньше они думали вести войну за обладание территорией за Майнцем до старой французской границы, т. е. снова овладеть левым берегом Рейна, но завоевание этой территории представляло ту невыгоду, что ее очень трудно было удержать за собой, после же потери Майнца об этом больше не могло быть и речи.

Майнц в качестве объекта нападения, во-первых, представлял весьма слабый эквивалент, во-вторых, главное затруднение заключалось в том, что пути от Среднего Дуная к Майнцу составляют кривую и длинную операционную линию, которая всегда находится под угрозой со стороны Верхнего Рейна. Наиболее сильный удар против самой Франции Австрия может нанести на Верхнем Рейне, так как это кратчайший и наиболее прямой путь, который к тому же вполне прикрыт на левом фланге австрийскими провинциями.

Таким образом, Швейцария и Вехния Италия из всех провинций, находившихся в руках французов, были наиболее естественными объектами австрийского похода. Но целью являлось не простое завоевание этих провинций, существенное значение здесь имело стремление к триумфу победы, а также значительное расстройство боевых сил противника. В самом факте завоевания этих провинций победа должна была только обнаружиться, известным образом воплотиться. Это завоевание можно было рассматривать только как средство сломить волю врага и принести к почетному миру. Никким образом нельзя было ожидать, что обе эти страны будут уступлены французской армии без вооруженной борьбы или очищены вследствие маневра. Вымысел этой весьма существенной части плана представлял для нас не только какой теоретический интерес; вполне понятно, что та или иная точка зрения должна оказывать значительное влияние на дальнейшие установки в плане кампании и на образ действий полководцев при его проведении. Если главной целью является не одержание большой победы, а лишь обладание территорией, то по большей части для этого ищут бескровных путей. Тогда опасность общей кризиса не в такой степени сосредоточивается в одном пункте, и для полководца, как и для правительства, не представляется такой страшной, ибо здесь не требуется такой силы воли и такой ответственности в принятии решения.

Как мы видели, в общем соотношении сил на стороне союзников не было никакого перевеса, однако, в начале кампании они имели весьма большой перевес, на который можно было смотреть как на средство к достижению цели.

Допустим, что при помощи этого превосходства противнику были бы причинены большие потери; его главные силы были бы побеждены и уничтожены; доверие к вождям было бы поколеблено и мужество

войск ослаблено, поработенные страны удалось бы вырвать из его рук, и расстроить его надежды и планы; в стране возникли бы недовольство и озабоченность; при таких условиях можно было бы надеяться, что по крайней мере в этой кампании уже не сможет установиться равновесие сил, которое без этого поражения могло бы впоследствии содаться, благодаря общим условиям; можно было, наконец, надеяться в этом превосходстве или найти предлог для противника заключить невыгодный для него мир или для собственной партии подыскать основание для второй победоносной кампании.

Итак, в Швейцарии и Италии требовалось своевременное решительное наступление, ставящее целью нанесение крупных ударов. Обратимся теперь к Франции.

Французская республика с 1794 г. находилась в состоянии беспорядочной войны с монархическими странами Европы. Она захватила в свои руки сначала Бельгию, потом левый берег Рейна, затем Голландию, Ломбардию, Швейцарию, Церковное государство, наконец, обе итальянские монархии. Большинство князей, с которыми она вела войну, склонилось под ее мечом, им не оставалось ничего, кроме мира, никакой защиты, кроме нейтралитета. В конце концов сама Вена трепетала перед ней.

Если мы представим себе, что эти успехи находились в связи с политической экзальтацией, из которой они и вытекали, то будет само собой понятно, к каким чувствам высокомерия, властолюбия и пренебрежения к врагу они должны были привести французский народ и правительство. Это правительство состояло из пяти эфемерных членов Директории, которые должны были не только тщательно охранять сделанные приобретения, но и использовать, по возможности, свое кратковременное могущество.

Усилия его отдельных членов еще могли ускорить громадный размах событий, являясь некоторым добавлением к существовавшему уже движению, но они не могли сопротивляться его дробящей мощи.

Критику, желающему спокойно и хладнокровно исследовать настроения этого правительства с его высокомерием, гордыми намерениями и чрезмерными ожиданиями и рассматривать все физические и моральные силы как объективные величины, крайне трудно взять правильную ориентацию. При рассмотрении плана кампании ему необходимо стать на точку зрения этого правительства, считаясь даже с вполне естественной односторонностью его стремлений, и подчеркнуть, критике только существовавшие внутри его противоречия.

Если бы во главе этой революционизирующей власти в правительстве и в армии стоял человек, подобный Бонапарту, он мог бы повести вперед французские знамена, с одной стороны, подготовив для этого необходимые средства, с другой — целесообразно и успешно используя их. Тогда нетрудно было бы, исходя из тех принципов, которые усвоила себе Франция, создавать величественные и успешные планы.

Позднейшие исторические события доказали это фактически. Но подобного человека тогда не было. Бонапарт и Карно были удалены. Первый находился в Египетской экспедиции, второй в связи с событиями 18 фрюктидора 1797 г. был отправлен в изгнание.

Состояние упадка, в котором находилась армия, в достаточной степени показывало, что среди правительства не было никого, кто обладал бы необходимой силой и пониманием. Из тех полководцев, которые были поставлены во главе четырех армий, Бернадотт и Массена до сих пор отличились лишь как командиры дивизий, еще мало укрепившая репутация Шерера и Журдана была окончательно погублена.

Если мы представим себе, в каких условиях находилась французская Директория, чтобы, исходя из духа и направления французской политики, определить план кампании на 1799 г. согласно нашим принципам, то это приведет нас к следующим результатам: французская система завоеваний в общем была направлена к продвижению до линии Рейна, р. Эч и Адриатического моря. Эти захваченные территории нужно было удержать за собой в борьбе с новой коалицией.

Такова, бесспорно, была политическая задача рассматриваемого момента. Если у правителей Франции была идея еще более расширить свою систему и, в конце концов, распространить ее на всю Европу, то этот момент, когда образовалась новая коалиция против уже ранее сделанных завоеваний и когда Франция не вооружилась в достаточной степени для борьбы с нею, естественно, был неподходящим моментом для осуществления новых планов. Но эти планы во всяком случае возникли бы, если бы очень удачная война дала на это право. Итак, политическая задача данного момента была чисто оборонительной, т. е. имела негативный (отрицательный) характер.

В тот момент, когда приходилось принимать первые решения, силы французов, очевидно, были довольно слабы. Если и можно было рассчитывать в дальнейшем ходе кампании добиться известного равновесия, то оно могло быть достигнуто лишь при содействии сил изнутри страны. При таких обстоятельствах состояние сил заставляло ограничиться обороной.

Своими завоеваниями французы до такой степени нарушали политические интересы Европы, что Австрия, едва оправившаяся, решилась на новую войну.

Французы легко могли предвидеть, что союзники будут стремиться к нанесению решительного удара. Поэтому они должны были так организовать оборону, чтобы противопоставить достаточные средства этим решительным ударам, т. е. не рассчитывать на действительность и пользу местной обороны, но свести свои силы в большие армии, победы которых могли бы служить защитой той стране, в которой они находились.

Итак, от этих побед зависело все, и французы могли надеяться, что в случае отражения нападения силы новой коалиции будут растрачены,

ибо ничто так не ведет к распаду союза, как уничтожение его моральной силы.

Но не легче ли было одержать эти победы при помощи наступления?

То, что мы называем обороной, является стратегической обороной, которая никоим образом не исключает наступательных боев. Они могут быть выгоднее при известных обстоятельствах, но в общем не бывают таковыми. В дальнейшем мы рассмотрим этот вопрос более подробно.

При этом мы думаем, что обе стороны при составлении своих планов придавали большое значение выравниванию фронта.

Мы не намерены более подробно развивать эти планы до того пункта, до которого они могли быть выработаны кабинетами с предоставлением некоторой свободы при проведении операций на месте; даже при рассмотрении их в общих чертах необходимо принять в расчет такое количество данных, которыми мы не располагаем, так что наша работа носила бы совершенно иллюзорный характер. Однако, для понимания уже сказанного нами необходимо остановиться более подробно на тех мероприятиях, которые мы считаем важными для обеих сторон, и при этом ответить на некоторые вопросы, оставшиеся неразрешенными.

Если намерением австрийцев было завоевание Швейцарии и Верхней Италии, то они могли начать наступление или на обоих театрах войны или же сначала только на одном из них. Последнее давало им возможность выступить в решительном пункте, обладая таким численным перевесом, который обеспечивал несомненный успех, причем этот успех мог быть блестящим.

Если бы французы допустили ослабление своих сил на театре войны, не подвергшись нападению, и усилили бы их на угрожаемом театре, то австрийцы могли бы перейти к наступлению на другом театре, чтобы там добиться того успеха, которого они могли лишиться на первом. Однако, при немногочисленных и плохих путях сообщения, которые связывали тогда Ломбардию и Швейцарию, французам было крайне трудно производить двухсторонние переброски из обеих армий, точно так же трудно было для них разведать позиции и сосредоточение австрийских сил позади горных районов Тироля и Краины.

Если мы теперь поставим вопрос, какая из двух провинций должна была первой подвергнуться нападению, то мы можем решить этот вопрос в отношении Швейцарии, исходя из следующих оснований:

1. В Швейцарии и на Верхнем Рейне находилось большинство французских военных сил; так как можно было предвидеть, что они будут действовать совместно, то здесь возможно было ожидать крупных успехов.

2. Положение французской армии в Швейцарии было бы в высшей степени критическим, если бы имеющий численное превосходство противник захотел использовать географические условия страны для решительного удара. Если бы он затем начал наступление в нижние области и вышел бы на пути к Берну, то ему не трудно было бы выиграть левый фланг французской армии, которая тогда со своими тылами, находя-

шимися в высоких областях Альп, оказалась бы в ужасном положении, близком к катастрофе. Итак, нигде не представлялось такого случая нанесения крупного удара, как здесь.

3. Во время решительного удара в Швейцарию или на Верхнем Дунае французы, даже если бы они имели некоторые успехи, не могли из Италии предпринять ничего серьезного против сердца австрийской монархии. Для такой операции, как в марте 1797 г., нужны были Бонапарт и победоносная и вдвое обильная армия. Ни одно из этих условий не имело места. Гораздо опасней было бы для сердца австрийской монархии и произвело бы большее моральное впечатление, если бы во время похода главных австрийских сил в Италию французским генералам Журдану и Массена удалось бы нанести поражение оставшимся в Германии силам. Открытая плодородная страна, свобода действий левого фланга и более сильная армия создавали такие условия, что французов гораздо более следовало бояться с этой стороны.

4. Большие массы австрийских войск были расположены преимущественно в направлении против Швейцарии, а не против Италии. Следовательно, здесь удар был бы более быстрым, более коротким, а потому и более неожиданным, что следует рассматривать как обстоятельство, крайне важное для успеха.

5. Позднее прибывавшие русские войска, вполне естественно, должны были быть использованы на том театре войны, который в данное время имел наименьшее количество войск, и бесспорно, русские более годились для действий на равнине, чем в горных районах Швейцарии.

Если мы утверждаем, что Швейцария должна была быть завоевана раньше, чем Италия, то не потому, что эта страна расположена выше и обладание ею значительно облегчает завоевание другой. Если Цюрих и Бери лежат на 1 000 футов выше Милана, то это имеет мало значения в сравнении с высотой в 6 000 и 8 000 футов, на которой находятся проходы из одной провинции в другую; как учит нас опыт похода 1799 г., их почти так же хорошо можно удерживать со стороны Италии, как и со стороны Швейцарии. Мысль о том, что более высокое положение всей страны является действительным стратегическим элементом, — это полная иллюзия*.

Что касается господствующего положения Швейцарии над Италией, понимаемого в нашем смысле, то, как мы уже это показали, этот фактор не имел большого значения.

Равнодушие, которое мы проявляем в стратегии в отношении географических условий, не вызывает в нас никаких упреков совести, если мы хотим не только использовать наши главные силы в низменных областях Швейцарии, но также наносить и развивать наши главные удары

* В этом нет никакого противоречия с тем, что нами сказано относительно командующего положения горной страны. Высота страны сама по себе не имеет никакого значения, но действительными элементами являются превышения ближайших горных хребтов над равниной и недоступность внутренних областей страны.

снизу вверх. Французская главная армия, вынужденная к отступлению в верхние области Альп, уже благодаря этому была наполнению уничтожена.

На основании разнотных здесь взглядов мы можем установить следующий план, который должен был привести к блестящему открытию кампании и дал бы возможность австрийцам избежать катастрофы, которая их постигла, не считая, впрочем, того, что план единственно целесообразным и правильным.

1. 50 000 чел. образуют армию в Италии и для перехода в наступление ожидают прибытия русских. Они занимают расположение по р. Эч и сосредоточивают свои силы в зависимости от действий противника; они переходят к решительным действиям только при условии исключительно благоприятной обстановки, в противном случае отходят к подножию Крайнейских Альп.

2. 150 000 чел. образуют армию в Германии под командованием эрцгерцога Карла. Она сосредоточивается за Боденским озером, угрожая в равной степени Граубюндену и Арау.

3. Остальные 26 000 чел. остаются в качестве наблюдательной цепи в Тироле, Граубюндене и на Верхнем Рейне до Страсбурга.

4. Главная армия в 120 000 чел. назначается для наступления за Рейн на Арау и 30 000 чел. — на Фельдкирх и С.-Галлен. Она должна вступить в решительное сражение с главной французской армией в Швейцарии с целью ее уничтожения.

5. Обе массы войск, разъединенные Боденским озером, соединяются с южной его стороны или, по крайней мере, ведут операции в тесном сотрудничестве.

Их отдельное наступление имеет целью только:

- а) облегчить быстроту продвижения;
- б) избежать сосредоточения слишком больших масс при переправе через Рейн на небольшом пространстве;
- в) служить демонстрацией против правого фланга французской армии и дальше удерживать его в высоких горных областях;
- г) прикрывать возможный отход главной армии на Брегенц.

6. Западная масса главной армии вступает в Арау и стремится выиграть левый фланг французской главной армии, так чтобы тыл ее во время сражения был прижат к горам.

7. В случае если французская Дунайская армия (Журдан) выступит настолько рано, что австрийская главная армия получит возможность с успехом обратиться в первую очередь против нее, то австрийская армия оставляет 20 000 чел. за Реймом, а со 100 000 чел. выступает против Дунайской армии с целью одержать над ней полную победу, безразлично, над какой из обеих армий сначала будет одержана победа.

8. Усилия командующих должны быть направлены к тому, чтобы находиться между обеими армиями, однако, не с целью занять позицию между ними, а для того, чтобы при помощи мгновенного большого чис-

ленного превосходства нанести решительные удары и с максимальным напряжением сил использовать их результаты — в Германии до Рейна, в Швейцарии до Юры или даже сами перейти через эту гору.

Подготовительными мерами необходимо было добиться того, чтобы армия в конце февраля расположилась на указанных здесь временных позициях. Так как французы в начале марта разорвали дипломатические сношения и вскоре после этого объявили войну, то нетрудно было уже в январе предусмотреть приближение этого разрыва.

По крайней мере уже в январе нельзя было больше верить в возможность мирного исхода.

Во всяком случае при данных обстоятельствах было нетрудной задачей предупредить противника или, по крайней мере, быть в готовности начать наступление в тот момент, когда с его стороны будет угрожать нападение.

Что касается французов, нетрудно применить наши принципы к их системе обороны.

Верхний Рейн является слишком сильной границей для того, чтобы можно было угрожать ей. Для ее прикрытия было вполне достаточно иметь гарнизоны в Страсбурге, Нейбрейхаме и Гюнгингене. Из 138 000 чел. полковых войск могли быть образованы две армии по 65 000 чел. каждая, которые следовало расположить одну за р. Эч, а другую за Лиматом таким образом, чтобы они могли вступить в сражение соединенными силами. Тогда в высоких областях Альп для связи между двумя колоннами можно было бы оставить всего лишь 8 000 чел.

Мы разделяем французские силы на две равные части, так как нельзя было предусмотреть, куда будут направлены австрийские силы, находившиеся в Тироле, и поэтому оба театра войны казались в равной степени угрожаемыми; кроме того, переброска крупных воинских частей с одного театра войны на другой была связана с значительными трудностями и с большой потерей времени.

Против австрийских сил, расположенных согласно нашему плану, армия в Швейцарии не могла бы держаться. Было весьма существенно, чтобы она, избежав поражения, отступила через Фрихаль в Эльзас. Тогда, конечно, ничего не было бы потеряно, кроме обладания Швейцарией. Но если бы австрийцы слишком поздно закончили свои приготовления или если бы они допустили большую ошибку, неразумно разделяя свои силы, тогда эта армия могла бы попытаться одержать блестящую победу над той или другой частью австрийских войск.

В Италии силы противников находились почти в равновесии; но если бы подошли русские или если бы неудачи заставили французов оставить линию р. Эч, нужно было немедленно вывести войска из Южной Италии, покончив на произвол судьбы вновь созданные республики.

Чем менее претенциозным был этот план, тем более, полагаем мы, следовало применить его в борьбе с противником, имевшим численный перевес и находившимся под умелым командованием, чтобы свести к ми-

нимому невыгоды своего положения; если же противник совершает ошибки и обнаруживает свои слабые стороны, нужно быть готовыми вести против него решительные действия, ставя себе положительные цели.

Полагаем, что этот план должен был заключать в себе только простое развитие тех мероприятий, которые вытекают из явного превосходства сил. При этом мы хотим только показать, как представляем себе его зарождение. Между тем, поскольку мы этот план в дальнейших расчетах выводим из простого логического развития, мы вообще утверждаем, что в теории он не мог быть иным и что неразумное стремление к гениальности по большей части приводит только к путанице и вредит делу. Установление основных положений плана кампании не требует творческой гениальности. Формы использования масс немногочисленны и чрезвычайно просты, важны только основные принципы и известная острота ума в распознавании вещей. Только тогда, когда трудность условий или смелость полководца дают перевес субъективным суждениям над объективными, они (объективные суждения) могут иметь влияние на направление и отклонение основных линий плана; способность полководца не только на основании объективных данных проникать взглядом в самую сущность вещей, понимать и различать столько же интуицией, сколько и рассудком, может быть обозначена именем гениальности, характеризующим высшую область духовной деятельности. Похода через С.-Бернард не мог бы потребовать от Бонапарта никакой начальник генерального штаба.

Действительные планы кампании обеих сторон

Австрийцы

Когда началась война, австрийцы, как говорит эрцгерцог, не вырабатывали еще никакого плана кампании; у них не было, кажется, также никакой предварительной договоренности относительно возможного случая непредвиденного начала военных действий. Следствием этого было то, что армии действовали несогласованно, т. е. не преследовали единой цели. Между тем такое единство является существеннейшей целью всякого плана кампании. Там, где действуют несколько армий, план, по нашему мнению, является необходимым, хотя бы он содержал в себе мало конкретных положений, предоставляя решение условным места и времени. В таком положении находились австрийские армии, операции которых были вызваны непредвиденным открытием военных действий. Они не имеют никакого другого плана, кроме того, что считались предназначенными для защиты той страны, в которой находились. Одна только армия эрцгерцога Карла, повидимому, имела предварительный план действий — вести наступление в районе между Боденским озером и Дунаем с целью прикрытия с фланга так называемой Тирольской армии. Впрочем, уже в самом распределении главных сил можно усмотреть некоторые зачатки намечающегося плана.

Часть армии эрцгерцога силою в 92 000 чел. должна была наблюдать за французской Рейнской армией, а ее главные силы предназначались для действий к западу от Боденского озера против Дунайской армии и части Швейцарской. Готце должен был занять Форарльберг и Граубюнден, Бельгард — Тироль в качестве театра войны, связывающего Германию с Италией. Для этой армии в 73 000 чел. не казалась австрийскому кабинету слишком большой. В Италии после прибытия Суворова должна была вести наступление армия численностью от 100 до 120 тыс. чел. (в зависимости от того, какие силы выставят русские). Таким образом, намечался, повидимому, следующий план: в Германии вести активную оборону, которая при удачных обстоятельствах могла привести к завоеванию Швейцарии, в Граубюндене и Тироле держаться пассивной обороны, в Италии же вести подлинную наступательную войну.

Насколько этот план расходился с тем, который изложен нами в предыдущем параграфе как наиболее целесообразный, показывает простое сравнение.

В нем совершенно нет места основной идее нашего плана — использовать первоначальное значительное превосходство в силах для нанесения решительных ударов. Если бы у австрийцев была подобная мысль, они постарались бы предупредить противника в открытии военных действий.

Прибавим к тому же, что они сильно запоздали, ибо в подобных случаях можно легко ошибиться в своих расчетах на несколько недель. Кроме того, не в интересах австрийского кабинета было выставлять себя нападающей стороной. Оба эти обстоятельства мешали использовать численное превосходство для нанесения решительных ударов в самом начале войны. К тому же в данном случае неожиданное нападение на противника не представлялось необходимым в стратегическом отношении. Но во всяком случае этот план мог предохранить австрийцев от того, что они сами станут объектом стратегического нападения, как это произошло в марте.

Другим доказательством того, что австрийцы не думали использовать свое первоначальное превосходство для решительных действий, является тот факт, что они начали свое главное наступление в Италии, где они могли использовать это превосходство только после прибытия русских, т. е. позднее. Это — второй существенный пункт, в котором австрийский план расходился с нашим.

При этом, во всяком случае, не следует забывать, что австрийскому правительству трудно было знать соотношение сил с такой точностью, с какой оно теперь представляется нашему взгляду. За месяц до начала войны само французское правительство оценивало боевые силы Швейцарской, Дунайской и Обсервационной (наблюдательной) армий приблизительно в 140 000 чел., из которых 20 000 чел. приходилось на рейнские крепости, так что в его распоряжении оставалось 120 000 чел., т. е. на 40 000 чел. больше, чем было в действительности. Если подобную

ошибку допустило французское правительство, то не удивительно, что ее допустило также и австрийское, считавшее численность французской армии на 40 или 50 тыс. чел. больше, чем она имела на самом деле. Но, как это всегда случается, оно также преувеличивало и силы собственной армии по сравнению с теми, какими они представляются нам теперь в круглых цифрах. Поэтому соотношение сил не казалось ему слишком неравным.

Во всяком случае, эта ошибка не заходила так далеко, чтобы вообще сомневаться в численном превосходстве австрийской армии, которое было настолько значительным, что побуждало к решительному наступлению с самого начала кампании.

Третий пункт, в котором австрийский план расходился с нашим, состоит в том, что огромные силы в 73 000 чел. предназначались для простой связи между Германской и Итальянской армиями, тогда как, по нашему мнению, для этой цели было вполне достаточно от 15 до 20 тыс. чел.

Тирольская армия была подчинена отдельному командующему, и, таким образом, все боевые силы были вверены трем полководцам, тогда как, по нашему плану, их должно было быть только два. Это само по себе незначительное обстоятельство все же приобретает большое значение там, где речь идет о стратегии, потому что всякое разделение власти происходит за счет ее действительности и вследствие этого должно рассматриваться как неизбежное, но немаловажное зло. При существующем положении дел это разделение не оправдывалось никакими серьезными основаниями — напротив, тот факт, что генерал Бельгард не был поставлен в подчинение эрцгерцогу Карлу, нужно рассматривать единственно как дань личного уважения к нему. Факты проявления личного уважения наблюдаются слишком часто и, с точки зрения критики, они совершенно неразумны. Оно требуется во всякого рода человеческих отношениях и может иметь место и в таком деле, как война, и даже иногда является решающим фактором, но, с другой стороны, оно может вести к злоупотреблениям, к торжеству ничтожных мнений, примером чего служит рассматриваемый здесь случай.

Из всех этих расхождений австрийского плана с нашим само собой вытекает, что армия эрцгерцога не могла играть той роли, которую мы отводили ей в нашем плане. Если бы она выслала против Бернардотта сильный корпус и с 70 000 чел. осталась бы против Журдана и левого фланга армии Массена, она все еще находилась бы в довольно выгодном положении, но для крупных операций она не имела бы уже достаточных сил.

Так как не было никаких оснований рассчитывать на моральное превосходство, наоборот, возникало опасение, что оно окажется на стороне противника, то австрийский план кампании надежды на успех возлагал, главным образом, на значительное численное превосходство, заботясь о сохранении соотношения сил в пропорции 3 : 2 или даже 2 : 1.

Во всяком случае нельзя сказать, что в общих очертаниях австрийского плана заключался уже зародыш будущих крупных неудач; он послужил только причиной того, что значительное превосходство в силах осталось неиспользованным и благоприятный момент был бесплодно упущен.

Катастрофа, происшедшая в марте, отчасти была вызвана стратегическим наступлением, отчасти же произошла по вине командования, и при том на таком театре войны, где по крайней мере в живой силе недостатка не ощущалось.

Французам

Французский операционный план, насколько мы можем ознакомиться с ним по оправдательному документу Журдана* о его походе, исходил из расчета наличных сил в Германии, Швейцарии и Верхней Италии в 190 000 чел., между тем как действительную их численность мы можем определить в 138 000 чел.

Но так как в числе этих 190 000 чел. считались также и гарнизоны на Рейне, то разница получается не столь большая, чтобы при одних и тех же принципах подсчета привести к совершенно различным результатам. Имелось в наличии 170 000 или 140 000 чел.,—это не могло внести существенных перемен в общий характер плана.

Так как раштадские переговоры и заключение новых союзов с Россией и Англией давали возможность предвидеть новую войну со стороны Австрии, то французское правительство решило взять инициативу в свои руки и немедленно начать наступление. Этот план, положенный в основу начала кампании, присланный в официальной форме генералу Журдану как одному из высших командующих лиц, мы находим в уже упоминавшемся нами его оправдательном документе, где он перепечатан дословно. Приведем его здесь полностью.

ИНСТРУКЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО НАЗНАЧЕНИЯ И ГЛАВНЫХ ДВИЖЕНИЙ ДЕЙСТВУЮЩИХ АРМИЙ В МОМЕНТ ОТКРЫТИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**.

В случае начала военных действий в Германии и Италии выставляются пять действующих армий: Майнцская, Гельветская (Швейцарская), Обсервационная (наблюдательная) армия на Рейне, Итальянская и Римская.

Примечание. Французская армия в Баварской республике обязана впредь до нового приказа продолжать оборону границ и территории этой республики, но она может быть сокращена на 15—20 тыс. чел. как в полевых батальонах, так и в гарнизонах и войсках всех родов оружия; остальные ее силы будут присоединены к Обсервационной армии.

* Précis des opérations de l'armée du Danube sous les ordres du général Jourdan. Extrait des mémoires manuscrits de ce général. Paris, an VIII.

** Текст инструкции в труде Клаузевица в оригинале приведен на французском языке.

РАСПОЛОЖЕНИЕ И НАЗНАЧЕНИЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ АРМИЙ

Майнцская армия

К моменту открытия военных действий Майнцская армия в составе около 46 000 чел. всех родов оружия назначается для самостоятельных действий в Швабии и Баварии. Эта армия должна быть немедленно снабжена артиллерийскими и продовольственными парками, транспортом и санитарными средствами пропорционально силам и в зависимости от ее назначения действовать постоянно в стране, местами пересекая реки, то на равнинах, то в горных районах.

Она должна в предельно короткий срок сосредоточиться между Гунтингеном и Ландау, располагаясь так, чтобы иметь возможность через Кель и Гунтинг выйти в Швабию при первом приказе Директории или при первом враждебном акте со стороны австрийцев.

Она быстро направляется несколькими колоннами к истокам Дуная и, пересекши Шварцвальд, совершает свой марш между этой рекой и Констанцским озером, выходясь правым флангом за линию этого озера и опираясь на Брегенц.

В предположении, что Майнцская армия, используя расположение сил противника или выиграв у него во времени, сможет затем взять направление на Верхний Лех, она должна выполнять этот маневр с максимальной быстротой, чтобы помешать австрийцам форсировать эту реку.

Успех этой экспедиции вполне вероятен в предположении, что военные действия начнут французские армии.

Майнцская армия на Дунае будет именоватьс^я Дунайской армией, прикрытием ее правого фланга будет служить левый фланг Гельветской (Швейцарской) армии, а частицы ей ставится задача облегчить этой последней поход в Гризон и Тироле. Успешные операции, которые она может совершить на Лехе, Изаре и Инне, должны проводиться в зависимости от расположения сил противника. Она должна иметь постоянной целью господство над выходами из Тироля в Баварию.

Гельветская (Швейцарская) армия

Гельветская (Швейцарская) армия, составленная из полевых войск всех родов оружия силою около 30 000 чел., назначается для овладения территориями Гризона и Тироля. К этой армии присоединяются швейцарские полубригады в состоянии боевой готовности.

Левый фланг и центр этой армии перейдут Рейн между Брегенцем и Майенфельдом, которые они должны занять.

Левый фланг и центр этой армии, овладев Брегенцем и Куром, должны оставить части для охраны этих пунктов и затем, соединившись, направиться к истокам Инна, форсировать все проходы до Инсбрука и осадить ими.

Правый фланг Швейцарской армии, состоящий из полубригад, находящихся в Беллинцоне, подкрепленный равным числом войск из Итальянской армии в Вальтине, направляется на Гурис через Вальтину и оттуда на Ботден и Брисен.

Когда правый фланг армии достигнет Брисена, Итальянская армия может в зависимости от обстановки отсутствовать, в том случае, если ее будет считать слишком многочисленной противник, или если это будет необходимо для ее операций.

Гельветская (Швейцарская) армия по овладении Брегенцем получит наименование Тирольской армии; она будет находиться под командованием генерала Массена, но в больших передвижениях и операциях будет в подчинении командующего Майнцской армией. В результате этого распределения командующий этой последней армией будет иметь возможность присоединить к своему правому флангу часть Гельветской (Швейцарской) армии, имея постоянно в виду, что для успеха кампании абсолютно необходимо, чтобы эта армия овладела долиной Инна и городом Инсбруком.

Армия наблюдения (Обсервационная)

В возможно короткий срок должна быть сформирована и организована Обсервационная армия на Рейне.

Командование ею ввернется генералу Бернадотту. Эта армия, составленная, согласно таблице, прилагавшейся к инструкции, из 48 000 войск всех родов оружия, включая гарнизоны укрепленных пунктов на Рейне, назначается для прикрытия всех крепостей и мостов на Рейне от Гундсхена до Дюссельдорфа, а также областей на левом берегу этой реки.

Задачами ее являются продолжение блокады Эрнбрейштейна, операции против Филиппсбурга и в то же время оказание поддержки операциям Майнской армии посредством демонстраций в различных пунктах, в частности на Майне, Неккаре и Энце.

Она снабжает гарнизоны укрепленных пунктов на Рейне, регулирует их силы или для обороны или для поддержания необходимого порядка и охраны общественных учреждений, если эти пункты будут находиться в большей или меньшей степени под угрозой в зависимости от расположения французских и неприятельских армий.

Она должна выделить пущее количество войск для блокады Эрнбрейштейна. Остальные части этой армии, собственно говоря, свободный корпус, сформированный на правом берегу Рейна между Ланом и Майном, должны направиться через герцогство Гессен-Дармштадт, за Мангейм и Филиппсбург.

Этот корпус будет действовать, сообразуясь с обстановкой на правом и на левом берегах Рейна, имея задачей оказывать поддержку операциям Майнской армии, овладеть Эрнбрейштейном и Филиппсбургом и прикрывать левый берег Рейна против вторжения противника.

Эта армия, хотя и имеет отдельного командующего, в больших передвижениях и операциях будет подчиняться командующему Майнской армии.

Итальянская армия

Итальянская армия, состоящая приблизительно из 50 000 чел. на Адиге и По, за исключением цизальпийских, лугийских, польских и пьемонтских войск, будет левым флангом наступать на Триент. Главные силы армии перейдут Адиге у Вероны, овладеют этим городом, а затем последовательно отнесут неприятеля за Brentu и Пиаве.

Корпус, выделенный из этой армии в Вальтеллине, направится на Глаурис, Ботцен и Брискен совместно с корпусом Гельветской (Швейцарской) армии в кантоне Веллингона.

Достигнув Бриссена, корпус сможет соединиться с левым флангом Итальянской армии, если необходимость этого будет вызвана силами противника или возникнет в результате поспешных операций Итальянской армии.

Эта армия предназначается также для овладения Тосканой, как только она получит приказ. Французские войска, находящиеся в Итальянской армии сверх этих 50 000 чел., назначаются для прикрытия Пьемонта и Цизальпийской республики, а также для снабжения продовольствием действующей армии.

Римская армия

Римская армия будет продолжать завоевание Неаполитанского королевства; в Неаполе она получит наименование Неаполитанской армии. Она должна оказывать помощь войскам Корфу и Мальте.

Когда план военных операций будет вполне выработан и сообщен командующим, они должны будут следовать данным инструкциям, пока последние не будут изменены правительством.

Утверждено военным министром, подписи — Шерер.

В этом операционном плане прежде всего удивительно то, что в нем лишь вскользь упоминается о неприятельской армии и что задачи, указываемые трем главным армиям, являются лишь в достижении известных географических пунктов.

Дунайская армия должна достигнуть Верхнего Леха, потом Изара, потом Инна, затем овладеть выходами в Тироле; Швейцарская армия должна взять Кур и Брегенц, достигнуть Инна и захватить Инсбрук; Итальянская армия — левым флангом должна направиться к Триенту, а остальными частями — к Бренте и Пиаве.

Для достижения всех этих пунктов, конечно, предполагается, что противник, оказывающий сопротивление, должен быть отброшен. Впрочем, если противник слаб и отступление его рассматривается как нечто несомненное и второстепенное, то это, очевидно, обстоятельство, не заслуживающее упоминания; но если противник достаточно силен и стремится к решительным действиям, то лучше было бы иметь это в виду и ставить победу над ним как главную цель операций. Но так как этого в плане нет, то все представляется уже достигнутым, если взяты указанные пункты, т. е. занято другое расположение.

Простой выигрыш нового расположения только тогда может быть объектом операции, если это расположение или значительно сильнее прежнего, или если благодаря ему достигается обладание страной, представляющей большие выгоды.

В случае, если мы имеем дело не с первым, а со вторым, то прежде всего возникает вопрос: оправдывается ли это соотношением сил.

Существует естественный и всеобщий закон, что в тот момент, как один из ведущих войну противников хочет изменить в выгодную сторону status quo и стремится занять новое расположение впереди своих прежних позиций, он вызывает взаимное напряжение сил, которого раньше не было, и этим самым побуждает к деятельности своего противника. Итак, уже благодаря этому условию изменения в невыгодную для него сторону, и вероятность его успеха в общем уменьшается, если даже сила его сопротивления сама по себе не становится ниже.

Деятельность австрийцев в войне с Фридрихом Великим в Богемии была совершенно иной, чем в Силезии.

Точно так же каждое расположение французов в Швабии и Тироле гораздо сильнее, чем за Рейном, возбуждало к деятельности австрийские силы, имевшие численное превосходство, и это соображение, во всяком случае, должно было иметь немалый вес на чаше весов.

Что расположение французских сил за Инном и Пиаве само по себе было гораздо слабее, чем за р. Эч (Адиг) или за Рейном, — это может понять любой ребенок.

Итак, первой и основной ошибкой французского плана командования было то, что в нем не сказано было, где стоят или ожидают главные массы неприятельских сил и какова их численность, и не указаны, согласно этим данным, комбинации своих собственных сил для больших

наступательных или оборонительных боев. При этих комбинациях можно и должно было принять во внимание также географические условия, но эти условия, хотя и имели отношение к главному фактору, сами по себе таковым не являлись. Нам не должен вводить в заблуждение тот факт, что при проведении этого плана в Граубюндене и Тироле были одержаны блестящие победы, когда все было построено в расчетах на успех стратегического наступления. Впоследствии нам нетрудно будет показать, что эти военные успехи совершенно не зависели от стратегических комбинаций, что французы были ими обязаны заслугам своих дивизионных генералов и их войск и что факт стратегического наступления при этом имел ничтожное значение.

В операционном плане стратегическое наступление предусматривалось с единственной целью достигнуть в Швабии Верхнего Леха, оперев в этом эрцгерцога.

Нельзя также положить в основу французского операционного плана якобы подразумеваемое намерение при помощи стратегического наступления нанести крупные удары, потому что только стоявшие в Граубюндене и Форарльберге австрийские войска могли быть вообще объектом такого наступления, войска же, стоявшие за Лехом и в долине Инна, очевидно, были слишком далеко. Они насчитывали только 12—15 тыс. чел., т. е. составляли очень небольшую часть армий, и победа, которую можно было одержать над ними, казалось, не стоила труда.

Второе наше замечание относительно французского операционного плана заключается в том, что в нем в поисках новой линии расположения особое значение придается возвышенным пунктам, так как тогда были в моде следующие взгляды, не изжитые еще и до сих пор: из того факта, что, занимая возвышенные пункты, можно господствовать в известном смысле над лежащими внизу районами, вытекает вообще преимущество возвышенных местностей над низменными.

Рассматривая вопрос о Швейцарии, мы уже развили то положение, что в стратегии реальность господства всецело зависит от характера операций; всякого рода абстрактные теории относительно этого являются совершенно иллюзорными.

Если в стратегических схемах нельзя учитывать геометрический принцип как принцип, имеющий действительное значение при условии тактических успехов, то использование географического принципа и все те жертвы, которые приносятся ему в ущерб напряжению сил, во многих случаях приводят к проигрышу.

Исходя из этих иллюзорных представлений, французы, ставя себе задачей овладеть истоками Инна и Эч, рассчитывали этим в корне подорвать австрийское сопротивление в Германии и Италии, и это было продиктовано стремлением в предстоящей борьбе действовать в направлении сверху вниз.

Только единственно в этом смысле для них важно было обладание Тиролем и Граубюнденом как странами возвышенными.

Операции Дунайской армии при этом завоевании носили совершенно подчиненный характер, так как вполне определенно было сказано, что она, главным образом, должна облегчить завоевание Тироля.

Если мы, согласно этому операционному плану, конкретно представим себе картину операций армий Журдана и Массены, то получится следующее: 12 000 чел. из Италии, как бы правой рукой, и 15 000 чел., как левой рукой, охватывают Тироль, а 40 000, выступая отдельными отрядами в виде аэлохов, направляются на Верхний Лех.

Мы спросим: можно ли было при такой организации сил противостоять 170 000 австрийцев, с которыми входили в соприкосновение?

Таков был французский операционный план, если судить о нем только на основании приведенного выше документа. Впрочем, мы видим, что эта инструкция не была результатом зрелого размышления, и мы не должны удивляться, что в переписке военного министра как члена правительства с одним из высших командных лиц — генералом Журданом — в качестве руководящего принципа высказывается совершенно другая мысль, которую поэтому мы должны здесь привести дословно.

В этой переписке говорится, что Журдан должен победить эрцгерцога в генеральном сражении и что имеется в виду решительное стратегическое наступление. Так как численность войск для этого представлялась недостаточной, то дух армии, ее моральное превосходство над австрийцами должны были заменить все.

«Национальное мнение», — пишет военный министр в своем письме Журдану от 22 вантаза (10 февраля), — должно быть применено к героическим правительствам. Мы сможем добиться мира не иначе, как одержав решительные победы в предстоящей кампании. Воспламенения мужества наших войск, эти мотивы, осуществляемые благодаря мудрости и таланту ваших военных распоряжений, должны внушить нам чувство обоснованного спокойствия...

Австрийцы многочисленны, но не говоря даже о превосходстве в мужестве и активности, которое мы имеем над ними, нужно принять во внимание, что они заняли огромную территорию и, выступая против вас, должны оставлять в тылу много войск и для оккупации Баварии, и для защиты Богемии, и для охраны промежуточных пунктов; таким образом, они разбрасывают свои силы, и действующая против вас главная армия не может иметь слишком большого численного превосходства».

Однако, в другом письме, написанном на месяц раньше, исчезшая сила Швейцарской, Дунайской и Обсервационной армий в 100 000 чел., он между прочим говорил:

«И эти силы, приведенные в движение единым командованием, по единому плану, вполне могут оспаривать победу у 100 или 120 тыс. войск императора, особенно если эти три армии сосредоточатся каждая на своих позициях, что является методом наиболее безопасным, если не сказать решающим, в операциях против приваких к большим маневрам австрийцев, которые всегда оказываются в недостаточном числе,

действуя в совокупности, по самой природе вещей. Не может ли, однако, случиться, что противник начнет действия, сосредоточив на одной позиции сил от 40 до 50 тыс. чел.?»^{*}

Из приведенных мест совершенно ясно видно, насколько отличалась от нашей точка зрения французского правительства на условия данного момента. По нашему мнению, было чрезвычайно трудно, противостоя ударам новой коалиции, удержаться на высоте занятых политических позиций. Но Директория не испытывала никаких опасений; она думала, что речь идет лишь о том, чтобы шествовать вперед обычным путем завоеваний. Нет никаких признаков мысли о том, что следует использовать время для скорейшего наступления, пока не подойдут русские. Эта мысль, которую Жюмнин считает основной важнейшей идеей, всецело выдумана самим этим автором, тогда как Журдан при подсчете боевых сил австрийцев включает сюда и 24 000 русских.

Далее обращает на себя внимание, что французское правительство оценивает австрийские силы в Германии только в 120 000 чел., между тем в действительности их было 170 000.

Мы пойдем по ложному пути, если эту ошибку будем считать причиной глубоко задуманных французских планов, скорее эти планы, родившиеся из революционных настроений, были причиной того, что французы так мало считались с неприятельскими силами. Обычно случается обратное: численность боевых сил противника оценивается выше собственных сил. Но ошибка в оценке их на целую треть ниже действительности могла произойти только при таком беспорядочном и авантюристическом правительстве, каким была французская Директория.

Предположение о том, что эргерпрот, благодаря многочисленным откомандированным частям, значительно ослабит свои силы и этим предоставит случай выступить с ним в сражение, само по себе является допустимым, хотя оно никоим образом не должно было бы возникнуть, поскольку оно теряло всякий смысл вследствие раздробления собственных сил, не меньшего, чем у неприятеля.

Последнее подчеркиваемое нами положение едва ли можно понять, если не вспомнить о том, что Монталамбер (в своей переписке) и Тельеф в «Истории Семилетней войны» высказывают мысль о нормальной силе армии; мы должны допустить помрачение здравого человеческого разума, которое в теоретических построениях очень часто обнаруживается во время войны.

На подобном невежестве и подобных глупостях строятся химеры авантюристического наступления.

Если же такая химера положена в основу приведенной выше инструкции, нужно только удивляться этому.

Говорить подробно об отдельных промахах, противоречиях, неясностях и глупостях этой инструкции было бы слишком долго и скучно, но попутно мы должны еще коснуться ее главнейших положений.

^{*} Текст обоях инсем приводит Клаузевиц на французском языке.— *Прим. перев.*

Как можно рассматривать в качестве сильной оборонительной линии против численно превосходной армии такую незначительную реку, как Верхний Лех? Что может этой армии помешать перейти Нижний Лех?

Как могла Дунайская армия занимать тирольские проходы, продвигаясь в то же время вперед? Она должна была для этого разбросать свои силы.

Массена с своим центром и левым флангом, т. е. с 16—18 тыс. чел., должен был в одно и то же время идти на Кур и Брегенц. При этом, однако, ничего не сказано было о сильно укрепленной позиции Фельдкирха; затем он должен был соединиться с этим разъединенным центром и достигнуть истоков Инна, «форсировав все проходы до Инсбрука». Кто в состоянии понять это?

Правый фланг Швейцарской армии должен был идти через Вальтони на Глаурис в долине р. Эч, а затем вниз до Бодена и Бриксена, причем неизвестно было, должен ли он направиться к немецкой или итальянской границе.

Итальянской армии предписывалось левым флангом двинуться на Триент, правым и центром вести операции против Бреиты, кроме того, в тылу овладеть Тосканой, хотя противник был сильнее ее. Она должна была у Вероны форсировать Эч, хотя Верона была неприятельской крепостью и как раз там можно было ожидать встречи с главной неприятельской армией.

Если эта бессмыслица, для которой трудно подыскать даже название, не говоря уже о том, что она не достигла своей цели, не привела к большой катастрофе, то это произошло, во-первых, потому, что только ничтожная часть ее получила осуществление, а во-вторых, потому, что австрийцы, как бы пораженные столбняком, почти не двигали своими членами, лишенными нервов и мускульной силы, и тащились медленно и с трудом.

Журдан и Бернадотт начинают кампанию

Дунайская армия под непосредственным командованием Журдана в момент открытия кампании имела следующий состав и численность:

Авангард Лефевра	9 000 чел.
Первая дивизия Ферно	8 000 »
Вторая дивизия Суама	7 000 »
Третья дивизия Сен-Сира	6 700 »
Фланговый корпус Вандама	3 000 »
Резервная кавалерия д'Опу	3 200 »
Всего около	37 000 чел.

1 марта эта армия форсировала Рейн у Келя и Базеля и, двигаясь четырьмя колоннами долинами Гелленгаль, Кинцигаль и Рейхгаль через Шарфвальд, достигла высот Ротвейля и Бломберга, причем авангард ее

продвинулся до Туттингена, куда он вступил 6 марта, и здесь остановился, ожидая развития событий в Граубюндене.

Франция пока еще не объявляла войны Австрии. Журдан, опасавшийся превосходства сил Эрцгерцога, истолковал полученный им приказ о наступлении в том смысле, что он должен только занять предварительные позиции.

В приказе о наступлении от 22 вантоза (10 февраля) между прочим говорилось:

«Командующий Майнской армией немедленно двинет вверенную армию за Шварцвальд, овладеет истоками Неккара и Дуная и займет позиции, указанные в предыдущих инструкциях».

Под последними можно было подразумевать позиции на Лехе, Изаре и Инне, и выжидательный образ действий Журдана не входил в намерения Директории. Это тем более вероятно, что Журдан, как мы увидим, не стал дожидаться формального объявления войны, оставаясь на своей позиции.

Весьма вероятно, он надеялся, что наступление Массены в Граубюндене отвлечет туда значительную часть сил Эрцгерцога и одновременно появление Бернадотта отвлечет другую часть сил в Франконию. Журдан приказал Верстаху понтонный мост у Брейзаха и соорудить предместное укрепление.

Бернадотт со своей так называемой Обсервационной армией, которая в начале кампании была настолько слаба, что после выделения из нее гарнизонов для Майнца и Эрзбрейтштайна могла выставить в поле не более 8 000 чел., 1 марта перешел через Рейн у Мангейма.

Он занял Мангейм, который австрийцы вынуждены были эвакуировать, так как не смогли достаточно укрепить его для обороны, и блокировал Филиппсбург.

Эрцгерцог в своей ставке в Фридберге узнал о переправе французов 3 марта.

Будучи вполне готовым и имея армию в полном сборе, он был в состоянии уже 4 марта перейти Лех со своим авангардом, состоящим из пехоты силою не менее 9 500 чел. (9 батальонов) и кавалерии численностью 7 800 коней (44 эскадрона); остальным своим войскам он приказал выступить в поход с таким расчетом, чтобы пехота силою в 37 000 чел. (39 батальонов) перешла Лех у Аугсбурга, Ландсберга и Шонгау — 9 марта, а кавалерия силою в 16 000 чел. (94 эскадрона) — 14 марта. Кавалерийские полки, расположенные далее в тылу, прибыли только позднее.

Кроме этих войск, было отправлено в Ульм 6 000 чел. (6 батальонов) в качестве гарнизона, и из Богемии 1 500 чел. — в Ингольштадт, а 9 000 чел. пехоты (7 батальонов) и 3 500 кавалерии (20 эскадронов), стоявшие под командованием Старай у Неймаркта на левом берегу Дуная, выступили на Регену.

В то время как авангард тремя колоннами продвинулся до Бибераха, Вальдаае и Равенсбурга, главные силы армии расположились на квартирах позади этих пунктов от Меммингена до Леуткирха.

Эрцгерцог Карл намерен был держаться среднего направления между верхним Дунаем и Боденским озером, чтобы встретиться с противником на кратчайшей линии и вступить с ним в решительное сражение.

Это первоначальное наступление французской армии развивалось только как демонстрация и привлекало на себя главные силы австрийской армии в то время, как Готце был атакован в Граубюндене и Форарльберге; крупные столкновения между Журданом и Эрцгерцогом могли произойти только в связи с решительными ударами в Тироле, пока же они происходили только в Граубюндене. Поэтому мы обратимся сначала к Граубюндену, потом перейдем к Тиролю, а затем снова вернемся к обеим армиям на Дунае.

Центр армии Массены уничтожает корпус Ауффенберга в Рейнской долине

Мы уже говорили, что Форарльберг и Граубюнден были заняты 26 000 чел. под командованием генерала Готце и что Готце находился в подчинении Эрцгерцога Карла.

Эти 26 000 чел. составляли 26 батальонов и 8 эскадронов. Эрцгерцог приказал генералу Готце использовать свои главные силы для защиты переправы у Брегенца, чтобы служить прикрытием левого фланга армии Эрцгерцога в его операциях между Дунаем и Боденским озером. Согласно этому приказу, Готце занял Брегенц 13 батальонами, 5 батальонов занимали позиции у Фельдкирха, 1 батальон у Люценштейна, 4 батальона и 1 эскадрон под командованием генерала Ауффенберга находились в Граубюндене, именно в Рейнской долине, Энгадин был занят несколькими батальонами Тирольской армии.

Прежде чем перейти к рассказу о нападении французов на генерала Ауффенберга, мы должны вкратце рассмотреть вопрос о характере обороны высоких горных местностей и составить себе ясное представление о природе страны для того, чтобы надлежащим образом понять положение генерала Ауффенберга.

Оборона в высоких горных местностях имеет свои специфические трудности и очевидным образом является менее сильной, чем оборона в местностях, расположенных на средней высоте. На горных высотах трудно иметь свои собственные оборонительные посты: если даже и возможно втаскивать наверх и спускать вниз артиллерийские орудия, то там нельзя удерживаться вследствие отсутствия поддержки и из-за холодов в суровое время года. Кроме того, отсутствие связи по фронту ставит каждый пост в совершенно изолированное положение.

Если же при этом дело касается также и защиты самой долины, то еще менее можно говорить об оборонительных постах на высотах, так

как расстояния, по большей части, слишком велики для того, чтобы можно было производить с горных высот обстрел равнины.

Вследствие этого необходимо размещать свои посты или в удобных пунктах на склонах гор, для чего не часто предоставляются подходящие случаи, или же устанавливать их прямо в долине. В случае, если оборонительная линия этих постов идет параллельно долине, прикрытия им служит река и ее берега, причем предполагается еще, что дорога, ведущая к реке, находится на их стороне. Это, очевидно, не делает оборонительную линию особенно сильной, так как реки и ручьи часто можно перейти вброд, а берега не везде круты и недоступны. В отдельных пунктах, конечно, может представиться случай создать очень сильные посты, весьма благоприятные для обороны, именно там, где совершенно невозможно двигаться без дорог, а дорога идет через мост или через узкие и крутые места. Эти отдельные сильные пункты могут стать средством для обороны в целом.

Если противник, двигаясь поперек своих горных хребтов, несколькими колоннами спускается в долину, он не может подобным же образом продвигаться дальше через наши горные хребты, но прежде всего должен обезопасить от нападения долину и свои пути: таким образом, для него недостаточно прорвать нашу линию, ему необходимо также овладеть отдельными пунктами. Такого рода оборонительная линия в долине похожа на прикрытые подступы к крепости, где гарнизон при непрямой атаке отходит за траншеями в укрепленные районы.

Если отдельные посты, действительно, сильны и своевременно получают поддержку, то неприятель, находящийся в неблагоприятном положении, легко может быть отогнан, и тогда он может понести значительные потери. Но эти посты обыкновенно не так сильны, как принято думать, они упираются в крутые склоны гор, на которые можно взбираться лишь общими путями с большой затратой сил и времени, эти посты хорошо видны, обстреливаются с тыла и т. д., в результате чего обычно несут большие потери. Но главный недостаток такой оборонительной линии заключается в том, что в случае необходимости отступление для части этих постов оно становится уже невозможным.

Путь отступления обыкновенно идет через поперечные долины, вследствие чего посты идут, главным образом, выхода из них; но так как не всегда можно найти его, — выходы из долины немногочисленны, и тропинки, идущие через горы, редки, то легко может случиться, что часть войск попадет в руки противника. Так бывает в том случае, если линия обороны проходит вдоль долины. Если же позиция занимает в поперечном главным долинам направлении, то оборона вообще бывает более сильной, так как действия противника ограничиваются тогда очень немногими пунктами, и отступление большинства постов не находится под угрозой. Но в таком случае посты или оказываются изолированными, так как связь проходит через горы, или же, если она проходит через поперечные долины, они оказываются снова в прежнем положении.

В результате нашего рассмотрения следует прийти к выводу, что оборона в очень высоких горных районах менее успешна, чем в районах средней высоты. Вместо преимуществ продолжительной обороны, где шаг за шагом приходится отступать каждую пядь земли, и сравнительно меньших потерь при отступлении, что имеет большое значение в горной обороне для небольших отрядов, получается результат прямо противоположного характера.

Граубюнден состоит из двух продольных и нескольких поперечных долин. Первые две — передний Рейн и Инна. Таким образом границы с северо-востока и юго-востока составляют левый край долины Рейна и правый — долины Инна, с юго-запада границей является высокий Альпийский хребет, отделяющий итальянские реки Тичино и Маюру от немедских — Рейна и Инна.

Через все эти горные хребты проходят только небольшие тропы для пешеходов; эти тропы на самых высоких пунктах, являющихся перевалами, носят особые названия. Пехота может проходить по ним только медленно и с большим трудом, а легкая артиллерия — лишь при помощи искусственных приспособлений. Только при спуске от Майенфельда к оз. Валензее, озеру и кантону Аппенцель эта северная окраина долины Рейна имеет несколько проезжих дорог, так как здесь горные массивы прорезываются несколькими долинами.

Войска, стоявшие в Рейнской долине, не имели других путей сообщения кроме долины Инна, так как долины на итальянских склонах Альп находились в руках французов. От Рейна в долину Инна вели пути через следующие поперечные долины.

1. От Рейхенау на Юнерберг, Альбулу через долины Рейна и Альбулы.

2. От Кура через Шалфиталь на Штреленберг и Давос и оттуда на Скалетту и Флюен.

3. От Майенфельда через Преттигау также на Флюен.

4. От Фельдкирха через Монтафорд на Мартинсбрюк.

Настоящие большие дороги для этих войск вели на Фельдпирх, составляя, таким образом, продолжение их фронта.

Генерал Ауффенберг расположил свои главные позиции у Кура, откуда занял Рейхенау и Майенфельд и отрядил один батальон, чтобы совместно с вооруженными отрядами местных жителей занять все выходы, ведущие к северо-западной окраине Рейнской долины и главному Альпийскому хребту, до Шпильгена. Таким образом, эти посты состояли большей частью из местных жителей. С.-Готард лежит вне границу Граубюндена, его занимали французы, и астрийские посты на этой стороне были расположены у Диссентаса.

Люценштейн старый форт в Граубюндене, состоявший из одного крепостного верка с двумя боковыми редутами, был обращен фронтом к Форарльбергу, т. е. против Австрии. Он преграждал главную дорогу, ведущую от Фельдкирха между Бальцерсом и Майенфельдом к под-

ножно горного хребта через ущелье, образуемое с одной стороны крутыми скалами Фалькиниса, с другой — Флешенбергом. В эту гору упали редуты. Верк был занят одним батальоном с 5 орудиями.

Он замыкал, таким образом, позицию генерала Ауффенберга на правом фланге и охранял его против всякого противника, который мог перейти через Рейн ниже Люденштейга. Пост в Рейхенау находился у двойного моста через Рейн. У Кура центральная позиция была защищена выгодно расположенными горными высотами. Для перехода через Рейн на протяжении от Рейхенау до Люденштейга было два моста: один — у Рейхенау и другой, так называемый Таможенный мост, — при впадении Ландшварта; кроме того, имелось несколько бродов, которые, однако, в то время из-за высокой воды были недоступны.

С первого взгляда становится ясным, что такие условия были неблагоприятны для упорной обороны, и следовало опасаться больших потерь, хотя обстоятельства сложились иначе, чем можно было ожидать.

Так как французы занимали охватывающее положение по отношению к левому флангу генерала Ауффенберга у Шплюгена, то особенно следовало бояться того, что посты у Рейхенау, а также у Кура будут атакованы с тыла, отрезаны от Энгадина, и, таким образом, австрийцы будут отнесены на Люденштейг и Фельдкирх. Тогда все дело сводилось к тому, удержится ли оба эти поста у Фельдкирха и Люденштейга до тех пор, пока подойдет Готце со значительными силами, чтобы отбросить французов от тех пунктов, которые они могли занять между ртиными постами.

Если бы Люденштейг пал раньше этого, то погиб бы весь корпус Ауффенберга.

Мы увидим дальше, что обстоятельства сложились иначе, хотя и не менее неудачно. Армия Массены имела следующие подразделения:

1. Дивизия Ксантрия на левом фланге — бригады Руби и Удино.
2. Дивизия Менара в центре — бригады Лоржа и Шабрана.
3. Дивизия Лекурба на правом фланге — бригады Луазона и Энони.

Две первые дивизии стояли у Цюрихского и Валенсее озера, последняя же находилась на итальянской стороне Алы у Беллинцоны; ее форпосты занимали альпийские перевалы.

Если понимать самым простым образом тот запутанный французский операционный план, который мы привели, то Массене следовало вести наступление выше Боденского озера за Рейн и между Лехом и Боденским озером выйти в Швабию, третья же дивизия должна была направиться по долине Инна. Он должен был с этой дивизией овладеть выходами долины р. Эч, благодаря чему австро-итальянская армия оказалась бы в угрожаемом положении на своем правом фланге. Итак, ближайшей задачей Массены было отбросить генерала Ауффенберга с его позиций в Рейнской долине, затем овладеть позициями у Фельдкирха и, наконец, вытеснить австрийцев из Верхнего и Нижнего Энгадина до выхода в долину р. Эч.

Этим Массена некоторым образом выравнивал фронт с армией Журдена. Какого-нибудь другого целесообразного общего операционного плана пока не существовало. На пути к осуществлению этой цели возникла возможность, при разбросанности австрийских позиций и неподготовленности части их армий, овладеть некоторыми трофеями, и французские генералы не упустили случая собрать богатую жатву, исправив, таким образом, недостатки операционного плана.

Бой у Люденштейга 6 марта

5 марта Массена сосредоточил центр своей армии в долине Рейна между Гагацем и Верденбергом. 6 марта из своей главной квартиры в Аймоосе он сообщил генералу Ауффенбергу о начале военных действий и потребовал от него эвакуации Граубюндена.

Непосредственно вслед за этим он начал наступление.

Из дивизии Ксантрия бригада Руби осталась у Шафтаузена для поддержания связи с Дунайской армией, другая бригада (Удино) находилась при центре.

Из дивизии правого фланга генерал Луазон с одной бригадой спустился от Урзерна через Кришпальт к Диссентису и атаковал находящийся там пост, состоявший из нескольких тысяч вооруженных крестьян и одной роты пехоты, однако, не мог овладеть им.

Из центра, при котором находился сам Массена, состоявшего из трех бригад, был послан генерал Демон через небольшую долину Рагаца и Веттиса, чтобы направиться через перевал на Кункель, лежащий против Рейхенау, и атаковать его.

Генерал Удино должен был перейти вброд Рейн ниже Верденберга у Бендерна, с частью своих сил вести наблюдение за Фельдкирхом, с другой же частью двинуться направо для оказания поддержки Массене.

Сам Массена с бригадами Лоржа и Шабрана из дивизии Менара хотел попытаться перейти вброд Рейн выше Люденштейга у Флеша и Майенфельда, в то время как выделенный из этих частей батальон должен был переправиться ниже Люденштейга с помощью временного моста («мост на козлах»).

Этот батальон должен был угрожать форту с фронта, в то время как Массена, оттянув выставленные против него полевые части, намеревался атаковать его с тыла.

Генерал Демон захватил пост, выставленный австрийцами на перевале Кункель; рота с двумя орудиями, стоявшая выше Таминса, овладела Рейхенау и обоими мостами через Рейн, потом он послал отряд на Диссентис, в тыл находившегося там поста, благодаря чему этот последний оказался между двух огней и был взят. Сам генерал Демон уже в 7 часов утра выступил против Эмса. Здесь австрийцы, получив подкрепление из Кура, отбросили Луазона назад к Рейхенау, но не могли снова овладеть этим пунктом.

Кляузевиц, 1729 г.

Генерал Удино при своей переправе натолкнулся на очень большие затруднения, и ему не оставалось ничего другого, как захватить Шелленберг, лежащий против Фельдкирха, но он не мог оказать помощь центру во время боя.

Генерал Ауффенберг подтянул к себе стоявший поблизости батальон генерала Готце. В то время, когда часть войск, как мы видели, была выделена на Эмс и Рейхенау, он с остальными двумя батальонами и полускадром кавалерии занял позиции вдоль Рейна от нижнего Таможенного моста при впадении Ландкварта до Флеша протяжением свыше одной немецкой мили. Однако, ему ничего не удалось сделать, так как все попытки французов переправиться вброд через Рейн у Флеша и Майенфельда, благодаря высокому уровню воды, оказались бесплодными.

Напротив находился мост у Адмооса, и Массена решил с бригадой Лоржа свернуть влево и перейти по этому мосту, чтобы атаковать Люциенштейг с фронта, в то время как Менар с бригадой Шабрана будет удерживать генерала Ауффенберга. Переход французов по этому слабому временному мосту занял продолжительное время, и только после полуночи — в 3 часа — Массена смог появиться перед Люциенштейгом. Он решил овладеть этим пунктом любой ценой, так как в противном случае, имея в тылу такой ненадежный мост и разбросав свои силы, он не мог бы оставаться в узкой Рейнской долине.

Массена приказал небольшой колонне гренадер взобраться на гору Фалькнис, в которую упирался правый фланговый редут. Другая колонна овладела незанятым Флешенбергом, находившимся слева от крепостного верка, третья колонна атаковала с фронта. После 4-часового боя укрепление было взято. Колонны, взойдящей на гору Фалькнис, удалось подвергнуть сильному обстрелу сверху правый фланговый редут, к этому присоединилась еще атака с фронта, и в наступлении ночи редут был взят. Затем французы атаковали верк с тыла, перебили или захватили в плен гарнизон и открыли путь колонне, производившей атаку с фронта. Можно думать, что из этого гарнизона уцелели немногие.

Бой у Кура 7 марта

Генерал Ауффенберг после неудачных результатов этого дня решил отступить за Ландкварт. Он расположился с двумя батальонами и полускадром у верхнего Таможенного моста, переброшенного через Ландкварт, в то время как один батальон с полускадром остался у Эмса.

7 марта Массена возобновил наступление, подтянув к себе бригаду Шабрана, переправившуюся по нижнему Таможенному мосту.

Когда Массена начал наступление, верхний Таможенный мост был скоро оставлен, вторая позиция у Цицера и третья, наскоро сооруженная перед Куrom у Мазана, также были взяты Массеной; это нетрудно объяснить, учитывая, что 7—8 тыс. чел. вели наступление против 2 000. Генерал Ауффенберг оказался теперь в критическом положении. Когда он подошел к Куру и еще раз занял позиции на находившихся там вы-

сотах, вероятно, имея намерение подтянуть к себе батальон из Эмса, он был обойден с правого фланга войсками, которые Массена перебросил налevo в горы; фронт его был прорван, и со всеми своими войсками, а также с батальонами, находившимися у Эмса, генерал Ауффенберг попал в руки французов. Только слабые остатки этого корпуса из 6 000 чел. спаслись, добравшись по горным тропам до Верхнего Энгадина.

Войска генерала Готце были еще расположены на квартирах, когда произошло сражение при Люциенштейге и Удино уже овладел Шелленбергом, который от позиции у Фельдкирха отделился узкой луговой долиной, впадающей в долину р. Иль. Готце поспешно стянул ближайшие батальоны и, имея всего 2—3 тыс. чел., двинулся с ними на Шелленберг навстречу Удино в расчете на то, что у него будет время собрать свои остальные войска.

Удино, войска которого были усилены еще частью бригады Лоржа, было нетрудно отбросить австрийцев, потерявших свое орудие и половину людей, и овладеть частью передовых укреплений горной позиции. Готце удалось лишь с большим трудом с наступлением ночи снова вырвать их из рук французов и, таким образом, получить в полное обладание весь район, примыкавший к позиции у Фельдкирха.

Этим закончился первый этап наступления Массены. Результаты были таковы: он овладел Рейнской долиной, уничтожил австрийский корпус силою около 6 000 чел., взял 5 000 пленных и 14 орудий и ликвидировал вооруженные силы граубюнденцев.

Ясно, что этот блестящий результат зависел не от наступательного плана, а от энергии в его проведении, так как наиболее сильным постом всей позиции был Люциенштейг, падение которого привело к поражению Ауффенберга, между тем как этого поражения можно было ждать гораздо скорее с левого фланга.

Этот Люциенштейг еще раз служит доказательством того, как опасно искать опоры для укрепленных позиций на таких тесных дорогах в горах.

Причина того, что генерал Ауффенберг потерял путь отступления, вообще не зависела от характера его позиции: если бы он бросил свою артиллерию, то путь отступления по долине Альбулы не мог бы быть прехвачен у него без его собственной олощности.

Массена сосредоточил свой центр против позиций у Фельдкирха и в течение нескольких недель продолжал оставаться в Рейнской долине, ожидая успешных результатов операций своего правого фланга и Дунайской армии, и не предпринимал никаких значительных действий.

Завоевание Энгадина Ленкурбом

Энгадин — долина Граубюндена, и вследствие этого выдвинутые сюда два австрийских батальона принадлежали к войскам, оккупировавшим Граубюнден. Впрочем, эти войска принадлежали к составу Тирольской армии, тогда как войска Ауффенберга входили в состав армий Готце и Эрригерога. Рассматривая Энгадин как один из главных выходов в Ти-

роль, мы должны будем сказать о положении Тироля и его армии, что бы ясно представить себе наступление Лекурба.

После уничтожения войск Ауффенберга и потери Граубюнденской Рейнской долины мы можем не принимать более в расчет оборону собственно Энгадина и, таким образом, рассматривать Тирольскую армию, исчезающуюся, как мы сказали, в 47 000 чел., как армию самостоятельную, операции которой были ограничены Тиролем.

Повидимому, Бельгард не мог предусмотреть разрыва мирных отношений в такой степени, как эрцгерцог, находившийся ближе к месту переговоров и лучше осведомленный. Эрцгерцог неоднократно сообщает, что здесь не было сделано никаких притоговлений к войне, и можно думать, что прошло 10—12 дней, прежде чем войска начали операцию, являющуюся как бы стратегическим наступлением.

Эрцгерцог, повидимому, не составил конкретного плана расположения австрийских сил в Тироле, ибо, хотя он и называет места сосредоточения и указывает численность сил, у него все-таки всегда чего-нибудь недостает: или не указаны точные цифры, или не указывается назначение отдельных частей, или не перечислены все части, или же все это находится в полном противоречии. Относительно положения при открытии кампании мы можем извлечь из его труда лишь следующие данные:

На северной границе Тироля в менее возвышенных районах находилось	29 батальонов и 5 эскадронов
В Южном Тироле, т. е. в долинах р. Эч и Кустера	10 " и 2 "
Эти части составляли крупные войсковые соединения. Для занятия горных проходов были выдвинуты следующие части:	
В долину Зальца	3 батальона и 1/2 эскадрона
В Винтигау (верхняя долина р. Эч).	2 " 1/2 "
В Энгадин	3 " 1 "
Гарнизон в Инсбруке	1 " — —
Гарнизон в Ландеке	1 " — —
Всего	49 батальонов и 9 эскадронов

Таким образом, здесь пропущены только 1 батальон и 5 эскадронов.

Когда начались военные действия в Граубюндене, о чем Бельгард, вероятно, узнал не раньше 8 марта, он начал поход со своими войсками, но, по какому плану и каким образом, об этом мы опять недостаточно осведомлены; через 12 дней, т. е. около 18 марта, эрцгерцог расположил Тирольскую армию в следующем порядке:

В долине Зальца	4 батальона и 1/2 эскадрона
В долине Мюнстера у Тауферса	8 " 1 1/2 "
В долине Инна у Мартинсбрюка	4 " 1 1/2 "
В долине Монтафона и Кластера	6 " — —

В качестве резерва в долине р. Эч

у Лаача	9 1/2 батальонов 2 1/2 эскадрона
Резерв в долине Инна у Ландека	10 000 чел.

Всего 10 000 чел., 31 1/2 батальона и 5 эскадронов

Если эти 10 000 чел. считать за 10 батальонов и 9 эскадронов и приписать к ним еще 2 батальона, которые в это время уже погибли в Энгадине, то получится всего 43 1/2 батальона и 14 эскадронов. Таким образом, недостает еще 6 1/2 батальонов, из которых одни были использованы в качестве гарнизонов, а другие могли быть просто пропущены.

Повидимому, из 29 батальонов, занимавших северный Тироль, 5 были направлены в долину Мюнстера, чтобы там вместе с 3 батальонами, находившимися в Винтигау, занять позицию у Тауферса, 6 батальонов были посланы на Монтафур и в долину Кластера и 4 батальона — на Мартинсбрюк; около 10 батальонов было выставлено у Ландека в качестве резерва; резерв, выставленный в Винтигау у Лаача, был образован из 10 батальонов, стоявших в Южном Тироле.

Следует предположить, что в то время как происходили первые бои между Лаудоном и Лекурбом, Тирольская армия переходила от этих первых двух стоек к следующим.

Бельгарду был дан приказ оборонять Тироль, причем господствовало то же самое мнение, как и при защите Граубюндена, что эту оборону следует организовать по возможности местными средствами с помощью тирольского населения, которое по доброй воле возмется за оружие.

Бельгард видел свое назначение только в обороне этой провинции и, по мнению эрцгерцога, повидимому, ограничился этой задачей, зная, какое большое значение придадут в Вене защите Тироля.

Какой глупостью было назначить 50 000 чел. исключительно для обороны этой провинции и этим поставить их изолированно, вне связи с общей совокупностью операций, тогда как в виду малой доступности и воинственного и вооруженного населения этой провинции ее следовало бы, до известной степени, предоставить собственным силам, — этого факта при рассмотрении событий никоим образом нельзя оставлять без внимания.

Рассматривая Тироль как страну, которую приходится оборонять с запада, мы видим, что она имела четыре подступа таких, где вьючные тропы, ведущие через перевалы в долины, соединяются уже с преобладающими дорогами: 1) от Фельдкирха через Монтафур, 2) Энгадин, 3) долина Мюнстера (южные истоки р. Эч), 4) долина Зальца.

К каждой из этих долин вели более или менее доступные перевалы через высокие горные хребты, на которые предстояло взбираться.

По ранее изложенным причинам оборона этих перевалов была невозможна, она зависела от обороны долин. Оборонительная линия, следовательно, начиналась от позиции у Фельдкирха, который, как мы знаем,

оставался в руках австрийцев, проходила вдоль долины Монтафур и пересеклась в поперечном направлении долины Инна, Монстера и Зальды. У озера Гарда она примыкала к расположению итальянско-австрийской армии, первые посты которой находились на северном берегу озера.

9 батальонов у Лаача следует рассматривать как резерв для долин Зальды и Монстера, а равным образом и для постов у Мартинсбрюка, находившихся в долине Инна, так как от Винттигау можно было удобно выйти через долину северных истоков р. Эч к Наудерсу. 10 000 чел. у Ландеа были предназначены в качестве резерва для долин Инна и Илла.

Какова была численность местных вооруженных сил, об этом нигде не сказано. В истории кампании 1796 г. они исчислялись в 7 000 чел. Для 1799 г. их нужно считать, по крайней мере, в двойном количестве, так как мы нередко встречаем случаи, когда гарнизоны выставившихся вперед постов усиливались несколькими тысячами человек из местных вооруженных сил; как мы увидим дальше, Лаудон однажды использовал эти силы на одном из постов в количестве 6—7 тыс. чел.

После того как мы дали, насколько это представлялось для нас возможным, исную картину положения Тироля и его вооруженных сил, чтобы в связи с этим показать положение зависевшего от него Энгадина, мы знаем теперь, против какого объекта направили свое наступление Лекурб и Дессоль, и надеемся, что наше дальнейшее изложение станет более удовлетворительным и понятным.

Согласно французскому операционному плану, изложенному нами, наступление этих двух отрядов, стоявших на итальянской стороне Альп, составляло часть общего наступления, которое должен был вести Массена против австрийских сил в Граубюндене.

По размеры этой операции, вполне естественно, не ограничивались пределами Граубюндена, напротив того, Лекурб и Дессоль во всяком случае должны были проникнуть в Тироль, чтобы овладеть выходами в долину р. Эч (Винттигау). В этом можно видеть известного рода выравнивание фронта, эта идея была тогда у французов в большой моде. Если бы Массена продвинулся до Рейна выше Боденского озера, то линия французских позиций проходила бы или через долину Монтафур (в случае захвата Фельдкирха), или же через Преттигау в Нижний Энгадин на Наудерс и оттуда в долину р. Эч и Винттигау. Французы думали, что они будут в состоянии удержать эту линию расположения, или же рассматривали ее как этап для дальнейшего продвижения вперед. Выдвигая вперед правый фланг Швейцарской армии, они, по нашему мнению, создавали угрозу правому флангу итальянско-австрийской армии через долину р. Эч, пресекая ближайшие коммуникации этой армии с германской армией через Винттигау, ограничивая их путями, идущими через Бреннер. Если бы им удалось продвинуться до Боцена, то и пути через Бреннер были бы также потеряны для австрийцев. При этом французских стратегов того времени особенно привлекала мысль, что они овла-

деют возвышенными пунктами и будут в состоянии с Вормского перевала вести бесперывные операции в направлении сверху вниз.

Этот объект наступления мы подвергнем рассмотрению впоследствии, здесь же удовлетворимся простым указанием его.

Почему Лекурб выступил из Беллинцоны только 7 марта, а Дессоль прибыл в Ворме только 17-го, — это неизвестно. Если в их намерение входила одновременность действий этих колонн с войсками на Рейне и принималось во внимание взаимное расположение, то очевидно, что Лекурб прибыл с опозданием на 2—3 дня, а Дессоль на 8—10 дней. Вино этому были случайные или недоразумение.

7 марта Лекурб выступил в поход из Беллинцоны с 10 батальонами и некоторым количеством конницы, перешел покрытые снегом горные высоты Беригардина и спустился в долину Рейна, продвинувшись до Тузиса. Отсюда он направился через долину Альбуи двумя колоннами, из которых одна шла под его командованием через Альбулу на Понте, другая под командованием генерала Энони — через Юлиерберг на Сильвалана в долину Инна. На высотах обе колонны 10 марта натолкнулись на австрийские посты, которые были ими отброшены.

Преходящая здесь дорога идет на протяжении 16 немецких миль через альпийские горные высоты. Ее с трудом можно пройти в четыре дня.

Мы не имеем права изменять эту дату, приводимую важнейшими авторами. Никто из писателей ни слова не говорит о том, почему генерал Лекурб выбрал обходный путь через Рейнскую долину, чтобы попасть в Энгадин. Если это было сделано для того, чтобы выйти в тыл двум батальонам, выдвинутым в Энгадин, то это должно было относиться к сильному посту, который эти батальоны выставили на подступах к Энгадину. Расположение этих войск не могло быть причиной такого маневра, план которого был установлен в Цюрихе или в Беллинцоне, так как совершенно не было известно, находились ли еще там эти батальоны к моменту начала похода: о сильном poste нигде нет и речи, тем более что, как говорит эрцгерцог Карл, эти два батальона частью стояли на дальних квартирах в Пушаверской долине. Наоборот, естественное предположение, что Лекурб имел назначение сначала выйти в тыл войскам Ауфленберга в Рейнской долине, а затем обратиться против Энгадина и что фельдмаршала, одержавшего 7 марта в Верхней Рейнской долине, он узнал об успехе, одержанном 8 марта, когда спустился уже в Нижнюю долину. Было бы странным, конечно, если бы историки упустили из внимания это весьма существенное указание плана.

Батальоны, стоявшие в Верхнем Энгадине, были отрезаны и в большинстве захвачены в плен.

При открытии военных действий под командованием генерала Лаудона находилось несколько батальонов в долине Инна на границе Энгадина, кроме того, были сосредоточены батальоны, стоявшие в Винттигау, так что к 10 марта в распоряжении этого генерала находились 3 батальона и один эскадрон у Наудерса и 5 батальонов и 1 эскадрон в долине

Мюнстера между Тауферсом и С.-Мариа. С четырьмя батальонами, которые, повидимому, не принадлежали к этим восьми, он выступил в поход навстречу противнику. В ночь с 10 на 11 марта он прибыл в Цернег.

По рассказу эргерцога, уцелевшие остатки войск, отступавших из Рейнской долины, прикрывали перевалы Скалетты и Флюелсы, находящиеся на левой окраине Энгадина. Один батальон из долины Мюнстера продвинулся от С.-Мариа до Борнио; другой батальон овладел Чирфским перевалом, через который проходит дорога из Цернеца в Борнио. Этот последний батальон был во всяком случае из числа тех четырех батальонов, которые Лаудон привел с собой в Цернег. С остальными тремя батальонами Лаудон 12 марта, вероятно, продвинулся к Понту, вытесняя оттуда французов и частично овладел долиной Альбулы. Лекурб с частью своих войск удерживался на высотах, в то время как другая часть их направилась влево через долину Давоса, проходящую здесь параллельно долине Инна, вышла в тыл постов на горах Скалетта и Флюелсы, оттеснила их, а затем спустилась в Энгадин. Когда Лаудон заметил это, ему не оставалось ничего другого, как поспешно начать отход; но этот отход уже невозможно было совершить без того, чтобы значительная часть его сил не оказалась отрезанной. Ночью Лаудон покинул Цернег и 13-го продолжал свое отступление. Французы преследовали его 14 марта до Ремюса.

Лекурб оказался в Энгадине, очевидно, в совершенно изолированном положении. О генерале Дессоле ничего не было слышно, слева на значительном расстоянии не было никаких крупных частей французских войск, — наоборот, австрийцы на своем правом фланге в верхней долине р. Эч имели силы в 5—6 тыс. чел. из своей армии и, вероятно, столь же многочисленный ландштурм; на левом фланге в долине Монтафур находилось подобное же количество войск. Лекурб понимал опасность своего положения, но благодаря мужеству и, так сказать, фанатизму решимости, который тогда воодушевлял французских генералов, он сумел увлечь свои войска, чтобы овладеть постом Мартинсбрюка. Чтобы хоть сколько-нибудь оградить от опасности свой тыл, он приказал частям своей дивизии стоять в Цернеце и Скуольсе.

Бой у Мартинсбрюка 14 марта

Пост Мартинсбрюка был расположен в теснине, образуемой рекой и скалами. Его легко было оборонять с помощью трех батальонов и трех орудий, установленных там австрийцами, но с некоторой затратой времени его можно было обойти с левой стороны по пешеходной тропе, продолженной в горах. Пылкий Лекурб не захотел тратить время на обход, но решил еще 14 марта взять пост атакой с фронта. Он был отбит и снова занял свою позицию у Ремюса. Когда он намеревался возобновить атаку 15 марта, он вдруг услышал пальбу у себя в тылу, у Цернеца и Скуольсы.

Бой у Цернеца, Скуольсы и Ремюса 15 марта

Генерал Лаудон имел намерение одержать над Лекурбом победу, направив сюда атаку. 15 марта он выступил в долину Мюнстера и сосредоточил 7 000 чел. ландштурма, усиленных тремя ротами пехоты, которые направлялись через Чирфский перевал на Цернег, в то время как сам генерал Лаудон с тремя остальными ротами из С.-Мариа через Шерльский перевал двинулся на Скуольс.

Пост у Мартинсбрюка был дан приказ в то же самое время атаковать генерала Лекурба с фронта у Ремюса.

Результаты этой атаки были следующие.

Первая колонна хотя и перешла через гору, но была контратакована французским батальоном, стоявшим в Цернеце, и отброшена назад в горы; вторая колонна ворвалась в Скуольс и так энергично атаковала этот пост, что сам генерал Энони был взят в плен; но она была в свою очередь атакована генералом Лекурбом, возвратившимся из Ремюса со своими главными силами, и вынуждена была также отступить в горы, причем три роты оказались отрезанными от первой колонны; наступление из Мартинсбрюка на Ремюс с двумя батальонами даже против слабых сил не увенчалось успехом и было остановлено Лекурбом.

Так рассказывает эргерцог Карл об этом бое. Если в его изложении нет никакой ошибки, то, прежде всего, удивительным кажется то, что генерал Лаудон находился не при большой колонне в 7—8 тыс. чел., а при трех ротах и что эта большая колонна была отброшена одним батальоном французов. Если это действительно так случилось, то, конечно, нет ничего удивительного, что генерал Лекурб, возвратившийся из Ремюса, вероятно, с тремя или четырьмя батальонами, был в состоянии принудить к отступлению генерала Лаудона с его тремя ротами. Еще менее следует удивляться тому, что два батальона, выступившие из Мартинсбрюка против поста у Ремюса, не смогли овладеть им, так как он, вероятно, имел те же выгоды расположения, что и пост у Мартинсбрюка; всего на расстоянии полумили оттуда находится Скуольс, и можно было опасаться каждую минуту появления оттуда Лекурба.

Эргерцог Карл делает упрек генералу Лаудону в том, что он не взял для этой операции более 6 рот. С общей точки зрения этот упрек является вполне обоснованным: в горной войне, если хотят поддержать оборону путем наступательной операции, приходится иногда ослаблять оборону в пунктах, не имеющих решающего значения, чтобы собрать достаточные силы для наступления. Но такой точки зрения австрийцы в то время совершенно не придерживались, наоборот, первым правилом для них всегда было — ни на один момент не ослаблять ни одного пункта на протяжении всей оборонительной системы.

Если принять эту точку зрения, то менее всего можно понять, как мог Лаудон допустить ослабление поста в долине Мюнстера более чем на 6 рот, не убедившись вполне, что ему там ничто не может угрожать, так

как через два дня после этого Дессоль действительно перешел через Вормский перевал.

Бой у Мартинсбрюка 17 марта

Лекурб думал, что после победы, одержанной им 15 марта, он будет в состоянии возобновить наступление на Мартинсбрюк. Дав своим войскам однодневный отдых, он атаковал 17 марта пост с фронта и в то же время восполнялся пешей тропой, ведущей в обход по левой окраине долины. Однако, атака с фронта была отбита, и австрийцы, получившие тем временем подкрепление, выставили свои резервы у Финстермюнци; в том месте, где эта тропа, под названием Новой, выходила на большую дорогу; ими был взят в плен французский батальон, посланный в обход.

Эта неудача, равно как и потери, понесенные им в течение следующих 10 дней продолжавшихся атак, убедили его, наконец, в необходимости дожидаться прибытия генерала Дессоля в Мюнстерскую долину.

Дессоль уничтожает корпус Лаудона у Тауферса, а Лекурб наносит поражение другому корпусу у Наудерса

Генерал Дессоль со своей бригадой силой около 5 000 чел. 17 марта прибыл в Ворме и уничтожил находившийся там австрийский пост.

То, что произошло теперь, после того как война продолжалась одиннадцать дней, можно объяснить только беспечностью или беспомощностью австрийцев. Вероятно, австрийской армии не доставало той строгости дисциплины и внутреннего порядка, которые приходят на помощь слабости и легкомыслию человеческой природы и предохраняют от многих тысяч упущений и ошибок, всегда возникающих в работе машины, составленной из многих индивидуумов, какой является армия.

Моральная дисциплина у французов была еще хуже, и порядок у них установить было еще труднее, но недостающее восполнялось положительными стремлениями вождей, а там, где жив дух, форма может оказаться нарушенной.

Генерал Лаудон 17 марта отступил от С.-Марна на укрепленную позицию у Тауферса.

18-го Дессоль двинулся на С.-Марна.

Оба французских генерала, Дессоль и Лекурб, спокойно стояли в течение 8 дней — один у С.-Марна против поста Тауферса, другой у Ремюса — против Мартинсбрюка. Историки не дают никакого объяснения этого бездействия. Мы можем только строить догадки, что Лекурб ожидал подкреплений и что оба генерала хотели начать атаку в один и тот же день. В блок, происшедших 25 марта, мы встречаем в дивизии Лекурба генералов Луазона и Демона. Можно, следовательно, предположить, что первый из них в течение этих восьми дней подошел из Рейнской долины, а другой был прислан генералом Массена с подкреплениями.

Сам генерал Массена, как мы уже сказали, с 7 марта был задержан наступлением своего центра. В это время, о котором мы теперь говорим,

Журдан, начинавший уже беспокоиться о своем положении, призвал его к новой деятельности, и поэтому он решил снова произвести попытку овладеть позицией у Фальдкирха и одновременно дал Лекурбу и Дессолю приказ об атаке.

Таким образом, это новое наступление французского правого фланга происходило одновременно с новой операцией центра, и его можно рассматривать как часть второго наступления французской Швейцарской армии. Но эта одновременность не стояла в связи с общим ходом операции, так как первоначальным назначением этого фланга было овладеть сообщениями между долиной Инна у Наудерса и долиной р. Эч, а эта цель его наступления не была еще достигнута.

Итак, Лекурб и Дессоль решили начать атаку 25 марта.

Бой у Тауферса 25 марта

После потери Граубюндена австрийцы создали план повести наступательную операцию из Тироля и снова завоевать Граубюнден, ибо, как говорит эрцгерцог, «несоответствие оборонительного образа действия с огромными средствами, имевшимися в их распоряжении, должно было бросаться в глаза».

Генерал Бельгард, получивший приказ об этом из Вены, держался того взгляда, что это движение с его стороны должно быть выполнено таким образом, чтобы все выходы из Тироля оставались прикрытыми; для этого он считал необходимым содействие корпуса Готце и Итальянской армии. Все это требовало продолжительной подготовки и ряда продовольственных мероприятий, так что проведение плана было отложено до 2 апреля. Итак, следует думать, что австрийцы в Тироле готовились к этому наступлению, и на распоряжение войск к 18 марта, указанное в предыдущем разделе, нужно смотреть как на следствие этого. 25 марта мы не находим в этом распоряжении, повидному, никаких изменений, кроме того, что для поддержки поста Мартинсбрюка были выставлены у Наудерса 4 батальона, которые были взяты из находившегося у Ландека резерва, состоявшего из 9 батальонов. Резерв в Винштау, который по указанию эрцгерцога, состоял из 10½ батальонов и 18 марта находился между Лаачем и Эйерсом, 25 марта был разбросан в разных местах, так как он спешно отправил на помощь посту у Тауферса только 2 батальона. Бельгард имел свою главную квартиру в Бодеце, поэтому вполне вероятно, что в этой части долины р. Эч у него также находились войска, которые могли принадлежать только к этому резерву.

Итак, 25 марта мы находим генерала Лаудона стоящим у Тауферса с 8 батальонами, которые насчитывали 6 200 чел. с 16 орудиями. В Винштау стояли резервы, которые, однако, находились слишком далеко и не могли оказать ему действительной поддержки во время боя.

Позиция у Тауферса была выбрана не в устье долины, находившемся в долине дальше, а в более широкой части ее, где Вальлаволабах,

текущий с Шерльского перевала, т. е. из района Скуольса, впадает в Рамбах, образующий южные истоки р. Эч, т. е. водораздел Мюнстерской долины.

Эта широкая часть долины, лежащая на левом берегу Рамбаха, простирается на несколько тысяч шагов. Она представляла собою волнообразную поверхность. Вальлаволабах, который протекает между крутыми и высокими берегами, как бы в канаве, нужно рассматривать как фронтальное препятствие. Правый фланг упирался в скалы левого края долины, левый — в Рамбах, имеющий также крутые и высокие берега.

Оба ручья до такой степени пересохли, что можно было идти по их руслу. В тылу позиция находилась берега Тауферс, в нескольких тысячах шагов от нее был расположен Мюнстер, в очень узком месте долины.

Эрнгердот Карл полагает, что эта позиция была выбрана в связи с проектировавшимся наступлением потому, что австрийцы боялись лишиться возможности отступления отсюда в случае, если она будет расположена в узком месте.

Позиция у Тауферса была укреплена. Три открытых редута двумя длинными линиями простирались за Вальлаволабахом в длину на тысячу шагов, слева она упиралась в Рамбах.

В 500 шагах за этой укрепленной линией, также за небольшим глубоководным протекавшим ручьем, проходила вторая линия укреплений, длиной около 500 шагов, которая состояла из двух замкнутых редутов, расположенных длинной линией.

Хотя в устройстве этих редутов были допущены некоторые ошибки, заключавшиеся в том, что редуты были открытыми, и связующая их линия была чрезмерно длинна, но все-таки при надлежащей защите они вполне могли противостоять атакующему с фронта противнику, у которого почти не было орудий.

Таким образом, оставался только обход через горы. Но они были заняты легкими войсками и местными ландверными частями, и всякая попытка совершить обход могла быть обнаружена и затруднена, и этим было бы выиграно время для отражения ее с помощью резервов.

Дессоль восемь дней стоял перед австрийскими укреплениями и имел полную возможность достаточно наблюдать их с некоторых пунктов на горных хребтах, между которыми они были расположены, и обнаружить слабые стороны в их устройстве.

В ночь с 24 на 25 марта с 4 500 чел. и 2 орудиями он перешел через Мюнстер, на рассвете потеснил неприятельские форпосты и немедленно отбросил их к линии укреплений; тремя батальонами он приказал направиться по руслу Рамбаха, несмотря на артиллерийский огонь, а сам с остальными батальонами атаковал с фронта. Для австрийцев, повидимому, это нападение явилось полной неожиданностью, потому что они не оказали никакого сопротивления тем трем батальонам, которые вступили в русло Рамбаха и уже прошли по нему свыше 1 000 шагов. Они про-

никли с тыла в оборонительные укрепления и деревню Тауферс, при этом одновременно выслали отряд, чтобы загнать долину далее вниз по течению. Вследствие отсутствия порядка и мер предосторожности было оказано, повидимому, лишь ничтожное сопротивление, и замешательство достигло крайних пределов, о чем можно судить по тому факту, что из всего корпуса уделено только 300—400 человек вместе с генералом Лауденом, которые бросились в горы левой окраины долины, причем трудно понять, каким образом три батальона были в состоянии прогнать дорогу в такой местности, где не было никаких уступлений.

Таким образом, 4 500 чел. с двумя орудиями взяли в плен 5—6 тыс. и захватили 16 орудий. Генерал Лаудон с несколькими людьми перешел через горный хребет, отделяющий друг от друга оба истока р. Эч, надеясь спастись за Наудерс; но когда он недалеко от Решена узнал, что Наудерс уже в руках Лекурба, он бросился в горы, замыкающие справа долину Инна, и с невероятным трудом и опасностями добрался до Ландека.

Дессоль 26 марта выступил к Глурнеу, где он остановился фронтом против стоявших в Винштау резервов, из состава которых 2 батальона и 3 эскадрона в качестве подкрепления подошли к посту Тауферса одновременно с подходом к Шландерсу французских головных частей.

Бой у Наудерса 25 марта

25 марта Лекурб атаковал своего противника. Кто был этот противник, т. е. кто командовал у Мартинсбрюка и Наудерса, это осталось неизвестным. Но мы уже сказали, что первый из этих постов состоял из двух батальонов и второй — из четырех, которые нужно рассматривать как резервы. Конечно, какие-нибудь части находились также и у Финстермюнца.

Лекурб послал значительную часть своей дивизии под командованием генерала Луазона за горную цепь, находящуюся на правом берегу Инна.

Луазону удалось с частью своих сил выйти на дорогу, ведущую к р. Эч, и, таким образом, достигнуть левого фланга резервов у Наудерса, во время как другая часть корпуса Луазона спустилась дальше в горы и атаковала их с фронта. Таким образом, эти четыре батальона, которые, вероятно, были сильнее генерала Луазона, оказались разбитыми и начали поспешно отступать к Финстермюнцу. Вследствие этого два батальона, державшиеся еще у Мартинсбрюка, потеряли свои позиции и были взяты в плен с 9 орудиями.

Австрийцы оставили также и Финстермюнц и отступили к Ландеку, где они соединились со своими резервами.

Лекурб остановился у Наудерса. Оба французских генерала в результате неудач, которую потерпел Журдан в сражении у Остерха 18 марта, получили от генерала Массены приказ не двигаться дальше.

Таким образом, это нападение французов на долины Инна и Мюнстера имело гораздо больший успех, чем можно было ожидать и представлять себе. Вместо не представлявшего большого значения захвата узла горных дорог, который в результате общего положения необходимо было снова оставить, они совершенно уничтожили один австрийский корпус такой же численности, как в Рейнской долине, разбили другой корпус и, имея всего 15 000 чел., в течение нескольких дней взяли 25 орудий и от 10 до 12 тыс. пленных.

Что этот блестящий результат здесь находился в связи со стратегическими комбинациями не менее, чем в Рейнской долине,—это очевидно. Снова энергия французских полководцев и храбрость и неутомимость их солдат привели к победе вследствие ошибок австрийских генералов и плохого морального состояния их войск.

В самом деле, невозможно объяснить это постоянное отрезывание и взятие в плен целых батальонов, это уничтожение всего корпуса и спасение частей австрийских знамен, не предполагая, что здесь были совершенны необыкновенные ошибки и была проявлена необычайная вялость.

Массена атакует позицию у Фельдкирха

Позиция у Фельдкирха, ставшая знаменитой в этой войне, имела стратегическое значение в трех различных отношениях. Она находилась на месте соединения долины Инна (Монтафур) с долиной Рейна, на расстоянии одного часа пути от Рейна, у дороги, которая проходит из Швабии от Брегенца и по Рейнской долине через Шпльген идет в Италию. Поэтому она имела влияние и на Рейнскую долину и вместе с тем, естественно, и на долину Илль, в которой она была расположена и по которой проходила удобная дорога между Рейном и Инном через Блуденц на Ландек, между тем как дороги южнее шли по большей части через трудно проходимые для повозок проходы. Далее Фельдкирх находится всего в расстоянии четырех миль от Боденского озера; так как местность здесь, особенно на правом берегу Рейна, довольно открытая и ровная, то данная позиция легко могла оказывать влияние также и на эту местность.

Позиция у Фельдкирха, тактические свойства которой более подробно будут указаны ниже, годилась для корпуса от 8, 10 до 20 тыс. чел., смотря по тому, каковы будут атакующие ее силы; оборона ее могла быть организована таким образом, что можно было не бояться ее захвата противником. При таких условиях эта позиция имела тройное стратегическое значение в следующих отношениях:

1. Она защищает выходы из Граубюндена в Швабию и отбрасывает воровавшегося противника в долину Инна, т. е. на дорогу через Тироль.
2. Она преграждает путь между Рейном и Инном через Монтафур и долину Клостера.
3. Против неприятеля, ведущего наступление между нею и Боденским

озером, она может служить фланговой позицией, так как не легко захватить путь отступления через Монтафур.

Вследствие этих трех обстоятельств австрийцы постоянно держали здесь корпус от 8 до 10 тыс. чел. Впрочем, в рассматриваемый нами момент то значение, которое могла иметь эта позиция, указанное в пункте 3-м, не казалось им настолько важным, чтобы занять пункт у Брегенца более сильными частями войск, и для этого имелись во всяком случае основательные причины. Вообще со стратегической точки зрения не следовало прибегать к косвенным способам защиты страны, если, как здесь, например, 18 000 чел. (таковы были силы Готте) должны были защищать против врага, имеющего равные силы, местность со Боденского озера, т. е. помешать ему проникнуть в нее на значительное расстояние. Это не подлежало никакому сомнению.

Если эта позиция должна была рассматриваться изолированно от Швабии, то прежде всего следовало организовать через долину Инна и Блуден снабжение ее продовольствием, которое вряд ли было заготовлено; во-вторых, если бы вместо того, чтобы иметь у Фельдкирха 18 000 чел., их было бы там только 6 000, а остальные 12 000 отшли в Брегенца, то была бы возможность использовать эти последние в Швабии. Австрийцы тем скорее могли избрать этот путь, что в их распоряжении находились местные вооруженные силы Тироля и Форарльберга, которые всегда могли в количестве нескольких тысяч человек прийти на помощь позиции у Фельдкирха.

У генерала Массены после того, как его правый фланг направился в Энгадин, а левый не мог отойти от Шафгаузена, оставалось не более 10—12 тыс. чел. для атаки позиций Фельдкирха или Брегенца. Против таких сил первая позиция могла держаться даже с 6 000 чел., а для последней во всяком случае оставался возможный отход в Швабию.

Что касается тактической природы этой позиции, то она принадлежала к числу таких, у которых высокая горная цепь, находившаяся у узкого ее края, образует ряд снижающихся площадок, получающихся вследствие того, что крутой скат горы внезапно обрывается и продолжается затем на некотором протяжении в волнообразной форме, имея гораздо меньшую крутизну и образуя нечто вроде плато, которое оканчивается снова крутым обрывом при спуске в долину. Такая крутизна склона затрудняет доступ к плато, образуя фронтальное препятствие позиции, внутри которой можно передвигаться с достаточной легкостью и тыл которой примыкает к высокой горе. Там, где она имеет крутой подъем, ее можно рассматривать как неприступную позицию, но, строго говоря, только для артиллерии и больших масс войск. Там, где растет лес, уступы ее засады может быть средством для еще большего повышения ее неприступности. Если противник пробьется сюда с незначительными частями легких войск, можно противопоставить им равные силы и таким образом нейтрализовать их. При таких условиях командование высокого горного хребта над позицией не имеет большого значения.

Позиция Фельдкирха была расположена в конце круто спускающегося к Илью высокого горного хребта на плато между долиной Замина и Рейном. Сила этой позиции увеличивалась еще и тем, что вокруг подножия горы простиралась болотистая местность, покрытая густым тростником, примыкавшая у Бендерна к Рейну; на другой стороне этой долины находится еще один довольно высокий горный хребет Шелленберг, отделяющий ее от Рейна и имеющий значительно большую высоту, чем позиция Фельдкирха; так как расстояние до его командующих пунктов насчитывает 1800—2000 шагов, то отсюда не возникало для позиции никаких значительных неудобств. Нижняя часть горы, использованная для позиции, лежит в обращенном к Рейну углу горного хребта, и позиция занимала еще идущую параллельно длинную горную цепь, носившую название Бласенберга, имеющую почти такую же высоту, как подножие большого хребта, и в середине сливающейся с ним.

Собственно фронтом позиция была обращена в сторону Граубюндена, слева она упиралась в высокую гору и простиралась на 2000 шагов; правый фланг проходил по Бласенбергу по прямой линии, частью образованной неприступными скалами, и тянулся на 2500 шагов. У Илья позиция большей частью замкнута крутой, неприступной стеной скал. На правом берегу Илья частью возвышается чрезвычайно крутой главный хребет, идущий параллельно берегу, частью же находится долина шириной 600—800 шагов, где лежит город Фельдкирх; отсюда идет другой горный хребет — Арценберг, который можно рассматривать как продолжение Бласенберга. Илья протекает между двумя горными массивами в узкой ложине, через это ущелье ведет дорога к позиции от Рейна вдоль левого берега Илья. Большая дорога от Брегенца проходит через долину, отделяющую Арценберг от главного хребта, следовательно, через город Фельдкирх. Чтобы запереть дороги, идущие от Рейна и Брегенца, нет надобности занимать высоты, расположенные на правом берегу, так как со стороны Илья позиция является очень сильной. Но чтобы не допустить прегранижения дороги, ведущей на Брегенц, нужно укрепить горный хребет, лежащий на правой стороне Илья, спускающийся к Алтештадту. Дорога от Кура проходит через Нендельн и образует узкое дефиле между высоким горным хребтом и болотом, покрытым густым тростником, вплоть до Нендельской мельницы, в 1000 шагах от позиции, где местность несколько расширяется. Такое положение создаст главную силу позиции с фронта, так как оно препятствует противнику выставить здесь против нее значительную артиллерию.

Австрийцы использовали только часть позиции, лежащую на левом берегу Илья, и окружили ее лишний укреплений, в большинстве связанных между собой, отдельные части этих укреплений расположены были шлонообразно одна за другой*.

* Эрцгерцог в своем раскладе говорит о редутах, но в его плане указывались только несколько флешей или полулучинных пером.

Защитники этой позиции в количестве от 6 до 8 тыс. чел. с трудом были побеждены противником, имевшим от 10 до 12 тыс. Если бы ее обороняли 20 000 чел. с многочисленной артиллерией, ее, по всей вероятности, не могли бы взять даже 50 000 чел.

Теперь мы обратимся к атаке, которую произвел на нее Массена.

Атака Фельдкирха 23 марта

После первого нападения, которым Удино создал угрозу для позиций 7 марта, генерал Готце расположился на ней с значительной частью своих сил, т. е. с 8 или 10 батальонами. Но когда через десять или двенадцать дней после этого Журдан повел новое наступление в Швабю и дивизия Фериньо вступила в район Маркдорфа на левой стороне Боденского озера, Готце начал беспокоиться за свой стратегический правый фланг. Поэтому 19 марта он оставил на позиции Фельдкирха генерала Иеллачича с 5 батальонами и 2 эскадронами, 5 батальонов и 4½ эскадрона в Брегенце, 1 батальон и 1 эскадрон в Дорнбирне, сам же с 8 батальонами и 6 эскадронами выступил и занял позицию в тылу Зенблаха, восточнее Ландау.

Массена, призванный Журданом к новой деятельности, хотел воспользоваться его отсутствием для нападения на Фельдкирх.

22 марта он сосредоточил дивизию Менара и бригаду Удино, всего, вероятно, 12—15 тыс. чел. 23 марта он начал атаку четырьмя колоннами.

Три малых колонны, каждая из 2—3 батальонов, шли от Шелленберга. Крайняя левая колонна должна была перейти через Илья у Нюфельса, в ¼ мили ниже Фельдкирха, у подножия Шелленберга, но она не в состоянии была это сделать, так как там не было никакого моста и находилась укрепленный австрийский форпост. Вторая колонна вышла на Ильскую дорогу и вступила в ущелье между Бласенбергом и Арценбергом, но она понесла такие потери от австрийского огня и сбрасывания камней, что прекратила атаку. Так же мало достигла успеха и третья колонна, которая через густой тростник вышла к другому концу Бласенберга. Сам Массена с дивизией Менара и гренадерами произвел главную атаку с фронта на большой дороге у Нендельской мельницы.

Он атаковал линию укреплений с фронта и одновременно послал направо несколько батальонов, которые должны были действовать на склонах хребта среди находившихся там засек и обойти позицию с левого фланга.

Иеллачич имел только 5 батальонов и 2 эскадрона, т. е. не более 4500 чел., но в его распоряжении находилось несколько тысяч человек местных вооруженных сил, так что его корпус можно считать всего в 6—7 тыс. чел.

Атака с фронта не имела никакого успеха, хотя она и велась с большой решительностью, и один отряд смелых кавалеристов на большой дороге ворвался даже в самую середину линии укреплений.

Французские войска в лесу сначала имели успех, но Иеллачич в 4 часа пополудни выслал против них четыре роты своих резервов и приказав местным вооруженным отрядам спуститься с возвышенных пунктов горного хребта, носившего название Роберт, и выйти французам во фланг.

Это движение оказалось вполне действительным. Прорвавшиеся вперед отряды вынуждены были отступить. В то время как Массена все более вязнулся в бой и углублялся на правом фланге, ослабив атаку с фронта, Иеллачич стянул все находившиеся поблизости войска и с ними начал атаку французского фронта, что побудило французского командующего к полному отступлению.

Массена потерял 3 000 чел., что составляло, вероятно, четверть всех его сил, участвовавших в бою.

Он отступил к Куру и расположился там на позиции, заняв Люденштейн, тогда как Удино должен был расположиться в углу Рейна.

Эрцгерцог Карл наносит поражение Журдану в битве при Острахе

Мы оставили французскую Дунайскую армию под командованием Журдана стоявшей против эрцгерцога Карла. Журдан остановился со своей армией 7 марта на высотах Ротвейля, Тутлингена и Бломберга. Во время этой остановки эрцгерцог Карл сосредоточил свои войска, затем пехота, как мы сказали, перешла через Лех 9 марта, а кавалерия только 14-го. Авангард эрцгерцога продвинулся до Бибераха, Вальдзее и Равенсбурга, и армия сосредоточилась на этих позициях.

Журдан 14 марта возобновил поход и совершил еще пятидневный марш, австрийская армия также продолжала движение. Таким образом, обе армии выступили друг против друга.

Массена имел успех в Граубюндене и управлял Журдана в свою очередь двигаться вперед.

Директория также побуждала своего полководца через посредство военного министра к движению вперед, так как находила, повидимому, что он действует недостаточно решительно. Министр 10 февраля послал ему письмо, из которого мы привели некоторые места по поводу операционного плана. В этих побуждениях, однако, не заключалось никакой ясной и определенной идеи. Слово «сражение» здесь не было произнесено, правительство якобы не желало предписывать генералу Журдану каких-нибудь определенных действий.

С такой прискорбной половинчатостью, запутанностью и небрежностью велось и в дальнейшем стратегическое руководство кампании.

Прежняя мысль о том, что Дунайская армия прежде всего должна занять позицию на Верхнем Лехе и что ее следует рассматривать как вспомогательную армию при завоевании Тироля, высказанная в довольно туманном виде, с появлением эрцгерцога скоро была оставлена.

Журдан в общем всегда преуменьшал численность австрийских сил и имел очень смутное и преуменьшенное представление об армии Бель-

гарда силой в 50 000 чел. и о 25 000 чел., находившихся под командой Готте. Но, получая постоянные сведения об этом, он понял, что имеет перед собой эрцгерцога с 80-тысячной армией и что, кроме того, 20 000 чел. отправлено во Франконию. Он видел, таким образом, что ему придется иметь дело с этими 80 000 чел., из которых, по всей вероятности, не будет выделено никаких сил для действий в Форарльберге против Массены. При таких обстоятельствах генерал Журдан не чувствовал в себе достаточного мужества. Он не мог и не хотел покинуть Массену, оставшись в полном бездействии, но при дальнейшем продвижении должен был опасаться удара со стороны противника, силы которого превышали более чем вдвое численность войск Журдана.

11 марта Журдан получил известие о победах Массены, 12-го он двинулся в поход, но решил продвигнуться только до высоты Швейцарской армии, как он выражался, имея, вероятно, в виду район Остраха. Он настоятельно просил Директорию сообщить ему о последних намерениях правительства («de lui faire connaître ses dernières intentions»). Он все время двигался очень медленно, делая частые остановки.

Журдан совершал свой поход таким образом, что его левый фланг примыкал к Дунаю, правый фланг к Боденскому озеру, а центр двигался по дороге, идущей через Штокха и Пфуллендорф на Мюнхен. Вандам со своим фланговым отрядом должен был следовать за ним по левому берегу Дуная.

17 марта центр армии Журдана достиг Пфуллендорфа, авангард находился у Остраха, левый фланг под командованием Сен-Сира — у Мезгена, правый под командованием Феррино — у Юберлингена, Вандам — против Зигмарингена.

В таком положении оставался Журдан 18 и 19 марта. Он не решался двигаться дальше, ибо полагал, что нельзя отказываться от такой опоры, как Дунай и Боденское озеро. К тому же с каждым его шагом вперед они все более расходились друг с другом, а это приводило к еще более разтанутой позиции.

19 марта Журдан получил известие об объявлении французским правительством войны австрийцам, что, как мы видим, не оказало никакого дальнейшего влияния на его поход и решение.

При дальнейшем походе Журдан перенес свою главную коммуникационную линию от Келя на Ней-Брейзах и Базель. Это мероприятие для него самого имело то особенное значение, что оно явилось мерой устранения, как бы отраженной во множестве зеркал. Как это обычно бывает в подобных случаях, жители Шварцвальда решили, что покинутая линия подвергается угрозе со стороны австрийцев, всеобщая тревога распространилась поэтому и на Рейнские города, а губернатор Страсбурга, генерал Шатонед-Рандон, сообщил об этом Журдану, который, со своей стороны, склонился к тому, чтобы послать Вандама с его отрядом к Неккару.

Сражение при Острахе 21 марта

Эрцгерцог 17 марта сосредоточил свою армию на узком участке между Оксенгаузенем и Вурдахом и 18-го расположился лагерем у Вибераха. Из шести батальонов, посланных в Ульм, эрцгерцог снова пригнул к себе четыре батальона, так что его армия в Швабии (не считая корпуса Старра) состояла из 52 батальонов и 138 эскадронов, причем неизвестно, прибыли ли сюда три кавалерийских полка, расположенных далее в тылу. В таком случае армия эрцгерцога состояла, по его собственному исчислению, из 76 000 чел., из которых было 24 000 кавалерии. Это количество в два раза превышало число сил, выставленных в поле противником, а в кавалерии — в три раза.

Журдан вполне сознавал опасность своего положения, понимая, что было бы благоразумней отступить перед эрцгерцогом, но он боялся ответственности в том случае, если он покинет Массену. Поэтому 18 марта из Пуллendorфа он написал Директорию, что будет стоять у Пуллendorфа до 30 марта (день, когда Бернадотт будет в состоянии выступить на помощь с значительными силами), чтобы затем действовать наступательно, если же эрцгерцог до этого времени предупредит его, он начнет атаку, не обращая внимания на превосходство сил противника.

Директория безрассудно всецело стояла за решительное наступление, и военный министр 19 марта писал Журдану:

«Исполнительная Директория, гражданин Журдан, предоставляя всецело на Ваше усмотрение выбор средств в зависимости от ваших собственных сил и сил Швейцарской армии, поручает мне сообщить Вам, что правительство считает чрезвычайно важным предупредить неприятеля в его планах и атаковать его раньше, чем он сосредоточит все свои силы».

И далее 23 марта, в ответ на письмо Журдана от 18 марта, он писал:

«Исполнительная Директория, гражданин Журдан, внимательно прочла Ваше письмо от 28 вантова (18 марта). Она поручает мне сообщить Вам, что так как Швейцарская армия должна рассматриваться как неотделимая часть той армии, которой Вы командуете, и Вы можете распоряжаться ею наиболее целесообразным и полезным образом, то чрезвычайно важно, чтобы Вы не теряли ни одной минуты в наступлении на неприятеля, силы которого с каждым днем все возрастают, тогда как Ваши силы останутся неизменными».

В виду того, что Ваша армия, составленная таким образом, является мощной, закаленной в боях и воодушевлена успехами Швейцарской армии, в неприятельских же войсках должен быть упадок духа, Директория полагает, что Вы не должны бояться за свой левый фланг и начать наступление немедленно» *.

Нужно снова удивляться, о каком легкомыслием велось руководство операциями. Когда Директория приказала отправить это письмо, правый

фланг Массены находился у истоков р. Эч, т. е. в 25 милях от Пуллendorфа, центр и половина левого фланга — у Фельдкирха, т. е. в 12 милях от Пуллendorфа; только бригада Руби была поблизости; правому флангу в Тироле предстояло иметь дело с армией в 50 000 чел., центру — с 20 000 чел.; эрцгерцог же с 76 000 чел. стоял в одном переходе от Журдана! Таковы бывають последствия, если совокупность неприятельских сил не рассматривается с самого начала как главный фактор, а внимание устремляется на отдельные массы.

Генерал Журдан своим письмом вполне избавил себя от упрека, который ему потом делали в том, что он начал наступление без приказа. Но этому генералу можно сделать другой более тяжелый упрек: 20 марта он полагал, что эрцгерцог находится еще за Минделем и что перед собой он не имеет никаких сил, кроме одного высланного вперед корпуса, между тем как австрийский главнокомандующий уже 19 марта продвинулся к Шуссену и 20 марта разбил два лагеря у Рейнгардсвейлера и Альнгаузена, скрытых за лесом.

Эрцгерцог определенно решил дать сражение, поэтому он приказал еще 20-го отбросить неприятельские форпосты, расположенные в 1 миле перед Острахом, а на следующий день атаковать противника на его позиции за Острахом, не дав ему времени укрепиться там.

21 марта он двинулся в атаку тремя колоннами.

Первая колонна на правом фланге под командованием генерала Фюрстенберга состояла из 11 батальонов и 20 эскадронов, всего от 15 до 16 тыс. чел.; она должна была вытеснить французов из Фридберга, затем двинуться на Менген и оттуда — в направлении на Пуллendorф.

Вторая колонна, при которой находился сам эрцгерцог, состоявшая из 22 батальонов и 50 эскадронов, всего от 32 до 33 тыс. чел., шла через Заульгау на Острах.

Третья колонна из 15 батальонов и 22 эскадронов, от 20 до 21 тыс. чел., под командованием генерала Валлиса через Госкирх двигалась также на Острах.

Обе колонны должны были здесь перейти через ручей и атаковать неприятельский центр. В армии эрцгерцога не доставало от 6 до 8 тыс. чел., которые, вероятно, посланы были к Дунаю и Боденскому озеру.

Таким образом, здесь было сосредоточено против Остраха от 53 до 54 тыс. войск.

Журдан 21 марта не сделал никаких существенных изменений в своем расположении.

Его левый фланг под начальством Сен-Сира стоял у Менгена. Так как Вандам еще не возвращался от Неккара, то он расположил два эскадрона по ту сторону Дуная, один батальон у Зигмарингена и Шеера, у моста через Дунай и три эскадрона на Ульмской дороге.

Главные силы авангарда под командованием Лефевра стояли за Острахом, имея задачей оборонять этот ручей.

* Оба письма приведены Клаузевицем на французском языке. — *Прим. перес.*

Собственно центр под командованием Суана и кавалерийские резервы под командованием д'Ону находились у Пфуллendorфа, отстоявшего от Остраха на 1½ миль. Фериньо выдвинулся к Ааху, следовательно, довольно далеко, чтобы принять участие в сражении в районе Остраха.

Таким образом, Журдан растянул свои силы на семь-восемь миль, тогда как противник, равной численности, произвел удар на его центр, и здесь фронт не более одной мили.

Позиция за Острахом была расположена в глубине долины, с выгодными высотами и болотистыми лугами вокруг ручья, явившимися препятствием к доступу с фронта; слева она примыкала к Дунаю, справа — к большим зарослям тростника, отделявшим истоки Ааха от истоков Остраха. Впрочем, эти опорные пункты частью были не очень надежны, частью же расстояние в 2 мили от зарослей тростника до Дуная было слишком большой дистанцией для немногочисленных сил Журдана, которые он мог противопоставить здесь эрцгерцогу.

Когда французский командующий 21 марта утром получил известие от Лефевра о приближении австрийцев, он послал бригаду Декаена из дивизии Суана к зарослям тростника для обороны проходов между истоками Ааха и Остраха, опасаясь, вероятно, обхода с этой стороны, и полбригады с конной артиллерией из той же самой дивизии в подкрепление Лефевру.

Суан со слабыми остатками своей дивизии и д'Ону с кавалерийскими резервами продолжали стоять у Пфуллendorфа.

Таким образом, Журдан имел, вероятно, 15 000 чел. у Остраха на пространстве в 2 мили, тогда как против него наступали силы в 70 000 чел.

Но и эти 15 000 чел. не полностью находились за Острахом; Лефевр значительную часть своих сил имел на левой стороне, так что при атаке австрийцев майор Фонтен с двумя батальонами и шестью эскадронами был отрезан от Остраха и вынужден был отступить на Ридгаузен к генералу Декаену, вследствие чего дивизия Лефевра была еще ослаблена, лишившись этой своей части.

Еще меньше находилось за Острахом частей дивизии Сен-Сира. Одна бригада его была у Менгена, а с остальными частями он стоял в районе Гогентингена, имея намерение наступать на правый фланг австрийцев.

Следовательно, у генерала Лефевра оставалось всего около 7 или 8 тыс. чел. для обороны Остраха от зарослей тростника до Эйнгартда, на пространстве в 1½ миль.

Австрийские колонны двинулись в 3 часа утра, скрытые сначала густым туманом. Первая колонна разделила свой авангард на два отряда, из которых один наступал на Гогентинген, а другой — на Фридберг и Репервейлер против Эйнгартда. Передовые части Сен-Сира были повсюду отнесены. Этот генерал не хотел, как сказано, ожидать атаки за Острахом, но собрал вверенные ему части и с ними произвел контратаку

на Гогентинген. Он отделил передовые австрийские части и сам начал наступление против правого фланга первой колонны, которая взяла направление не на Гогентинген, а на Эйнгартд, и дошел до высот этого пункта. Генерал Фюрстенберг послал против Сен-Сира пять батальонов и двенадцать эскадронов, которые скоро заставили его отступить, и последовали до Гогентингена. Здесь долго шел бой за обладание этим пунктом, пока, наконец, французы не отступили за Острах.

Колонна правого фланга встретила лишь слабое сопротивление у Эйнгартда; она переправилась здесь через Острах, дошла до Габетала и после этого направилась на Магенбух, против центра. Сюда подошли эрцгерцог со второй колонной и генерал Вальдис с третьей колонной, после того как они после упорного боя отделили за Острах французские передовые части, причем, как мы уже упоминали, полтора батальона и шесть эскадронов были вынуждены отступить вдоль Рида, через заросли камыша за Ридгаузен и присоединиться к генералу Декаену.

Сам Журдан поспешил на помощь дивизии Лефевра, подошло также подкрепление из двух батальонов с восемью орудиями и шести эскадронов, отозванных им из Пфуллendorфа. Но какое значение могла иметь эта слабая помощь? 7—8 тыс. чел. при таком положении не могли долго противостоять силам в 50 000 чел. Австрийцы повсюду принудили их к отступлению и заняли высоты на противоположной стороне. Сам Лефевр был ранен и потерял несколько тысяч человек и три орудия. Журдан увидел необходимость отступления и вместе с дивизией Лефевра отошел к Пфуллendorфу, дивизия Сен-Сира двинулась на Мескирх.

Эрцгерцог вел преследование только до Пфуллendorфа, не делая попыток перейти Айденбах. Относительно действий эрцгерцога можно сказать, что гора родила мысль. Излишне говорить о том, каким образом эрцгерцог мог бы достигнуть больших результатов, достаточно указать, что он был в два раза сильнее противника, имел в три раза большую кавалерию, причем силы противника были растянуты на восемь миль. Эти условия могли бы привести к блестящим успехам, если бы он действовал с достаточной энергией.

Но эрцгерцог действовал не только осторожно, но и крайне нерешительно.

Журдан в ночь с 21 на 22 марта продолжал свое отступление на Штоках и присоединил к себе силы Фериньо; генерал Сен-Сир направился на Туттинген; Вандам, возвратившийся из своей экспедиции к Неккару, пошел на Фридинген.

Эрцгерцог 22 марта перешел только Айденбах, достигнув покинутого французам лагера, и приказал своему авангарду следовать несколькими колоннами.

23 марта эрцгерцог снова дал войскам дневку. Журдан в течение этого дня со своим центром и правым флангом, продолжая отступление, прошел несколько миль, затем, приказав последнему идти на Зинген,

сам с центром расположились у Энгена, а левый фланг оставил на его позициях у Тутлингена и Фридингена; там он продолжал оставаться в течение 24 марта.

Сражение при Штокахе 25 марта

24 марта эрцгерцог вступил в лагерь Штокаха и приказал своему авангарду тремя колоннами продвигнуться вперед на несколько переходов.

Первая колонна под командованием генерала Марфельда шла в три батальона и шесть эскадронов двинулась по дороге на Тутлинген, вторая под командованием генерала Науендорфа из шести батальонов и шестнадцати эскадронов — по дороге к Энгену и третья под командованием генерала Шварценберга из двух батальонов и двенадцати эскадронов — к Зингену. Таким образом, это движение находилось в полном соответствии с положением главных французских сил.

Первая колонна настигла противника в Липтингене и Нейгаузене и вытеснила его оттуда. Марфельд остановился в Липтингене, где получил от эрцгерцога подкрепление в пять батальонов. После полудня Сен-Сир выступил против этой части австрийского авангарда и сначала оттеснил передовые части Марфельда до Липтингена, но потом, когда подошли посланные эрцгерцогом пять батальонов, он был отброшен в долину Дуная. В этом пункте австрийцы захватили три орудия.

Вторая колонна австрийского авангарда дошла до Эйгелтингена, и передовые части продвинулись до Ааха.

На левом фланге князь Шварценберг отбросил форпосты Феррио за Штейслинген и Фридинген (не следует смешивать его с лекациями на Дунае) к Зингену. Но Феррио получил подкрепление, и Шварценберг должен был отступить за Штейслинген. Здесь он получил подкрепление в 4 батальона и имел возможность снова занять лес у Зингена.

Помимо этих трех колонн авангарда, эрцгерцог приказал еще одному отряду в 1½ батальона и 8 эскадронов направиться на Констанц через Радольфсфель между двумя заливами Боденского озера, известными под названием Верхнего и Нижнего озер.

Место для лагеря, где расположились были главные силы армии, эрцгерцог выбрал таким образом, что левый фланг, состоявший из 13 батальонов и 24 эскадронов, был расположен на косе, образуемой северной излучиной Штокаха между Штокахом и Боденским озером; он упирался в болотистые берега Боденского озера; центр и правый фланг из 24 батальонов и 36 эскадронов были расположены перед Штокахом, имея реку в тылу. Эту во многих отношениях очень плохую позицию эрцгерцог выбрал только с той целью, чтобы оставить ущелье Штокаха в тылу за собой и таким образом не быть им задержанным при дальнейшем наступлении.

Таким образом, мы видим, что армия эрцгерцога была здесь в достаточной степени сосредоточена, по крайней мере, в отношении пехоты.

Здесь было налицо 48 батальонов, 1½ батальона было послано на Констанц; из кавалерии на Констанц отправлены 8 эскадронов, 94 были налицо. Недоставало, следовательно, еще 26 эскадронов, о которых мы ничего не можем сказать, где они находились; может быть, это были те три кавалерийских полка, которые были оставлены в тылу и еще не подошли. Следовательно, в наличии должно было быть, по крайней мере, 70 000 чел.

Эрцгерцог, как он сам говорит, не был доволен победой, одержанной при Острахе. В самом деле, ни с какой точки зрения он не мог чувствовать себя спокойным. Он желал, как он сам выражается, решительного сражения. Уже одно это выражение дает нам возможность судить о нерешительном характере эрцгерцога. Если кто имеет равные силы с противником, ему нужно вести сражение не с осторожностью и обстоятельностью, а сильным натиском — вот главная задача. Если же эрцгерцог думает, что Журдан, вероятно, уклонился бы от сражения, то в таком случае медленное и робкое преследование менее всего могло привести к цели; но он мог бы решительным наступлением на позиции противника, по крайней мере, вынудить его к полному отступлению и поставить Журдана в такое критическое положение, которое для него было бы не лучше проигранного сражения.

Впрочем, позиция эрцгерцога 27 марта у Штокаха, хотя ущелье и находилось у него в тылу, была похожа больше на оборонительную позицию, чем на такую, с которой собирались на следующий день выступить для сражения. Эрцгерцог в самом деле не сделал этого 25 марта, а решил провозгласить общую реконспирацию. Это старый любимый способ австрийцев, когда им недостает духа предприимчивости и они начинают стыдиться этого. В качестве причины такой провокации времени эрцгерцог ссылался на неизвестность, в которой он пребывал относительно местонахождения неприятельской армии, и на опасность подвергнуться нападению с фланга в случае, если он возьмет ложное направление.

Подобные случаи, конечно, нередко бываю на войне с нападающим, особенно при начале похода, когда противника нет перед глазами и нельзя следовать за ним во всех его движениях. Но это затруднение обыкновенно разрешается не путем реконспираций, а решительным наступлением на те линии, где должен находиться противник; если же атакующий не встречает здесь обороняющегося, то он вправе рассчитывать и может быть уверен, что противник сам разыщет его.

Впрочем, здесь подобный случай не имел места, и, откровенно говоря, объяснения эрцгерцогом причин отсрочки наступления и реконспирации мы можем признать убедительными только наполовину; своим рассуждением он хочет успокоить сам себя, короче говоря, это было с его стороны актом нерешительности.

Австрийский главнокомандующий, начиная с 21 марта, не мог потерять из виду своего противника, так как его центр стоял совсем близко и никогда не отделялся от него более, чем на несколько миль; разделение

его собственного авангарда на три колонны, действующие в трех направлениях — на Тутлинген, Энген и Зинген, совершенно ясно показывает, что он прекрасно знал расположение французской армии на 23 и 24 марта; следовательно, если бы он хотел встретиться с главными французскими силами, ему нужно было бы только взять направление на Энген. Но эрцгерцог, вместе с другими стратегами своего времени, придавал, конечно, большее значение геометрической форме позиций, чем соотношению сил; он считал для себя морально невозможным, имея 70 000 чел., выступить против 20 000 чел., если 10 000 чел. могут зайти ему во фланг слева и 10 000 чел. справа.

Итак, эрцгерцог решил, как мы сказали, 25 марта произвести общую рекогносцировку, которая была проведена в следующем порядке.

Авангард, которым предводительствовал генерал Мэрфельд, был усилен двумя батальонами и состоял теперь из 10 батальонов и 6 эскадронов, всего от 11 до 12 тыс. чел. Ему дана была задача атаковать противника у Эммендингена на Эке.

Колонна авангарда под начальством Науендорфа, стоявшая у Эйгелтингена, была усилена 3 батальонами и 12 эскадронами и состояла из 9 батальонов и 28 эскадронов, силой от 14 до 15 тыс. чел. Эрцгерцог сам стал во главе этого корпуса с целью повести наступление по дороге на Энген.

Третья колонна авангарда под начальством Шварценберга, находившаяся на левом фланге, осталась на прежнем месте и не могла быть использована для продвижения вперед, так как совсем близко от нее стояла дивизия Феррино.

Пока эрцгерцог занят был этими полумерами, французский главнокомандующий решил снова атаковать своего противника. Он поднял к себе бригаду Руби из армии Массены и соединился с Феррино. При дальнейшем отступлении он должен был отослать ее в Шафгаузен и тогда утратил бы связь с Швейцарской армией. Кроме того, он приказал Массене вести наступление на Фельдкирх и в тот же день получил ответ от этого генерала, что тот атакует эту позицию 24 марта. При таких обстоятельствах ему представлялось с моральной точки зрения невозможным продолжать свое отступление, оставив генерала Массена как бы на произвол судьбы. Наконец, французский полководец все еще верил в возможность победы, а с другой стороны, считал, что при близости Рейна, Шварцвальда и Дуная и при наличии пересеченной местности проигранное сражение не может привести к особенно крупным отрицательным последствиям.

Таковы были мотивы, по которым он решил найти и атаковать противника 25 марта.

Так как французское правительство поставило Журдана и его армию в такие условия, которые исключали возможность успешной деятельности, то приведенные выше мотивы являются достаточно вескими; но если смотреть на дело по существу, то подобное рассуждение нельзя считать удовлетворительным.

Журдан, прежде всего, имел общую неопределенную идею принципиального порядка, что наступательный образ действий всегда дает преимущество, во-вторых, он рассчитывал, что, нанеся удар, будет иметь дело лишь с частью неприятельских сил. Если первая его идея вытекала из общего ошибочного представления, за которое мы не хотим его особенно упрекать, то вторая его мысль была совершенно необоснована. Он должен был знать, что эрцгерцог не выделил никакой значительной части своих войск и что в диспозиции, данной им на 25 марта для наступления, предусматривалось, как мы увидим, соединение колонн против неприятельской позиции у Штокаха. Не было, следовательно, никаких оснований рассчитывать нанести удары разьединенным силам австрийского главнокомандующего, тем более, что сам Журдан наступал на очень растянутом фронте и поэтому не имел возможности поставить в критическое положение отдельные части австрийских войск, если бы даже он и встретил их в каком-нибудь месте. Смотра на вещи открытыми глазами, нужно сказать, что у Журдана не было никаких надежд на победу, и он шел на поражение лишь для того, чтобы не казаться бездейственным.

Такой образ действий критика никоим образом не может считать правильным.

С мыслью о том, что потерянное сражение при подобных обстоятельствах не может причинить большого вреда, мы могли бы согласиться лишь в том случае, если бы она основывалась на индивидуальных особенностях характера эрцгерцога и если бы Журдан, хорошо зная его, мог бы не бояться решительных действий с его стороны; но при большом численном превосходстве противника и учитывая короткое расстояние пути к Рейну, нельзя было избежать больших потерь. От Штокаха до Келя 7 переходов и при большом превосходстве победительный может потерять гораздо более, чем на пути, второе более длинном, но при меньшем нарушении равновесия сил.

Если бы генерал Журдан находился все время в соприкосновении с эрцгерцогом, но держался бы только обороны, т. е., как говорится, оспаривал бы у него каждую пядь земли, то опасность поражения была бы совершенно устранена, и вполне возможно, что Журдан удержался бы на этой стороне Рейна, у выходов Шварцвальда. Это было весьма вероятным, особенно если принять во внимание, что австрийское правительство уже упрекало эрцгерцога за его продвижение к Донауэшингену. Здесь оборона, вероятно, оказалась бы успешной при таком способе передвижения ее, и противник не принял бы решения о переходе в наступление.

Так должны мы судить объективно; но мы можем сказать в извинение французского командующего, что его вынуждал к действию страх ответственности. Насколько полезнее и разумнее было отступить, оказывая в то же время сопротивление противнику! Но надутые важностью члены Директории могли бы принять это как следствие вялости и без-

деятельности, и весьма возможно, что даже настоящее поражение нашло бы в их глазах большее оправдание.

Дислокация Журдана для атаки на 25 марта была следующая.

Ферно с бригадой Руби, силой около 12 000 чел., должен был наступать через Штейнлинген и Оринген на Штокаха.

Затем наступал Суан с 6 000 чел. через Айгелтинген; оба должны были соединиться у Штокаха.

Дивизия Лефевра, которой со времени ранения этого генерала командовал генерал Сульц, и кавалерийские резервы, всего, вероятно, 10 000 чел., должны были через Эмминген на Эке направиться на Линтинген, находившийся почти в одной миле от позиции эрцгерцога и служивший продолжением его правого фланга.

Сен-Сир и Вандам также с 10 000 чел. равным образом наступали на Линтинген.

Итак, обе армии находились на марше одна против другой; только французская армия, все силы которой были налицо, едва насчитывала 38 000 чел., австрийская же армия, имевшая в наличии лишь половину своих сил, в абсолютных цифрах была немного слабее противника, а именно она имела 30 000 чел.

Средняя колонна рекогносцировочных сил эрцгерцога на рассвете находилась на марше от Эйгелтингена на Аах, и ее головная часть уже взяла у французов этот пункт, когда Суан произвел атаку со своей дивизией, снова отбросил ее за Аах и при этом взял в плен целый батальон. В этот момент эрцгерцог получил донесение, что несколько колонн ведут наступление на Линтинген и что, повидимому, туда направлена главная атака неприятельских сил. Эрцгерцог передал генералу Науендорфу командование над средней колонной авангарда и приказал ему медленно отходить через Эйгелтинген к позиции у Штокаха, так чтобы авангард левого фланга под командованием генерала Шварценберга имел время выполнить свой отход за Оринген. Сам он поспешно отступил к позиции с тем, чтобы оттуда двинуться на Линтинген.

Генерал Науендорф действовал согласно этому приказанию. Он оставил Эйгелтинген в поодень, когда Шварценберг, атакованный Ферно, прошел через Оринген, занял на полпути промежуточную позицию и только в 3 часа пополудни, не испытывая большого давления со стороны противника, достиг расположения центра и правого крыла.

Только Ферно со своей дивизией вел преследование до Штокаха у Нейцингена, т. е. до позиций австрийского левого фланга, Суан же ограничился тем, что вымал против генерала Науендорфа бригаду Декана, а сам остался у Эйгелтингена. Одна дивизия Ферно была слишком слаба, чтобы серьезно атаковать австрийский левый фланг, занимавший очень сильную позицию. Поэтому здесь не произошло более ничего существенного.

Таким образом, здесь левый фланг австрийцев и авангард Шварценберга, состоявшие вместе из 15 батальонов и 36 эскадронов, всего около

20 000 чел., были задержаны дивизией Ферно, силы которой, вероятно, были около 12 000 чел., а корпусу Науендорфа в 15 000 чел.—бригадой Декана силой в 3—4 тыс. чел.

В авангарде правого фланга генерал Мэрфельд имел 9 батальонов и 14 эскадронов, около 12 000 чел., сосредоточенных между Линтингеном и Нейгаузеном на Эке, кроме того, должны были подойти еще 2 батальона. С этими силами он хотел повести наступление на Эмминген на Эке, и в 5 часов утра его передовые части отнесли французов от этого пункта, когда он увидел, что главные силы их наступают несколькими колоннами. Мэрфельд отказался от наступления и имел намерение отступить к Линтингену и там занять позицию. Одному небу известно, почему он не в состоянии был этого выполнить. Дивизия Сульца в нескольких местах обрушилась на его колонну, французская кавалерия атаковала его кавалерию; возникла паника, и так как одновременно здесь появились колонны Сен-Сира, подошедшие из Тутлингена, то нечего было и думать о том, чтобы принять бой у Линтингена. Только в $\frac{1}{4}$ мили за Линтингеном у леса удалось Мэрфельду заставить остановиться 2 батальона и 3 эскадрона, которые еще держались вместе. Но они были атакованы несколькими французскими кавалерийскими полками, не могли далее держаться и в беспорядке отступили к правому флангу позиции. Часть кавалерии Мэрфельд послал на Швандорф и Мескирх для прикрытия этой местности, по которой проходил путь отступления армии.

Итак, мы видим, что генерала Мэрфельда, силы которого насчитывали 12 000 чел. (по указанию эрцгерцога) на протяжении $1\frac{1}{2}$ миль преследовали Сульц и д'Ону, которые, вероятно, были не сильнее его, и привели его части в такой беспорядок, что они стали неспособны ни к какому бою. Дивизия Сен-Сира оказала помощь только своим появлением, так как она не подошла даже на расстояние выстрела. Удивительно при этом, что Мэрфельд потерял только две гаубицы. Во всяком случае, главную вину этого позорного отступления, которое скорее было бегством, следует приписать самому Мэрфельду.

Генералу Журдану казалось, что его центр одержал решительную победу над правым флангом противника, так как он, вероятно, принял войска генерала Мэрфельда не за авангард, а за самый фланг и считал его силы в 25 000 чел. Поэтому он принял решение приказывать генералам Сен-Сир и Вандаму двинуться на Мескирх, чтобы отрезать отход австрийской армии. При этом он имел отчасти в виду придать более решительный характер сражению, которое он считал вынужденным; отчасти же, так как он сам не считал свою победу решительной, он рассчитывал путем этой угрозы заставить нерешительного эрцгерцога отказаться от дальнейшего сопротивления. Так представлял себе положение генерал Журдан. Другие писатели всегда изображали это движение Сен-Сира как маневр, предпринятый лишь с целью дальнейшего тактического обхода в сражении между Линтингеном и Штокахом. Но это, очевидно, неправильный взгляд, ибо как мог Журдан для такой цели дать генералу Сен-

Сиру направление на Мескирх, расположенный в 2 милях от поля битвы? Итак, Сен-Сир и Вандам свернули влево от места боя, и только Сульц и д'Опу продолжали преследование разбитого Мэрфельда до правого фланга австрийской позиции.

Не легко дать ясную картину распределения и положения австрийских сил в этот решительный момент, так как эрцгерцог, как и большинство других военных авторов, не придает этому вопросу никакого значения и поэтому не уделяет ему места в своем изложении. Мы же считаем его в высшей степени важным в таком сражении, которое по своей геометрической форме принадлежит к числу наиболее запутанных. Попытаемся дать общую сводку, но нам придется ограничиться, главным образом, пехотой, так как положение и действия конницы представляют еще более беспорядочными.

Для трех авангардов было взято 26 батальонов и 52 эскадрона, следовательно, на позиции оставалось 22 батальона и 54 эскадрона. Эрцгерцог говорит, что, когда Мэрфельд был отброшен к правому флангу армии, там находилось 8 свежих батальонов, а 6 гренадерских батальонов было в центре или, лучше сказать, за Нелленбергом; следовательно, для левого фланга, по ту сторону Штокаха, оставалось еще 8 батальонов. Вероятно из 13 батальонов левого фланга было выделено подкрепление, полученное князем Шварценбергом 24 марта. Когда эрцгерцог упрекает себя в том, что он не использовал 13 батальонов и 24 эскадрона на левом фланге, он имеет в виду его прежнюю численность, которую он должен был снова получить лишь после возвращения Шварценберга.

Во всяком случае мы видим, что эрцгерцог с 14 батальонами (от 14 до 15 тыс. чел. пехоты) не мог испытывать затруднения для возобновления сражения с Сульцом и что сам он рассматривает успех на этом пункте к моменту прибытия Сен-Сира и Вандама не как решительный, но как сомнительный.

Мы должны думать, что генералы Наундорф и Шварценберг в это время были еще у Эйгельтингена и Ораниенга.

Восемь батальонов правого фланга стояли у Мальсбурга под командованием генерала Вальлиса.

Когда к ним приближился разбитый Мэрфельд, они повернули вправо на 45 градусов и заняли позицию между Ригальденом и Райтаслахом, с которой двинулись в атаку. Но эта атака, особенно на путях к Липпигену, где французы были наиболее сильны, не удалась, и австрийские войска начали отступать, когда явился сам эрцгерцог. Благодаря личному влиянию ему удалось заставить войска снова двинуться вперед и возобновить сражение. Оно продолжалось в течение нескольких часов с большими потерями с обеих сторон, но без решительных результатов.

Эрцгерцог приказал спешно послать на помощь правому флангу 6 гренадерских батальонов из Нелленберга и 12 эскадронов кирасир, но они могли подойти только через несколько часов, так как им нужно было идти почти целую милю. С прибытием этих 9 000 чел. свежих войск

французы были не в состоянии держаться далее; правда, они отстаивали каждую пядь земли, но все-таки были вынуждены отступить к Липпигену. Журдан понял, какой ошибкой было то, что Сен-Сир и Вандам находились от него на таком большом расстоянии, он послал им приказ ускорить движение и выслать полбригады для непосредственной поддержки дивизии Сульца. Хотя эрцгерцог получил донесение о направлении, взятом Сен-Сиром и Вандамом, в тот момент, когда прибыли его гренадеры, он мало обратил внимания на этот маневр, являвшийся простой демонстрацией, и решительно атаковал своего противника. Полубригада, отправленная Сен-Сиром на правый фланг австрийцев для непосредственной поддержки Сульца, явилась слишком поздно и большей частью была захвачена в плен австрийской кавалерией. Таким образом, Сульц был отброшен к Липпигену, и сражение на этом пункте, несомненно, разрешилось. Правый фланг под командованием Феррино находился перед неприятельской позицией, где он не мог добиться никакого результата; центр не решился выступить с главными силами за Эйгельтинген.

Журдан понимал, что при сомнительном успехе на двух пунктах и поражении на третьем, при расстоянии на 2—3 мили расположении его армии и численном превосходстве противника, нельзя думать ни о какой победе. Поэтому он решился на отступление.

Эрцгерцог, который всегда думал лишь о самом факте победы, но не о ее размерах, счел себя удовлетворенным достигнутым результатом. Поэтому, вместо того чтобы воспользоваться одержанной победой и превосходством сил, преследовать Сульца и д'Опу со шпагой и штыком до тех пор, пока позволяло оставшееся время дня, он допустил их удерживать в своих руках Липпиген. Приближался вечер. Удовлетворенный одержанной победой, герцог, по его же собственным словам, не решился пробиться в долину. Чему служили тогда 27 000 чел. кавалерии, если они оказались не в состоянии уничтожить после 12-часового боя побежденную дивизию и обратить в бегство неприятельскую кавалерию в 3 000 коней? Из 54 эскадронов, которые должны были быть на позиции эрцгерцога, 24 находились по ту сторону Штокаха на левом фланге, 6 были посланы к Мескирху и 12 из-за излишней предосторожности оставлены за Штокахом, так что в решительном пункте эрцгерцог мог бросить на преследование только 12 эскадронов.

Итак, сражение было выиграно, но без всяких трофеев, без уничтожения неприятельских сил и даже почти без всякого морального результата. Австрийцы взяли одно единственное орудие и при этом потеряли два. Потери убитыми, ранеными и пленными с обеих сторон были почти равны, их следует исчислять приблизительно в 4—5 тыс. чел.

26 марта французский правый фланг до полудня, а центр до вечера продолжал оставаться в тех же самых пунктах, где они находились 25-го вечером, и эрцгерцог не имел мужества предпринять что-нибудь против них. Сен-Сир и Вандам утром 26 марта произвели даже несколько демонстративных атак против австрийской конницы в районе Вальвица

с целью облегчить себе этим дальнейший отход. Можно вполне сказать: это была чисто абстрактная, бестелесная победа. Французский главнокомандующий сам даже претендовал на честь победы, и известны многие случаи и до него и после него, когда полководцы заявляли претензии на победу, имея на это гораздо меньше прав.

Французская армия отступила за Рейн, и это отступление не следует рассматривать как непосредственное и совершенно неизбежное следствие сражения при Штокахе; здесь были общие причины, вытекавшие из опасения того, что может случиться в дальнейшем, и битва при Штокахе явилась лишь добавлением к этому опасению.

Оценку характера этого сражения мы отложим до рассмотрения общего положения в целом, которое мы намерены дать в заключение этого отдела.

Отступление Журдана и Бернадотта за Рейн

26 марта Журдан оставил район поля сражения при Штокахе и начал свой отход к Шварцвальду. Он намеревался, если его к этому принудит обстоятельства, двигаться тремя колоннами через (долины) Гёллентала, Кинцигталь и Ренхталь. Отступлением за Рейн между Базелем и Боденским озером было для него более невозможно, так как дивизия Сен-Сира из-за этого подверглась бы опасности полной гибели.

Генералы Сен-Сир и Вандам полагали, что они не смогут более с своих позиций между Мескирхом и Штокахом безопасно отступить к тем пунктам на Дунае, из которых они пришли, т. е. к Тутлингену, Мюльгейму и Фридингену; поэтому они решили идти на Зигмаринген, овладеть там мостами, слабо обороняемыми австрийцами, и переправиться через Дунай. Им следовало пройти около 3 миль, и они совершили этот марш в течение 26 марта без всяких препятствий.

Сульц и д'Ону 26 марта оставались у Липтингена и Эммингена.

Суан отошел на Аах, Ферино — на Зинген и выслал оттуда бригаду Руби к Шафгаузену и Штейну.

27 марта Сен-Сир был в пути на Ротвейль. Д'Ону направился за Дунай к Тутлингену, Сульц и Суан — на Гайзинген на Дунае, Ферино — на Блумберг. 28 марта Журдан занял позицию перед Шварцвальдом, имея правый фланг у Лёффингена на дороге к Нейштадту, а левый — у Ротвейля на дороге к Фрейденштадту, протяжением на 6 миль. На этой позиции он оставался три дня, т. е. до 31 марта.

Австрийский авангард следовал за французами только 27 марта до Зигена, Энгена и Тутлингена.

Эрцгерцог с главными силами армии оставался на месте, так как имел намерение направиться в Швейцарию, но, узнав, что французы вместо того, чтобы продолжать свой марш через Шварцвальд, остановились на указанной выше позиции, он решил выступить к Дунаю с целью совершенно отсечь Журдана за Рейн. Поэтому, послал $5\frac{1}{2}$ батальонов и 18 эскадронов к Рейну и усилил свой авангард, он сосредоточил свою армию 29 марта у Липтингена и Эммингена. Впрочем, эрцгерцог еще не

выступал в поход, ожидая подхода генерала Старрая, который был вызван им к себе, и 27 марта прошел только через Ульм. Лишь 3 апреля эрцгерцог, как мы видим, вступил в Донауэшинген.

Когда австрийские передовые части стали приближаться к французскому расположению, Журдан стал опасаться, что они смогут овладеть одним или несколькими проходами у него в тылу. Поэтому 31 марта он отступил в Шварцвальд. Ферино занял выходы Гёллентала, центр — Кинцигталь и левый фланг — Ренхталь.

На этой позиции Журдан оставался четыре дня; когда австрийские передовые части начали прорывать линию французского расположения то в одном, то в другом пункте и большой Журдан покинул армию, временно командовавший армией генерал Эрнуф решил отойти за Рейн. Дивизия Ферино перешла Рейн у Альт-Брейзахе 5 апреля, остальные части — у Келя 6 апреля. Эрцгерцог 3 апреля остановился в Донауэшингене, но, узнав, что французская армия перешла Рейн, он приказал генералу Старрай остаться для наблюдения с 18 батальонами и 64 эскадронами, всего с 30 000 чел., имея намерение с главными силами армии направиться в Швейцарию.

Следует отметить, что генерал Старрай с этими войсками не имел задачи идти в долину Рейна; он должен был с 8 батальонами, 36 эскадронами занять проходы Шварцвальда, с резервом из 10 батальонов и 28 эскадронов оставаться в области Виллинген. Первые совместно с вооруженными жителями Шварцвальда вели непрерывную малую войну с французскими партизанскими отрядами, действовавшими на правом берегу Рейна и доходящими до Шаррвальда.

Этим актом эрцгерцог, повидимому, в последний момент отказывался от своих прав победителя. Если эрцгерцог вполне основательно не придавал важного значения упорной обороне Рейна, то вполне заслуживает одобрения то, что он предоставил свободу действий противнику и удалился со всей своей армией, оставив только в Шварцвальде наблюдательный корпус в несколько тысяч человек. Однако, каким образом нельзя извинить того, что 30 000 чел., находившихся там, могли допустить действия французских партизанских отрядов по эту сторону Рейна. Это было большим ущербом для воинской чести и поэтому являлось стратегической ошибкой.

В результате отступления Дунайской армии за Рейн генерал Бернадотт снял осаду Филиппсбурга и отступил за Рейн, так что у французов на правом берегу Рейна остались гарнизоны только в двух пунктах — в Мангейме и Гейдельберге.

Выводы

Результаты событий, изложенных в первой части этого труда, были следующие.

Французы овладели Граубюндемом, взяли 40 орудий, захватили в плен от 12 до 13 тыс. чел., тем самым нанесли моральным силам австрий-

ских войск, именно Тирольской армии, такой удар, значение которого трудно даже учесть.

С другой стороны, их Дунайская армия была оттеснена за Рейн. Этим был причинен такой ущерб моральным силам французов, которому следует придавать большее значение, чем размерам захваченных трофеев, так как дело касалось главной армии и главнокомандующего. В общественном мнении Парижа и Вены блестящие успехи французского оружия в Граубюндене вполне справедливо уравнивались с номинальной австрийской победой. Лекурб, правда, уничтожил один австрийский корпус, Дессоль — другой, но эрцгерцог Карл разбил Журдана, и это звучало полнее и громче, хотя на самом деле не могло идти в сравнение с успехами французов.

И этот блестящий успех был достигнут французами, в то время как их боевые силы в количестве 73 000 чел., а именно: армия Журдана — 38 000 чел., Массена — 30 000 чел. и бригада Дессоля — 5 000 чел., — столкнулись с австрийскими силами, которые насчитывали 148 000 чел., а именно: около 76 000 чел. армия эрцгерцога, корпус Готте в 24 000 чел. и армия Бельгарда в 50 000 чел.; кроме того, французам приходилось действовать под влиянием совершенно ошибочного плана своего правительства, в то время как австрийский план, по крайней мере, не создавал никаких препятствий для деятельности армии с точки зрения здравого смысла.

Одно противоречие существует в ходе событий, и нам предстоит его исследовать.

События этого первого периода на обоих противоположных флангах театра войны следует рассматривать как две гири на чашах весов, которые стремятся уравновесить друг друга. Мы направим наш взгляд сначала на эти гири, а потом на коромысло весов и его точку опоры.

Рассмотрим сначала события в Граубюндене.

То, что австрийцы в 1798 г. заняли эту страну по просьбе самого населения, — этого никто не поставит им в вину, если не относиться равнодушно к чести правительства.

Если же австрийцы заняли эту страну, то, естественно, они должны были и защищать ее в случае, если это занятие оказалось бы недостаточной политической мерой, чтобы удержать французов от вторжения в нее. Но необходимость этой защиты повлекла за собой дальнейшие последствия, лишь постольку, поскольку речь могла идти о частичном вторжении в эту маленькую страну сравнительно незначительной части французской армии. Австрийцы располагали здесь 6—8 тыс. чел.; перед критиком общих военных действий французы угрожали вступлением в эту страну 20 000 чел., если австрийцы не выведут из нее этих 6—8 тыс. чел. В таком случае австрийскому правительству не оставалось ничего другого, как послать 20 000 чел. для поддержки этих 8 000 чел., и никто не мог думать, что австрийское правительство в ответ на эту угрозу согла-

сится вывести свои войска и очистить страну. Ясно, какие невыгоды войскалки из этого для австрийцев, вынужденных послать в Граубюнден такие значительные силы, когда французы решили направить сюда свои войска. Все это было так, пока речь шла только о частичной борьбе за Граубюнден без объявления общей войны. Естественно, можно было ожидать, что дело не ограничится частичной борьбой. Взгляды австрийцев исходили из того, что они не могут оставить Граубюнден на произвол судьбы и что простой политический расчет, вытекавший из понятия об авторитете и чувстве чести, вынуждает их к обороне этой страны, лежащей совсем в стороне от линии их расположения.

Мы можем сказать: всякого рода обязательства чести для Франции и Австрии распространялись только на состояние мира. Только во время мира честь одной державы запрещает ей терпеть успех другой, на войне же вопрос ставится лишь о полезности, а не о том, оскорбили ли успехи противника чувство чести. Итак, в случае войны вопрос о том, обязаны ли были австрийцы защищать Граубюнден, является в высшей степени неразумным. Австрийцы должны были сказать жителям Граубюндена так: до тех пор, пока сохраняется мир, мы будем защищать вас против вторжения французов; когда же начнется война, от вас самих будет зависеть, оставаться или нет нашими союзниками; мы же ни в коем случае не можем брать на себя особых обязательств защищать вашу страну, но должны будем предоставить это общему ходу военных событий; пока мы не одержим решительной победы в Германии или в Швейцарии и пока жизнь нашего расположения будет проходить до Лиммата, мы не можем вести упорную оборону Граубюндена. Если бы после этого объяснения жители Граубюндена нашли для себя затруднительным выставить местные вооруженные силы, то следовало предоставить их собственной судьбе, и в этом не было бы очень большого ущерба.

Вообще австрийское правительство в течение всей войны в Тироле придерживалось совершенно ошибочного взгляда, что страна, имеющая собственные вооруженные силы для своей защиты, должна во всяком случае обороняться также армией, чтобы не бояться неприятельского зановования. Если местные вооруженные силы приводят к этому результату, то правительствам лучше всего было бы категорически запрещать защиту этих стран, ибо на войне подобное обязательство редко не приводит к несчастным результатам.

Однако, этот результат никоим образом сам по себе не связан с местными вооруженными силами. Вопрос об этом возникает в связи с неясностью понятий. Если страна желает вооружиться, это приводит к двум существенно различным мероприятиям. Одним из них является настоящее вооружение народа, другим — создание отрядов добровольцев. Первое заключается в том, что все мужественные и воинственные жители вооружаются в такой степени, что могут в случае вторжения неприятеля в страну оказывать ему сопротивление там, где он не выступает с главными силами; там же, где неприятель оказывается слишком сильным, они

могут или отступить в другие районы или, временно припав оружие, спокойно вернуться по домам.

При такой народной обороне население иногда приносит жертвы и подвергается опасностям, как это мы видели, например, в Испании, но, конечно, вопрос не в этом, и народ, решившийся на оборону, должен быть готов к принесению этих жертв. Другое мероприятие — образование добровольческих отрядов — имеет в виду оказать помощь войскам или вообще, без ограничения ее местными целями, или же только для обороны своей страны.

В первом случае они присоединяются к армии и следуют за нею в направлении ее движения как при наступлении, так и при отходе. В последнем случае они могут при продвижении армии вперед оставаться в стране, могут пристроиться к тому пункту страны, который входит в общую линию обороны, но в случае, если общая обстановка требует отступления, они должны отделиться от армии, если не хотят вступить в противоречие сами с собой. Оставаясь в стране, они могут быть разоружены и введены в плен неприятелем. То, что они остаются в стране и им придают части войск для стратегической обороны этой страны, как это часто имело место в Тироле, нужно рассматривать только с точки зрения общей стратегической обстановки, но никоим образом нельзя смотреть на это как на необходимое следствие организации местных вооруженных сил и проводить эту меру вопреки сложившейся обстановке и за счет общего успеха.

Этим отступлением от общего плана нашего труда в данном месте, как и во многих других, мы хотим выяснить некоторые недостаточно ясные понятия, возникающие при описании большой войны; мы не стесняемся отходить иногда от основного предмета нашего изложения, рискуя тем, что некоторые читатели подумают, что наше собственное изложение становится довольно туманным и запутывается в бесконечных подробностях.

Итак возвратимся к Граубюндену и будем держаться того взгляда, что австрийцы в случае открытия военных действий никоим образом не должны были допускать с помощью местных вооруженных сил упорной обороны этой страны, если эта оборона не согласовалась с их общим стратегическим положением.

Так как с момента вступления австрийцев в Граубюнден французы не угрожали более этой стране, то у австрийцев не было никаких поводов выставять для ее защиты более крупные части войск, и при данных обстоятельствах, естественно, генерал Ауфенберг должен был получить приказ отступить перед превосходящими силами, так как этот генерал имел только 3 батальона, т. е. около 5 000 чел. Если измерить всю линию, на которой он мог встретить противника, то общее расстояние от Люциенштейга через Диссентис, Бернгаггн и Шплёген до Септимера будет не менее 25 миль. При таком огромном протяжении линии постов и при опасном положении главных сил в Рейнской долине от генерала

Ауфенберга, естественно, нельзя было требовать упорного сопротивления при всех обстоятельствах. Он мог его оказать только в случае столкновения с не слишком большими силами.

Так как он удерживал пост у Диссентиса, у него не было никаких оснований, чтобы не выступить сначала против Массены. Когда пост у Рейхенау был потерян, можно было еще продолжать сопротивление у Майенфельда, только генерал Ауфенберг должен был отказаться от мысли отойти за Кур, так как он не мог знать, держится ли пост у Эмса, находившийся между Куром и Рейхенау, занятый одним только батальоном; кроме того, из Рейхенау легко было достигнуть Кура по другой дороге — через Гейд; наконец, дорога на Кур через Шальфиталь пересекается двумя высокими горными хребтами и ведет в Верхний Энгадин, так что повсюду можно было натолкнуться на колонны французских войск, выступивших из Италии. Таким образом, генерал Ауфенберг должен был с главными силами отступить через Преттигау, и только одному батальону, стоявшему у Эмса, он приказал отступить через Кур и Давос.

После того как вечером 6 марта был взят самый сильный пост в Рейнской долине — у Люциенштейга, и Массена соединил свои силы, — дальнейшее сопротивление казалось совершенно бессмысленным. Если бы генерал Ауфенберг совершил свой отход через Преттигау ночью, то после того как он в течение целого дня оказывал сопротивление и потерял у Диссентиса и Люциенштейга около 1 000 чел. пленными, он мог бы остаться невредимым. Но он избрал путь отступления на Кур, и неудивительно, что энергично преследуемый на протяжении двух миль четверо более сильным противником, он попал в самое худшее положение; при любой попытке задержаться путь отступления для него был бы вовсе отрезан, ибо что может быть легче, как отрезать путь отступления противнику, имея над ним четверное численное превосходство, по одной единственной дороге, которая к тому же делает поворот под углом в 90 градусов.

Если здесь, как мы видим, был уничтожен целый корпус в 6 000 чел., то это случилось не потому, что, благодаря каким-нибудь стратегическим комбинациям противника, он попал в тяжелые условия, потерял путь отступления, но потому, что он слишком долго сопротивлялся превосходящим силам противника и, кроме того, неправильно выбрал путь отступления.

В событиях в Энгадине удивительно то (это, как мы увидим, повторяется в дальнейшем), что австрийские генералы не использовали для обороны всех войск, имевшихся под рукой. 10 марта генерал Лаудон двинулся на Цернец с 4 батальонами, между тем как у Наудера и Тауфера было сосредоточено, по крайней мере, 8, если не целых 12 батальонов. 15-го он напал на генерала Лекурба с флангов и с тыла с 7—8 тыс. местных вооруженных сил и только с 6 ротами своего корпуса. Уже эрцгерцогу показалось странным, что он не использовал больших

сил. Эта неразумная экономия сил была бы еще понятна, если бы остальные войска были размещены на оборонительных постах, но они стояли в долинах в качестве резервов, чтобы быть использованными для наступления или обороны. Когда вообще хотит вести оборону при помощи наступления на противника, как это имел намерение сделать генерал Лаудон 10 и 15 марта, то нужно иметь решимость временно обнажить пункты, не подвергающиеся непосредственной угрозе, с тем, чтобы нанести решительный удар на том пункте, где грозит ближайшая опасность. Если бы генерал Лаудон 15 марта выступил для поддержки генералов, командующих у Мартинсбрюка, не с 6 ротами, а с 6 батальонами и местными вооруженными силами, то у него были бы прекрасные шансы уничтожить генерала Лекурба или, по крайней мере, принудить его к отступлению. Вместо этого, благодаря слишком позднему вызову батальонов, выдвинутых к истокам Инна, и принятым 10 и 15 марта полумерам, в руках французов оказались трофеи в несколько тысяч пленных.

Как могло случиться то, что были отрезаны 2 батальона, это совершенно непонятно, так как генерал Лекурб вступил в долину Инна, когда уже повсюду была тревога и все было на ногах; к чему послужили тогда все местные вооруженные силы, если через них не могли даже узнать о походе этого генерала?

Бой у Тауферса или, лучше сказать, блестящий успех его со стратегической точки зрения не представляет собою ничего замечательного. То, что 6—7 тыс. чел. были атакованы 4—5 тыс. чел. — это явление вполне обыкновенное; если же они были взяты в плен, то причину этого нужно искать в тактических ошибках, к которым стратегия не имеет никакого отношения.

В стратегическом же отношении важно отметить тот факт, что генерал Бельгард в течение 8 дней — от 17 до 25 марта — не поддерживал, с одной стороны, наиболее угрожаемого поста Мартинсбрюка войсками с постов Финстермюнца и Наудерса, а с другой стороны, Тауферса — резервами, стоявшими на таком близком расстоянии, что они могли подойти за время нормальной продолжительности боя, т. е. за какие-нибудь несколько часов. За первым из этих постов у Ландека, следовательно, в 4 милях от Мартинсбрюка и Наудерса, находилось 9 батальонов резервов. Впрочем, позиция Фельдкирха не была потеряна, и в Монтфурте стояли 6 батальонов, поэтому Ландекский пункт не имел значения, эти 9 батальонов могли стоять у Финстермюнца, а затем их можно было использовать против Лекурба; это не привело бы ни к каким невыгодным последствиям. Далее, для войск, стоявших в долине Эча, один только пост Тауферса находился в угрожаемом положении, на другие пункты французы не нападали, и это тем более являлось основанием для того, чтобы поддержать его резервами.

Таким образом, мы видим, что Бельгард повторил в большом масштабе ошибку Лаудона: из его 47 000 чел. в течение трех недель после на-

чала военных действий на обоих атакованных пунктах сражалось не более 6—7 тыс. чел., в то время как остальные войска стояли на других, не подвергавшихся угрозе пунктах или держались в качестве резервов. Впрочем, не эта стратегическая ошибка Бельгарда привела к блестящим успехам Дессоля и Лекурба, так как для этих успехов не было никаких стратегических оснований, но она помогла им остаться безнаказанными.

Если блестящие успехи французов, с одной стороны, нужно приписать неумелому образу действий австрийцев, то, с другой стороны, причиной их в значительной степени являлись энергия французских генералов и храбрость их войск. Только там, где подобная жажда успеха и решительность увлекают вперед, полностью обнаруживается моральная слабость противника и только благодаря этому воодушевлению становится возможным успех, которого иначе можно ждать только при условии большого превосходства сил и охватывающих форм наступления.

Таким образом, причины успеха французов на южном фланге нужно искать в самом ходе событий, т. е. в проведении, а не в плане. Обратимся теперь к северному флангу.

Здесь мы видим, что армия в 40 000 чел. в трех колоннах, отстоящих друг от друга на несколько миль, выступает против 92 000 чел. Предводитель последних посылает 16 000 чел. против врага, который еще не появился на поле сражения, а с остальными 76 000 чел. идет на своего разбросанного противника так, чтобы все эти силы могли принять участие в сражении, и его намерение — дать это сражение. На этом соотношении сил, повидимому, основываются надежды на решительный и блестящий успех; но и здесь также стратегическое наступление было отражено и не привело ни к каким положительным результатам. Нам нет надобности давать дальнейшие объяснения этого. Во всяком случае, эрцгерцог мог в любой момент разгромить своего противника, но он этого не сделал, и причины этого нужно искать только в нем самом, именно в двух следующих обстоятельствах.

Первое заключается в том, что ему не доставало духа предприимчивости и жажды победы.

Во-вторых, как мы уже отмечали, он, высказывая в общем верные суждения, имел совершенно ошибочный стратегический взгляд: средство он принимал за цель, а цель за средство. Уничтожение живой силы противника, которое должно быть главной целью в военных операциях, в его представлении не являлось существенно важным; оно имело для него значение лишь постольку, поскольку могло быть средством для того, чтобы отсечь противника с того или другого пункта; весь успех он видел единственно в выигрыше известных линий и районов, что должно было быть не чем иным, как средством для одержания победы, т. е. для уничтожения физических и моральных сил противника.

Как далеко вело эрцгерцога это ложное направление его взглядов, мы можем видеть из того, что ни в одном из его победоносных сраже-

ний — при Амберге, Вюрцбурге, Штокахе, Кальдиеро — неприятель не имел значительных потерь пленными и орудиями, так что эти победы не давали почти никаких трофеев; еще больше усматриваем мы это в том, что эрцгерцог, рассказывая о потерях, которые вообще понес в этих сражениях противник, вовсе даже не упоминает об этом.

В результате этого ложного направления эрцгерцог не только оставляет без внимания настоящие удары, но, беспрерывно занятый комбинациями с пространством и временем, направлением дорог, рек, горных хребтов, он придает цену мельчайшим подробностям и забывает при этом, что малые препятствия этого рода легко преодолеваются и малые невыгоды легко уравниваются. Напомним в качестве примера, что в сражении при Штокахе он, по его собственным словам, слишком усилил левый фланг, и процитируем его слова, в которых он себе самому бросает упрек:

«Основанная на правильном расчете вероятность того, что Журдан направит свое отступление в Швейцарию, и решение последовать за ним в этом направлении, не ожидая атаки на оборонительной позиции (в случае, если Журдан вместо отступления начнет наступление), побуждали эрцгерцога пренебречь правым флангом и несообразно усилить левый фланг, с которого должно было вестись дальнейшее наступление. Итак, он совершил явную ошибку, чтобы облегчить себе проведение сомнительной операции, что, впрочем, зависело не от его воли, а от направления противника; хотя для войск было бы некоторым облегчением избавиться, по крайней мере, от двухчасового марша для передвижения с правого фланга на левый».

Как можно принципу направления придавать такое неподходящее значение? Несоразмерное усиление своего левого фланга на занятой позиции только с той целью, чтобы нанести общий удар в левом направлении — это приблизительно то же самое, как если бы кто-нибудь, чтобы обогнуть угол слева, считал бы необходимым выйти из дому сначала с левой ноги, рискуя при этом свалиться с лестницы.

Этим примером мы хотим показать, какое большое влияние могут иметь на операции подобного рода взгляды, мы сказали бы даже дурные привычки, которые до известной степени могут мешать проявлению здравого смысла.

Такие взгляды австрийского главнокомандующего в достаточной степени объясняют то, что произошло между обоими армиями.

Движение Журдана на фронте шириной в несколько дневных переходов основывалось на модном в ту эпоху воззрении, что всякое наступление должно вестись в охватывающей форме.

То, что говорит против этого эрцгерцог, вполне справедливо, но, когда он при этом предоставляет генералу Журдану возможность, благодаря выбору операционной линии и позиций при сосредоточении сил, успешно противостоять себе, то в этом снова обнаруживается, какое малое значение придает эрцгерцог удару. Если полководец вступает в решитель-

ное сражение, имея более чем двойное превосходство над противником, то выбор операционного направления и позиций в очень редких случаях может иметь достаточный вес, чтобы помешать решительным результатам и, когда уже началось решительное сражение, оказать достаточное влияние, чтобы уравновесить больший перевес сил. Впрочем, то, что эрцгерцог здесь считает правильно выбранным операционным направлением, в конце концов в большинстве случаев не что иное, как прямой и, следовательно, кратчайший путь к врагу, путь, которым лучше всего обещивается отступление.

Слабость Журдана до некоторой степени возмещалась наличием у него двойной базы.

Так как он мог с таким же успехом отступить на Эльзас до Страсбурга, как на Швейцарию до Констанца, он не слишком опасался обхода с одной стороны, и это ставило его в такое положение, что он мог двигаться с сосредоточенными силами по середине — по дороге от Штокаха, имея на Дунае и на Боденском озере только незначительные наблюдательные отряды. Если бы противнику пришлось в голову обойти его с обеих сторон, то, имея численное превосходство над каждой из обходных колонн, Журдан мог бы успешно атаковать одну из них.

Но французский главнокомандующий был далек от этой мысли. Он думал, что чем слабее он был, тем более должен опасаться за свои фланги. В этом он был бы прав, если бы хотел уклониться от решительного сражения, так как при незначительной ширине стратегического фронта противник, имеющий превосходные силы, при известных обстоятельствах может принудить нас принять решительное сражение.

Но так как генерал Журдан, несмотря на свою слабость, сам искал сражения, у него не было никакого другого пути, как оставаться сосредоточенным и совершенно не обращать внимания на один из флангов своего отступления, на другом же фланге в случае необходимости открыть себе путь смелым наступлением. Чтобы иметь преимущество сосредоточения и этим приобрести возможность успеха, естественно, нужно было чем-нибудь заплатить за это, так как из ничего не получается ничего.

Большое сосредоточение сил, с которыми выступает эрцгерцог, в высокой степени достойно одобрения, и оно вполне очевидно вытекало из уроков, вынесенных им из кампании 1796 г., в которой он сильно упрекал себя за разбрасывание сил.

Он позволил себе только одно выделение отряда генерала Старрай для наблюдения за Бернадоттом и сам осуждает себя за это, правда, вполне справедливо; этот генерал мог бы на Дунае прикрыть правый фланг театра войны против возможного наступления Бернадотта и вместе с тем принять участие в решительном сражении с Журданом.

Сражение при Штокахе дает мало удовольствия в отношении обходящих распоряжений. Оно имеет ту особенность, что полководец, который имел гораздо более слабые силы, мог добиться чего-нибудь только при наивысшем сосредоточении своих сил, нанесит удар в охватывающей

форме колоннами, далеко отстоящими друг от друга, а полководец, который имел большое численное превосходство и при помощи охватывающей формы мог бы уничтожить своего противника, ведет наступление по трем эксцентрическим радиусам, т. е. в форме, не допускающей никакого большого успеха. В результате должно было получиться то, что выигрыш сражения для последнего был бы сомнительным, а успех был бы ничтожным. Так, в самом деле, и нужно рассматривать исход сражения. Если он действительно на один момент кажется сомнительным, и можно даже думать, что без ухода Сен-Сира Журдан мог бы явиться победителем, то это нужно приписать бегству колонны, как можно назвать отступление Марфельда. Продолжавшееся на протяжении 1½ миль бегство 12 000 чел. перед 12 000, завершившееся полным разложением — это среди европейских войск факт настолько же необыкновенный, как и взятие в плен шестью тысячами корпуса в 7 000 чел. (Тауферс), и его вообще нельзя принимать во внимание при разрешении вопроса о значении известных форм операции.

Мы скажем так: если даже подобный факт не мог вырвать из рук эрцгерцога победы, то она должна была быть в высокой степени обеспеченной.

То, что эрцгерцог пришел к этой форме сражения, вообще, как мы знаем, было делом случая, так как он выбрал ее для своей рекогносцировки, а не для сражения. Что случилось бы, если бы эрцгерцог спокойно стоял на своей позиции у Штокаха, над этим мы не будем ломать себе голову; мы не предполагаем другого результата, ибо тот, кто, имея большое численное превосходство, принимает сражение на позиции, то только с помощью больших резервов, эшелонированных в тылу, которые он в критический момент сражения бросает во фланг и тыл противнику, можно притти к результату, соответствующим превосходству его сил. Но для этого эрцгерцог не принял никаких мер.

Эрцгерцог мог бы в большей степени использовать свою победу, чем он это сделал, — в этом нет никакого сомнения, так как помимо благоприятной формы операции остается превосходство сил, которое является средством добычи значительных трофеев, особенно при преследовании.

Здесь мы не можем не сказать нескольких слов о многочисленной кавалерии эрцгерцога.

Кавалерия — это очень дорогой род оружия. Вооружение и содержание одного кавалериста стоит столько же, сколько стоит содержание четырех пехотинцев, следовательно, нужно строго рассчитать, в каком количестве требуется этот род оружия, и держать его не в большем количестве. Не пускаясь в теоретические изыскания, можно считать несомненным, что после того как установлена действительная потребность армии в кавалерии, 40 000 чел. пехоты в военных операциях могут сделать более, чем 10 000 всадников. Потребность в кавалерии при различных условиях бывает различна; для того, кто уверен в своей победе и

имеет в виду преследование противника, она более важна, чем руководствующемуся осторожностью Фабью, переходящему с одной позиции на другую; в местностях ровных и открытых она находит большее применение, чем в горных и пересеченных.

Если принять во внимание ту роль, которую должны были австрийцы играть в этой войне, и районы, в которых был расположен их театр военных действий, то нельзя понять, почему они имели конницу в количестве, превышающем обычную пропорцию. Вероятным основанием для этого служило то, что моральное состояние этого рода оружия у них было лучше, чем у пехоты; это, однако, не оправдывает такого несоответствия.

Но раз у эрцгерцога было столько конницы, что он сам не знал, что он должен с ней предпринять, ему следовало, несмотря на лесистый характер местности, использовать ее любой ценой. Следовательно, вместо того, чтобы посылать несколько тысяч кавалерии туда, где она имела достаточные основания для наблюдения местности, он должен был бы постоянно посылать несколько кавалерийских полков для обхода французских колонн справа и слева. Если при этом и терялось что-нибудь, то возмещалось с избытком тем страхом, который они распространяли. Таким способом можно с успехом использовать конницу в местности, более или менее доступной, но, конечно, не с таким успехом, который дает вместо нее четверное количество пехоты.

Теперь мы должны особенно упомянуть об обходе, который предпринял Журдан, послав Сен-Сира и Вандама на Мескирх, так как это было скорее стратегической, чем тактической мерой, и при этом различно мотивированной.

Генерал Журдан о причинах этого маневра высказывается следующим образом:

«Предполагая, что эрцгерцог, потерпев это поражение и теснимый первой и второй дивизиями (Ферино и Суана), которые, как я предполагал, должны были прибыть в Штоках, решит начать отступление, я приказал генералу Сульту с его дивизией вступить в леса Штокаха и энергично преследовать противника, находившегося в полном расстройстве. Я оставил кавалерийский резерв в долине Липтингена и приказал генералу Сен-Сиру двинуться на Мескирх с тем, чтобы обрушиться на неприятельскую армию в тот момент, когда она начнет отступать на Пфуллендорф. Это движение покажется смелым, может быть, даже неразумным, но я предлагаю поразмыслить над той ситуацией, в которой я находился. Успех, одержанный мною над противником вдвое сильнее, не мог установить равновесия между двумя армиями; раз противник отступал, он мог спокойно отойти на Пфуллендорф и даже за Острах, где я, конечно, не был бы в состоянии его атаковать. Это движение на Мескирх должно было сильно способствовать ускорению его отступления; я надеялся, что генерал Сен-Сир нападет на обзоры и атакует во фланг его армию, я же с армейским корпусом энергично атакую

его с тыла. Итак, я мог рассчитывать довершить разгром противника и уничтожить большую часть его армии, что обеспечило бы мне успех во всей дальнейшей кампании».

Маневр генерала Сен-Сира на Мескирх можно рассматривать с двух совершенно различных точек зрения. Во-первых, он мог предназначаться для того, чтобы в тот момент, когда эрцгерцог потерпел чувствительный удар, принудить его к полному отступлению; во-вторых, для того, чтобы нанести большие потери уже разбитому эрцгерцогу и проигранное сражение превратить в полное поражение. Обе эти точки зрения, однако, не допускают взаимной связи, так как они являются предположениями совершенно различного характера.

В первом случае эрцгерцог был не разбит, а только несколько поколеблен, французская же армия мыслилась слишком слабой для того, чтобы одержать решительную победу. В этом случае марш Сен-Сира нужно рассматривать как настоящий маневр, действенный принцип которого состоял в том, чтобы поколебать мужество эрцгерцога. Это была угроза линии отступления противника, находившегося в таком положении, что он не мог, как полагали, отплатить за нее. В таком случае все сводилось не к сражению, а к маневру, и нужно было отказаться от мысли победить противника.

Такой маневр при существующих обстоятельствах, конечно, не заслуживает порицания, это было испытанием мужества (*courage d'esprit*) противника. Очень часто подобный маневр удавался; нечто подобное ему представляло сражение при Дрездене в 1813 г. Здесь Бонапарт путем угроз линии отступления на обоих флангах добился того, что 180 000 чел., стоявших между Вейсирц и Эльбой, отступили перед 60 000 чел.

Если бы генерал Журдан просто так понимал маневр Сен-Сира, то были бы непонятны многократные упреки, выставляемые против него; но тогда он не двинулся бы с дивизией Сульта, а должен был бы удовлетвориться успехом, одержанным при Эммингене и Липтингене, ожидая дальнейших результатов своего обхода.

Но генерал Журдан в это время больше был склонен держаться второй точки зрения: он рассчитывал разбить эрцгерцога и путем обхода увеличить успех победы. Рассматриваемое с этой стороны его мероприятие было огромной ошибкой.

Во-первых, грубой ошибкой было то, что на 12 000 чел. под командованием Мэрфельда принимал за двойное количество и вследствие этого думал даже, что он разбил целую колонну армии.

Но если бы он действительно разбил 25 000 чел., ему бы следовало опасаться еще остальных 50 000 чел., тем более что любой пленный мог сообщить ему, что самого эрцгерцога не было при этом отряде. Следовательно, большим легкомыслием было считать решенным дело при Липтингене, думать об увеличении победы и не продолжать сражения на решительном пункте всеми возможными средствами.

Если же генерал Журдан имел обе эти точки зрения, то это приводит к полному противоречию, состоящему в том, что, с одной стороны, он не считал себя достаточно сильным для действительной победы над эрцгерцогом, а с другой, — думал о том, чтобы наполовину уничтожить его, ибо так следует понимать его выражение «довершить разгром противника и уничтожить большую часть его армии» («*de compléter la déroute de l'ennemi et d'enlever une grande partie de son armée*»).

Если мы теперь обратимся, по рассмотрении успеха на северном фланге, к корысмыслу наших стратегических весов и к взаимной связи между собой и по отношению к целому событию на южном и северном театрах войны, то положение представится нам в следующем виде.

В результате побед в боях при Тауферсе и Наудерсе, в столкновении при Фельдкирхе и сражении при Штокахе линия расположения проходила по Рейну до позиции при Фельдкирхе, затем вверх по Иллу до истоков Эча и оттуда через высокие горные хребты простиралась до озера Гарда.

На этой изогнутой линии расположения находилась армия Журдана за Рейном между Страсбургом и Гюнингеном, без вояды, ожидая из Парижа новой организации и нового назначения, и вследствие этого на несколько недель лишенная способности к решительным действиям на каком бы то ни было участке. Армия Массены была растянута от Шафгаузена до Финстермюнца, т. е. на протяжении 25 миль в наиболее гористой стране Европы.

На австрийской стороне корпус Готце силой в 18 000 чел. сдерживал центр, т. е. главные силы Массены между Брегенцем и Фельдкирхом; Бельгард с 40 000 чел. угрожал правому флангу силой в 12 000 чел., расположенному у истоков Эча, против которого он стоял в значительных силах в долине Зальца, а то же время он угрожал левому флангу через Монстафур.

Эрцгерцог вполне мог располагать своими 90 000 чел., после того как он отбросил Журдана за Рейн, что по-настоящему должно было случиться через 5—6 дней после сражения при Штокахе, т. е. в конце марта.

Каких успехов, спросим мы, можно было ожидать, если эрцгерцог тотчас же после отступления Журдана за Рейн со всеми своими силами двинулся влево между Базелем и Шафгаузенем за Рейн, потом перешел через Аар, оставил на нем наблюдательный корпус и начал наступление со всей армией за Цюрихом на Массену, тогда как Бельгард одновременно бросился на Лекурба и Дессола?

Не будем теряться в догадках и предположениях, в каких условиях находились и могли сражаться обе стороны; мы можем только утверждать, что простой прямой удар этих превосходных сил или заставил бы французов немедленно очистить Тироля, Граубюнден и Швейцарию или поставил бы их в очень опасное положение, во всяком случае, нанес бы им большие потери. Это кажется нам само собою понятным.

Таким образом, несмотря на блестящие французские успехи на юге и непостижимую бесплодность австрийской победы при Штокахе, к концу марта положение сложилось так, что если бы австрийцы проявили обычную деятельность всеми своими силами, то вся Швейцария для французов была бы потеряна, а обороняющая ее армия уничтожена.

Если, как мы видим, этот успех не наступил во втором периоде, то это вина австрийцев.

Какова была вина главнокомандующего, других командующих, войск, правительства, — это постепенно развертывалось перед нашими глазами. Но, конечно, мы не можем при отсутствии какого бы то ни было определено выраженного плана не вспомнить о том влиянии, которое должны оказывать на действия главнокомандующего взгляды правительства. Было бы чистой иллюзией думать, что главнокомандующий, которому не дано никакого конкретного плана, может свободно действовать согласно своим взглядам и по своему усмотрению.

Весьма редко бывает, что во главе армии в этом случае стоит частное лицо. Следовательно, мы должны предполагать, что эрцгерцог Карл и Бельгард действовали более или менее так, как желали в Вене. Для позднейшей исторической критики, естественно, весьма трудно, не располагая документами, рассматривать намерения правительства; впрочем, в истории похода эрцгерцога достаточно принять в соображение лишь два следующих факта. По желанию правительства Бельгард не должен был оставлять Тироль. Это один факт. Другим фактом является неодобрение, которое было высказано эрцгерцогу за то, что он слишком далеко повел наступление, из-за чего Тироль мог оказаться в опасности; там, где на первый взгляд при отсутствии плана нам кажется, что полководцы имели *carte blanche* (свободу действий), открывается широкое поле заблуждений, позволяющих нам догадываться о тех трудностях, на которые наталкивалась их деятельность.

ГЛАВА II

ОТКРЫТИЕ КАМПАНИИ В ИТАЛИИ. ЗАВОЕВАНИЕ ЛОМ- БАРДИИ. ОТТЕСНЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ К АПЕНИННАМ

Силы и расположение обеих армий

По приблизительным данным, австрийская армия в Италии состояла из 87 батальонов и 60 эскадронов, имея общую численность 69 000 чел. пехоты и 12 000 кавалерии, к которым нужно еще причислить 3 000 артиллерии. Общая численность ее, следовательно, была 84 000 чел., так что пехотные батальоны следует считать в 800 чел., а эскадроны — в 200 чел. Общее число орудий было 350.

В феврале армия имела следующее распределение сил и расположение их:

Дивизия Кайма — на Верхнем Эче.

Дивизия Гогенцоллерна (собственно Края) — между Вероной и Пнаве.

Дивизия Меркантина — на Нижнем Эче.

Дивизия Монтфраульта — в Венеции и вдоль побережья.

Дивизия Фрелиха — между Пнаве и Тальяменто.

Дивизия Отта и дивизия Цопфа — в Крайне, Каринтии, Кроацции и Далмации.

Первые пять дивизий составляли собственно Итальянскую армию, последние две, насчитывавшие вместе 25 000 чел., надо рассматривать как резерв, который, однако, должен был присоединиться к Итальянской армии. 7 марта, когда главная квартира в Падуе получила известие об открытии военных действий, главнокомандующий армией генерал Край немедленно поднял дивизию Гогенцоллерна ближе к Вероне, дивизию Фрелиха — к Бренте, дивизию Цопфа — в район между Пнаве и Тальяменто, дивизию Отта — в район между Тальяменто и Изоццо.

Дивизия Монтфраульта, повидимому, была оставлена в Венеции и на побережье.

Такое расположение австрийцы сохраняли до 21 марта, т. е. в течение 14 дней, почти до открытия военных действий, которые с французской стороны были начаты 24 марта.

Из укрепленных пунктов австрийцы владели Вероной и Леньяно.

Линия фронта расположения австрийцев шла по р. Эч (Адиж), у Подо переходила через эту реку и у Лаузе примыкала к озеру Гарда.

Первая колонна русских вспомогательных войск в 24 000 чел. ожидалась в начале апреля, но вследствие разлива рек ее прибытие запаздывало до середины апреля. Когда она прибыла, то насчитывала только 17 000 чел. Общее командование над всей армией принадлежало знаменитому Суворову, которого император Павел по настоянию Англии и Австрии вернул из полуссылки, а император Франц назначил австрийским фельдмаршалом. Под его верховным командованием генерал Мелас предводительствовал австрийцами. Удрученный старостью и болезнями, Мелас ехал в армию очень медленно и с большими остановками*.

Так как Мелас и Суворов прибывали поздне, то при открытии кампании и в первые ее решительные дни командование принял генерал Край, старший из генералов австрийской армии.

Это был сильный, храбрый и решительный человек, к которому войска относились с полным доверием. Генерал Шателер был назначен начальником генерального штаба.

Силы французской армии в Италии, включая союзные войска, насчитывали 116 000 чел.; из них 34 000 чел. стояли в Южной Италии, 24 000 чел. были назначены в гарнизоны Ломбардии, Генуэзской области и Пьемонта.

Таким образом, для собственно Итальянской армии оставалось около 58 000 чел., из которых было около 7 000 чел. кавалерии.

Они распределены были следующим образом:

Дивизия Монришара	9 500 чел.	} 46 400 чел.
» Виктора	8 200 »	
» Гренье	7 400 »	
» Серрюрье	7 300 »	
» Дельма (авангард)	7 700 »	
» Атри (резервы)	6 300 »	
» Готье	6 400 »	
» Бригада Дессоля	5 000 »	

Всего 57 800 чел.

Эти войска тотчас же по открытии военных действий по приказу Директории должны были обороняться и занять великое герцогство Тос-

* Характерен для ведения дел австрийским гофферигером следующий факт: когда Мелас по слабости здоровья хотел отказаться от командования, ему заявили, что он может свое путешествие в армию совершить не спеша и с удобствами, что он и сделал.

канское. Сильного сопротивления не ожидали, поэтому думали, что генерал Шерер может обойтись совсем без дивизии Готье, которая, как предусматривали, могла не оказаться в наличии у Минчио или на Эче в первые недели.

Далее, как мы знаем, бригада Дессоля выступила из долины Верхнего Эча, и, таким образом, ее также не было в наличии. Следовательно, все силы, которые французы могли выставить против 84 000 австрийской армии, исчислялись только в 46 400 чел.

При этом в подсчет не входит гарнизоны Мантуи и Пескьеры. Впрочем, эти гарнизоны были очень слабы. Так, например, гарнизон Мантуи состоял только из 2 400 чел. Легко можно было предвидеть, что в случае угрозы этому пункту для подкрепления его гарнизона потребуются, по крайней мере, 5—6 тыс. чел.

В качестве крепостей французы имели Мантую и Пескьеру, которые пока только вступали в действие. В Ломбардии они обладали 5 или 6 батальонами; в альпийских выходах Пьемонта в их руках были укрепленные пункты этой страны.

Минчио можно рассматривать как линию французского фронта.

Сначала командование над Итальянской армией было вверено генералу Жуберу, но он разошелся с Директорией и потребовал своего отозвания. Директория предложила ему назначить себе преемника. Он назначил Моро, находившегося при Итальянской армии в качестве инспектора нехоты. Моро прославился во время кампании 1796 г., особенно благодаря сражению при Биберахе. Так как в оценке его репутации мнения расходились и он казался Директории подозрительным из-за его политических убеждений, то она не согласилась на его назначение и назначила Шерера, бывшего военного министра, который в 1795 г. успешно командовал в Апеннинах. Это назначение не могло понравиться армии, так как, во-первых, военный министр редко имеет много друзей, во-вторых, слава Жубера и Моро, относившаяся к событиям 1796 г., была более свежей; она была приобретена в то время, когда слава Шерера уже померкла, вследствие презрения, какое вызывали испорченное правительство и администрация. Впрочем, Шерер был человеком храбрым и опытным, но без больших дарований и не обладал сильным характером. От подобного человека при данных обстоятельствах невозможно было требовать выходящих за пределы обычных масштабов действий, которые необходимы для полководца на войне и которые могли восполнить недостаток боевых сил; скорее можно было ожидать отсутствия доверия и уважения к нему, что, естественно, еще более ослабляло ту силу, которая действительно имелась в нем. Из-за слабости характера им допускались ложные шаги.

Снисходительным обращением с подчиненными ему генералами и особенно доверием по отношению к Моро он хотел приобрести общие симпатии к себе.

То, что в человеке, пользующемся большой славой, могло считаться доказательством уверенности в себе, в Шерере должно было казаться слабостью и еще более увеличивать зало.

Шерер атакует Край. Бой при Настренго, Вероне, Леньяго и Бароне

11 марта Шерер прибыл в Милан, 21-го он перенес свою главную квартиру в Мантуу и 22-го отдал приказ о начале военных действий в соответствии с операционным планом, приведенным нами выше.

Почему кампания в Италии была открыта на три недели позже, об этом нигде не сообщается.

Так как Журдан получил приказ о переходе через Рейн 1 марта, Массена — об изгнании австрийцев из Граубюндена 6 марта, то, повидимому, Директория замышляла нечто вроде выравнивания фронта трех армий, и движение двух остальных армий расценивалось как подготовительная операция. В самом деле, к 22 марта все три армии находились на одной линии в направлении Минчио.

Генерал Шерер сосредоточил свою армию на Минчио между Мантуей и озером Гарда. Так как ему было предписано переправиться у Вероны и действовать левым флангом в направлении на Бриксен, то ему не оставалось другого выбора, хотя он предпочитал бы вести наступление из Феррары и Болоньи, которое, впрочем, вследствие разлива По, было сопряжено со значительными трудностями.

Прежде всего он отправил генерала Готье с его дивизией силою в 6000 чел. для завоевания Тосканы. Тот выступил в поход двумя колоннами — на Флоренцию и Ливорно, без всякого сопротивления обезоружил и взял в плен несколько тысяч великогерцогских войск, 26 марта овладел Флоренцией и установил временное управление страной от имени Французской республики.

Остальной армии Шерер приказал 24 марта перейти Минчио и расположиться на левом берегу между Пескьерой и Сангвинетто.

Генерал Край через посредство прибывшего в армию генерала Шателера получил 21 марта операционный план для Итальянской армии, в котором указывалось:

«Армия всеми своими силами ведет наступление через Брешию и Бергамо к Адде и должна овладеть в тылу долинами, ведущими в Тироль, Граубюнден и Вальтеллину. Первым шагом должен быть переход через Тартаро и Тионе. С этой операцией нужно связать нападение на Пескьеру. Нужно овладеть постами у Гонто и Вальеджо и со всей армией перейти Минчио. У Гонто должен быть оставлен значительный корпус для наблюдения за Мантуей и поддержания коммуникации вверх по Минчио; Пескьера должна быть подвергнута осаде; армия, овладев Лонатом, двинется на Кьезу, в то время как генерал Сен-Жюльен атакует силы противника, стоящие в долине Кьезы. В дальнейшем операция должна развиваться до Брешии и Кремы. От Брешии один корпус должен

быть выделен для действий через Палаццола на Эдола и Монте-Тонале вдоль Олио, другой корпус — через Бергамо, Леско, вдоль озера Комо и р. Адда на Вальтеллину и Кьявенну. Там, где будут обнаружены сосредоточенные силы противника, должно быть дано генеральное сражение. Согласно этому плану, Тироль может быть освобожден без горной войны».

Наши собственные замечания об этом плане мы выскажем позднее, здесь же нельзя не обратить внимания на неудачную формулировку этих директив. Какое обилие бесполезных мелких указаний, затейливых основных мысли; вместо ясных и точных приказаний — пустая болтовня, как бы исходящая из расслабленного параличом мозга! Почему не сказать совершенно просто: австрийская армия должна дать решительное сражение главным французским силам и в случае победы повести наступление через Пескьеру до Адды, осадить названные выше крепости и выделить корпус в долины Олио и Адды против Монте-Тонале и Вальтеллины, чтобы угрожать французам в Тироле с тыла и войти в связь с Бельгардом. Все остальное или понятно само собой или должно было разрешаться на месте.

Впрочем, в этом операционном плане нет еще приказа приступить к сосредоточению армии, не сказано даже, когда следует начать его проведение, скорее здесь запрещается открывать военные действия; весьма вероятно, думали, что Мелас, Суворов и русские войска должны прибыть раньше, чем может начаться наступление.

Генерал Край около этого времени получил известие о первых движениях французской армии и полагал, что настал крайний срок начать операцию; поэтому он приказал дивизии Фрелиха от Бренты наступать к Эчу, перенес свою главную квартиру в Бевилакву и дал приказ дивизиям Цопфа и Отта спешно выступить в поход — первой согласно указаниям, содержащимся в операционном плане; генерала Сен-Жюльена с 6 батальонами и частью кавалерии он послал через долину Бренты в Валь-Саббиа (долина Кьезе), чтобы поддерживать связь Итальянской армии с Тирольской, левый фланг которой стоял в долине Зульды.

Генерал Край полагал, что ему может содействовать превосходную службу укрепленный лагерь между Эчем и озером Гарда в районе Настренго как для того, чтобы удержать французам от перехода через Эч, так и для того, чтобы еще более облегчить этот переход себе самому.

Настренго лежит на южных склонах Монте-Вальдо, там, где Эч ближе всего подходит к озеру Гарда, именно на расстоянии доброй немецкой мили.

Такая позиция, следовательно, прикрывала доступ в долину Эча и выход на Тирольскую дорогу до северного выступа озера Гарда, куда была направлена бригада Сен-Жюльена, за Эчем позиция упиралась в озеро Гарда.

Генерал Край послал сюда генерала Готтестейма из дивизии Кайма с 7800 чел., который приказал соорудить 14 редутов и 4 флеш и по-

строить 2 понтонных моста через Эч у Поль-ди-Сопра и Сотто-Пескантина.

В это время части австрийской армии, повидимому, были распределены несколько по-иному, а именно следующим образом:

Дивизия Кайма	15 800 чел.
„ Гогенцоллерна	12 000 „
„ Фрелиха	14 000 „
„ Меркантина	15 000 „
„ Цопфа	10 200 „
„ Отта (кавалерийские резервы)	4 500 „
Тыловые гарнизоны	12 500 „
Всего	84 000 чел.

12 500 чел. находились в гарнизонах, расположенных в тылу театра военных действий, и не принадлежали к действующей армии, поэтому последнюю нужно считать только в 72 000 чел. Из этих сил для театра войны на Эче мы должны еще исключить 5 000 чел., посланных под начальством генерала Сен-Жульена к Валь-Саббия, таким образом, остается 67 000 чел.

Австрийская армия к 25 марта занимала следующее расположение:

Готтесгейм у Пастренго	7 800 чел.
Дивизия Кайма и Гогенцоллерна у Вероны	29 000 „
Дивизия Фрелиха и Меркантина у Бевилаквы	20 000 „
Генерал Кленгау, принадлежавший собственно к дивизии Меркантина, у Аквы в районе Ровино	4 500 „
Всего	51 300 чел.

Дивизии Отта и Цопфа, находившиеся в походе	14 500 чел.
Генерал Сен-Жульен	5 000 „

Из этого вытекает, что войска, которые в первый момент были готовы к сопротивлению, не имели заметного превосходства сил над перешедшей в наступление французской армией; отношение между ними было 51 к 46. Эта разница легко могла исчезнуть при неопределенности подчетов с той и другой стороны.

Генерал Край только 21 марта принял решение о сосредоточении своих войск, до этого же времени дивизия Фрелиха стояла у Бренцы в расстоянии трех переходов от Эча, дивизия Цопфа за Пиаве—в 5 переходах, дивизия Отта—в 7 переходах. Между тем французы могли в любой день выступить в поход. Отсюда ясно, что в начале кампании ав-

стрийская армия, имевшая без всякой нужды столь глубокое расположение, при наступлении французов или должна была отступить от Эча или вести первые свои операции с $\frac{1}{2}$ всех своих сил.

Первое вовсе не приходило в голову мужественному Краю,—наоборот, он был полон желанием загладить с своей стороны неудачи, причиненные успехами французов в Тироле и Граубюндене. Им руководило стремление прославить свое имя за короткий срок своего командования. Поэтому он решил немедленно напасть на французов и 25 марта писал гофкриграту; «что ему кажется недопустимым дать неприятелю время осуществить свои планы, вследствие продолжительной пассивности австрийских войск в Италии. Австрийские успехи в Италии могли бы разрушить главный план противника и принудить его к отступлению из Тироля и Граубюндена; послезавтра—27 марта—он намерен атаковать противника и ручается за успех, рассчитывая разбить его еще поую сторону Минчио».

План атаки, повидимому, вытекал из расположения французов на левом берегу Минчио; поэтому генерал Край намеревался в случае, если атака будет направлена на Верону, что он считал вероятным, повести наступление из Леньяго во фланг французов с двумя дивизиями, в то время как генерал Кайм с двумя другими дивизиями будет оказывать сопротивление на позиции перед Вероной. Хотя этот план носил односторонний характер и не подходил ко многим другим возможным случаям, но, как мы видим, он не выбрал никакого другого, ибо французы не дали ему много времени для размышления и уже на следующий день начали атаку.

Генерал Шерер воспользовался для атаки поздним сосредоточением австрийской армии; он знал, что австрийцы еще не собрались, русские еще не прибыли, и мог рассчитывать, что на стороне противника, может быть, не окажется значительного превосходства в силах и что более благоприятного соотношения сил, вероятно, не будет на протяжении всей кампании. Полководцы Мелас и Суворов, которым вверено было командование, еще не прибыли, и, конечно, не следовало недооценивать этого обстоятельства, так как оно позволяло предвидеть некоторую нерешительность в австрийской армии. Итак, генерал Шерер имел некоторые шансы на победу. Хотя эта победа и не могла повести его слишком далеко, так как при дальнейшем наступлении ему предстояло столкнуться с прибывающими подкреплениями; вследствие этого ему пришлось бы иметь дело с вдвое большими силами, но все же она дала бы положительные результаты: физическое и моральное ослабление неприятельских сил—немаловажный фактор, что должно было иметь большое значение для него при дальнейшей обороне Эча или Минчио.

Раз решение об атаке было принято, нельзя было терять ни одной минуты, так как с каждым днем временное преимущество соотношения сил могло заметно уменьшиться. Поэтому французский командующий решил атаковать на следующий день, именно 26 марта.

Сражение при Пастренго 26 марта

Генерал Шерер имел совершенно ложные сведения о лагере у Пастренго. Во-первых, он думал, что там находится более значительные силы, чем это было в действительности, во-вторых, считал, что у Пастренго стоит только авангард, главные же силы находятся у Ривольи. Он думал, что сначала ему следует овладеть этой позицией, а потом наделся без всяких затруднений переправиться через Эч выше Вероны. Его наступательный план был следующий.

Сам он хотел с дивизиями Серрюрье, Дельма и Гренье силой в 22 000 чел. атаковать укрепленный лагерь у Пастренго, после взятия его перейти через р. Эч на левом берегу повести наступление в долине Вероны. Море с дивизиями Виктора и Атри силой в 15 000 чел. должен был атаковать позиции австрийцев у Вероны, задержать их там и, если позволят обстоятельства, попытаться вступить в этот город. Дивизия Монришара силой в 9 000 чел. должна была вести наступление против Леньято, держать под наблюдением этот пункт и р. Эч ниже его и, в случае получения приказа, построить мост через эту реку.

В дальнейшем диспозиция для трех дивизий левого фланга всецело относилась к неприятельской позиции у Ривольи: согласно этой диспозиции Серрюрье вел наступление по берегу озера Гарда через Ланзе на Бардолино, оттуда на Иллази, где, как предполагалось, находился правый фланг позиции. Дельма через Каприно и Кампо-Реджо наступал на центр, и Гренье шел через Буосологено, чтобы соединиться с Дельмой для атаки.

В австрийский лагерь у Пастренго, командование над которым было поручено генералу Эльсниццу, еще до начала боевых действий было послано генералом Каймом подкрепление в 3 батальона, но оно подошло только в самый разгар боя.

Генерал Серрюрье встретил на своем пути только форпосты, которые без труда были им отнесены; после этого он взял направление на Ривольи, в то время как на самом озере Гарда австрийская флотилия была отогнана к северу более сильной французской флотилией.

Дивизия Дельма, при которой находился сам Шерер, без больших усилий овладела укреплениями у Пастренго, сооруженными только еще наполовину, но натолкнулась на сильное сопротивление у Палаццо-ло, лежащего несколько к северу, и была бы разбита при атаке, если бы на помощь к ней не поспешил Гренье. Этот последний отбросил австрийские посты у Буосологено, послал одну бригаду к Эчу, а с остальными направился к Дельме. Сопротивление австрийцев у Палаццо-ло теперь было сломлено, наступление Серрюрье заставляло их опасаться за свой тыл. Серрюрье, понесший большие потери, подошел к мостам у Поло; из них один был тотчас разрушен, другой был оставлен для артиллерии. Когда последний подошел к мосту, французы направили на него такой сильный огонь, что от моста остались одни обломки. Генерал Эльсницц

отступил за долину Бароны, на полпути к Вероне. Весь бой закончился уже к 8 часам утра.

Австрийцы понесли потери в 2 000 убитыми и ранеными и 1 500 пленными, к ним нужно еще присоединить 12 орудий, о которых они упоминают. Потери составляли более трети сражавшихся здесь сил.

По австрийским источникам, главными причинами слабого сопротивления и больших потерь являлись следующие два обстоятельства: первое заключалось в том, что укрепления не были еще окончены; второе, гораздо более важное, состояло в том, что австрийцы еще сохраняли сильную цепь постов для охраны границы, установленной по миру в Кампо-Формио, которую необходимо было соблюдать при бышем до сих пор неопределенном положении между войной и миром. По этой цепи постов были разбросаны австрийские силы, и их не хватало для занятия укрепления. Так как французы начали военные действия без всякого уведомления, то австрийцы были застигнуты врасплох, чем и можно объяснить слабое сопротивление укреплений и большое количество пленных.

В этих объяснениях содержится много неверного. Если австрийцы имели слишком сильную цепь постов, то, конечно, не вследствие мирных намерений, а в результате неправильных взглядов и ошибочных мероприятий.

Как можно допустить, что пост Пастренго был предназначен не для сопротивления, когда Край, слома голову, отправился в поход со своей дивизией, а Кайм уже за день до боя счел необходимым послать в Пастренго подкрепление из 3 батальонов?

Таким образом, это сражение, очевидно, принадлежит к числу совершенно проигранных, ошибки здесь настолько явны, что излишне говорить о них.

Шерер отказался от преследования за Эч, он лишь оставил на левом берегу несколько батальонов для прикрытия моста. Дивизия Серрюрье остановилась у Ривольи, Дельма — у моста близ Поло и Гренье — у Пастренго.

Бой у Вероны 26 марта

Об австрийском расположении у Вероны и их планах хорошо не было известно. Кажется, там они также укрепились, но об этом говорится лишь между прочим. Определенно можно сказать, что генерал Липтай командовал форпостами; он в получасе пути от Вероны с 3 батальонами и 1½ эскадронами расположился с цепью постов в полукруге от Томбы через Томбетцу, С.-Люча, С.-Массимо, Кроче-Вьянка до Кьево. На границе стояли 2 батальона и 2 эскадрона и у выхода еще 6 батальонов и 11 эскадронов для поддержки.

Силы генерала Кайма после отправления генерала Эльсницца нужно считать в 16 000 чел. Он думал, что наилучшим образом окажет содействие в сражении, если он, как только генерал Липтай будет атакован противником, двинется навстречу последнему с тем, чтобы атаковать его в свою очередь, и сделал распоряжения на этот счет.

С рассветом Моро начал наступление — с дивизией Виктора на С.-Лючия, с дивизией Атри — на С.-Массимо. Сначала вступила в бой генерал Виктор и отбросил генерала Литтай до гласена у Вероны. Но когда на помощь к нему подошел князь Гоцецоллерн, бой возобновился у С.-Лючия и продолжался беспрерывно в течение целого дня вокруг этого пункта, который остался в руках французов. Дивизия Атри продвинулась до С.-Массимо, когда сам Кайм выступил ей навстречу. У этого пункта завязалась такой же ожесточенный бой, как и у С.-Лючия, но здесь пункт остался за австрийцами. Только ночь положила конец сражению; об ожесточенности его можно судить по тому факту, что трое командовавших австрийских генералов, сначала Литтай у С.-Лючия, потом Минквиц и, наконец, сам Край у С.-Массимо были ранены.

Австрийцы считают свои потери в 1500 убитыми и ранеными и 1000 чел. пропавшими без вести. Зато они взяли 300 пленных. Французские потери были не намного меньше.

Не часто встречаются бои, которые по своим условиям, своему течению и результатам проходили бы с таким равновесием.

Обе стороны имели по 2 дивизии, находившиеся под начальством генералов, которые не являлись командующими, оба противника были равны по силам, оба вели наступление и оба не могли сбить друг друга с позиций. Можно сказать, что здесь одна боевая сила нейтрализовала другую, и ни один из противников не добился успеха. Результат был равен нулю.

Бой у Леньего 26 марта

Обратимся теперь к третьему решительному сражению этого дня, происшедшему на правом французском фланге.

Здесь генерал Монришар с авангардом продвинулся до Леньего, с гарнизонами которого он соединился. Бригада генерала Винь направилась к Ангьяри, в одном часу пути выше Леньего на р. Эч, и, расположившись на разбросанных позициях, вела наблюдение за этой рекой до Альбаредо. Бригаду Гардана генерал Монришар оставил в качестве резерва у С.-Пьетро на Мантуанской дороге, в расстоянии получаса пути от Леньего.

Генерал Край приказал дивизиям Фрелиха и Меркантина несколько отдохнуть и сварить себе пищу в лагере у Бевиллакви, куда первая из них, повидному, только что прибыла, а затем около полудня выступить на Леньего. Оставив дивизию Меркантина за Леньего, он с дивизией Фрелиха в 4 часа дня вышел из теснины. Он шел тремя колоннами, из которых первая и самая сильная двинулась по большой дороге на С.-Пьетро, вторая — на Галло, третья — на Ангьяри. Первые две колонны в многочисленных стычках разбили авангард и бригаду Гардана и, захватив 9 орудий, отнесли противника за С.-Пьетро. Третья колонна, предводительствуемая полковником Соммарина, атаковала войска, которые генерал Винь выставил ей навстречу, нанесла большие потери им

и за Менаго произвела в их рядах большое смятение, генерал Винь получил смертельное ранение.

Таким образом, генерал Монришар был разбит и, понеся потери — 14 орудий и 500 пленных, — продолжал свой отход по большой дороге на Мантую до Торре, в трех милях от Леньего, где он оставался в продолжение ночи.

Общие потери этого дня по обоим сообщением были:

у австрийцев — 4 300 убитых и раненых, 2 600 пленных и 12 орудий; у французов — 3 000 убитых и раненых, 1 000 пленных и 15 орудий.

Таким образом, австрийцы потеряли на 3 000 чел. больше, чем французы, что произошло от замешательства, возникшего в бою у Пастренго.

Из-за этого небольшого перевеса французы не могли рассматривать общие результаты этого дня как победу; в крайнем случае они могли видеть в них лишь вступление к победе. Напряженное положение обеих сторон еще не кончилось, т. е. кризис пока не разрешился; от условий следующего дня, казалось, зависело, кто в этом колеблющемся сражении должен быть победителем.

Однако, этот следующий день — 27 марта не принес разрешения напряженного положения; к нашему удивлению, мы видим, что оба командующих в процессе проведения своих решений изменили направление, в котором они хотели нанести главный удар, отказавшись, таким образом, от своего первоначального плана. Это произошло не потому, что они получили неожиданные результаты, а потому, что им начинала становиться ясной нецелесообразность их первоначальной идеи.

Генерал Шерер, хотя имел полный успех в первом ударе, нанесенном с главными силами, хотя уже до полудня овладел переправами через Эч и не имел перед собой никаких неприятельских сил, кроме наполовину уничтоженного у Бароны генерала Эльзшица, несмотря на все это, не имел мужества переправиться через Эч и наступать на Верону; ему вдруг стало ясно, что тогда он сам должен будет напасть на Верону, так как за выходом из Монте-Моларе не было никакой дороги, и генеральный штаб считал совершенно невыполнимым делом наступление в долину Вероны, предполагая там наличие значительных неприятельских сил. Этот в высшей степени важный географический объект, бывший, главным образом, опорным пунктом знаменитого похода Бонапарта 1796 г., настолько был оставлен без внимания, что только 29 марта первые приступили к обсуждению вопроса о нем на военном совете.

Это обстоятельство не могло быть неизвестным, так как при Итальянской армии находилось много офицеров генерального штаба, которые принимали участие в походе 1796 г. и среди них генерал Шасслу, который тогда стоял во главе инженерных войск. Совершенно неверно, чтобы никогда не заходила речь об этом, только при неопределенности стратегической терминологии каждый по-своему понимал выражение «обойти позицию противника».

Те, которые понимали, что нельзя вступить в долину, минуя Верону, думали или атаковать самую Верону, что не считалось невозможным, так как она, собственно говоря, не представляла собою крепости, или же надеялись, что австрийская позиция перед Вероной фронтом к Тиролю может быть взята на правом фланге отдельными отрядами, переброшенными через горы. Другие, и среди них сам Шерер, действительно думали, что армия может спуститься в долину через Монте-Моларе.

Если бы с самого начала ясно и простыми словами была определена цель, поставленная главным силам армии, то не возникло бы никакого недоразумения, и вопрос, на который следовало обратить главное внимание во всей операции, не был бы формально поставлен на обсуждение только 29-го, т. е. на четвертый день ее проведения, к великому скандалу для командования армии.

Хотя бой у Пастренго окончился уже в 8 час. утра, однако, Шерер, как мы уже видели, не пошел дальше. Он формально приказал сделать остановку. 27 марта Моро предложил немедленно переправиться через Эч у Поло и, не ожидая ответа, выступил в поход на Буссолето с дивизиями Атри и Виктора, послав приказ Мовришару оставить одну бригаду в Изола-делла-Скала, а с другой идти к Вероне.

Но Шерер не мог решиться на переправу, опасаясь действий, которые могла предпринять Тирольская армия у него в тылу. 27 и 28 марта он оставался в нерешительности на своей главной квартире в Визла-Франка и, чтобы положить конец этому состоянию, созвал 29-го военный совет. Здесь генералы выражали негодование по поводу упущенного 26-го благоприятного случая и потерянному затем напрасно времени и единогласно высказались за то, что нужно немедленно переправиться через Эч. Так как со стороны генерального штаба было ясно высказано мнение о невозможности выйти в долину Вероны, минуя этот пункт, то было решено двинуться вправо с тем, чтобы перейти Эч ниже Вероны, у Ронко или Альбаредо. Но прежде чем перейти к рассказу об этом марше и связанных с ним обстоятельствах, мы должны обратиться к австрийскому командующему.

Край, как мы уже сказали, предполагал с половиной своей армии атаковать правый фланг французов у Леньяно, когда они выступят против Вероны.

Разби генерала Мовришара на всех пунктах, он к вечеру расположился с дивизией Фрелиха у Череса, сзади стояла дивизия Меркантина в качестве резерва. Теперь ему предстояло осуществить свой план и 27 марта идти к Вероне; здесь он в случае встречи со значительными силами противника атаковал бы его, как это входило в его план, или же, если бы противник являл сопротивление к мосту у Поло, он мог бы соединиться с Каймом. Тогда он соединенными силами пересекла бы все линии сообщения французов, и они вряд ли смогли бы двинуться через Поло на Верону.

Если Край 26-го вечером получил известие об исходе сражения при Пастренго и о потере моста, то это не могло заставить его переменить свое решение, так как такой поворот событий для его операции имел скорее благоприятное, чем отрицательное значение.

Близость между Леньяно и Вероной перерезана множеством мелких болотистых рек и рвов, так что продвижение по ней могло совершаться только очень медленно, даже если бы противник выставил здесь слабые силы; при этом против его левого фланга на Мантуанской дороге оставалась дивизия Мовришара, и ему пришлось оставить против нее значительные силы, ибо она могла угрожать его отступлению. Верона находилась в большой опасности, поэтому нужно было быстро оказать поддержку генералу Кайму. Если бы Край прямым путем двинулся ему на помощь, т. е. по правому берегу, то он мог бы использовать для этого ночь, а с наступлением дня быть уже на месте. Можно ли было не прислушаться к стольким доводам здравого смысла?

Край тем менее колебался в этом, что начальник его генерального штаба генерал Шателер с самого начала был против намечавшегося по первоначальному плану разделения сил. Итак, генерал Край еще в ночь двинулся на Верону вместе с дивизией Меркантина, не принимавшей участия в боях. Туда же 27 марта были направлены дивизия Конфа и Фрелиха, так что у Леньяно, кроме 5 батальонов его гарнизона, были оставлены только 3 эскадрона, и вся австрийская армия сосредоточилась у Вероны.

Такое положение продолжалось 28 и 29 марта. К этому дню прибыла в Веронский лагерь дивизия Конфа.

Край послал также приказ генералу Сен-Жульену вместо движения в обход озера Гарда в долину Кьеа идти в долину Эча, чтобы установить связь между Итальянской и Тирольской армиями. Это распоряжение, направленное к большей концентрации сил, как мы увидим дальше, имело благоприятные последствия, так как давало возможность этому генералу принять участие в решительном сражении.

Сражение у Бароны 30 марта

Край послал в подкрепление генералу Эльсинцу у Бароны 3 батальона и 4 эскадрона и 29 марта дал ему задание отбросить два французских батальона, прикрывавших мост на левом берегу р. Эч. Ряд недоразумений помешал выполнению этого задания.

В таких условиях Шерер приступил к выполнению своего флангового марша. 30 марта дивизия Серрюрье для прикрытия этого марша должна была произвести диверсию против Вероны на левом берегу Эча, дивизия Дельма должны были сменить части дивизии Виктора, и она вместе с дивизией Грене направлялась на Поркаринцу и Сангинетто, другие дивизии следовали между Тартаро и Менаго; материал для сооружения моста должен был быть доставлен в Кастелларо из Пескьеры через Минчино и Молиеллу.

Наченная диверсия дивизии Серрюрье привела к довольно значительному сражению, которым мы займемся в первую очередь.

Серрюрье имел приказ не ввязываться ни в какой серьезный бой. Тем не менее он не удовольствовался отнесением авангарда генерала Эльсница, но атаковал его самого и собирался даже окружить его.

Генерал Край, получив первые известия о вступлении французов в долину Эча, тотчас же с 7 батальонами и 4 эскадронами выступил для подкрепления генерала Эльсница и с его позиции двинулся в атаку тремя колоннами с 14 батальонами и 4 эскадронами. Серрюрье, который имел около 6 000 чел., т. е. был в два раза слабее противника, не мог оказывать долгого сопротивления, он отступил и с большим трудом достиг моста, который был разрушен, прежде чем успели переправиться последние 1 100 чел., попавшие из-за этого в руки австрийцев. Всего этот день стоил дивизии Серрюрье 1 500 чел.

Серрюрье, правому флангу которого угрожала дивизия Гогенцоллерна и Буасселенго, взял направление на Пескьеру и получил от Шерера приказ следовать за армией и расположиться позади дивизий Дельма и Гренье у Боволоне.

В то время как Край был занят этой операцией, французская армия совершила свой фланговый марш в нескольких милях от Вероны. Австрийский командующий без этого дела, повидимому, не пришел бы к мысли атаковать своими соединенными силами силы неприятеля на их марше отчасти потому, что он не имел об этом марше точных сведений, отчасти же потому, что он вообще не был подготовлен к быстрым решительным действиям, как это можно заключить из последовавшего через три дня его выступления из Вероны. Между тем французская армия не могла считать себя спокойной в этом отношении, и поэтому нельзя порицать ее за диверсию на левом берегу Эча; потери, которые она при этом понесла, может быть, были не слишком дорогой ценой?

30 000 чел., разбитые на 5 отдельных дивизий, не имея никакого плана сражения, внезапно атакованные на фланговом марше армией в 45 000 чел., конечно, оказались в очень тяжелом положении. Задачи, которые предстояло им выполнить, всегда считались труднейшими в военном искусстве. Какие особые меры принял Шерер для обеспечения этого марша, об этом ничего не говорится в соответствующем месте очень неудачного рассказа Жомини.

Этот историк занимается только тем, что резко порицает Шерера за его контрмарш, упрекая его в том, что он сначала приказал выступить с левого фланга дивизиям Дельма и Гренье, благодаря чему они в дальнейшем вынуждены были остановиться у Леньо, т. е. на правом фланге. Однако, это распоряжение было совершенно естественным, благодаря этому Моро с двумя своими дивизиями мог держать фронт против Вероны, и в этом заключалось единственное обеспечение марша против Край.

Не имея ясных и достаточных сведений о движении французской армии, мы видим, что 2 апреля она занимала следующее расположение:

Правый фланг:

- Дивизия Гренье — Поркарицца
- » Дельма — Сангвинетто
- » Серрюрье — Боволоне

Левый фланг:

- Дивизия Атри — Адцано.
- » Монришара — Маньяно.
- » Виктор — Маццатаго.

Главная квартира Шерера находилась в Изола-делла-Скала, Моро — в Сеттимо, за Маньяно и Адцано. Для достижения этих пунктов французы потратили дни 30 и 31 марта и, может быть, также и 1 апреля, так как дороги были очень плохи. Здесь, повидимому, они ожидали подвоза материалов для постройки моста.

Край переходит в наступление. Сражение при Маньяно 5 апреля

Генерал Край, получив известие о выступлении французов, ограничился тем, что послал 3 батальона в Альбаредо, чтобы овладеть рекой Эч на этом участке и благодаря этому, по крайней мере, получить точные сведения, когда противник там приступит к переправе. Сам же он решил, не оказывая немедленного сопротивления, переправиться с армией на правый берег и атаковать французскую армию, прежде чем она приступит к переправе. Генералу С.-Жульену он приказал продвигнуться до Кастельново и затем отрезать Пескьеру с восточной стороны; дивизия Гогенцоллерна он послал к Сомме по дороге на Пескьеру. С дивизиями Кайма, Меркантина и Цопфа он расположился лагерем перед Вероной, имея левый фланг у Томбы на Эче и правый у С.-Лучина. Дивизия Фрелиха, повидимому, стояла в Вероне и у Поло.

Во время этих передвижений майор Фульда с 3 эскадронами гусар напал на французский отряд в Вилла-Франка, взял 500 пленных, захватил 2 орудия и перехватил приказ команданту Пескьеры об отправке материалов для постройки моста. Это нападение, произошло, вероятно, еще 1 апреля.

Так как французы покинули весь район между Пескьерой и Вероной, то Гогенцоллерн должен был подойти ближе к армии и занять позицию у Доссобона на дороге из Вероны на Вилла-Франка.

Эти передвижения Край встревожили Моро, и он настоятельно ука- зывал Шереру на необходимость соединить на левом фланге дивизии, стоявшие на расстоянии 3 миль друг от друга, с тем чтобы обратиться фронтом против Край. Поэтому Шерер решил отказаться от мысли о переходе через Эч и вместо этого атаковать Край. Генерал Виктор

должен был двигаться на правом фланге дивизий Атри и Монришара, Серриоре — идти на Бигасино, чтобы снова занять левый фланг, Дельма и Гренье — двигаться на Буттапредо позади дивизий центра. Этот маневр был выполнен 3 и 4 апреля.

Австрийский командующий 3 апреля приказал нескольким офицерам генерального штаба произвести рекогносцировку неприятельского расположения. Они отделили неприятельские форпосты и обнаружили у Маньяно, Буттапредо и Ральдона большие неприятельские лагеря. По дороге из Мантри и Гойто у Меддакане, в полудра часов пути от Вилла-Франка, встретилась неприятельская кавалерия.

У генерала Края возникла идея, вступив в сражение с французами, отбросить их от Минчио и даже от Мантуанской дороги. Продвигаясь на фронте, соответствующем по ширине французскому фронту, он имел намерение в случае благоприятного исхода сражения занять позицию между Тартаро и Тионе у Изола-делла-Скала.

В этом смысле даны были следующие распоряжения:

Первая колонна (дивизия Меркантина) должна была идти на Поццо и атаковать правый фланг французов	6 батальонов и 10 эскадронов
Вторая колонна (дивизия Кайма) должна была идти от Маньяно и атаковать неприятельский центр	8 " " 2 эскадрона
Третья колонна (дивизия Цопфа) шла на Аццано для атаки левого фланга	8 " " 2 "
Четвертая колонна (дивизия Фрелиха) в качестве резерва следовала за второй колонной	13 " " 6 эскадронов
Пятая колонна (дивизия Гогенцоллерна) направлялась через Вилла-Франка на Изола-Альта	12 " " 12 "
Всего	47 батальонов и 32 эскадрона

Вторая колонна должна была начать атаку, указывая направление первой и третьей. В случае неудачи атаки в качестве сборного пункта указывался Веронский лагерь. В случае, если противник будет отброшен, армия должна была повернуть направо, дивизия Меркантина — продвигаться в тот же вечер до Изола-делла-Скала и опереться на этот пункт своим правым флангом. Дивизия Кайма должна была следовать через Бутта-Пьетра и расположиться между Изола-делла-Скала и Тревиццоло, дивизия Цопфа — соединиться с Каймом и раздвинуться до

Баньоло, Фрелих — расположиться лагерем у Изола-делла-Скала, генерал Гогенцоллерн — продвигаться через Вилла-Франка на Изола-Альта, одновременно наблюдая Мантуанскую дорогу.

Из войск веронского гарнизона полковник Сценаси получил приказание идти по течению Эча до С.-Джованни, находящегося почти на одной высоте с Маньяно; из войск, посланных на Альбаредо для обороны Эча, полковник Шустек должен был расположиться за рекой с 2 батальонами и 2 эскадронами с тем, чтобы беспокоить противника на его правом фланге.

Судя по этой диспозиции, дивизия Гогенцоллерна, повидимому, осталась в тылу и располагалась ишелопами; это было сделано из опасения, что неприятельские отряды могут проникнуть из Ровербеллы и Валадзимо и создать угрозу тылу. Это было очень мало вероятно, но не было ничего странного в том, что план считался с отдаленной возможностью наступления противника от Минчио. Вообще же диспозиция носила характер очень осторожный, и за это нельзя ее порицать, так как австрийцы не имели заметного превосходства над противником и нельзя было, конечно, ожидать блестящих результатов. Эта осторожность, как мы увидим, обнаружилась и во время ведения боя.

Эта диспозиция по первоначальному плану Края должна была быть выполненной 4 апреля, но еще 3-го возникло опасение, что у командиров колонн не будет времени окончить приготовления, поэтому атака была отложена на 5 апреля.

Всё 5 дивизий стояли рядом перед Вероной, поэтому эта отсрочка не могла быть существенно необходимой, но благодаря ей французы выиграли драгоценное время, так как 4-го правый фланг находился еще в походе.

Нужно сказать, что Край не мог этого знать, впрочем, на войне существует очень хорошее правило — не откладывать без чрезвычайно важных причин ничего, что должно произойти.

При описании сражения всегда особенно важно указать наличные силы противника. В данном случае для нас особенно важно сделать обзор австрийских сил, так как из 85 батальонов и 60 эскадронов, находившихся в Италии, в решительном сражении не участвовали 48 батальонов и 28 эскадронов.

Из пехоты в оставленных в тылу гарнизонах находилось	13 батальонов
с генералом Клену было	4 "
и у Альбаредо было	3 "

Всего 20 батальонов

Итак, недостает 20 батальонов. Генерал С.-Жульен, отправленный с 6 батальонами в долину Эча, как мы увидим дальше, уже в ходе сражения снова присоединился к армии и находился при дивизии Гогенцол-

лерия. Оба эти генерала, вероятно, оставили часть своих войск у Пескьеры. Если мы будем считать эти 6 батальонов и 2 батальона, потерянные в сражении при Пастренго, то остается еще 12 батальонов на гарнизонах Вероны и Леньяго, но, вероятно, это слишком много, и нужно предположить, что должен был остаться еще один отряд.

Недостаток в кавалерии не может нас удивлять, так как дивизия Отта еще не прибыла. Это трудно объяснить, так как дивизия Цопфа уже 5 дней находилась при армии, а дивизия Отта стояла от нее в расстоянии нескольких переходов.

Во всяком случае, нельзя похвалить австрийского главнокомандующего за такую экономию сил. Он вступает в сражение с 46 000 чел., если причислить отряды полковников Сцензани и Шустека, в то время как после всех потерь в Италию находилось 77 000 чел., и даже при строгой экономии сил, которой объясняется привлечение отряда Кленуа, в сражении могли бы принять участие, по крайней мере, 60 000 чел.

В тот же самый день, 5 апреля, решил атаковать австрийскую армию и французский главнокомандующий.

Согласно его диспозиции Моро с дивизиями Монришара и Атри должен был идти на Сомма-Кампанья, где предполагалось наличие значительных австрийских сил, дивизия Серрюрье направлялась на Вилла-Франка, где должны были находиться 7—8 тыс. австрийцев, дивизия Виктора и Гренье, не имея общего командования, направлялись через Поццо на Верону, чтобы там атаковать австрийцев. Дивизия Дельма, являвшаяся как бы резервом, должна была двигаться между Моро и правым флангом на Доссобоню.

Все французские силы исчислялись приблизительно в 41 000 чел.

Не останавливаясь более подробно на основных мыслях этой диспозиции, более подходящей для простого движения, чем собственно для атаки, заметим только, что колонны имели расходившиеся направления, заканчивающиеся расположением шириною в 2 мили, тогда как в австрийской диспозиции, по крайней мере, указывалось сходящееся направление колонн. Оба противника, как мы увидим, столкнулись на половине своего пути, из чего следует, что они встретились на фронте почти равной ширины.

Французские колонны начали свой марш 5 апреля рано утром, австрийские — только в 10 час. утра, а около 11 час. они столкнулись друг с другом.

Результаты боя на различных пунктах были следующие.

Австрийская дивизия Меркантина силой в 7 000 чел. произвела удар между С.-Джигониани и Ральдоном на дороге, ведущей из Вероны в Порта-риццу, в 1½ милях от Вероны, на французские дивизии Виктора и Гренье силой свыше 14 000 чел. Завязался упорный бой, естественным исходом которого было то, что австрийская дивизия с большими потерями была отброшена к Вероне в район Томбы; при этом сам генерал Меркантин был смертельно ранен.

Австрийская дивизия Кайма силою в 4 500 чел. не встретила у Маньяно никаких сил противника, так как дивизия Монришара двигалась уже в данном ей направлении на Сомма-Кампанья, а дивизия Дельма еще не прибыла. Только на расстоянии получаса пути к югу, именно у Бутта-Пиетра, Кайм встретил эту дивизию силою в 6 500 чел.

За Каймом следовала в той же колонне дивизия Фрелиха в качестве резерва. Однако, поражение левого фланга вынудило генерала Края направиться туда с большой частью резервов, так что Кайм был поддержан только небольшими силами. При таких обстоятельствах он тем менее мог предпринять что-либо решительное против Дельма, что последний получил поддержку от бригады из дивизии Монришара, которую Моро послал против правого фланга австрийцев.

Австрийская дивизия Цопфа силою в 6 500 чел. в районе Аццано столкнулась с дивизиями Атри и Монришара, которые после высылки бригады для действий против Кайма насчитывали около 10 000 чел. При таких условиях австрийской дивизии пришлось отступить в район Скудо-Орландо на расстоянии одной мили от Вероны. Здесь бой прекратился, так как, с одной стороны, генерал Гогенцоллерн послал на помощь несколько батальонов под командованием генерала Сен-Жульена, с другой, — подошел Край с несколькими батальонами и частью кавалерии из резерва.

Австрийская дивизия Гогенцоллерна силою в 12 000 чел. должна была вести бой с французской дивизией Серрюрье, насчитывавшей только 6 500 чел. При таком соотношении сил генерал Гогенцоллерн мог бы добиться решительного успеха, если бы его дивизии не указано было, как мы знаем из диспозиции, выполнять роль резерва, прикрывающего правый фланг.

Это побудило его послать генерала Готтесгейма с одним отрядом на Вилла-Франка, а генерала Деллера с другим — на Пазеллино, в то время как Сен-Жульен, как мы уже сказали, с третьим отрядом был отправлен на Альмо для поддержки дивизии Цопфа, находившейся у Скудо-Орландо в затруднительном положении. При данных обстоятельствах генералу Гогенцоллерну не оставалось ничего другого. Где он стоял с остатками сил, об этом нет сведений, — вероятно, между Вилла-Франка и Доссобоню.

Генерал Деллер продвинулся до Изола-Альта, где он столкнулся с дивизией Серрюрье, который даже отправил в Вигаззо 1 батальон на левый фланг. Скоро завязался ожесточенный бой, который сначала был удачен, но окончился для него с большими потерями, причем выделенный батальон большей частью был взят в плен.

Так как силы генерала Гогенцоллерна, таким образом, были разбросаны на пространстве в несколько миль, они не могли действовать, несмотря на превосходство над Серрюрье, и этот генерал решил, что при том положении, в каком находилась в бою дивизия Цопфа к 5 час. вечера, ему следует отступить на Доссобоню. Серрюрье продвинулся до Вилла-Франка и занял окружающий ее район.

В то время как на фронте обеих колонн левого фланга успехи французов были несомненны, хотя и не дали блестящих результатов, а на участке, где сражалась дивизия Дельма, установилось полное равновесие, на правом фланге их победа превратилась в поражение.

Когда дивизия Меркантина продолжала свой отход, напоминающий бегство, до Томби, т. е. направлялась в Веронский лагерь, там находилось 4 батальона гарнизона, которые под начальством полковника Сденази должны были продвигаться по течению Эча, и 8 эскадронов гусар.

Это довольно значительное подкрепление заставило беглецов остановиться.

Когда австрийский главнокомандующий, находившийся при дивизии Фрейлиха, заметил поражение своего левого фланга и увидел, что сражение все более приближается к Вероне, он взял из дивизии Фрейлиха, стоявшей у Читта-ди-Давид, 9 батальонов и 6 эскадронов и с ними направился на левый фланг против французских дивизий.

Мы не можем дать более подробного описания развития боя, так как сообщения обеих сторон темны и недостаточны. Повидимому, впереди находилась дивизия Виктора и вела бой у Томби. Гренье стоял сзади нес, так как Край атаковал его в районе С.-Джованни.

По австрийским источникам, Гренье скоро был отброшен, и только деревня С.-Джованни держалась некоторое время; при этом совершенно непонятно, как мог пробиться Виктор, так как С.-Джованни находится на расстоянии свыше 1 мили от Томби, и каким образом Гренье не был сброшен в Эч.

Во всяком случае успех, одержанный над этими двумя дивизиями, имел решительный и даже решающий характер.

В то время как Край выступил против них на левом фланге с 8—9 тыс. чел., генерал Шателер повел наступление от Томби с остатками дивизии Меркантина и отрядом полковника Сденази, вероятно, такой же численности. Французам пришлось поспешно начать отступление. Они потеряли 8 пушек и 3 000 пленных и были отброшены преследовавшей их австрийской колонной, к которой присоединился полковник Шустек с своим отрядом из Альбарело, за Ральдон, Валесе и Маццатата до Вилла-Фонтана на Менаго, где австрийцы остановились на ночь, в то время как французские дивизии продолжали свой отход до Изола-делла-Скала и провели там ночь в состоянии полного разложения.

Генерал Край передал преследование подчиненным ему генералам и отступил к центру (вероятно, с частью резервов), чтобы, как мы уже рассказали, прийти с несколькими батальонами на помощь дивизии Цоппа у Скудо-Орландо.

Когда это несчастье постигло правый фланг французов, Виктор подал просить помощи у генерала Шерера, находившегося при дивизии Дельма, составлявшей его резерв. Но у дивизии Дельма было достаточно дела с Каймом. Шерер послал приказ Моро двинуться напрова, на помощь правому флангу. Помощь в сражении можно оказывать толь-

ко резервами; генерал Моро сам вел упорный бой, и от него совершенно не зависело идти или не идти напрова. Если бы даже он имел еще резервы, находившиеся вне линии огня, чтобы послать значительные подкрепления, все равно они прибыли бы слишком поздно, так как он находился на расстоянии более 1 мили от поля боя Виктора. Когда Шерер по орудию огонь, все более усиливавшегося в его тылу, узнал об общем поражении своего правого фланга, он приказал генералу Моро с 4 дивизиями левого фланга отступить за Тартаро, между тем как тот предпочитал остаться на поле сражения, изматывая ночного марша.

С дивизией Дельма сам Шерер в качестве аррьергарда направился к Изола-делла-Скала.

В результате сражения потери противников были: на австрийской стороне — 3 800 убитых и раненых, 1 900 пленных и несколько орудий, у французов — приблизительно такое же количество убитых и раненых, 4 500 пленных и 23 орудия.

Отступление французов за Адду

Понесенные потери, ослабление моральной силы и совершенно утраченное доверие армии — все это не позволяло французскому главнокомандующему думать о том, чтобы остаться на этой стороне Минчио. 6 апреля он отступил за Молинееллу и 7-го переправился через Минчио у Гонто и Поццоло.

Край не преследовал французской армии; передовые его части 6 апреля овладели Изола-делла-Скала, Изола-Альта, Вилла-Франка, Вальежю, и армия расположилась лагерем за Вилла-Франка.

Близость Минчио и прибытие генерала Меласа были причиной такого бездействия австрийского командующего. Мелас прибыл 9 апреля, и вполне понятно, что Край не хотел рисковать приобретенной славой, переходя через Минчио, хотя мост у Вальежю был в его распоряжении. Если бы ему хорошо известно было плохое состояние французской армии, особенно ее командования, он не поколебался бы отсечь французов за Олио или за Адду. Недостаток полномочий не мог удержать его, так как за несколько дней до сражения он получил ясный приказ о наступлении, и это наступление пресеклось в полной согласованности с операциями в Тироле.

Но французский главнокомандующий через 4 дня оставил позицию за Минчио, чтобы отступить за Адду. Многие обстоятельства побуждали его к этому.

Во время событий, происходивших на Эче, генерал Клену переправился через эту реку и направился вверх по течению По к Говерноло. Отсюда он производил успешные поиски по обоим берегам По, причем не только разрушил находившуюся на этой реке флотилию, построенную для действий против Венеции, но захватил еще большое количество орудий, большие запасы боеприпасов и зерна, находившиеся частью в отдельных пунктах, частью на судах.

С другой стороны, на Тироля генерал Вукасович продвинулся в долину Кьезы до Идро, а полковник Штраух через Тоннале — в Валь-Камоника (верхняя долина Олио), благодаря чему Брешиа и стратегический левый фланг французов и самый Милан оказались под угрозой.

Наконец, австрийцы в результате сильно изменившегося стратегического фронта обеих армий ко времени сражения при Маньяно могли овладеть Вазеджио, где они, повидимому, нашли даже неразрушенный мост, так что пункт переправы оказался в их руках.

Все эти обстоятельства побудили генерала Шерера отказаться от действительной обороны Минчио, и, не останавливаясь на пути полумер, он решил продолжать отступление за Адду.

12 апреля, усилив гарнизоны Пескьеры и Мантуи 8000 чел. и приказав генералу Макдональду начать приготовления к отходу из Южной Италии, он начал свое отступление двумя колоннами. Море должен был с левым флангом идти через Брешию на Кассано, если Шерер хотел правым флангом через Маркино направиться в Кремону; однако, полученные им тревожные известия о выступлении австрийцев из Тироля заставили его послать приказ Море вести отступление не по Брешианской дороге, а через Азоду (на Кьезе) на Понтевиго (на Олио). Море не нашел там никакого шоссе, дороги вследствие дождливого времени года были очень испорчены, так что его войска во время этого марша пришли в полное расстройство, что привело к большим потерям всякого рода и послужило к тому, чтобы еще более восстановить армию против Шерера.

Выводы

Австрийцы имели в руках укрепленные пункты — Верону и Леньяго, что весьма усиливало их позицию за р. Эч. Ниже Леньяго, по крайней мере, при условиях, существовавших в 1799 г., переход для французов был почти невозможен. Правый берег Эча до владения Танаро покрыт болотами и является недоступным, ниже же этого пункта им пришлось бы переходить 4 или 5 водных линий, причем у австрийцев было достаточно времени выступить против французов на одной из них со всеми своими силами. Кроме того, в тылу у них оказались бы Апеннины, и они оставляли на произвол судьбы Ломбардию, Милан и свои коммуникационные линии. Следовательно, об этом не могло быть и речи.

Переход выше Вероны в отношении коммуникации представлял еще большие опасности, так как австрийцы легко могли отрезать всякий путь отступления путем маневра от Вероны на Пескьеру. Поэтому такой переход было возможно произвести только с частью сил, оставив полноту армии перед Вероной, чтобы воспрепятствовать выходу австрийцев.

Если бы даже другой полковник французской армии действительно удалось переправиться в каком-нибудь пункте и появиться перед Вероной на другой стороне, если бы действительно они могли поблизости нанести мост выше города, то и при этих условиях было ясно, что австрийцы сохраняют решительное преимущество, имея такой сильный опор-

ный пункт, как Верона, посредине между разъединенными частями французской армии.

Но, кроме того, французский генеральный штаб считал, что нельзя по правому берегу Эча выйти в долину, оставив в стороне Верону. Мы признаем, что это было, повидимому, стратегическим преувеличением. В стратегии часто обнаруживается склонность, в виду того, что так редко встречаются сильные опорные пункты, преувеличать трудности в абсолютную невозможность. Пройти с пути на Прасеро в долину Вероны, минуя этот пункт, трудно, но, конечно, не невозможно; это было доказано уже тем, что французы несколько раз в 1796 г. с одной дивизией без дорог проходили через Монте-Моларе. Хотя это было и не прямо в том же направлении, но все же можно заключить, что характер местности не создавал невозможности для движения войск всех родов оружия. Впрочем, и при таком взгляде на дело мы должны все же считать эти трудности такими, что приходилось отказаться от мысли о переходе выше Вероны.

В одном только случае можно было рассчитывать успешно совершить этот переход — это, если бы противник расположил свои силы не у Вероны, а у Леньяго; тогда была бы надежда что-нибудь предпринять против самой Вероны и, по крайней мере, проникнуть в долину, прежде чем подойдет неприятельская армия.

После этого оставалось только перейти пространство в шесть миль от Вероны до Леньяго. Так как этот район частично был покрыт болотами, как, например, у Арколе, и нельзя было навести мост вблизи Вероны и Леньяго, то переправа была ограничена почти только двумя пунктами — именно районами Цевьо и Альбаредо. При таких условиях армия должна была совершать переправу, имея против себя превосходящего противника. Это противоречило стратегическим соображениям и было возможно тактически только при большом моральном превосходстве.

Для более точной мотивировки нашего мнения укажем еще, что для французской армии в Италии более подходящей была оборонительная роль, тем более, что ее позиция за Минчио была очень сильной, и таким образом несоответствие сил могло быть уравнено.

Нельзя преимуществу, присущее обороне в силу положительной цели, различать в зависимости от ее формы и в ней признавать ее слабость. Люди часто после проигранного сражения полагают как бы в состоянии оморочка; по разумному инстинкту они останавливаются на обороне, боясь ясных представлений, постоянно колеблются, сомневаясь в том, уравнивается ли успех победы ее вероятностью.

Людам кажется абсурдом добровольно где бы то ни было останавливаться на обороне, хотя на самом деле нет большего абсурда, чем желать наступления при всех обстоятельствах. По двум следующим мотивам можно вполне оправдывать генерала Шерера, когда он выбрал наступ-

Во-первых, это ему определено было предписано правительством, затем он не без основания полагал, что найдет австрийские силы еще не сосредоточенными и рассчитывая таким образом иметь перевес в первый момент над передовыми массами их войск и одержать над ними победу.

Победа, как говорят французы «*toujour bon à quelque chose*» (всегда хороша для чего-нибудь); если есть вероятность боя, то редко бывают случаи, когда не следует искать его, даже тогда, когда не знают, на что решиться. Итак, мы должны представить себе, что генерал Шерер имел намерение двинуться за Эч, питая надежду, что на этой реке он найдет силы противника, по крайней мере, не превосходящие чрезмерно численностью его силы.

Если мы спросим теперь, на что следовало решиться при таких обстоятельствах французскому генералу, то ему следовало бы быстрым движением попытаться переправиться между Леньего и Альбаредо, оставив некоторую часть войск для блокады Леньего и с остальными соединенными войсками искать сражения с главными силами неприятеля. Если бы тот уклонился (он мог не давать сражения во время марша), он должен был остаться и заняться операцией по взятию Леньего; никто не считал бы возможным без большого превосходства сил далеко отходить от Эча, не овладев одним из обоих пунктов.

Если бы австрийская главная армия расположилась лагерем в районе Леньего, то не следовало совершать там переправу, но можно бы тогда попытаться совершить ее выше Вероны.

Этот случай как раз представился, когда значительная часть австрийской армии находилась поблизости от Леньего. Расстояние от Леньего до Альбаредо только 2 мили, и она не могла бы с 20 000 чел. помешать переправе, если бы очень быстро под рукой оказались переправочные средства. Когда Шерер должен был принять решение относительно пункта переправы, он нашел австрийского главнокомандующего с его главной квартирой и одной дивизией уже у Веналяквы, т. е. у Леньего; одного этого было достаточно, чтобы удержать его от мысли переправить там.

Наконец, австрийцы имели выше Вероны по ю сторону Эча один корпус, который можно было разбить, избегая трудностей переправы через реку. Благодаря этому первому успеху можно было уже скорее думать о переправе. Правда, этот корпус стоял в укрепленном лагере, но австрийцы очень поздно решились устроить его, и можно сказать, что корпус нетрудно было победить, если атаковать его с значительно превосходящими силами.

Таким образом, нам кажется, что атака Шерера 26-го была вполне обоснована; потери, понесенные австрийцами при Пастренго, были в природе вещей, и результат был довольно значительный.

То, что Шерер 26-го не отнесся разбитого Эльзница до Вероны, было следствием недостатка решительности. Он предполагал, что глав-

ный лагерь австрийцев находится у Ривольи, и туда был собственно направлен его удар. Когда он разбил неприятельский корпус при Пастренго и этот корпус направился не на Ривольи, а к двум мостам на Поло, он мог легко сказать, что у Ривольи не должно находиться никаких значительных сил, иначе они от Пастренго отступили бы туда. Он должен был, следовательно, отказаться от удара на Ривольи; произведя там только рекогносцировку и не найдя ничего, он приказал дивизии Серрюрье возвратиться и в тот же день двинуться к Вероне. Так как сражение при Пастренго окончилось уже к 8 час. утра, то времени было достаточно, и Шерер мог, вероятно, еще вечером 26-го попытаться взять Верону.

Если же он только 27-го утром предпринял какие-либо действия против Вероны или действия с целью проникнуть на равнину, то все же он раньше мог удостовериться, что ему не придется иметь дело с австрийскими силами, находившимися у Веналяквы, когда он должен был сам услышать, что эти силы 26-го вечером еще вели бой у Леньего с Монришаром.

В действительности, как мы теперь знаем, весь день 26-го и, вероятно, до полудня 27-го против него находился лишь генерал Эльзниц, так как дивизия Меркантина выступила только с наступлением ночи, и ей предстояло пройти 6 миль, на что нужно было не менее 15—18 часов.

План Шерера, после того как обнаружилось, что переправа выше Вероны сопряжена с слишком большими трудностями производства еще одну попытку переправы у Леньего, можно оправдать следующими соображениями:

1. Австрийцы совершенно оставили район Леньего, не предполагая там, следовательно, никакой переправы.
2. Несчастное сражение при Пастренго привело их в расстройство и сделало их трусливыми.
3. Нужно было предпринять что-нибудь для удовлетворения Директории.

Если от этого решения можно было ожидать какой-нибудь вероятности успеха, то выступать нужно было немедленно, т. е. 28-го, после того как 27-го Шерер вполне определил свое положение, и 29-го совершить переправу. Шерер же выжидал, чтобы подошло больше сил из тыла и чтобы оправиться от раны, полученной при Пастренго. Его выступление 30-го не могло уже больше вести к намеченной цели.

Итак, мы думаем, что французский главнокомандующий, упустив благоприятный момент для продвижения, не мог сделать ничего лучшего, как занять позицию у Вилла-Франка, единственно с намерением держать противника в пленении; во всяком случае, если бы тот совершил неловкий маневр, он мог бы извлечь из этого пользу и уклонился бы от решительного сражения, если бы противник отошел за Минчио.

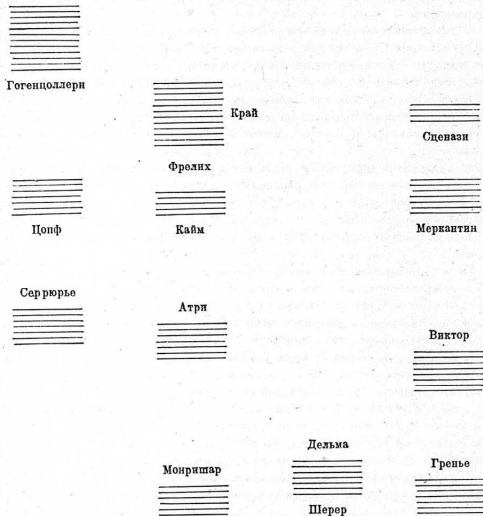
О деятельности австрийцев остается сказать немного. Самым естественным было уже 26-го со всеми наличными силами двинуться за Верону,

чтобы атаковать французов. Край мог бы атаковать две дивизии Моро со всем превосходством своих сил.

Сражение при Маньяно, бесспорно, в тактическом отношении является замечательным событием. Здесь снова между обеими армиями имело место полное равновесие. Обе имели приблизительно равные силы, обе наступали, обе действовали четырьмя колоннами различной силы в 1—2 дивизии. Обе армии имели настолько сильно изогнутый фронт, что крайняя линия отступления, у одной — на Верону, у другой — на Мантую, лежала наискось за их левых флангов.

Существенное различие в пользу австрийцев заключалось в том, что они находились ближе к своей опорной базе, т. е. к Вероне, чем французы.

Общие условия сражения можно видеть из приводимого чертежа, где каждая черточка обозначает тысячу человек, так что по нему можно судить о соотношении сил противников.

Что касается основных причин, которые привели французов к проигрышу сражения, то они заключались отчасти в близости Вероны, на что мы уже указывали, отчасти же зависели от различия обеих диспозиций.

Рассматриваемые в отдельности эти причины были следующие:

1. Войска, выставленные австрийцами в сражении против Виктора и Гренье, насчитывали 18 000 чел., тогда как обе эти дивизии имели только 15 000 чел. Это превосходство в 3 000 чел. нужно принять во внимание. Само по себе оно было бы, конечно, недостаточным для одержания решительной победы над этими двумя дивизиями, если бы с ним не связаны были еще следующие обстоятельства.

2. 8 000 чел. из дивизии Фрейлиха, которые Край повел против Гренье и Виктора, и 3 000 чел. под командованием полковника Сенази, соединившихся у Томбы с Меркантином, выступили здесь как свежие резервы против противника, находившегося уже в состоянии ослабления, которое всякий бой приносит с собой. Позднее применение резервов, «обход во времени» («Ueberflügeln in der Zeit»), если так можно выразиться, всегда является весьма действенным принципом в современных сражениях.

3. Далее, близость Вероны должна была неблагоприятно действовать на обе французские дивизии. Вполне возможно, что если бы этого пункта не было там, то дивизия Меркантина не остановилась бы у Томбы, позади полковника Сенази, и можно было бы опередить эти слабые резервы, прежде чем Край приступит к действиям с войсками Фрейлиха.

4. Такое же неблагоприятное влияние оказывала и близость Эча, так как Гренье и Виктор, сражаясь против Края на изогнутом фронте, не могли оказывать сопротивления до последней крайности, подвергаясь опасности быть сброшенными в Эч.

В то время как вследствие стечения всех этих обстоятельств правый фланг французской армии был разбит, левый фланг, хотя он и продвинулся вперед, не мог поправить дела, так как:

5. Дивизия Серрюрье взяла направление на Вилла-Франка, в то время как Моро с двумя другими дивизиями двинулся на Скудо-Орландо против дивизии Попфа; эти направления значительно расходились.

6. Австрийская дивизия Гогенцоллерна, повернув на Дессобона, приблизилась к дивизии Попфа; против левого фланга французов направлен был также генерал Сен-Жульен и, наконец, подошел сам Край с несколькими батальонами из дивизии Фрейлиха; соотношение сил и обстановка для Моро сложились неблагоприятно, и он не мог и думать о том, чтобы добиться такого же успеха, какого добился уже Край.

Источником всех этих причин являлись диспозиции обеих сторон.

Диспозиция Шерера, как мы уже сказали, более подходила для предварительного маневра, чем для сражения.

В диспозиции для сражения:

1. Главный удар не был бы направлен на тот пункт, где он не мог полностью развернуть своих сил. Атака Виктора и Гренье создавала этот удар, и во всяком случае, предумышленно или нет, он был наиболее

успешным; какие неблагоприятные условия ослабили его, об этом мы уже сказали выше.

2. Резерв не был бы выставлен с самого начала на первую линию. Но резерв Шерера была дивизия Дельма, он приказал ей двигаться между обоими флангами для поддержки того или другого из них; это распоряжение было неподходящим для простого наступления, но оно в высшей степени подходило для акта боя, так как массы войск не могут в одно и то же время служить и резервом, и корпусом связи между двумя совершенно оторванными одна от другой колоннами; это последнее произошло бы с Дельма, если бы австрийцы также не продвинулись вперед.

Австрийская диспозиция, как мы сказали, носила очень осторожный характер, и это было очень кстати. На случай неожиданных обстоятельств эта осторожность заключалась, главным образом, в удержании дивизии Гогенцоллерна. Она служила резервом, поздно введенным в дело, который принудил остановиться генерала Моро, когда он разбросал свои силы в различных направлениях и испытывал опасение за свой разбитый правый фланг.

Если бы Цонф и Гогенцоллерн соединенными силами раньше атаковали бы 3 дивизии Моро, он, может быть, одержал бы над обоими решительную победу, которая или вовсе предотвратила бы поражение правого фланга или исправила бы его.

Припомним, что Гогенцоллерн имел 12 000 чел., а Фрелих также 12 000, следовательно, Край располагал в качестве резерва во второй линии большей половиной своих сил. Если бы и Сцензи также был в резерве, то из 46 000 чел. в резерве находилось бы 27 000.

Осторожность в проведении сражения со стороны генерала Края заключалась в том, что, одержав победу над Виктором и Гренье, не обратился против дивизии Дельма, сражавшейся у Бутта-Пьетро. Он непременно разбил бы ее, и тогда успех его был бы несравненно большим. Вместо того, чтобы парировать успех левого французского фланга, он вернулся к центру, чтобы уже оттуда обратиться непосредственно против левого фланга. Этот маневр бесспорно был более осторожным.

Хотя обе стороны имели намерение наступать, но если мы представим себе сражение в целом, то должны признать, что австрийцы были обороняющейся стороной и что элементы обороны, которые они ввели в свои операции, привели к победе.

Поэтому:

1. Правый фланг французов был разбит в результате своего собственного, а не австрийского наступления. Атака Края с частью резервов против этого фланга носила, собственно, характер наступления, применяемого при обороне. Действие этой атаки было расширено только благодаря наступлению французов.

2. Влияние, которое при этом имела близость Вероны, было элементом чисто оборонительного характера.

3. Весь правый фланг австрийцев оказывал наиболее действительное сопротивление Моро, ведя оборону, и благодаря отступлению дивизии Цонфа к расположению на тыловой позиции Гогенцоллерна получился выигрыш времени, который, являясь элементом, свойственным обороне, оказался весьма действительным в развитии общего успеха.

Суворов атакует французов за Аддой. Сражение при Кассано

Мы уже сказали, что Мелас прибыл в австрийскую армию 9 апреля; 11-го подошла дивизия Отта. Но армия оставалась до 14-го на своих позициях у Вилла-Франка. В этот день она переправилась у Валаджо и заняла позицию в одну милю на той стороне у Кастелларо.

Армия получила новое распределение. Дивизия Меркантина была расформирована и распределена между остальными дивизиями. Главные силы армии состояли из авангарда под командованием генерала Отта и дивизий Цонфа, Кайма и Фрелиха.

Дивизия Гогенцоллерна переправилась через Минчио у Гойто и должна была образовать отдельный корпус. Генерал Эльзниц с 14 000 чел. был оставлен перед Мантуйей и корпус в 6 000 чел. — перед Пескьерой.

Вся австрийская армия, получившая подкрепления, подтянутые из тыла, насчитывала теперь 50 600 чел. наличных сил, считая и корпус Вукасовича силой в 4 000 чел. Но мы скоро увидим, что эти цифры находятся в противоречии с другими сведениями, согласно которым армия должна была иметь силы около 60 000 чел.

Она ожидала прибытия первой колонны русской союзной армии. В декабре император Франц произвел в Ольмюце смотр этой армии, насчитывавшей 22 600 чел., и 14 апреля под командованием генерала Розенберга она аступила в Верону. Но ее наличные силы исчислялись теперь только в 17 000 чел. В Вероне она отдыхала в течение нескольких дней.

15 апреля генерал Отт двинулся с австрийским авангардом к Кьеце и установил связь с Вукасовичем, Гогенцоллерн продвинулся до Маркьяна на Олио.

В этот день приехал в главную квартиру в Валаджо Суворов. Мы не решаемся давать характеристику этого знаменитого человека, так как все черты его хорошо известны, и мы не чувствуем себя достаточно вооруженными для более подробного изображения его удивительной индивидуальности.

Упомянем только о том, с чем согласны все, что это человек пламенной воли, большой силы характера, отличавшийся крупным природным умом, прошедший хорошую школу в войнах против турок. Если эта школа и не была вполне достаточной для ведения войны с французской армией и грубая своеобразность его простого разумного руководства часто создавала затруднения в той сложной деятельности, какой является война между образованными народами, то всем известно, что

его чудачества были лишь взяты им на себя ролью, которую его острый ум разыгрывал только по внешности, но он никогда не допускал их в решительных вопросах. Если даже принять во внимание в этих сложных отношениях и формах войны между образованными народами австрийский генеральный штаб, во главе которого стоял весьма образованный и выдающийся человек (генерал Шателер), то все же никоим образом нельзя умалять индивидуальных заслуг Суворова.

Самый превосходный генеральный штаб с правильными взглядами и принципами не может послужить к хорошему руководству армией, если отсутствует душа великого полководца; но направление взглядов и воли, свойственное натуре великого полководца, является превосходным коррективом против учений генерального штаба, влетающей в его планы там, где без него, как инструмента, обойтись нельзя. Если австрийцы под начальством Края одержали победу при Маньяно, что служит к чести их оружия, то без Суворова они не выиграли бы сражений при Кассано, Треббии и Нови. В этих победах нельзя не признать своеобразного характера энергии Суворова и меткости его взгляда.

Прошло еще 4 дня, прежде чем Суворов начал поход со своей армией. Он воспользовался ими, чтобы при посредстве русских офицеров обучить австрийскую пехоту штыковой атаке. Можно представить себе, что это очень не понравилось австрийцам. Одни взглянули на это как на оскорбление, другие — как на глупость. Это обучение во всяком случае было вполне уместным.

Так же поступил Бонапарт во время похода 1796 г. со заводом своей главной квартиры под огнем английского флота. Его призывы к мужеству войск, выраженные иным способом, имели большое значение. Но нужно считать правильным, что великие полководцы часто придают большое значение мелочам и в диспозицию будущего сражения странным образом вводят то, что относится к регламенту обучения, и эти боевые упражнения в промежутке между двумя большими сражениями нельзя отнести всецело на счет их странностей.

В то время как Суворов занимался этими упражнениями, Гогенцоллерн продвинулся до Понтевино на Олио и, как раньше Кленау, взяв большую добычу на судах, нагруженных всякого рода запасами, особенно же важное значение имел захват 45 повозок с понтонным материалом из Мантуй.

17 апреля генерал Отт перешел Кьезу, 19-го выступил из лагеря сам Суворов.

Силы выступивших в поход соединенных войск по австрийским источникам были следующие:

35 600 чел. австрийцев и
17 000 » русских.

Общая численность 52 600 чел., среди которых было от 6 до 7 тыс. чел. кавалерии.

В это число не входит дивизия Гогенцоллерна, Впрочем, численность ее сил не сообщается.

Австрийские силы были распределены теперь приблизительно следующим образом:

В соединенной армии	36 000 чел.
Генерал Эльзниц у Мантуй *	11 000 »
Сен-Жульен у Пескьеры	6 000 »
Кленау на нижнем течении По	4 000 »

Всего 57 000 чел.

Будем считать дивизию Гогенцоллерна в . . . . . 6 000 чел.
 Потери в боях на Эче исключая
 приблизительно в . . . . . 13 000 »

Все силы 76 000 чел.

Австрийская армия имела численность в 84 000 чел. К ней подошли еще 4 000 чел. под начальством Вукасовича; остается еще 12 000 чел., которые приходится на больных и на гарнизоны, оставленные в тылу.

Французы продолжали свое отступление пока только до Олио, хотя Шерер решил продолжать его за Адду.

Когда Моро с левым флангом достиг этой реки у Понтевино и увидел, что австрийцы не преследуют его, он решил, что дальнейшее отступление будет большим ущербом для чести и морального состояния армии; сам он питал надежду, что сможет удержаться на Олио. Итак, он двинулся со своими дивизиями вверх по реке до Кальчио и Полаццо. Так как Шерер со своей колонной уже оставил этот район, а Гогенцоллерн обеспечил себе переправу у Маркарна, то французский правый фланг мог расположиться только у Пьяве С.-Джакомо, на половине пути между Кремоной и Олио.

Французская армия на этой позиции имела еще 28 000 чел. Так как силы ее в сражении при Маньяно исчислялись в 40 000 чел. и она потеряла в этом сражении 8 000 чел., а 8 000 чел. были посланы в качестве подкреплений в Пескьеру и Мантуй, то она должна была вызвать к себе подкрепления в количестве 4 000 чел. из войск, находившихся в тылу.

Она подразделилась на 3 дивизии — Серреро, Гренье и Виктор, из которых каждая состояла из 10 батальонов и 10 эскадронов; авангард, оставленный на левом берегу Олио, имел 5 батальонов и 7 эскадронов, а на правом берегу По находился отряд в несколько тысяч человек под командованием Монришара для подавления повстанческого движения, которое в этой области было вызвано появлением войск Кленау.

* Это собственный подсчет австрийцев; так как 11 батальонов и 8 эскадронов не могут дать слишком многого, то, может быть, мы должны присоединить сюда войска гарнизона Леньо.

Суворов начал поход 19 апреля. Генерал Шателер настойчиво предлагал ему произвести рекогносцировку. Суворов ответил так:

«Рекогносцировка? Я не хочу ее. Она нужна только для трусов и чтобы предупредить врага о своем появлении. Когда хотят найти противника, всегда находят его. Колонны, штыки, холодное оружие, атака, удар — вот моя рекогносцировка!»^{*}

Мы приводим здесь эти слова Суворова отчасти потому, что они очень характерны для каждого полководца, который проявляет решительное желание действовать и в основном должен думать так же, как Суворов, отчасти же потому, что постоянные рекогносцировки, как мы это уже говорили в другом месте, были настоящей болезнью, свойственной австрийской армии.

Авангард двинулся 19 апреля на Кастенедоло, армия последовала за ним в трех колоннах на Лонато, Кальчинато и Монтекиаро на Кьезе, Гогенцоллерн двинулся через Боццоло.

20-го союзная армия сделала остановку. В ночь на 21-е она снова двинулась в поход.

Авангард под командованием Отта, поддерживаемый дивизией Поппа, а равно и бригадой Вукасовича, должен был с разных сторон подойти к Брешии и атаковать французов в случае, если они сделают попытку задержаться. Общее командование над этими войсками получил генерал Край.

Сама армия должна была направить свой марш на Кьяри; этим пунктом Суворов думал овладеть еще 21-го.

Так как расстояние от Монтекиаро до Кьяри по прямому пути по меньшей мере 6 миль, то предполагалось очень быстрое движение к Олио. Когда Край появился перед Брешией, он потребовал сдачи от французского коменданта Бузе, занимавшего этот город с 1 100 чел.; не получив никакого ответа в течение 1½ часов, он начал обстрел города, после чего генерал Бузе отступил к цитадели. Край имел приказ взять ее штурмом и уничтожить ее гарнизон.

«Нужно, чтобы это случилось, — полагал Суворов, — ибо, если противнику предоставляется почетная капитуляция, он будет держаться в каждом блоктаузе, и благодаря этому теряется время и люди».

Это было во вкусе русско-турецкого театра войны, тем более, если б цитадель была вполне нормальной крепостью. Между тем эта крепость не была в достаточной готовности. Серьезные приготовления к штурму, с одной стороны, и угроза уничтожить гарнизон, с другой, — возымели свое действие: французский генерал сдался в 4 часа утра. После этого дивизия Отта продолжала свой марш за Оспедальето.

Мелас по плохим, размытым дорогам, причём колонны в своем марше нередко сбивались с дороги, прошел только до р. Меллы, т. е. до половины пути, где он вечером сделал остановку. При этом со стороны австрийцев, вероятно, раздавались жалобы на сырую погоду, от кото-

^{*} Слова Суворова Клаузевиц приводит на французском языке. — *Прим. перев.*

рой страдали люди во время пути. Суворов настолько был раздражен этим, что написал Меласу следующее письмо: «Я слышу жалобы на то, что пехота промочила себе ноги. Такова была погода. Поход этот совершается для службы державного императора. Сухая погода нужна девицам, петиметрам^{*}, лептям. Хвастуны и эгоисты теперь не нужны для высокой службы и не могут командовать. Операции должны быть проведены быстро и без малейшей потери времени, чтобы никоим образом не допустить соединения сил противника. Кто слаб здоровьем, тот может оставаться сзади. Нужно освободить Италию от французов. Каждый настоящий офицер должен жертвовать собой для этого. Так называемые резонеры не могут быть терпимы ни в одной армии. Глазомер, быстрота и натиск — вот что нужно теперь».

По поводу этого письма можно упрекнуть Суворова только в одном — в грубости выражений, но она была лишь средством показать силу главнокомандующего и, конечно, вполне подходила такому человеку, как Суворов.

К тому дню, когда союзники подошли к Мелле и взяли Брешию, французы отступили за Адду, так как полковник Штраух спустился в Валь-Камоника, что, повидимому, лишило французского главнокомандующего всякой возможности вести оборону Олио. Дивизия Серрюрье направилась на Лекко на озере Комо, Гренье — на Кассано и Виктор вместе с авангардом — на Лодви.

Виктору у Кремоны пришлось бросить 30 орудий, которых он не мог вывести из-за отсутствия дорог и плохих упряжек.

Кремоны, где французы понесли потери всякого рода, пришлось быстро очистить, но распоряжения были даны слишком поздно. Гогенцоллерн подошел к ней 26 апреля и овладел городом, захватив при этом 11 судов, нагруженных всякими запасами, и взяв в плен гарнизон в 200 чел.

Союзная армия продолжала свой марш на Олио и в район Кьяри; Вукасович шел на Ловере и по северному берегу озера Иseo.

У Полаццола произошел бой с неприятельским арьергардом.

С этой позиции Суворов отослал генерала Край, чтобы принять командование над войсками Мантуй и Пескьеры, а также над частями генерала Кленца.

Сражение при Кассано 27 апреля

Сооружение мостов не позволило союзной армии приступить к походу до вечера 23 апреля, переход через Серо был причиной новой задержки, к тому же колонны во время марша иногда сбивались с пути, так что армия к 24 апреля не прошла полностью расстояния в 4 мили между Аддой и Олио и только 25-го могла занять следующие пункты.

^{*} Слово «петиметр» было в ходу в России XVIII века. Оно обозначало фата, щеголя, высокосногого молодого человека.

Русские у Лекко на озере Комо. Таким образом, они передвинулись с крайнего левого фланга, занятого ими сначала, на крайний правый фланг.

Вукасович против Бривиньо на Адде. Таким образом, он был отозван с эксцентрического направления на Ловере.

Отт против Треццо. Цопф против Ваприо. Мелас с дивизиями Кайма и Фрелиха у Тревилюо на дороге к Кассано. Один отряд под командованием генерала Зекеддорфа был послан за Крему на Лоди.

Таким образом, союзная армия угрожала Адде на протяжении 10 миль от Лоди до Лекко.

Ее главные силы, вероятно, в количестве 20 000 чел., были сконцентрированы в районе между Тревилюо и Треццо, на пространстве нескольких часов пути.

Почему Суворов послал весь русский корпус, т. е. более трети всей армии, на Лекко для овладения переправой там, где она представляла наибольшее трудности, — это в источниках нигде не мотивируется.

Французы заняли позиции за Аддой с целью выиграть посредством обороны этой реки время до подхода ожидаемых подкреплений из Франции и Южной Италии.

Через Адду в данное время можно было переправиться только по мостам. От озера Лекко до По она протекает на расстоянии 16 миль. Главные мосты находились у Лекко, Кассано, Лоди и Пиччигетоне, кроме того, были, конечно, и другие переправы не на главных дорогах, и на реке такой незначительной ширины можно было без большой потери времени навести pontonные мосты. Некоторым затруднением при переправе служило то, что Адда до Кассано протекает в очень глубоком русле, имея сильно возвышенный правый берег, и что ниже Кассано повсюду приходится переходить рукава, каналы, рвы, т. е. многочисленные водные линии. Эти трудности, как можно видеть, делали Адду сильным водным барьером, облегчающим оборону; рельеф почвы допускал удобные комбинации для боя с противником, не имеющим большого превосходства сил.

Если бы французский главнокомандующий расположил свою армию в районе Кассано, т. е. на дороге, ведущей по прямому направлению на Милан, разрушив бы все мосты и имел бы у Лоди и Треццо по крайней мере одну бригаду для обороны этих пунктов, он, может быть, выиграл бы время у своего осторожного противника. Тогда ему представился бы случай дать удачное сражение или на самой реке, или в некотором отдалении от нее вниз по течению, и во всяком случае он был бы в состоянии, при неблагоприятно сложившихся условиях, без потерь осуществить свое отступление на Милан. Подобная оборона на Адде была бы не только возможной, но и полезной, потому что на войне, когда дело идет о значительной реке, всегда нужно рассчитывать на осторожность противника, и при обороне ее этого не следует упускать из виду.

Что же делает генерал Шерер? Он распределил свои силы на всем пространстве 15 миль от Пиччигетоне до Лекко, причем послал в район Пиччигетоне свой авангард под командованием Лабуассера, растянувшийся до Пьяченцы; Виктор расположился в районе Лоди, Гренье — в районе Кассано, Серриеро овладел переправой у Лекко и наблюдал реку до Треццо. Мы уже сказали, что один отряд под командованием Монришара находился на правом берегу По, другой отряд в 4 батальона был выставлен даже в Вальтеллине, там, где долины Олио и Адды соединяются между собой проходом д'Асприта, т. е. еще в 10 милях от крайнего левого фланга указанной выше линии расположения.

У Кассано, Лекко и Лоди французы имели укрепленные тет-де-поны. Мера, удобная для предполагаемого наступления, а в данном случае только затрудняла задачу, так как теперь требовалась лишь местная оборона этого пункта.

Подобное распределение сил делало несомненным успех союзников, и от простой случайности и счастья зависело, смогут ли французы осуществить свой отход без значительных потерь.

За день до наступления союзников Шерер передал внезапно командование над армией Моро. Окончательное назначение Моро произошло в самый день сражения.

Суворов 25 и 26 апреля потратил на соби́рание сведений о расположении французов и о пунктах переправы.

Уже 25-го русские сделали попытку отбросить французов за мост у Лекко, но безрезультатно.

26-го Суворов дал диспозицию для переправы, согласно которой:

1. Вукасович должен был попытаться совершить переправу у Бривиньо при помощи местных судов.
2. Дивизия Отта и Цопфа — у Треццо на понтонах.
3. Мелас с дивизиями Кайма и Фрелиха должен был овладеть переправой у Кассано, атаковать предмостное укрепление и попытаться прогнать через мост.
4. Розенберг должен был овладеть переправой у Лекко, послать отряд на Комо и с главными силами идти вниз по течению Адды до Ваприо, а затем взять направление на Милан.

Так как Лекко находится на расстоянии 5 миль от Ваприо, то ясно само собой, что если бы генерал Розенберг не овладел Лекко по крайней мере на день раньше, то это, во-первых, не имело бы значения для переправы других дивизий, а во-вторых, после переправы он не мог бы соединиться с ними для решительного сражения. Но при атаке Лекко на день раньше получалась та невыгода, что неприятельские силы в таком случае не были бы рассеяны, благодаря чему труднее было бы совершить переправу. Все же следует похвалить диспозицию за то, что в ней генералу Розенбергу указывался точнее же после переправы ближайший путь к остальной армии, а не только прямое направление на Милан, как это обычно делается. Держать 17 000 чел. в таком удалении

от остальной армии — это было большой ошибкой, которую нужно было как можно скорее исправить.

Диспозиция Суворова была повсюду выполнена с успехом.

Уже 26-го после полудня генералу Вукасовичу удалось перевести свои войска при помощи быстро построенного паромы и расположить их так успешно, что он был в состоянии отбить две атаки генерала Гийе, который командовал здесь, и преследовать его вниз по Адде до Ольджинате.

Генерал Серрюрье в это время, по рассказу Жюмнин, совершал марш на Вапριο, где проходила дорога из Бергамо к Адде. Что означало это движение с 4 000 чел., т. е. с половиной его дивизии, этого Жюмнин не объясняет; вероятно, оно было вызвано прежними опасениями за район Кассано. Когда Моро 26-го в 6 час. вечера узнал о переправе генерала Вукасовича, он послал приказ Серрюрье повернуть на Бривиньо; вместе с тем Моро решил стянуть армию к этому району. Он приказал генералу Гренье идти на Вапριο, Виктору — на Кассано, а Лабуассьеру — на Лоди.

Следует предположить, что эти передвижения совершались главными силами французских дивизий, в то время как отряды, выделенные из них, занимали тет-де-пюны у Лоди, Кассано и Лекко.

Дивизиям Цопфа и Отта генерал Шателер приказал ночью приступить к сооружению pontонного моста у Треццо. Хотя требовалось всего только 7 pontонов, но вследствие крутости и скалистости берегов работы продолжались до 6 час. утра. Так как у французов не было на берегу никаких постов и они имели лишь гарнизон в замке Треццо, то до наступления дня работы оставались незамеченными, австрийцы переправились и отделили батальон, принадлежавший к дивизии Серрюрье, до Понцо на Миланской дороге. Здесь батальон встретился с подходившей дивизией Гренье, которая скоро преградила путь дальнейшему наступлению австрийского авангарда. Дивизия Отта еще переправлялась и была поспешно притянута, так что батальоны порознь вступали в бой, который завязался теперь с дивизией Гренье между Понцо и Вапριο и принял очень ожесточенный характер. Успех, казалось, склонялся уже на сторону французов, австрийцы потеряли целый гренадерский батальон Генча, уничтоженный неприятельской кавалерией, когда подошел генерал Шателер с первой бригадой дивизии Цопфа, и судьба сражения изменилась.

Как только Моро узнал о переправе австрийцев у Треццо, он скоро понял, что здесь будет главная атака, атака же у Бривиньо носит второстепенный характер. Он рассказал в том, что дал генералу Серрюрье ложное направление, послал ему приказ держаться у Вердеррио (на полпути между Бривиньо и Треццо), дивизии Виктора приказал ускорить свой марш и как можно скорее направился к Гренье.

Здесь он застал сражение в состоянии равновесия; хотя последовательный подход австрийских сил давал им уже численное превосходство и потому целесообразнее было отступить, но назначение Моро на пост главнокомандующего, только что ставшее известным, вызвало известного

рода воодушевление, что привело к новому напряжению усилий. Сам Моро на один момент мог поддаться этому увлечению, прежде чем он принял в соображение, что Виктор подойдет слишком поздно, а Серрюрье нельзя больше послать никакого приказа.

Он решил отступить, как только подошла последняя бригада дивизии Цопфа, и австрийцы нанесли новый удар, вызвавший частичное замешательство в рядах французов. Они вынуждены были отступить, потеряв 13 орудий и 2 800 пленных, на Инцуго и Гропелло, близ Кассано*.

Между тем Мелас у Кассано также начал атаку. Французы имели подбригады за каналом Риторто впереди собственно предместного укрепления. Она оказывала австрийцам долгое сопротивление и только под огнем 30 орудий вынуждена была, наконец, отойти к самому предместному укреплению. Здесь она отражала атаки, когда в 4 часа пополудни подошла бригада Арго из дивизии Виктора и вступила в предместное укрепление. Но австрийцы не испугались этого, они со всеми силами перешли через канал Риторто и устремились на предместное укрепление, ударив на крайний его фланг. Сам генерал Арго был убит.

В источниках не говорится, присутствовал ли сам Суворов на этом пункте, но это весьма вероятно, и этим можно объяснить необычайную энергию этой атаки. У французов при отступлении не было времени поджечь мост, обложенный горящими материалами.

После этого двойного поражения своих сил, исчезнувших первоначально около 10 000 чел., Моро не мог уже думать ни о чем другом, как об отступлении на Милан, которое по дороге на Бергамо становилось уже невозможным; поэтому он должен был идти через Мельцо.

Что касается Виктора, то, как это хорошо можно было предвидеть, одна его бригада у Лоди так поздно была сменена бригадой авангарда, что он не мог со своей второй бригадой направиться на поле боя, и ему пришлось начать свой отход на Милан через Мельняно на Ламбро.

Мы видели, что Серрюрье с 4 000 чел. должен был остановиться у Вердеррио, в то время как остальные части его дивизии заняли посты у Лекко, Бривиньо и Треццо.

Мы можем предполагать, что при данных обстоятельствах пост у Лекко состоял, по меньшей мере, из подбригады. Командовавший здесь начальник бригады Соле знал, что австрийцы переправились у Адде, что они отбросили генерала Гийе на Ольджинате и тот из опасения, что пост у Лекко не находится более в руках французов, начал отступление на Комо. Он думал, что при таких условиях он сам не будет в состоянии идти на Комо, если потерпит поражение в своем предместном укреплении.

* Генерал Жюмнин называет только цифру в 1 000 пленных и ничего не говорит о потере орудий; но в подобных случаях он часто берет говорить правду. Так как он не делает никаких исчислений возражений против австрийских данных, то последние можно в общем считать правильными, если, может быть, как это нередко случается, раненые считаются в числе пленных.

Так как теперь генерал Розенберг начал серьезнейшие приготовления к штурму и в конце концов никакое предмостное укрепление не могло сопротивляться при шести-восемикратном превосходстве сил, то он считал целесообразным не рисковать всем своим отрядом, продолжая бесполезное сопротивление. Поэтому он отослал в Комо под прикрытием свою артиллерию, а сам с пехотой погрузился на суда на озере Лекко.

Так как Комо, действительно, было уже оставлено прежде, чем он достиг его, то он высадился на берег у Менаджино, оттуда сушей направился через Порцеллу и Лугано до Лугино на Лаго-Маджоре, там снова сел на суда и через Арону прибыл к французской армии.

Так русские в течение 27 апреля овладели мостом у Лекко.

Сражение при Вердерно. Сдача Серрюрье 28 апреля

Серрюрье в течение всего дня спокойно стоял у Вердерно, которое расположено в 1½ милях от Бривьо, на дороге в Милан, между Аддой и Мольгора. Здесь при слиянии двух ручьев он нашел очень сильную позицию, на которой решил ожидать подходящего противника. Благодаря этому он, вероятно, рассчитывал прикрыть левый фланг Моро, в то время как последний отступал переправившихся у Треццо австрийцев. Этим только можно объяснить его упорную медлительность в то время, когда и впереди и сзади его весь день шли бои. Вероятно, он полагал, что в остальной армии все находится в должном порядке для успешного сопротивления и только он один отрезан и окружен неприятельскими колоннами; поэтому, ему казалось, нужно стремиться только к тому, чтобы быть сильным со всех сторон, чтобы, подобно скале в море, противостоять предстоящему штурму.

Это побудило его держаться на твердой позиции, укрепить ее и, открыв мельничные шлюзы, с трех сторон сделать ее совершенно неприступной.

Впрочем, австрийцы, переправлявшиеся у Треццо, направились вниз по Адде на Кассано, Вукасович же, повидимому, вверх по реке на Ольджинате; вследствие этого весь день 27 апреля позиция Серрюрье не только не была атакована, но даже оставалась необнаруженной.

Суворов 28 апреля направил все свои колонны на Милан. Когда Вукасович хотел направить туда свой марш через Вердерно, он только перед полуднем обнаружил Серрюрье на его позиции.

Из победы, одержанной в сражении 27 апреля, Вукасович мог заключить, что этот генерал в общем уже утратил возможность отступления и его позиция такого рода, что мешать ему совершить беспрепятственно свой отход; поэтому он решил, несмотря на то, что располагал только незначительными силами в 3 500 чел., окружить Серрюрье, разместив для этого пехоту и часть артиллерии на фланге и в тылу, с кавалерией же и большей частью артиллерии Вукасович расположился против фронта позиции на доступном участке. Находясь в таком положении, оба противника весь день вели перестрелку — Серрюрье, ожидая осво-

бождения от осады, а Вукасович, убежденный в неизбежности гибели противника. У Серрюрье было достаточно времени, чтобы понять общее положение и, в частности, свое собственное. Вечером он сдался на капитуляцию. Произошло, таким образом, что здесь, как бы в виде реванша за битву при Тауфере, перед 3 800 чел., 2 генералами и 250 офицерами сложили оружие около 4 000 чел. с 15 орудиями.

Общие потери закончившегося таким образом сражения при Кассано были: с австрийской стороны 3 700 убитых и раненых и 1 200 пленник; с французской стороны, вероятно, такое же количество убитых и раненых, около 7 000 пленник и около 30 орудий.

Главная армия союзников 28 апреля заняла позицию у Горгонцолы, 30-ю она вступила в Милан, куда генерал Розенберг прибыл через Монцу, а генерал Вукасович — через Вимерате.

Выводы

Нам остается теперь лишь немного сказать о действиях обеих сторон со времени прибытия русских войск.

Мы уже сказали, что французы не в состоянии были вести серьезную оборону на Адде. При демонстративной обороне или просто при занятии позиции за рекой основной закон — не расставлять войска на слишком большом пространстве, чтобы отдельные части не могли быть отрезаны и потеряны и чтобы можно было использовать благоприятно сложившиеся условия.

Если бы французы имели при Кассано не одну, а две дивизии, то, может быть, им удалось бы отбросить австрийскую колонну, переправившуюся у Треццо, и удержать в своих руках тет-де-пон у Кассано; эта возможность вытекала из нецелесообразных планов переправы противника. Если Моро с дивизией Гренье один пытался отбросить австрийцев, его нельзя упрекать за это, так как в первый момент он не мог правильно судить о положении дела, ибо казалось, что он слишком далеко зашел в обороне. Так как сражение в оперативном отношении носило очень сомнительный характер и само по себе являлось как бы попыткой, то следовало его вести с большой осторожностью и оборвать в нужный момент. Следовательно, нужно было сражаться лишь до тех пор, пока еще оставалась возможность успеха. Совершенно неверно было предполагать, что Виктор подойдет вовремя, так как он должен был ждать генерала Лабюассьера; так же неверно было то, что полубригада, оставленная за Риторто и в предмостном укреплении, будет в состоянии оказывать длительное сопротивление силам в 10—12 тыс. чел., по ходу событий нужно было ожидать атаки части австрийских сил, переправившихся у Треццо. Моро следовало рассматривать борьбу против этих сил только как попытку и отступать после того, как он увидел, что прибывают все новые силы, прежде чем он формально потерпит поражение.

Роль стратегии не заканчивается с началом каждого боя, чтобы пореждать дело тактике, но бывают такие сражения, в ходе которых некото-

рым образом требуется постоянное стратегическое лавирование, и от полководца можно требовать понимания этого.

Поведение генерала Серрюрье, несмотря на все мотивы, которые мы старались выставить в ходе изложения, не может быть оправдано. Когда речь идет об обороне реки, занятие сильной позиции в тылу всегда является очень странным мероприятием; если имеет какое-нибудь значение наступление, то именно в подобных случаях. Хотя он и считал себя связанным в течение некоторого времени у Вердерно благодаря приказу Моро, но все же его положение должно было представляться ему весьма сомнительным и ошибочным, после того как в течение нескольких часов на него не наступали никакие силы противника и он со всех сторон слышал пушечные выстрелы. В таких случаях, т. е. в случаях, когда первоначальное назначение начинает терять свой смысл, следует поспешно идти на ближайшее поле боя и лучше действовать на менее выгодной позиции, чем не действовать вовсе. Подобное соображение должно было заставить генерала Серрюрье идти к Ваприо. Конечно, он пришел бы слишком поздно для того, чтобы дать благоприятный оборот сражению, но еще не поздно, чтобы спасти свою честь и выполнить свой долг.

Если союзные войска после прибытия русских потеряли еще несколько дней и начали свой поход только 19 апреля, то за это не следует слишком строго осуждать их. Полководец-иностранец, каким был Суворов, во всяком случае, нуждался в нескольких днях для того, чтобы несколько ориентироваться в людях и событиях.

От 19 до 27 апреля — дня сражения при Кассано — прошло 9 дней, в течение которых союзники прошли 15 миль, форсировали 5 рек, именно, Кьеze, Меллу, Олио, Серно и Адду и дали одно сражение. Здесь, по справедливости, нельзя жаловаться на медлительность.

Весьма ценным являлось то обстоятельство, что корпус под командованием Гогенцоллерна был послан в направлении на Кремону, так как здесь была поставлена задача использовать успех достигнутой победы; существенно важно было также быстрое овладение теми пунктами, где предполагалось наличие неприятельских запасов всякого рода; кроме того, этот корпус успешно мог быть использован для обхода всех пунктов обороны реки, наблюдаемых противником.

Остальные части союзников, образующие главные силы армии, все время держались поблизости друг от друга, соприкасаясь с русскими, посланными на Лекко.

Эта отправка русских входила в диспозицию переправы через реку и во всяком случае представляется нам не свободной от упреков. Если имелось в виду благодаря превосходству сил наверное форсировать переправу у Лекко, то это должно было случиться по крайней мере 26-го, с тем, чтобы 27-го эта колонна могла уже подойти к району Треццо.

Если у французов имелась какая-нибудь возможность оказать успешное сопротивление, то это потому, что союзники, благодаря своему мар-

шу на Лекко, оставляли на 27 апреля вне поля деятельности 17 000 чел. и в то же время с 12 000 чел. вели наступление на предместное укрепление, которым они, конечно, не овладели бы, если бы оно было занято дивизией Виктора. Русские могли успешно переправиться у Треццо, и атаку предместного укрепления у Кассано можно оправдывать только тем соображением, что оно, как известно, было занято слабыми силами.

Другой важный вопрос заключается в том, не лучше ли поступили бы союзники, если бы они с главными силами двинулись на Кремону и Нижнюю Адду, чтобы как можно скорее переправиться через По. Французская армия при таких условиях не могла бы оказать никакого сопротивления на Адде, и благодаря этому простому маневру военные действия переместились бы в район Александрии. Этим французы были бы отрезаны от Южной Италии и даже от Генуи и разобщены со всеми боевыми силами, которые они имели в этой области. Ломбардия и большая часть Пьемонта падали сами собой, корпуса, подобно корпусу Гогенцоллерна, было бы достаточно для завоевания этих провинций. В районе Александрии в первых числах мая могло бы быть дано генеральное сражение. В этом сражении союзники имели бы около 40 000 чел., французы же, наверное, — не свыше 20 000 чел., так как при такой отдаленности у них нехватало бы времени подтянуть к себе все войска из Ломбардии; им, вероятно, пришлось бы еще усилить гарнизоны отдельных крепостей и, возможно, оставить там даже дивизию Серрюрье. Уже одно превосходство сил решило бы победу. Может быть, французская армия у Александрии между По и Танаро заняла бы очень сильную и сосредоточенную позицию и не могла бы быть побеждена с такой легкостью, как за Аддой. Впрочем, такой успех в битве при Кассано прежде всего был счастливым случаем для Суворова, на которую он не мог рассчитывать, так как серьезное сопротивление на Адде было невероятным. Если французы хотели сражаться на Бормиде или Танаро, они имели достаточно побуждений к тому, чтобы разбросать свои силы. Путь их отступления по горным тропам графства Ниццы при устройстве каждой позиции, обращенной фронтом на восток, проходил за их правым флангом и должен был быть прикрыт, вследствие чего они, конечно, вынуждены были бы овладеть Апеннинскими отрогами до главного хребта. Была полная вероятность, что французская армия Верхней Италии будет разбита и остатки ее в 10—15 тыс. чел. направятся в графство Ниццы. Не будем теряться в догадках, что бы случилось тогда с Макдональдом, который в это время находился в Риме.

Конечно, Суворов не мог так предвидеть события, как мы это делаем теперь. Он не мог знать в достаточной степени, получат ли французы во время своего отступления подкрепления в 8 или 10 тыс. чел., пододут ли своевременно войска из Тосканы, и даже не знал, не начнет ли раньше свой поход армия, стоявшая в Нижней Италии. Но последнее было очень мало вероятно, первое же не меняло существенным образом

хода событий, кроме того, на войне следует отнести кое-что и на долю счастья.

Сюзики обладали большими силами, они уже выиграли сражение, провинции, находившиеся в тылу французов, были в таком состоянии, что без защиты их французской армией они не могли держаться; наконец, главная коммуникационная линия с Францией, т. е. с графством Ниццы, проходила не прямо в тыл французской армии, но шла обходным путем за их правым флангом.

Все это послужило основанием для союзного главнокомандующего к большому стратегическому обходу своего противника, чтобы совершенно отрезать его от южноиталийской армии и от его естественных коммуникаций или же принудить его к решительному сражению, которого он еще не в состоянии был принять, и так далеко отбросить его, чтобы в случае победы союзников он был совершенно изгнан из Италии.

Поход Суворова в р. По

После сражения при Кассано французская армия отошла за Тичино: Гренье, оставив 2 400 чел. в Миланской дитадели, — на Буффалору, Виктор и Лабуссьер — на Павию.

За Тичино Моро рассчитывал подтянуть к себе дивизию Серрюрье, о судьбе которой он не имел никаких известий. Благодаря этому отступлению за Тичино Цизальпинскую республику можно было считать уничтоженной.

То, что можно было еще спасти из запасов, надеялись быстро вывести. Чиновники, поставленные французами, а также наиболее пыльные их сторонники бежали со своими семьями и имуществом, так что все дороги были забиты длинной вереницей повозок, все мосты были загроможены, и все это эфемерное государство, подобно ледяной массе, растаивавшей весной, распалось на отдельные обломки. Это зрелище, а также появление разбитой армии, находившейся в самом плохом состоянии и спешившей к Тичино и По, должны были быстро воспламенить в италийском народе чувство ненависти. Таким образом, не исключена была возможность того, что вооруженные народные отряды, которые начали появляться в области Феррары со времени первых неудач французов, распространятся по всей территории театра войны Верхней Италии и повсюду, где только слабость французских сил представит случай для этого, выступят отряды инсургентов, которые будут вести с французами бесперывную войну. Если французы при своем отступлении в Ломбардию в 1796 г. а в Геную и Пьемонт в 1798 г. думали, что они освободили от ужасно пораженного народ, то в тысячу раз большее значение имело то, что благодаря перемене военного счастья было сброшено владычество французов, и это должно было оказать решительное влияние на положение французского главнокомандующего.

Это положение, сверх того, крайне осложнилось вследствие следующих обстоятельств.

1. Французы владели страной, занимая большое число дитаделей, находившихся в многолюдных городах; эти дитадели представляли собой даже род крепостей, но были запущены и невооружены и при отсутствии достаточных гарнизонов не могли держаться. В очень многих из этих пунктов имелись большие запасы продовольствия, оружия, боеприпасов и материалов для сооружения мостов. Таковы были Пескьера, Феррара, Пиччегетоне, Милан, Орчи, Павия, Тортона, Александрия, Турин, Валенца, Чева, Кони и ряд других пунктов. Мантуя была единственной крепостью в собственном смысле слова, которой владели французы. Большое количество этих дитаделей поглощало значительное количество сил для их гарнизонов, и можно было предвидеть, что, как скоро народ повсюду выступит против французов, они не в состоянии будут оказывать долгое сопротивление.

2. Главная коммуникационная линия французской армии проходила через графство Ниццы, аставляя, таким образом, в стороне Турин и Пьемонт, и обходным путем через узкие долины Апеннин направлялась к морю. В этой части Апеннин никогда не прекращалась народная война, и теперь можно было ожидать, что она вспыхнет с новой силой. Такая война в узких горных долинах на путях главных коммуникационных линий легко могла привести к крупным результатам.

3. Ожидалось прибытие армии Макдональда из Южной Италии. Он, конечно, еще не выступал в поход в то время, когда Моро находился за Тичино. Впрочем, Моро не имел о нем точных сведений, и если бы даже он и имел их, он не мог держать открытым для этого генерала путь через Альпы, т. е. возможно дальше удерживать в своих руках Восточные Апеннины. При этом народные восстания должны были оказывать большое влияние, так как в малой войне легко могут действовать отдельные отряды, рассеянные на большом пространстве.

Если принять во внимание все эти условия, то не могло быть и речи для генерала Моро о каком-либо сопротивлении за Тичино, и вообще трудно даже сказать, где бы он мог занять позицию, которая дала бы ему возможность соединиться с Макдональдом, не ставя себя в критическое положение.

В таком положении, получив известие о гибели дивизии Серрюрье, Моро принял решение, которое во всяком случае кажется простейшим и наиболее естественным. Он намеревался отступить на Турин и Александрию, расположиться с главными силами армии между этими двумя пунктами и при помощи войск Монришара и Гюте попытаться удерживать за собой Восточные Апеннины. Он рассчитывал помешать отложению Турина и даже дтялся себя надеждой вооружить местную национальную гвардию, привлечь народ под французские знамена, чтобы сохранить за собой многочисленные запасы этого весьма важного пункта.

Подтянув к себе остатки дивизии Серрюрье, он двинулся на Турин с дивизией Гренье и приказал дивизиям правого фланга переправиться через По у Валенцы. 7 мая французские дивизии перешли По.

В Турине, который Моро не мог из-за недостатка войск снабдить достаточным гарнизоном, он приказал свезти в цитадель все необходимое для обороны и оставил там 3 400 чел. под командованием генерала Фьорелла для защиты цитадели на случай атаки, сам же с главными силами армии занял позицию между Александрией и Валенцей.

Генерал Перинион, только недавно прибывший в Геную, получил командование над войсками, стоявшими в Лигурийской республике, и должен был держать связь с Монришаром и Готье.

Силы французской главной армии в это время исчислялись в 20 000 чел. Со времени битвы при Кассано, где она имела 28 000 чел., вследствие потерь в этой битве в 12 000 чел., выделения Монришара и гарнизона Милана в 5 000 чел. она уменьшилась на 17 000 чел.; во время отступления она получила некоторые пополнения: в нее было включено около 8 000 миланских войск, и, может быть, она получила еще несколько тысяч человек из Франции.

Кроме главной армии, французы располагали следующими силами:

В пьемонтских пунктах	9 000 чел.
В генуэзских »	5 000 »
Монришар и Готье в Восточных Апеннинах }	2 600 »
	6 400 »
Всего	23 000 чел.

Вместе с главной армией они составляли силы в 43 000 чел., а в соединении с армией Макдональда, насчитывавшей 20 000 чел., — всего около 65 000 чел.

В то время как Моро, таким образом, организовал свои силы не столько для новой обороны, сколько в ожидании дальнейшего хода событий, Суворов терял драгоценное время, которое всегда следует считать драгоценным, непосредственно после одержанной победы. Кассано от Милана находится только на расстоянии 4 миль, следовательно, он мог появиться здесь уже 28-го, тогда как он только 29-го апреля вступил туда и только 1 мая возобновил поход с главными силами.

Так как главной задачей французских операций должно было быть соединение армий Верхней и Нижней Италии, то он принял решение перенести войну на правый берег По и полагал, что Пьяченца будет наиболее подходящим пунктом для переправы, так как при отсутствии материалов для постройки моста можно было устроить мост из местных судов, не опасаясь при этом сопротивления со стороны противника. 30-го он выслал дивизию Отта по дороге на Буффалору к Тичино и приказал дивизиям Цонфа и Кайма продвигнуться на полперехода по дороге на Лоди. Фрелих и русские остались под Милавом.

Полковник принц Роган был послан на Лекко с 4 батальонами и 1 эскадронном, так как в этом районе после отхода русских не осталось никаких частей из Итальянской армии союзников. Он должен был установить связь с Тирольской армией вместе с отрядом полковника Штрауха, проходившего по долине Олио. Последний получил указание направиться на Морбеньо в долину Адды; оба должны были очистить от неприятеля Кьявенну и Белинцону и попытаться овладеть С.-Готтардом, благодаря чему они выходили в тыл французской позиции в Граубюндене.

К этому дню сдался гарнизон небольшой крепости Орчи, 500 чел. были взяты в плен.

1 мая, оставив генерала Латтермана с 4 500 чел. для блокады Миланской цитадели, Суворов выступил в поход двумя колоннами. Первая, состоявшая из 3 австрийских дивизий, двинулась на Лоди, вторая, состоявшая из русских войск, — на С.-Анджело.

Вукасович с дивизией силой в 8 000 чел. должен был сменить генерала Отта на путях к Буффалоре, а генерал Отт со своей дивизией в 4 500 чел. вступил в Павию, где он нашел весьма значительные запасы всякого рода, генерал Гогенцоллерн был занят блокадой крепостей Орчи и Пиччигетоне.

Таким образом, Суворовская армия действовала по радиусам окружности Милана: около 3 000 чел. двинулось в Швейцарские Альпы, 8 000 чел. — по Туринской дороге, 4 600 — на Павию, 17 000 направилась к По между Павией и Пьяченцей и 14 500 чел. — на Пьяченцу.

При таком разбрасывании частей тратились и силы и время на бесполезные передвижения.

От Кассано вся армия двинулась на Милан, а оттуда назад — на Пьяченцу. Отт сначала продвинулся вперед по Буффалорской дороге, а затем должен был повернуть на Павию, тогда как, повидимому, важно было как можно ранее овладеть этим пунктом. Направление русской колонны через С.-Анджело было обходным движением, которое она совершала для достижения Павии или Пьяченцы.

Нельзя одобрить эту лишнюю всякого плана потерю сил и времени, так как если и можно выставить какой-нибудь слабый мотив для каждого из этих передвижений в отдельности, то все их должно было переопределять более простое и энергичное преследование главной цели. Если бы такая цель была поставлена, то следовало как можно скорее послать 10 000 чел. на Павию, а с главными силами армии направиться на Пьяченцу.

Мост у Пьяченцы был готов только к 6 мая. В 1796 г. Бонапарти потребовалось только около 48 часов для постройки этого моста; можно утверждать, что если бы союзники тотчас после битвы при Кассано занялись подготовкой переправы, этот мост был бы уже готов 2 или 3 мая.

Мало того, что Суворов уже раньше затратил столько времени, во время постройки моста у Пьяченцы, он снова изменил распределение

ролей между дивизиями. Он двинулся с русскими к Павии и приказав генералу Отту идти на Пьяченцу, так как он имел в виду его поход на Парму. Эта дивизия, таким образом, была мало-помалу переброшена с правого на левый фланг, проделав вокруг главной квартиры дугу более чем в 100 градусов.

Австрийская дивизия Кайма должна была идти к Пиччигетоне, чтобы совместно с дивизией Гоценцоллерна блокировать эту крепость, которую французы пытались оборонять с недостаточными средствами.

6 мая австрийцы перешли через По, дивизия Цофа и Фрелиха двинулись по дороге на Тортону, дивизия Отта — на Парму, чтобы действовать против генерала Монришара и установить связь с генералом Клеану, который частью блокировал Феррару, частью прикрывал блокаду Мантуи.

Оба генерала должны были двинуться на Модену и Болонью, чтобы наблюдать за выходами из Апеннин в случае похода Макдональда.

В то время как обе дивизии Цофа и Фрелиха шли на Тортону, Суворов приказал русским идти к Ломелло на Аталье. Вукосович 8 мая дошел до Верчелли, захватив 30 орудий, оставленных французами в Новаре.

7 мая капитулировала Пескьера на условиях свободного выхода гарнизона, 10-го сдалась крепость Пиччигетоне, гарнизон которой силой в 600 человек был взят в плен. В последнем пункте были захвачены очень крупные склады.

После взятия Пиччигетоне генерал Гоценцоллерн с 3 батальонами отправился в Милан, чтобы принять командование над войсками, осаждавшими Читальде, а генерал Кайм с остальными войсками последовал за дивизиями Цофа и Фрелиха.

Обе дивизии 9 мая достигли Тортоны и в тот же день с помощью жителей овладели городом, принудив французов отступить в Читальде. Сам Суворов устроил свою главную квартиру в городе, хотя многие улицы его находились под обстрелом крепости. Австрийские дивизии перешли через Скрийвио и заняли позиции у Гарофолло.

Авангард под командованием генералов Карача и Багратиона расположился у С.-Джульиано. Он совершил набеги по течению Бормиды и Танаро от Акви и до устья.

Сам Суворов только 12-го оставил Тортону. В это время подошла к армии вторая колония русских силой в 6 000 чел. под командованием генерала Ферстера, благодаря чему силы Суворова в районе Александрии без Вукосовича возросли до 30 000 чел. Вукосович между тем от Буффалоры достиг По, овладел переправами у Казале, Понте-Стура и Трино и, вторгшись в долину Доры Балтеа, дошел до Иврен, чтобы поддерживать местные вооруженные силы, собравшиеся в этой области.

Французы заняли слабыми силами По, Танаро и Бормиду, главные силы их стояли между Валенцей и Печетто — дивизия Гренье и у Александрии — дивизия Виттора.

11 мая Суворов приказал генералу Розенбергу, стоявшему у Ломелло, с частью его корпуса идти за По и овладеть городом Валенцей.

Сражение при Васенньоне 12 мая

Этот маневр никоим образом не был демонстрацией, служившей для облегчения перехода главных сил армии через Танаро, с другой стороны, он не был также поддержан какой-нибудь демонстрацией со стороны главной армии. Это была операция совершенно частного характера; проведенная в непосредственной близости от главных сил французской армии, она не могла удалиться и в лучшем случае велась лишь к тому, чтобы укрепиться на правом берегу По. Никто не знает, что должно было получиться из этой операции, и можно даже сказать, что она была во вкусе сражений на турецком театре войны, где они не имели другого значения, кроме взаимного уничтожения.

Розенберг выбрал для действий район Боргофранко между Валенцей и Танаро, куда он направился с 10 000 чел., приказав 4 000 чел. под командованием генерала Чубарова в ночь с 11 на 12 мая переправиться на большой остров, лежащий у Мугароне.

Так как рукам, отделявший остров от правого берега, можно было перейти вброд и войска выражали большое желание идти в атаку, то Чубаров переправился через него, атаковал французские посты и отбросил их до Печетто.

Здесь он скоро был контратакован с правого фланга 4 000 чел. дивизии Гренье, которые под начальством генерала Колли* прибыли из Валенцы, и с большой поспешностью и в беспорядке отступил на свой остров.

Здесь он очутился в очень плохом положении. Остров был переполнен людьми и повозками, рукам, отделявший его от правого берега, был переходим вброд и так узок, что сюда достигал даже ружейный огонь, единственная же связь с левым берегом по pontонному мосту была разрушена, так как канаты были оборваны.

Французы из естественного опасения, что это только демонстрация, хотели сосредоточить свои силы для отражения ожидавшейся ими переправы главных сил через Танаро, поэтому они не воспользовались критическим положением русских. Pontонный мост был восстановлен, бригада генерала Чубарова, командир которой был убит, отошла на левый берег, откуда Розенберг направился через Агонью на С.-Назаро, 13 мая по Павианской дороге — на Кастеджо и затем через Вогеру — на Сале. Бригада Чубарова потеряла всю свою артиллерию и 2 500 чел. убитыми и ранеными.

* Этот генерал, командовавший в 1796 г. сардинскими союзными войсками при армии Бюлье, во время мира покинул сардинскую службу и поступил на австрийскую; затем он оставил также и австрийскую службу; когда же генерал Моро прибыл в Турин, Колли, находясь там, предложил этому генералу свои услуги, которые тот принял с радостью, рассчитывая при посредстве его завладеть новыми силами в пьемонтцах.

Суворов, узнав об опасном положении войск Розенберга, двинулся к Сале с дивизиями Фрелиха и Ферстера и 13-го же вернулся на свою позицию.

14 мая к главной армии подошла дивизия Кайма от Пиччигетоне, и вследствие этого армия возросла (без Вукасовича) до 35 000 чел.

Отступление Моро в Апеннины. Сражение при Маренго 16 мая

Французский главнокомандующий полагал, что ему не следует более оставаться в прежнем положении, так как его противник все более усиливался; попытка Розенберга наступать по ту сторону По предвещала серьезное наступление.

Народное восстание в тылу французов у всех выходов Апеннин с каждым днем распространялось все далее; генерал Периньон, командовавший войсками, состоявшими по большей части из лигурцев, легко мог быть побежден, и, таким образом, была бы утрачена связь не только с Францией, но и с корпусом, стоявшим в Апеннинах, и с Макдональдом.

Поэтому Моро принял решение усилить генерала Периньона частью своей армии, с остальными же войсками направиться влево по Туринской дороге через Коль-ди-Тенде на Ниццу, прикрыть эту дорогу, а также Кони и подготовить свой отход в Апеннины, чтобы иметь возможность беспрепятственно и во-время идти на соединение с Макдональдом, достигшим в это время границы Тосканы.

Между тем, попытка переправы Розенберга и предпринятая в это время Вукасовичем бомбардировка Казале позволяли предположить, что Суворов с русскими войсками двинулся вверх по р. По и что у Тортоны находится только один австрийский корпус, который не может быть очень сильным в том случае, если дивизия Кайма еще не подошла от Пиччигетоне. Поэтому Моро решил перед своим походом попытаться переправиться через Бормиду и атаковать находящийся между Бормидой и Скривией неприятельский корпус. Если бы его предположение подтвердилось, ему, возможно, удалось бы разбить этот корпус, освободить Тортону и на дороге, ведущей к Бокетте, ожидать прибытия Макдональда для соединения с ним к северу от Апеннин.

Генерал Жюмнин называет атаку Моро реконгностировкой; эрцгерцог Карл говорит, что он хотел захватить дорогу из Бокетты. Для этого он приводит два мотива, из которых один оказывается недостаточным, а другой представляется непонятным, так как для захвата дороги из Бокетты ему нужно было идти только на Нови. В том обосновании, которое мы привели для объяснения маневра Моро, содержатся также два мотива, и мы считаем их правдоподобными.

Для осуществления своего намерения Моро сосредоточил обе свои дивизии у Александрии, в ночь с 15 на 16 мая навел мост у Маренго через Бормиду и перешел ее с дивизией Виктора силой в 5 000 чел. пехоты и 200 чел. кавалерии, оставив у реки Гренье. Оттеснив австрий-

ские форпосты, он двинулся к С.-Джудьяно. Но здесь он натолкнулся на успешно направленную сюда дивизию Фрелиха под командованием генерала Лузиньяна и принадлежавшую к авангарду русскую бригаду генерала Багратиона, который уже имел приказ идти на Сале, но при таких обстоятельствах не мог отказать в помощи австрийцам. Силы обеих состояли из 11 батальонов и 9 эскадронов, и они оказали успешное сопротивление. Моро, видя, что сюда успешно направляются и другие войска из Гарофолло (лагерь в районе Тортоны), решил, что ему следует отказаться от своего предприятия. Поэтому он начал отступление и, потеряв 500 чел., снова переправился на левый берег Бормиды.

Дивизия Гренье, вероятно, была оставлена Моро при известии, что у Сале находится неприятельский корпус.

Что касается австрийцев, то странно, что ни Суворов, ни Мелас не присутствовали при этих боях, хотя главная квартира первого находилась в нескольких часах от Кастельнуovo, а квартира Меласа во всяком случае не далее этого. По австрийским источникам, дивизия Цонфа также не принимала здесь никакого участия, спешно переброшенные сюда войска из лагеря Гарофолло принадлежали к дивизии Кайма; дивизия же Цонфе, вероятно, была использована под Тортоной и для действий в Апеннинах.

После этой неудавшейся попытки Моро еще в ночь на 17-е послал дивизию Виктора, состоявшую из 10 батальонов и 4 эскадронов, без артиллерии, за Акви и Каиро в Апеннины для усиления стоявшего у Бокетты генерала Периньона и образовал несколько подвижных колонн с целью направить их в западную часть Апеннин, чтобы рассеять там отряды местных повстанцев; оставив в Александрии генерала Гардана с 3 000 чел., он начал теперь свой поход с дивизией Гренье, кавалерией и артиллерией, всего около 8 000 чел., через Асти в район Вилланова и Монкальери.

Суворов, со своей стороны, полагал, что он ничего не сможет предпринять против Моро на Бормиде и Танаро и решил двинуться на Турин по левому берегу По, где действия противника во всяком случае не обещали успеха. Кроме того, для французов, если они не хотели совсем быть запертыми в Турине, представлялись большие трудности при обороне этого отдаленного пункта. В случае взятия его союзниками это было бы немаловажным успехом. Наконец, австрийское правительство, по всей вероятности, придавало этому большое значение.

Так как австрийцы только что отразили атаку Моро, то казалось маловероятным, что он попытается помешать осаде Туринской цитадели новой атакой от Тортоны. Кроме того, Суворов думал, что его противник должен будет последовать за ним в область Турнина, и мысль о том, что тот может воспользоваться его отсутствием для соединения с Макдональдом у северного подножия Апеннин, казалась ему настолько же далекой, насколько близкой она представлялась самому французскому главнокомандующему.

Суворов выступил приблизительно в то же время, как и Моро, т. е. 17 мая. С главными силами он вступил через Кастеджио на Туринскую дорогу, с одним корпусом прошел через Камбио и переправился через По по погонному мосту, генерала Альбани он оставил в Тортоńskiej дитадели; узнав о выступлении Моро, он послал генерала Швейковского к Александрии, а сам с армией, перейдя на левый берег через разлившуюся реку, несколько задержавшую его движение, направился к Турину, в район которого он вступил 26-го, пройдя, таким образом, в 10 дней около 20 миль. Генерал Вукасович перешел на правый берег, чтобы блокировать крепость с этой стороны.

Это движение обеих армий, очевидно, не находилось во взаимной связи; так же почти можно рассматривать и операции в течение последних трех недель до их выступления; поэтому синхронистический обзор действий обоих противников затруднил бы нас без всякой надобности.

В отношении похода Макдональда Суворов предложил усилить союзную армию в Италии частью Тирольской армии, и поэтому Бельгард, как мы это расскажем в следующей главе, во второй половине мая получил от австрийского правительства приказ двинуться в Пьемонт, где его вследствие этого ожидали в первых числах июня.

До этого нового изменения в соотношении сил деятельность союзников заключалась в покорении городов Верхней Италии; после падения Пиччингетоне 11 мая они были заняты осадой и блокированием крепости Мантуя и дитаделей Тортоны, Милана, Александрии, Турина, Феррары и Равенны, равно как взятием значительных городов Пьемонта, окружающих стенами.

Французы использовали это время, чтобы выполнить свое отступление на Ривьеру.

Эти раздельные события мы поставим в историческую связь друг с другом.

Сначала мы скажем о том, что произошло с австрийской армией, а затем последуем за французским главнокомандующим в его походе на Ривьеру.

Мы уже рассказали о том, что союзная армия 27 мая подошла к Турину, причем Вукасович уже за день до этого появился перед Туринюм на правом берегу По. Он скоро вступил в соглашение с жителями, благодаря чему 27 мая, после того как несколько домов в городе было положжено австрийскими гаузицами, французские посты у ворот По были перебиты, и город был открыт австрийцам. Генерал Фьорелли вынужден был отступить в дитаделю.

Союзная армия благодаря этому захватила большое количество военного имущества, в частности 261 пушку, 80 мортир, 60 000 ружей разных образцов и 6 000 центнеров пороха.

В то время как союзная армия оставалась в Туринской области, ожидая прибытия Бельгарда и завоевывав пьемонтские города, дивизия Кайма была назначена для блокады дитадели Турина, генерал Фредлих

с частью своей дивизии расположился у Савильяно и Фоссано против Коцц, Вукасович был послан через Кераско в район Чевы и Мондови; из войск, оставшихся у Тортоны, генерал Экендорф со слабой бригадой двинулся между Эрро и Скривией к Аненинам, чтобы прикрыть с этой стороны блокаду Александрии.

Население альпийских горных выходов от Монблана до долины По в такой же мере было предано французскому делу, в какой население Аненин стояло за австрийцев. Оно выставило довольно значительные вооруженные отряды, поэтому генерал Лузиньян с частью дивизии Фредлиха был послан на Фенестреллу, русский отряд под командованием полковника Цуккато — на Пиньеролл и князь Багратион — на Сузу. Из этих пунктов, замыкавших пути из Гренобля через Мон-Сенис и из Бриансона через Мон-Женевр, только Фенестрелла оказала сопротивление, остальные попали в руки русских.

В тылу союзной армии в это время имели место следующие события.

В результате наступления австрийцев в Граубюндене, о котором мы расскажем в следующей главе, бригада Суасона (бывшая Дессоли) и дивизия Лекурб были вытеснены из Вальтеллина и отброшены на итальянские склоны Альп. При таких обстоятельствах, имея большое превосходство сил, они бросились на принца Ротана, который со своим отрядом от Лекко, где мы его оставили, продвинулся в район Вальтеллина, угрожая, таким образом, их тылу. 13 мая этот генерал был отброшен до Треззы, связывавшей Лаго-Маджоре с озером Лугано. Так как известие об этом пришло одновременно с известием о поражении, понесенном русскими при Бассиньяна, то значение этого события, самого по себе незначительного, было преувеличено сверх всякой меры, и отсюда возникло опасение за безопасность флангов и тыла. Суворов приказал генералу Гогеццоллерну, осаждавшему Миланскую дитаделю, с половиной своих войск немедленно идти на помощь принцу Ротану. Генерал Гогеццоллерн выступил с 5 батальонами и 1 эскадроном и 17 мая соединился с принцем Ротаном. Впрочем, он должен был это сделать только с одной бригадой под командованием генерала Луазона, так как Лекурб обратился против С.-Готарда. Ему не представило труда отбросить его на Беллинцону с потерей в 5—6 тыс. чел., после чего он возвратился в Милан.

Хотя эти события размыгались на итальянском театре войны, именно на южных склонах Альп, и союзные войска по большей части принадлежали к Итальянской армии, несомненно, их следует отнести к швейцарскому театру войны, и мы должны отложить их описание до тех пор, пока специально займемся последним.

Генерал Гогеццоллерн приказал тотчас же после своего возвращения в Миланскую дитаделю, именно 21 мая, устроить траншеи, и уже 23 мая крепость сдалась на условия свободного выхода гарнизона в количестве 2 200 чел. После этого генерал Гогеццоллерн выступил на усиление Край под Мантуей.

Настоящая блокада Мантуи еще не начиналась, так как для этого не хватало средств. Генерал Край, держа в осаде эту крепость, пытался в то же время с частью подчиненных ему войск распространиться по правому берегу По и укрепиться там.

Генерал Клену с несколькими батальонами двинулся к Ферраре, которую инсургенты уже в течение некоторого времени держали в осаде. Он быстро овладел городом, и после того как цитадель в продолжение нескольких дней подвергалась бомбардировке, она сдалась 24 мая с гарнизоном в 1500 чел. на условии свободного выхода. В то же самое время отряд, отправленный водой из Венеции, совместно с инсургентами взял цитадель Равенны.

Восстания в Средней Италии распространялись все более. Генерал Лаоц, итальянец по национальности, в 1796 г. служивший в рядах француз и командовавший под начальством Монришара при Пезаро, в середине мая перешел на сторону инсургентов и создал на восточных склонах Рамских Апеннин ядро вооруженных сил, укрепленной базой которых был Фермо. С одной стороны, он держал в узде французский гарнизон Анконы, с другой, — вошел в связь с инсургентами Абруцци, равно как и с русско-турецкими военными судами, крейсировавшими у побережья. Это произошло на восточном склоне Апеннин в то время, когда Макдональд с 20 000 чел. шел по западному их склону из Рима на Флоренцию.

Таким образом, союзники силою оружия и при помощи народных восстаний все более становились господами Верхней и Средней Италии, между тем как в одно и то же время и приблизительно в одинаковых силах вводились в дело новые массы, чтобы использовать их для новых решительных действий. В то же самое время, когда Бельгард погрузил на суда свои войска на озере Комо, чтобы с 15 000 чел. присоединиться к Суворову, Макдональд вступил во Флоренцию, чтобы соединиться с Моро.

Обратимся теперь к Моро.

Этот генерал, как мы уже рассказывали, тотчас после его неудачного боя у Маренго, выступил в путь на Турин через Асти 17 мая с дивизией Гренье, большей частью кавалерии, артиллерии и обозами, всего в количестве 8 000 чел.; в это время Виктор с 6 батальонами и 4 эскадронами через Акви, Сиенно и Дего двинулся в Генуэзские Апеннины к Перпьюну, с которым он соединился 19 мая. Когда Моро 18 мая прибыл в Асти, он узнал, что гарнизон Чевы, силою около 100 чел., сдался инсургентам. Он приказал генерал-адъютанту Гарро с 4 батальонами быстро двинуться к этому пункту и снова овладеть им, причем подкреплением ему должен был служить отряд из гарнизона Кони. Отсюда, пользуясь отсутствием союзных войск, он отослал в Бриансон по дороге через Фенестреллу и Мон-Женевр весь обоз и тяжелую артиллерию под прикрытием отряда, которым командовал генерал Друот. Благодаря этому он избавил свою армию от большого балласта и сделал ее способной

к проходу через узкие выходы Апеннин на Ривьеру, где он, повидимому, считал удобным соединиться с Макдональдом, в это время вступившим уже в Тоскану. При приближении русских Моро отступил от Виллановы через Карманьолю на Савильяно. Операция Гарро против Чевы не удалась; разлив Танаро вынудил его идти по левому берегу этой реки, куда имел время проникнуть австрийский отряд, вероятно, из войск генерала Зекендорфа.

Теперь Моро отправил туда Груши, начальника своего генерального штаба, — принять командование над отрядом Гарро. Тот присоединил к себе отряды, посланные для борьбы с инсургентами; moreover, и ему удалось только овладеть городом Мондови, захваченным мтежниками; от Чевы ему пришлось отступить, так как он не решился на кровопролитный штурм.

Положение французского главнокомандующего в отношении дальнейшего его отступления было в высшей степени опасным, оно изображается даже как отчаянное, хотя историки не приводят оснований для этого. Если Моро неохотно соглашался идти через Коль-ди-Тенде, так как ему казалось опасно путем обхода в 16—18 миль удаляться на такое расстояние от войск, выставленных в Генуэзских Апеннингах, то его плохое положение само по себе еще не являлось отчаянным. Австрийские источники утверждают даже, что путь через Коль-ди-Тенде в этот момент был загроможден обрушившимися обломками скал; однако, по свидетельству генерала Жомини, в журнале французских операций ничего об этом не упоминается, так что это известие можно считать ложным или преувеличенным слухом, распространенным среди австрийцев. Как бы то ни было, генерал Моро решил идти на Кони; он хотел спуститься на Ривьеру через Чеву, которой надеялся еще овладеть и пройти в Лоано через Коль-ди-Сан-Бернардо (перевал). Поэтому он двинулся через Мондови по дороге на Чеву и дошел до Лезенью при впадении Корсальи в Танаро ниже Чевы.

Так как взятие последнего пункта путем простой угрозы или обстрела не могло удался, Моро же при его слабости не хотел выставить столько людей, сколько могло потребоваться для штурма, то он пришел к мысли при помощи рабочих из долины Корсальи открыть путь для своей полковой артиллерии через горы в долину Танаро на Гарезно. Это удалось выполнить без особых затруднений при помощи нескольких тысяч рабочих, и, таким образом, Моро прошел со своим корпусом через Гарезно, оставив отряд против Чевы, и 6 июня через Коль-ди-Сан-Бернардо спустился в Ривьеру у Лоано.

Из этого видно, что не может быть и речи об отчаянном положении Моро в отношении его отступления, так как потери в несколько сот человек, в которые обошелся бы ему штурм Чевы, не стоят принимать во внимание; кроме того, можно думать, что в этой части Апеннин, которую французы и австрийцы в 1796 г. изрезали во всех направлениях,

препятствия при переправе полевой артиллерии не могли быть непреодолимыми.

Только из окончания этого похода, когда Моро 6 июня спустился в Ривьеру, мы узнаем, к какому времени был выполнен этот марш, так как в очень беглом и поверхностном рассказе Жомини для периода от 18 мая до 6 июня, т. е. на протяжении трех недель, не приводится ни одной даты. Путь, который прошел Моро в эти 18 дней от Асти через Вилла-Нова, Савильяно, Мондови и Гарезно до Лована, имеет протяжение около 20 миль; если считать, что он потерял несколько дней в районе Лезенго, для того чтобы открыть себе новый путь, то можно предположить, что в течение 7 или 8 дней он оставался еще вблизи По; таким образом, приблизительно в то же время, когда главная союзная армия приближалась к Турину, было получено известие об успешном вступлении Макдональда 25 мая во Флоренцию, так что оба эти события нужно рассматривать как причину похода.

Выводы

Французы

Французский главнокомандующий был слишком слаб для нового решительного сражения до прибытия Макдональда или до получения значительных подкреплений. Прибытие Макдональда можно было ожидать не ранее конца мая, так как причиной отозвания его могло быть только сражение при Маньяно (5 апреля); путь из Неаполитанской области в долину По считается в 70 миль и, таким образом, требует четыре недели времени, остальные три недели нужно считать на передачу сообщений, совещания и задержки всякого рода.

Моро подошел к По в начале мая, следовательно, ему приходилось ждать прибытия Макдональда еще 4 недели. Он знал из опыта, что ранее этого нельзя ждать из Франции значительных подкреплений, которые могли прибыть только в июле.

Ближайшие усилия французского главнокомандующего должны были быть направлены к тому, чтобы в течение этих четырех недель воздерживаться от всяких решительных действий. Но эти усилия имели бы успех в том случае, если бы главнокомандующий союзников не приступал к слишком энергичным действиям, и Моро должен был все время задавать себе вопрос, что он должен делать, если случится противоположное. Сколько бы дивизий ни предстояло Суворову осадить на своем пути, у него все же оставались силы, превосходившие главную армию Моро, и ничто не мешало ему продолжать против нее свой удар до тех пор, пока она совершенно не удалилась бы из Италии.

Куда мог тогда Моро повернуть, т. е. что он мог сделать в худшем случае?

Во-первых, усилить несколько генуэзские войска, оставить гарнизоны для дивизий Турина, Тортон и Александрии и с самой армией, кото-

рой в таком случае осталось бы еще, может быть, около 12 000 чел., направиться за Вар. За эту реку Суворов, естественно, не последовал бы.

Во-вторых, взять направление с армией не на Ниццу и Вар, а на Геную, имея намерение, в случае если он будет побежден в Апеннинах, закрепиться в Генуе.

В-третьих, отступить с армией в Турин, держаться так долго, как только будет возможно, под стенами этого города и, наконец, запереться там.

В-четвертых, вступить в Турин только с 10 000 чел., а с кавалерией и несколькими тысячами человек нехоты отойти в случае необходимости за Вар и образовать там кадры для новой армии.

Какой бы из этих четырех путей в крайнем случае ни выбрал Моро, временная позиция между Валенцей и Александрией оставалась весьма подходящей для ожидания дальнейшего, так как оттуда он мог вступить на любой из четырех названных путей.

Мы должны сказать, что в общем вполне согласны с этим первым мероприятием Моро. Сам Суворов не продолжал наступления на армию Моро до крайних пределов, не предоставив ему возможности остаться в районе Александрии и направиться в Апеннины. Следствием этого, конечно, было то, что Моро не захотел выбрать третьего и четвертого из указанных путей, но оставалось неизвестным, направится ли он при продолжающемся наступлении противника на Геную или отступит к Вару, так как он мог сделать и то и другое со своей позиции за Апеннинами. Во всяком случае, при критическом рассмотрении нужно установить значение каждого из четырех указанных выше путей.

Первый и второй пути имели то преимущество, что генерал Моро еще мог занять позицию в Апеннинах, которую, может быть, не решился бы атаковать противник, и пока он занимал эту позицию, у него оставалась возможность непосредственного соединения с Макдональдом. Это последнее преимущество могло побудить французского главнокомандующего направиться туда. Если бы Суворов атаковал его в Апеннинах, то перед Моро была бы альтернатива — выбрать первый или второй путь.

Так как Генуя была занята значительным гарнизоном генералов Перинона и Виктора, то у генерала Моро не было никаких оснований самому вступать в нее, он мог это сделать лишь с тем намерением, чтобы быть в состоянии дольше удерживаться в Апеннинах. Понятно, что если он вместо того, чтобы вступить в Геную, хотел отступить на Ниццу и Вар, он должен был постоянно иметь перед глазами дорогу туда и занять более растянутую позицию. Если бы он со всей своей армией вступил в Геную, то ему никоим образом не угрожала опасность подвергнуться там блокаде и в конце концов сдать. Прибытие Макдональда быстро освободило бы его от осады. Суворов не был и не мог стать настолько сильным, чтобы держать в осаде 20 000 чел., запертых в Генуе, и одновременно ударить на 30 000 чел. под командованием

Макдональда, а именно такую численность должны были иметь силы этого генерала после соединения с Монришаром и Готье.

Однако, если бы Моро заперся в Генуе, он не смог бы больше непосредственно соединиться с Макдональдом, каждому из них пришлось бы действовать самостоятельно, — тогда получалась та невыгода, что они оба все-таки находились бы гораздо ближе друг к другу, чем в том случае, если бы Моро с ядром своей армии отступил к Вару. Невыгода такого разъединения возрастает, если неприятель стоит в середине и нельзя рассчитывать на соединение, и тем больше, чем ближе друг к другу находятся разъединенные массы, до тех пор, пока расстояние между ними уменьшится настолько, что станет единым полем сражения, так как в этом случае становятся возможными совместные действия. Основание этого заключается в том, что чем меньше расстояние между разобщенными массами в момент решительного сражения, тем легче противнику, стоящему между ними, сначала с большей частью своих сил выступить против одной из них, а затем обратиться против другой.

На этом основании, следовательно, Моро понимал, что нужно считать невыгодным, если он вынужден будет запереться в Генуе, но это было, естественно, невыгодно еще и в другом отношении; в этом случае он не мог подтянуть к себе подкрепления, прибывавшие из тыла, и, таким образом, быстро пустить их в дело; наконец, его операции в осажденной крепости все время были бы гораздо более ограничены.

При таких обстоятельствах генерал Моро должен был рассматривать отступление за Вар как наиболее естественное мероприятие, а на вступление в Геную смотреть только как на необходимое зло, которому он мог подчиниться лишь в том случае, если бы была вероятность, что ему не придется отступать так далеко и что большее сосредоточение его сил удержит генерала Суворова от преследования его до крайних пределов.

Другими словами, выбор между двумя мероприятиями зависел от той энергии, которую он мог предвидеть со стороны своего противника, и в этом предвидении ему следовало считаться с теми мероприятиями, которые принимал противник до этого времени.

Третий и четвертый пути лишили его возможности более раннего непосредственного соединения с Макдональдом, но они нейтрализовали главные неприятельские силы, прежде чем те могли приступить к завоеванию Апеннин. Ввиду того, что Турин был занят 12—15 тыс. французов и 10 тыс. пьемонтцев, для осады этого города потребовалась бы вся армия союзников, насчитывавшая после прибытия генерала Ферстера около 50 000 чел., так как две реки разделяют этот район на три отдельных отрезка, затрудняя тем окружение города. Понятно, что у Суворова после окружения Турина и выделения необходимых сил для блокады цитадели Александрии и Тортоны едва ли могли остаться лишние силы для наблюдения за Апеннинами, об угрозе которых, следовательно, не могло быть и речи. Правда, через четыре недели ожидалось прибытие генерала Бельгарда с его армией в 15 000 чел., но приблизительно в то

же время подходил и Макдональд, и тогда не оставалось больше времени думать о завоевании Апеннин.

Таким образом, решение Моро — направить большую часть своих сил в Турин — имело, на наш взгляд, то преимущество, что французы, во-первых, не подвергались никакой опасности потерять Апеннины и Ривьеру, во-вторых, сохраняли в своем обладании большую территорию и при этом весьма важную область.

Конечно, они не могли теперь соединиться с Макдональдом, но прибытие этого генерала создавало для Суворова действительное затруднение. Если бы Суворов захотел продолжать блокаду трех пунктов, то, по всей вероятности, он был бы не в состоянии выступить против Макдональда с достаточными силами, а если бы он снял ее, то имел бы в своем тылу 20 000 чел. и должен был бы думать о том, чтобы обеспечить себе новый путь отступления за По.

Когда кто-нибудь с сосредоточенными силами стоит между двумя разъединенными массами противника, то естественное преимущество этого положения уменьшается, если одна из этих масс находится в укрепленном пункте, выход из которого не представляет трудностей; вследствие этого деятельность того, кто имеет указанное выше преимущество, наполовину ограничивается, и он не может выступить навстречу этой массе с превосходящими силами.

Итак, мы думаем, что такое решение Моро создало для французов лучшие стратегические условия, чем поход в Апеннины, где Суворов не прекратил бы своего наступления. Если при этом мы примем во внимание особенное значение Турина вследствие его политического и морального веса, то увидим снова, что нужно было дать решительное предпочтение этому пути перед другим; мы держимся мнения, что упомянутый выше путь следовало предпочесть даже при тех условиях, которые создались после того, как Суворов отказался от продолжения наступления. К этому мы еще вернемся при рассмотрении следующего периода.

Что касается альтернативы выбора между третьим и четвертым путями, то, конечно, третий представлял преимущество, если были в наличии средства для прокормления 2—3 тыс. лошадей кавалерии; благодаря ему оставались бы боевые силы, с которыми можно было провести контрудар в тылу Суворова, причем не оказалось бы недостатка в необходимой кавалерии, и все упрощалось.

Мы предполагаем, что в случае, если бы генерал Моро пришлось избирать четвертый путь, сам он находился бы при небольшом отряде, направляющемся к Вару, так как собранная в Турине масса не предназначалась для положительных действий, и талант Моро мог бы найти себе применение при армии, оставшейся в открытом поле и снова возросшей до 12—15 тыс. чел. благодаря подкреплениям из Франции и присоединению войск, оставленных в Генуэзской области.

Но эта идея, что главные силы армии Моро будут искать убежища в Турине, что они будут упорно оборонять его и обратят в опорный

пункт при изменении стратегического плана кампании, конечно, зависит только от возможности прожить в Турине шесть недель; хватило ли бы для этого запасов и не оказалось ли бы недостатка, что было существенно важно, в средствах вооружения, как, например, в боевых припасах, это не выяснено, — мы наверное не знаем, но думаем, что если бы Моро принял такое решение одновременно и приготовился бы к его проведению, то трудности не могли бы быть непреодолимыми.

Мы останавливались так подробно на этих четырех различных путях, которые мог в случае крайности избрать французский главнокомандующий, отчасти для того, чтобы видеть, какие мотивы воздействовали на его мероприятия, отчасти же потому, что этот вопрос имеет такое важное теоретическое значение, что заслуживает подробного рассмотрения.

Суворов не продолжал своего наступления, и критика должна оценивать действия французского главнокомандующего с другой точки зрения. Здесь нужно рассмотреть три различных акта его воли, а именно: поход в район Турина, сражение при Маренго и отступление через Апеннины.

Являлся ли совершенно необходимым поход Моро по дороге, ведущей на Коши, — этого мы не можем решить, мотивы этого, приведенные в нашем изложении, все же еще не вполне достаточны. Но этот поход во всяком случае был для французов несчастием, так как Моро знал, что Суворов в тот же самый день начал поход на Турин, следовательно, добровольно отказался от своей позиции между Моро и Макдональдом; ничто на свете не должно было отвлекать Моро от Александрии; так как у него не было намерения вступать в Турин, то ему не было и надобности следовать туда за своим противником, и он нашел бы у Тортоны прекрасный случай дать удачное сражение, ибо корпус, оставленный Суворовым в этом районе, не был достаточно силен, чтобы противостоять ему. Если бы Моро подождал несколько дней с нападением на этот корпус, тогда этот успех совпал бы с прибытием Макдональда во Флоренцию, и все приняло бы весьма желательный оборот.

Между тем, если мы не решаемся осуждать поход французского главнокомандующего и находим достаточно мотивированной, конечно, только предположительно приведенными в нашем изложении соображениями, попытку выступить против австрийцев при Маренго, то все же мы можем рассматривать отступление на Ривьеру как мероприятие, вытекающее только из одностороннего заблуждения.

Жюмийи говорит, что намерением Моро было отступить в горы, как только появятся у Турина главные силы русских. Это основание — только пустая фраза, так как Суворов у Турина не был, конечно, какой-то головою Мефиса; если страх перед нападением побуждал Моро к отступлению, он мог все-таки подождать приготовления к нему.

Мы думаем, что французский главнокомандующий, будучи занят единственно мыслью открыть себе путь отступления на Ривьеру и запутавшись в трудностях, которые вставали перед ним на этом пути, послал часть оставшихся у него сил в горы против местных вооруженных отря-

дов, другую же часть как прикрытые с тяжелой артиллерией и обозом отправил в Фенестреллу; он не думал более о возможности соединиться с Макдональдом севернее Апеннин, хотя этот генерал в то время, как Моро начал свое отступление, уже вступил во Флоренцию и через восемь дней мог быть у Пармы; однако, генералу Моро собственно ничто не мешало вернуться в район Александрии и там снова соединиться с силами Виктора.

Можно, пожалуй, сказать, что Моро недостаточно принял в соображение эту возможность и совершил ошибку, не оставшись у Савильяно до тех пор, пока это допускал Суворов, тогда он, может быть, выиграл бы время, чтобы снова стянуть все свои отряды и вступить в необходимое соглашение с Макдональдом. Мы указали в своем изложении на вступление Макдональда во Флоренцию, как на мотив похода, предпринятого с целью избежать необходимости ожидания этого генерала; это вытекало из того, что Моро не имел более в виду альтернативы соединения на равнине.

Мы думаем, что было благоразумнее, следуя стратегическим расчетам таких великих полководцев, как Тюренн, с которым обыкновенно охотно сравнивают Моро, или наказать своего противника за ошибку оставления района Тортоны и немедленно возвратиться туда, удовлетвовавшись пока базой Генуи, или по меньшей мере держаться в районе Савильяно до крайней возможности.

Союзнники

По нашему мнению, Суворову вообще не следовало наступать на французов за Аддой, но немедленно форсировать По у Кремоны, чтобы напасть на их стратегический правый фланг. Но после того как он обнаружил их за Аддой и продвинулся со своей армией до Милана, путь через Пьяченцу был бы большим обходом, и в сущности более естественно было последовать с главными силами на Павию. Мы не хотим осуждать направления на Пьяченцу, ибо преимущество беспрепятственной переправы через По стоило многого.

До крайности необходимо было тотчас же после переправы двинуть генерала Отта с 5—6-тысячным войском к Апеннинам, ибо французы сосредоточили там корпус Готье и Монришара, и следовало ведь прикрыть против них левый фланг главной армии вместе с мостом. Итак, Суворов с силами в 30 000 чел. дошел до Танаро и По. Для действительно решительного полководца, который направляет свои действия на центр тяжести неприятельского сопротивления, этих сил было бы достаточно, чтобы немедленно снова атаковать генерала Моро и отбить его за Апеннины в графство Ниццы. Если бы даже этот генерал оказался несколько сильнее, чем он был в действительности, т. е. имел бы около 25 000 чел., то все же на стороне союзников еще продолжала оставаться численное превосходство, причем благодаря одержанной ранее победе в этом превосходстве и не было бы надобности для решительного полководца.

Но мы и не станем осуждать Суворова за то, что он проник пока только в район Тортоны, имея в виду оказаться в готовности для разделения обеих французских армий, и что он намерен был ожидать подкреплений — колонны Ферстера и частей, стоявших перед слабыми укрепленными пунктами, прежде чем продолжать свое наступление.

После присоединения генерала Ферстера и дивизии Кайма он располагал силами в 40 000 чел.; кроме того, относительно движения Макдональда он должен был получить сведения, что тот находился еще за Римом; если бы он теперь установил лишний связи через Павию на левом берегу По, он мог бы даже снова присоединить к себе генерала Отта и тогда располагал бы для действий против Моро армией в 45—50 тыс. чел.

С этими силами ему предстояло выступить против Моро, атаковать его в любом пункте, где бы он принял бой, лишить его всякой возможности обороны Апеннин и отбросить Моро до Генуи или за Вар.

Так, по нашему мнению, должен был действовать решительный полководец, жаждущий успехов и вооруженный ясностью взгляда. Суворов действовал не так, и как мы ни далеки от того, чтобы не признавать его человеком высокой решимости, мы все же очень удивлены этим и не можем дать этому объяснения. При всех талантах полководца Суворов в проведении кампании в Италии не был все же лично вооружен в такой степени, чтобы понимать ее с полной ясностью и только на основании своих собственных взглядов, как могли это делать Бонапарт, Фридрих, Тюренн и другие, каждый в условиях своего положения.

Уже само предводительствование армией, $\frac{3}{4}$ боевых сил которой принадлежало чуждому монарху, было делом совершенно иного рода, чем командование армией в качестве государя страны или, по крайней мере, в качестве главнокомандующего, достаточно авторитетного, постепенно добившегося своего сана. Кто не почувствует в своем собственном доме другого хозяина человеком совершенно чужим, невзирая на всю полную переданную ему власть?

Далее нельзя не признавать, как мы и раньше уже указывали, что ведение войны между образованными народами, располагающими многочисленными армиями, в очень культурной стране при сложных политических и личных отношениях требовало гораздо большего знания обстоятельств и людей, чем мы можем это предполагать в таком человеке, как Суворов. Если оставить в стороне его притворные чудачества, то его вполне можно сравнить с Блюхером.

Оба в высокой степени отличались субъективными качествами полководцев, но обоим не хватало ясных взглядов на объективный мир, и, таким образом, оба нуждались в советах и руководстве. При таких обстоятельствах, как ни высоко стоял Суворов, было совершенно неизбежно, что австрийский генеральный штаб и не только так называемый генерал-квартирмейстерштаб, но все генералы и другие лица высказывали свое мнение и принимали гораздо большее участие в руководстве армией, чем это бывает при великом полководце, и можно легко понять, что ре-

шительность Суворова и его дух предприимчивости терялись в этой машине.

Наконец, мы должны отлечь от этих создающих затруднения обстоятельств действие собственно политического элемента, в основе которого лежали различия во взглядах и намерениях австрийского генерального штаба и Суворова; эти различия в короткое время привели к разногласиям, положившим конец коалиции в этой кампании. Мы не можем вполне правильно судить о том, что каждый из них хотел и чего не хотел, но факт несогласия между ними к этому времени уже был налицо, и вполне понятно, что это мешало быстрому и решительному ходу войны.

Если мы примем теперь во внимание все это, то для нас не будет ничего удивительного в том, что союзники, будучи еще наполовину неподготовленными, удачно отразили первый удар французов на Эче, а затем сами выиграли сражение при Маньяно, на Адде же одержали решительную победу и в результате этих трех решительных сражений победоносно прошли всю Верхнюю Италию до подножия Апеннин и Альп; но, скажем мы, союзники полагали, что для них пока достаточно этих сражений и что теперь вообще следует пожать плоды победы, т. е. овладеть всеми цитаделями и господствующими пунктами, чтобы таким образом считать себя подлыми господами Италии. Полное вытеснение генерала Моро из Италии и завоевание Генуэзской области, которое мы считаем вполне возможным, было нелегким делом, чего мы не хотим отрицать — для этого требовалась большая экономия сил, на это не каждый согласен, так как при подобной экономии всегда возникает очень много опасений, которые могут быть побеждены только незаурядной решительностью. Следовательно, вполне понятно, что предводителю союзных сил (мы умышленно не говорим здесь: генералу Суворову) подобное предприятие представлялось громадным и сомнительным, и у него могли возникнуть опасения, что он из-за этого упустит случай подчинить себе страну, прежде чем подойдет Макдональд и потребует силы для нового решительного сражения.

В плане австрийского правительства вообще предусматривалось, что силы союзников распространятся от Милана по радиусам на все районы Ломбардии, чтобы блокировать все цитадели, овладеть более значительными городами, создать угрозу фортам на французской границе и своим приближением вызвать повсюду восстания в стране. Все это должно было привести к полному овладению страной, и можно думать, таким образом, что эти совокупные операции были объектом деятельности после сражения при Кассано.

Если бы союзники захотели продолжать свое наступление на армию Моро до Вара, им следовало держать свои силы более сосредоточенными, ограничившись лишь слабым наблюдением за цитаделями, чтобы не заблудиться о местных вооруженных силах.

Если мы при этой альтернативе с самого начала считали продолжение наступления более энергичным и действенным мероприятием, то мы обязаны, чтобы не высказывать общих мест и пустых фраз, указать на существенную выгоду этого мероприятия.

Вытеснить Моро из Италии — это пустая фраза, как скоро она означает нечто большее, чем простое действие, ибо нельзя выгнать неприятеля из страны, как выбрасывают кого-нибудь из дома, запирая его за ним.

Генерал Моро с 12 000 чел. за Варом в отношении готовящегося решительного сражения против Макдональда стоял не меньше, чем генерал Моро с 12 000 чел. за Боринидо. То обстоятельство, что Вар находится на 20 миль дальше, чем Александрия, от того пункта, где предстояло сражаться Макдональду, по нашему убеждению, было для Моро преимуществом, так как благодаря этому он и подвергался опасности быть задержанным незначительным числом войск. В действительности, Вар и Апеннины, конечно, не были таким барьером, который слишком затруднил бы отступление армии Моро и в обладании которым можно было вообще искать преимущества.

Продолжая наступление, которое, собственно говоря, имело смысл лишь для вытеснения противника, успеха нужно было искать в новой победе, которую предстояло еще одержать.

Расстройство сил противника при такой победе, новое потрясение его мужества и веры в свои силы, моральное воздействие на Макдональда и его армию, на французский народ и правительство, опасения за все остальное, которые должны были при этом возникнуть, — все это было причинами, которые могли парализовать совместные действия Макдональда и Моро и подготовить новые победы союзников. Французский главнокомандующий мог бы избежать большей части всех этих минусов, если бы он сумел ловко уклониться от всякого сражения, отступить с главными своими силами при подходе Суворова и, таким образом, провести невредимой свою маленькую армию за Вар.

Если бы это случилось, Суворов, во всяком случае, не вполне достиг бы своей цели; но подобное отступление, если бы оно и не превратилось в бегство, было очень трудным; у союзного главнокомандующего в этом случае оставалась еще возможность сильным и энергичным ударом придать отступлению противника характер почти бегства и, таким образом, не лишиться результатов своего успеха как в моральном, так и в материальном отношении.

Многие наши читатели будут удивлены, недовольны и смущены этой неясностью результатов наступления, так как, привыкнув к обычным способам рассуждения, они удовлетворяются лишь совершенно ясным противопоставлением положительных результатов одного мероприятия и отрицательных — другого. Но только критическая самонадеянность допускает такие категорические утверждения, которые совершенно ложны, не имеют под собой никакой реальной почвы и исчезают при ярком свете

разума. Мы же даем результаты не по личному произволу, но такими, каковы они есть на самом деле. Поэтому мы и не говорим, что Суворов должен уничтожить своего противника, сбросить в море, открыть путь во Францию, угрожать его собственным владениям и т. д., потому что все это не имело бы под собой никакой реальной почвы.

Альтернатива, которую мы до сих пор рассматривали, заключается в противопоставлении завоевания страны и вытеснения Моро из Италии. Если теперь для нас понятно, что Суворов предпочел первый из этих объектов, то мы не можем одобрить его отдельных мероприятий, предостоящих попытке Розенберга переправиться через По и поход с главными силами в Турин, прежде чем Моро начал свое отступление. Если не имелось в виду преследовать Моро до Вара, следовало вытеснить его из равнины соединенными силами армии и этим облегчить себе блокаду цитадели. Что могло быть более естественным? Невозможно предполагать, что французская армия оказалась бы настолько сильной, чтобы оборонять Бормиду и По на всем их протяжении и сделать невозможной или хотя бы только опасной хорошо подготовленную и хорошо проведенную переправу.

По некоторым известиям, австрийское правительство, не расположенное ни к каким новым решительным действиям, вообще настаивало на том, что нужно обратиться против Турина и овладеть этим пунктом.

Если мы бросим общий взгляд на применение сил союзников в рассматриваемом периоде Италийской кампании, окажется что:

1. Из 84 000 чел., имевшихся первоначально в Италии, Каринтии и Крайне, в первом решительном сражении на Эче участвовало 48 000 чел.; 12 000 чел. было оставлено в качестве гарнизонов в венецианских владениях, 15 000 чел. было в походе, 5 000 чел. выделено для связи с Тиролом и 4 000 чел. для наблюдения за Нижним Эчем.
2. Из 77 000 чел., оставшихся после боев на Эче, около 46 000 участвовало во втором решительном сражении при Маньяно, затем 4 000 чел. находилось в походе и 27 000 чел. было послано для блокады единственно укрепленного пункта; кроме того, перед Пескьерой стояло несколько тысяч человек. К 12 000 чел., находившимся в Венецианской области, и 4 000 чел. под командованием Клену подошло еще 11 000 чел., оставшихся на Эче и перед Пескьерой.
3. Из 92 000 чел., составивших силы союзников после прибытия Суворова и генерала Вукаевича, для сражения на Адде было выставлено 52 000 чел., но участвовало только 35 000 чел., так как 17 000 русских были отправлены на Лекко. Остальные 40 000 чел. распределялись приблизительно следующим образом.

20 000 чел. было оставлено на Минчино и По, 6 000 чел. под командованием Гоценцолерна взяли направление на Нижнюю Адду и 14 000 чел. приходилось на оставшиеся в тылу гарнизоны и на больных; следовательно, силы для боевых операций нужно считать в 52 000 чел.

4. Из 47 000 чел., составлявших главные силы армии после сражения при Кассано, на По было выставлено 32 000 чел., чтобы в случае необходимости дать там новое сражение; 3 000 чел. действовали в Альпах, 6 000 чел. — в Апенниннах и 6 000 чел. оставлены у Милана в Пиччигетоне вместе с Готенцоллерном.

Во всем этом, конечно, нельзя усмотреть никакой чрезмерной растраты сил, особенно же приняв во внимание, что нам неизвестны ни точные цифры, ни ближайшие мотивы некоторых перебросок сил и что французские гарнизоны, которые были оставлены после переправы через По в тылу союзной армии и должны были подвергнуться осаде, насчитывали около 20 000 чел. Впрочем, мы не находим здесь и той исключительной экономии сил, которая так удивляет нас в операциях Бонапарта. Этот генерал, вероятно, сумел бы устроить дело, ограничившись вдвое меньшим выделением частей, и сражался бы с $\frac{3}{4}$ всей своей армии, как он это делал всегда в 1796 г., хотя одна только осада Мантуи, повидимому, требовала применения всех сил его армии.

Мы видим, какое поле игры открывается здесь перед полководцем, смотря по тому, следует ли он обычным правилам, оставляя войска повсюду, где они могут потребоваться, согласно этим правилам, или же ставит главной целью решительное сражение, всегда имея сильную, сосредоточенную армию, и при своей энергии и способностях всегда находит способ заметным образом ограничить потребность в выделении частей.

ГЛАВА III

ПРОДОЛЖЕНИЕ КАМПАНИИ В ШВЕЙЦАРИИ. АВСТРИЙЦЫ ВЫТЕСНЯЮТ ФРАНЦУЗОВ ИЗ ГРАУБЮНДЕНА И ПЕРЕХОДЯТ ЧЕРЕЗ РЕЙН. ЭРЦГЕРЦОГ ДАЕТ ПЕРВОЕ СРАЖЕНИЕ ПРИ ЦЮРИХЕ

Положение в Германии и Швейцарии

После победы при Штокахе война в Германии и Швейцарии принимает совершенно другой оборот.

Эта победа не являлась, конечно, подобно другим решительным сражениям, развязыванием узла, запутанного в темных недрах судьбы, развязыванием, обязанным игре случая, или талантам полководца, или влиянию момента, — она была лишь выявлением создавшегося на театре войны соотношения сил, приведшим к ясному пониманию положения дела французскими властителями, туманные представления которых блуждали в водовороте скрепляющихся страстей, а вместе с тем и к пониманию всей важности значения естественных последствий этой победы.

Из нее непосредственно вытекали тройкого рода последствия: Журдан потерял командование, все силы в Германии и Швейцарии были объединены общим командованием, и наступление было пока приостановлено.

Эти перемены, бесспорно, можно было рассматривать как залог успеха. Из всех генералов первого ранга, выставленных тогда Францией, Журдан, конечно, был наименее способным. Его пост занял Массена, который хотя и не стоял во главе армии, но среди дивизионных генералов занимал первое место.

Дальнейшим следствием было то, что совершенно отпадала необходимость в Обсервационной и Дунайской армиях; на всем Рейне остались только незначительные части, все же остальные двинулись в Швейцарию. Таким образом, в Швейцарии оказались сосредоточенными крупные французские силы.

Исходила ли эта существенная перемена в распределении сил от правительств или от генерала Массены, мы не можем сказать. Вероятнее все же последнее, так как задачей этого генерала прежде всего было оказать успешное сопротивление в Швейцарии, оборона которой была ему поручена.

На эти перемены во французском распределении сил, так же как и на отправление значительных подкреплений в Швейцарскую армию, понадобилось от 2 до 3 недель времени. Если бы эрцгерцог в справедливой жажде успеха использовал свою победу при Штокахе, сначала быстро отогнать Журдана за Рейн, а затем отразившихся в Швейцарию, то все произведенные противником перемены не могли бы оказать влияния на новые решительные операции, которые эрцгерцог намерен был предпринять в первой половине апреля. Однако, после битвы при Штокахе, эрцгерцог перед походом в Швейцарию предоставил своей армии отдых на несколько дней. Затем 29 марта он сосредоточил ее для нового наступления против Журдана, остановившегося по сию сторону Шварцвальда, но считал необходимым дожидаться на Франконии генерала Старая, который только 27 марта прошел через Ульм. Поэтому он только 3 апреля, т. е. полных 8 дней спустя после сражения, подошел к Донауэзингену, хотя этот пункт удален от поля сражения не более чем на один переход. От Донауэзингена до Шафгаузена тоже только один переход. Таким образом, если бы эрцгерцог смог еще в первые 8 дней апреля перейти через Рейн, он застал бы Массену в его прежнем положении без всяких подкреплений. Но эрцгерцог, как мы увидим, потерял весь апрель, и французский главнокомандующий имел достаточно времени на перегруппировку своей армии.

Бельгард вытесняет Дессоля на долины Монстера. Бой при Тауферсе и Монстере 4 апреля

Прежде чем рассматривать мероприятия Массены и эрцгерцога, мы должны рассказать о наступлении Бельгарда на генерала Дессоля.

Лекурб и Дессоль, как мы рассказали в первой главе, в результате удачных боев при Наудерсе и Тауферсе, дошли, первый до Наудерса, а второй — до Майсса, в долине р. Эн; после сражения при Острахе они получили от Массены приказ не продвигаться дальше; поэтому Лекурб остановился у Наудерса, а Дессоль отошел к Тауферсу и там начал укрепляться.

Генерал Бельгард после этого неудачного для австрийцев сражения сосредоточил свою армию в двух пунктах, на таком расстоянии, насколько это для него при его положении представлялось возможным: у Лача — 10 000 чел. и у Ландека — 13 000 чел. Это составляло, приблизительно, половину его первоначальных сил. 4 000 чел. под командованием генерала Вукасовича получили приказ атаковать Итальянскую армию. Допуская, что 10 000 чел. были уже потеряны в сражении, что в долине Монтафур стояло еще несколько батальонов, так как долина Зульча не

была еще совсем оставлена, и что отдельные батальоны были разбросаны по горным проходам, можно до некоторой степени понять, каким образом случилось, что главные силы Тирольской армии имели указанную выше численность: первоначальный состав армии, числившийся по штату, мог легко разойтись на одну-две тысячи с ее действительным составом вследствие болезней и дезертирства.

Располагая этими 23 000 чел., генерал Бельгард был во всяком случае достаточно силен, чтобы вытеснить обоих французских генералов, которые намерен были явиться к нему в долины Монстера и Энгадина и этим снова до некоторой степени установить равновесие на этой стороне.

С другой стороны, можно сказать, что, так как оба французских генерала кончили небольшим отступлением, они тем самым показали, что хотя пока прекратить свое наступательное движение; при таких обстоятельствах для генерала Бельгарда представляло интерес выждать со своим наступлением до тех пор, пока эрцгерцог, разбивший тем временем генерала Журдана и, повидимому, имевший намерение прогнать его за Рейн, мог оказать содействие в Швейцарии. Однако, Бельгард не сделал ни того, ни другого: он не стал ждать эрцгерцога и не стремился получить решительного преобладания над французским правым флангом. Он делал только то, что считал своей обязанностью в качестве защитника Тироля: он атаковал Дессоля у Тауферса, потому что, как утверждает австрийский историк, Дессоль начал там укрепляться, на самом же деле причина заключалась в том, что Тауферс лежал на тирольской территории, а Ремюс, где также укреплялся Лекурб, — только на союзной.

4 апреля Бельгард с 10-тысячной армией, которую он сосредоточил у Лача, атаковал генерала Дессоля. Какие силы были у этого последнего и как он расположил их, — об этом историка не дают ясного представления. Повидимому, после битвы при Тауферсе к нему должны были подойти в подкрепление части цизальпийских войск. Его позиция рассчитана на необходимость отступления и, повидимому, предназначалась больше для обеспечения последнего, чем для сильной обороны, так как его войска стояли также в Монстере и С.-Марии.

Бельгард с колонной из 8 батальонов и 3 эскадронов повел атаку по главной дороге, в то время как небольшие отряды, каждый из нескольких батальонов, продвигались справа и слева по склону горного хребта. Отряд в 300—400 чел. уже накануне был послан за Стильфс по долине Дрофугер к Вормскому проходу, чтобы здесь преградить генералу Дессолю путь к отступлению. Этот генерал оказал сопротивление лишь настолько, насколько это необходимо было для обеспечения своего отступления. Так как благодаря направлению австрийского отряда к Вормскому проходу путь Дессоля через это длинное и узкое ущелье становился еще опасней, он решил повернуть от С.-Марии через Чирфский проход в долину Инна и после черной Поньявской долины опять спуститься в Вальтеллину. В этом отступлении он потерял 300 чел. пленными и,

кажется, свою артиллерию: австрийцы взяли 3 орудия, 14 повозок со снарядами и 11 лафетов, причем пушки частью были зарыты в землю, частью спущены на канатах.

Генерал Бельгард удовлетворялся этим успехом, и оба противника в этой области некоторое время оставались в бездействии.

Новое соотношение сил и расположение обеих сторон

Во время этого общего ратизша Массена сосредоточил свои силы в Швейцарии. 11 апреля Вандам с одной дивизией Рейнской армии перешел Аар; Ферино и Султ следовали за ним. Мы не в состоянии полностью указать отдельные изменения, происшедшие в силах, формированиях и расположении французской армии, но полагаем, что не слишком уклонимся от истины, если для уяснения общего положения предположим, что прежняя армия Массены к этому времени еще насчитывала около 20 000 чел., что около 15 000 чел. из прежней Дунайской армии было направлено в Швейцарию и что подошедшие к концу апреля подкрепления из Франции, состоявшие из 16 нехотных и 13 кавалерийских полков, могли быть оценены в 30 000 чел. Таким образом, силы Массены в Швейцарии доходили, приблизительно, до 70 000 чел., к которым следует причислить бригаду Дессоля силой в 4—5 тыс. чел. Это согласуется и с цифрами, приводимыми Жомини, согласно которым три месяца спустя силы Массена состояли из 72 000 чел. При этом можно предположить, что подкрепления, полученные Массеной в течение июня, возполнили потери, понесенные им за три месяца.

Расположение этих сил следующее:

Дивизия Дессоля — в Вельтине	} Правый фланг
» Лекурба — в Энгадине	
» Менарда — в Рейнской долине, выше Фельдхирха	
» Лорна — на Рейне, ниже Фельдхирха до Боденского озера	
» Уаино	} Центр
» Вандама	
» Тарро	
» Султа — резервы	
» Клейна — с кавалерийским резервом за центром	} Левый фланг
» Суана — у Базеля	
» Ле-Грана — у Брейзахы и Келя	
» Колло — у Мангейма	

Кроме того, одна дивизия под командованием генерала Нувיוна стояла во внутренних областях Швейцарии, чтобы повсюду рассеивать страх; другая — под командованием генерала Ксантайля была послана в Вальлис для подавления там восстания.

Далее, — говорит Жомини, — генерал Барате д'Илье командовал в Майнце и генерал Дюфур — в только что завоеванных провинциях левого берега Рейна. При этом следует еще указать, что в этой местности, кроме майнского гарнизона, находились еще небольшие отряды. Общую численность (исключая Дессоля) Жомини определяет приблизительно в 100 000 чел., что согласуется и с нашими приведенными выше цифрами. Конечно, сюда надо причислить Суана с швейцарскими войсками, силы же Ле-Грана, Колло, Барате д'Илье и Дюфура, наверное, исчислялись не выше 30 000 чел.

При этом общем подсчете мы исключили швейцарские союзные войска, отчасти потому, что они состояли всего из 12 000 чел., моральные качества которых были настолько низки, что на их содействие нельзя было слишком рассчитывать, — частью же потому, что австрийцы имели в своей армии некоторые швейцарские формирования (о силах которых мы не будем говорить, хотя они, при добром желании с их стороны, могли бы удерживать противника в достаточном равновесии).

Если 70 000 чел. французской армии в Швейцарии были сосредоточены, согласно их главному назначению, то 12 000 чел. под командованием Дессоля и Лекурба следует рассматривать как силы, выделенные против Бельгарда; 12 000 чел. на расположенной кордоном позиции обороняли Рейн на протяжении 10 миль от Кура до Боденского озера против корпуса под командованием Готте и части войск Бельгарда; 28 000 чел. были сосредоточены между Боденским озером и Ааром с целью выступления навстречу австрийской главной армии в случае перехода ее через Рейн; 12 000 чел. стояли по ту сторону Аара для наблюдения за Рейном, а 10 000 чел. в кантоне Вальлис и остальной Швейцарии были нейтрализованы местными жителями.

Теперь обратимся к Австрии. Здесь мы сталкиваемся с затруднениями, которые нередко имели бы место в военной истории, если бы историки полагались на данные относительно численности войск, а именно: в их изложении выпадала бы значительная часть боевых сил, и нельзя было бы понять, куда она могла деться. У австрийских историков, особенно у главнокомандующего-историка, эрцгерцога, это явление весьма обычно.

Те самые три армии, численность которых эрцгерцог точнейшим образом определяет в начале войны в 92 000, 26 000 и 47 000 чел., — по беглому замечанию, относящемуся к концу марта, насчитывают уже только 118 000 чел. Если вычесть из первоначальных чисел 25 000 чел. на потери убитыми, ранеными и пленными в Тироле, Граубюндене и в сражениях при Острахе и Штокахе, то все еще недостает не менее 17 000 чел. Объяснение такого уменьшения армии в 5-недельный срок болезнями и дезертирством показалось бы по меньшей мере невероятным. Это противоречие может быть объяснено только тем, что эрцгерцог не считал отдельные отряды: бригаду Штрауха на крайнем левом фланге и, может быть, один оставшийся в Мангейме отряд, так же как и некоторые гарнизонные части в тылу армии. Затем он считал корпус

Старрай, состоящий из 18 батальонов и 64 эскадронов и оставшийся позади Шварцвальда, только в 20 000 чел.; между тем как на основании собственных исчислений эрцгерцога к началу кампании этот корпус состоял, по меньшей мере, из 30 000 чел.; невозможно допустить потерю целой его третьей части в боях и вследствие болезней. В некоторых трудах упоминается также, что австрийцы дошли до Франкфурта, а это, конечно, не могло случиться без того, чтобы Старрай не назначил туда специального отряда в несколько тысяч.

В дальнейшем мы видим, что обе первые армии вместе, численность которых эрцгерцог, повидимому, считает в 68 000 чел., 6 недель спустя, после потери нескольких тысяч в боях, все еще составляют 70 000 чел., причем подошедшие подкрепления в расчет не принимаются. Если, ввиду этого обстоятельства, мы будем считать австрийскую армию на 10 000 чел. больше, то и тогда все еще остается потеря в 10 000 чел. большими и дезертирами, не считая раненых, из которых многие уже могли вернуться в строй.

Быстрое таяние этой армии, с 165 000 до 128 000 чел. в 5 недель, мы приписываем ее своеобразию. Поспешные формирования, недостаточное количество и отчасти плохое качество офицерского состава, непомерно большие батальоны и кавалерийские части, неразумное растрачивание живой силы и, наконец, «казачий» характер славянских частей, — вот причины того, что австрийскую армию в этот период, особенно по сравнению с французской, можно было считать шаткой, нестойкой массой.

По данным, сообщаемым эрцгерцогом, 118 000 австрийцев, стоявших против 100 000 французов, были распределены приблизительно так: 30 000 чел. находились в Тироле, 28 000 чел. — в Форарльберге, 40 000 чел. под командованием эрцгерцога между Боденским озером и Рейном и 20 000 чел. под командованием Старрая были выставлены для действий в Шварцвальде и Эльзасе.

Отсюда, повидимому, следует, что, направляясь в Швейцарию, эрцгерцог не мог иметь значительного превосходства, и ему потребовались очень искусные комбинации, чтобы добиться присоединения к своим войскам 10—12 тыс. чел. к югу от Боденского озера из тех 28 000 чел., которые находились под командованием Готце.

Эрцгерцог тоже считал это бесспорным; все, что он говорит неодобрительно об австрийцах, о гофкриграте, о Бельгарде и о себе самом, может быть только наполнено искренно, в его общих рассуждениях оправдания настолько перемешаны с упреками, что вполне можно усомниться в искренности его оценок, выраженных с такой силой.

Армия Массены, как мы думаем, составляла, включая Дессоли, около 105 000 чел. Австрийцы превосходили французов не более чем на 13 000 чел., но если вычесть 20 000 чел. с Нижнего Рейна и 5 000 чел. из внутренних областей Швейцарии, что, конечно, и следует сделать, то мы видим превосходство уже на 48 000 чел., т. е. почти вдвойне:

Кроме того, французы собирают свои силы мало-помалу, дивизия с Рейна и подкрепления из Франции подходят не сразу. Но, конечно, это превосходство не могло быть решающим, если 20 000 чел. остаются в Шварцвальде и позади него, где им нечего делать и где было бы в данный момент достаточно отряда кавалерии в 2 000 чел., и если вследствие превосходства в тройном размере на второстепенных пунктах, как Тироль и Форарльберг, оно не могло иметь места на главном пункте. В этом состоянии австрийская армия должна представляться нам в виде усталого великана, раскинувшего свои неуклюжие члены и не решающегося с силой двинуть ни одним членом, не говоря уже о том, чтобы одновременно двинуть всеми.

Был ли виноват в этой летаргии и вялости эрцгерцог или же гофкриграт, этого мы не хотим решать, но если не принимать в расчет части, находившиеся в Тироле, то за распределение остальной боевой силы ответственность перед критикой падает на эрцгерцога до тех пор, пока он посредством подлинного приказа гофкриграту не докажет, что его оставили в неизвестности о пребывании 28 000 чел. в Форарльберге и 20 000 чел. в Шварцвальде.

Мы потому остановились на этом распределении сил австрийской армии, что, очевидно, именно оно было главной причиной того, что эрцгерцог без бодрого мужества и радостной поспешности готовился к наступлению. Вместо того чтобы сделать себе праздник и, используя превосходство, полученное после битвы при Штокахе, разбить и разгромить Массену, как это сделал бы решительный генерал, использовав все свои силы, — эрцгерцог видит в наступлении на Массену новую трудную работу с сомнительным исходом, где свежие лавры Штокаха легко могли и увянуть. — Мы считаем к тому же возможным, что, кроме ложных взглядов эрцгерцога, причиной такого распределения сил была также предполагаемая слабость его главных сил и что он таким образом хотел сузить задачу, которую не мог еще разрешить.

Причины, которыми эрцгерцог объясняет свое шестинедельное бездействие, следующие: бесконечные продовольственные затруднения; его собственная болезнь, вынудившая его на некоторое время (он не говорит какое) передать командование Валлису; неуверенность долгое время в том, не будет ли вновь лишена Дунайская армия подкреплений, прибывающих на Рейн из Нидерландов; переносчивость венского двора в вопросе о походе в Швейцарию, так как вследствие этого пришлось бы оставить без прикрытия Тироль и Форарльберг, откуда легче было вести операции в Граубюндене; позднее намерение дожидаться 40 000 русских, которые под командованием Корсакова должны были выступить в поход в Швабию, но могли прибыть только в июле; трудность для Бельгарда, оставшегося с назначенными войсковыми частями в высокой горной местности Граубюндена; недостаток в предметах первой необходимости, этот недостаток сильно чувствовался в Тирольской армии, значительно пополненной в короткий срок перед войной, и препятствовал деятель-

ности всех ее сил; отсутствие единого командования (т. е. именно Тирольская армия имела совсем независимое командующего: сам Готте находился не под командованием эрцгерцога, а только под его верховным руководством); невозможность быстрых сношений между командующими. Перечисляя эти отговорки, якобы объясняющие его нерешительность, эрцгерцог не может избежать противоречий с самим собой, говоря в заключение: «С значительно превосходящими силами оба командующих в Швабии и в Тироле были бессильны. В обоих убеждение в необходимости и возможности действовать боролось с окружающими их трудностями, и их ум, невольно возмущающийся бездействием, искал в преувеличении затруднений средства освободиться от собственного признания в том, что они оставались неподвижными в момент, когда должны были и могли действовать. На один не хотел начинать наступательной операции, не имея уверенности в энергичном содействии другого; и в то же время каждый был достаточно силен, чтобы предпринять ее самостоятельно. Если бы только один сломал лед, другой не остался бы позади. Между ними же происходила пространная переписка, переговоры, взаимное сообщение проектов, короче говоря, прения, которые во все продолжение войны не имели никаких существенных результатов да и не могли их иметь из-за больших расстояний между главными квартирами».

Если это признание и не оправдывает бездействия австрийцев, то все же объясняет его, объясняет также и все их действия во время остальной кампании, хотя дело здесь не в объективных причинах, а во взглядах историка-полковника. Повидимому, кроме ложных взглядов, которыми эрцгерцог ослаблял центробежную силу своей собственной энергии, его ослабляла и болезненная нерешительность и психическая подавленность.

Таким образом, мы можем видеть, как время до середины апреля, в период которого австрийцы имели преимущество над французами не только по количеству сил, но и по положению, проходило совершенно неиспользованным. Зато это время было широко использовано французами, которые усиливались с каждым днем, вплоть до мая. Поэтому нас и не может удивлять, что приступившие, наконец, к действиям австрийцы из-за созданных им трудностей двигаются с трудом и лишениями к сомнительному и жалкому исходу.

5 и 6 апреля, вернувшись из Донауэшингена, эрцгерцог расположился на квартирах между Энгеном и Штокахом, его авангард стоял у Энгена. 10-го он собирался приступить к операции против Массены, но, получив директивы от военного комиссариата, удовольствовался на 13, 14 и 15-е тем, что отделил посты, которые французы имели на левом берегу Рейна, на мостах Шафгаузен, Петерсгаузен (Констанц) и Эглизау, причем прекрасный мост у Шафгаузена был французами сожжен.

Бельгард, со своей стороны, побуждаемый Суворовым, который совершал поход на Олио, хотел в виде опыта начать 22 апреля операцию против французского правого фланга. Однако, вышедший утром 21-го снег

вынудил его отменить уже отданный приказ. По этой причине почти целиком погиб отряд из 1 батальона и 6 рот местных стрелков, которые уже выступили и не получили контрприказа. Они вышли из долины Пацнаун, западной боковой долины Инна, от Иппа перевалили через Фимперберг в Энгадин и неожиданно напали на французские посты у Ремоса.

Два раза они брали этот пункт и два раза их отбивали. Естественно, это предприятие кончилось тем, что со всех сторон подошли французские войска, оба батальона были разбиты и по большей части взяты в плен. Таким образом, наступление Бельгарда было отложено еще на 8 дней.

Бельгард вытесняет Лекурба из Энгадина

Мы подходим теперь к основному периоду австрийских действий. Но эти действия не похожи на действия, свойственные Бонапарту, когда он исходит из решения единовременным напряжением сил действовать для достижения единой цели: это — операции на отдельных пунктах, с частичным использованием сил, когда общее положение, удовлетворительное в целом, часто зависит от того, как разрешится операция на том или ином участке. Короче говоря, это — действия, свойственные природе вещей, когда не существует определенного решения. Но действительно ли дело зависело от решения австрийцев? Мы не берем на себя смелость это утверждать, но все же должны сказать, что часто большие стратегические ошибки происходят вследствие отсутствия решения. Все еще существующее превосходство сил в Швейцарии, продвижение союзных армий в Италию до подножия Котских Альп, разбросанное положение французских боевых сил в Швейцарии, предполагаемое враждебное им настроение жителей, которые во многих районах вооружались против них, — все это было настолько сильным мотивом для решительного наступления или, по меньшей мере, настолько благоприятным моментом для того, чтобы самим постараться этот мотив вызвать, что упущение времени можно рассматривать как важнейшую причину неблагоприятного исхода действий второй коалиции.

Таким образом, не эрцгерцог и Бельгард взяли в обе руки меч, чтобы ударить на своих врагов, а пока только Бельгард и Готте; мы с своей стороны приступаем к рассмотрению действий не всех сил этих генералов, а только их чasti.

30 апреля Бельгард выступил в поход, чтобы, наконец, вытеснить Лекурба из Энгадина.

Бой у Ремоса 30 апреля

Генерал Лекурб укрепился за Ремосом на низком подножии горы, к которому примыкал большой горный отрог (Фимперберг) на левом берегу Инна. Варана (Рамшбах) и селения Манос и Ремос лежали впереди фронта. Таким образом, позиция справа упиралась в Инн, левый

берег которого в этом месте господствовал над правым, а слева — в высокий хребет. Во избежание всегда возможного в таких случаях обхода проходившие по обоим краям Иниской долины горные тропы были заграждены или сделаны недоступными и охранялись отрядами пехоты. Кроме того, в долине Инна были расставлены некоторые резервы, т. е. Лекурб, как говорят французы, «шелонировался». Повидимому, это была вполне удовлетворительная, нормальная позиция, какие в подобных случаях занимали французы, лучшей нельзя было найти. Очень короткий фронт позиции мог, таким образом, оказаться достаточно сильным, обход по тропам был бы одновременно обнаружен и задержан до тех пор, пока в долине успели бы принять нужные меры; стоящие же свяди резервы являлись лучшим средством заранее противопоставить обходящему противнику достаточные силы или поставить его под двойную огонь.

Бельгард дал приказ о наступлении 8 колоннами. Он выступил сам с 9 батальонами по долине, из них 6 батальонов двинулись по дороге, а две небольшие колонны — направо и налево — по склону горы, а другая — по правому берегу Инна. Обе эти боковые колонны были назначены для непосредственного обхода заграждений, выставленных с фронта.

Генерал Гаддик с 7 батальонами выступил из долины Мюнстера тоже 3 колоннами в долину Инна, спустившись через высокие хребты. С 4½ батальонами он перешел через Шерльский проход к Тарапу и Шульсу. Один батальон двинулся направо через Розенкопф к Блатамодскому мосту и 1½ батальона — налево через Чирфский проход к Цернецу.

Кроме этих колонн у С.-Мариа, для охранения Вормского прохода оставались 3 батальона, которые позднее должны были последовать за колоннами через Чирфский проход и, наконец, на крайнем правом фланге один батальон направился из Инля в долину Пацнау, тоже через Фиммерберг, чтобы обойти левый фланг позиции.

Это распределение привело к следующему:

1. Бельгард сам, мало-помалу и не без труда, взяв только укрепления впереди французских форпостов, вытеснил французов из Ремюса и с левого берега Вараны и бесплодно пытался штурмовать главную позицию. Правда, батальон, пришедший через Фиммерберг, атаковал левый фланг противника, но был слишком слаб, чтобы его прорвать. Таким образом прошел день, и наступившая ночь положила конец бою.

2. Генерала Гаддика крайне затруднили дороги, покрытые снегом и льдом; французы не удовлетворялись устройством постов в наиболее сильных местах, а расположили их целый ряд, один за другим. По природе местности все эти посты были очень сильны, поэтому австрийцы могли их взять только путем обхода, что всегда требует много времени и труда. Известно, что во время этого обхода австрийцы частично пользовались «кошками», чтобы спускаться по ледяным скатам, и что колонны были снабжены горными пиками. Повидимому, французы имели

на этих высоколежащих горных оборонительных пунктах несколько орудий.

Оборона французских постов на последовательно занимавшихся позициях длилась так долго, что Гаддик, хотя и провел всю ночь в походе и уже в 4 часа утра атаковал первые французские форпосты, все же не мог 30-го сам оказать содействия при наступлении на Ремюс. Повидимому, он только с наступлением ночи подошел к Шульсу за Инна, мост через который был французами разрушен; поэтому хотя и создавалась угроза отступлению главных сил от Ремюса, но они не были отрезаны.

3. Левая фланговая колонна генерала Гаддика, которая направилась через Чирфский проход к Цернецу, была контратакована расположенными там французскими постами и отброшена с потерями в 500 пленных. Неизвестно с точностью, были ли там только получившие ранение направление полтора батальона или вместе с ними участвовали в бою и 3 батальона из С.-Мариа.

Однако, надо предполагать последнее, так как Массена в своем дописании считает эту колонну в 5 батальонов; делает это предположение вероятным и число пленных, среди которых находился оберлейтенант принц фон-Линь. С другой стороны, от С.-Мариа до Цернеца расстояние 5 миль, и немыслимо, чтобы 3 батальона, охранявшие Вормский проход, смогли продвинуться до района Цернеца. Повидимому, эта последняя атака имела характер демонстрации. Полковник Вейсенвольф, командовавший отрядом, двинул на противника только свой авангард и слишком дорого за это поплатился.

Хотя на долю французской обороны в этот день выпал большой успех, все же генерал Лекурб не считал возможным сохранение своей позиции, как вследствие общих причин, так и из-за обнаружившихся уже местных неудач, которые мы не будем описывать. Он начал свое отступление в 12 час. ночи и продолжал его до Зюса в районе Цернеца. Нельзя считать одно появление генерала Гаддика у Шульса достаточной причиной отступления французов: это видно из примера, данного Лекурбом в марте, когда он с частью своих войск отступил Лаудона из Шульса в горы, в то время как другой генерал оказывал сопротивление у Мартинсбрука.

Австрийцы не препятствовали отступлению Лекурба. Бельгард последовал его 1 мая только до Фетана, на 1½ миль от Ремюса. Причинами прекращения преследования были утомление войск, разрушенные мосты, а также и сопротивление французского арьергарда.

2 мая Бельгард снова начал атаку, а с трудом отступил на всех пунктах французский арьергард, действуя по большей части путем обхода позиций противника, в этом деле был внят в плен начальник бригады Демон. У Зюса Лекурб снова оказал сопротивление, но был вынужден отступить до Цернеца, причем сам был легко ранен.

Лекурб остановил у Цернеца арьергард и 2-го продолжал отступление до Понта. Здесь он оставался до 3-го, чтобы приготовиться к отступ-

плению за Альбулу в Рейнскую долину, в то время как аррьергард, разгрузив мост под Цернецом, отступил к Понту.

Лекурб избрал этот путь отступления в долину Альбулы, чтобы приблизиться к своей армии, в то время как при прямом отступлении через Брегель в долину Майра к Кьявене он бы еще больше от нее удалился. Так как артиллерию невозможно было переправить через Альбулу, пришлось снять орудия с лафетов и тащить их на канатах, лафеты же сжечь.

В ночь с 3 на 4 мая Лекурб выступил в путь через Альбулу и к 4-му достиг Ленца, откуда расходятся дороги на Кур и на Рейхенау. Здесь Лекурб оставался несколько дней; его аррьергард последовал за ним и удерживал тропы через горный хребет.

Бельгард оставался 3-го у Зюса, выслал свой авангард на дорогу за Альбулу и Малоджиу. 6-го он занял позицию у Цернеца.

Дессоль оставляет Вальтелине

Что произошло к этому времени с бригадой Дессоля, можно выяснить, сопоставив отдельные в высшей степени неточные сообщения военных историков. Вот что можно выяснить: после битвы при Тауферсе она двинулась (как мы сообщили, полагаясь на авторитет Жомини) через Чирфский проход и Пошьяверскую долину обходным путем в долину Адды на Тирано. Здесь Дессоль уехал в Италийскую армию и принял командование от Луазона. Дивизия в течение всего апреля оставалась, повидимому, в Верхнем Вальтелине и, так как австрийцы никого не пропускали через Ворский проход, ее действия были направлены против частей Тирольской армии, встречавшихся в долине Зальца по ту сторону Тонале. К этим войскам принадлежала и бригада полковника Штрауха, которую мы считали уже находящейся на итальянском театре военных действий.

Эта войска состояла из 9 батальонов и $1\frac{1}{2}$ эскадрона. Когда Суворов прибыл в союзную Италийскую армию и собрался двинуться в Ломбардию, он предложил Бельгарду установить связи с Италийской армией при посредстве отряда, стоявшего в Валь-Камоника. Для этой цели Бельгард назначил полковника Штрауха с 5 батальонами, $\frac{1}{2}$ эскадрона, тогда как 4 батальона и 1 эскадрон оставались в Тонале в качестве «поддержки», как это называется у французов.

Вследствие этого Штраух уже 28 апреля подошел к Понте-ди-Ленцо у истоков Олио. Раньше чем битва при Кассано решила судьбу Верхней Италии, Суворов намеревался подтянуть части полковника Штрауха к своему правому флангу, вследствие чего последний 1 мая двинулся к Ловерс на северном берегу озера Изсо. После победоносной битвы Суворов переименовал назначение Штрауха и приказал ему направиться через Понте-ди-Ноцца, через перевал Брембо и тропу Брембо к Морбенью в Вальтелине и, соединившись с принцем Роганом, вытеснить оттуда французов. Таким образом, можно считать, что бригада Луазона к концу

апреля и началу мая находилась на позиции на Адде между Тирано и Морбенью. Когда после битвы у Зюса начали наступление, с одной стороны, авангард Бельгарда, через Пошьяверскую долину к Вальтелину, а с другой, — тотчас же (5 мая) оставшиеся по приказу Бельгарда в Тонале 4 батальона и 1 эскадрон, — Луазон поспешно начал отступление через Морбенью в Кьявене. Штраух и присоединившийся к нему авангард принца Рогана преследовали его через форт Фунтес до Кьявены, куда они вступили 8-го. Вследствие этого Луазон оттянул свои войска в долину Мизокко на С.-Джиакомо и, повидимому, послал несколько батальонов к Шплюгену, чтобы занять этот проход для установления безопасного сообщения с Лекурбом. Согласно одним сообщениям, Луазон сам перешел через Шплюген, согласно другим, наиболее вероятным, он оставался на итальянском склоне, и Лекурб там к нему присоединился. В Кьявене австрийцы нашли 26 бронзовых и 10 чугунных пушек, которые Луазон не имел времени вывезти.

Прежде чем мы проследим дальнейшее движение Лекурба и Луазона, мы должны рассказать о том, как действовал в это время Готце в долине Рейна.

Готце безрезультатно атакует С.-Луциенштейг. Сражение при С.-Луциенштейге 1 мая

Бельгард, проливнувшись в долину Инна, должен был опасаться за свой правый фланг, который войска Менара могли обойти со стороны Преттигау; поэтому он устроился в генералом Готце, чтобы последний на другой день после атаки против Лекурба, а именно 1 мая овладел С.-Луциенштейгом, для чего он дал в распоряжение Готце 5 батальонов под командованием полковника Сен-Жульена* из войск, стоявших в Монтафуре и Пацнауе.

Эти войска должны были овладеть Преттигау и через Давос установить связь с генералом Бельгардом.

Готце назначил для этой операции $10\frac{1}{2}$ батальонов и 2 эскадрона, $5\frac{1}{2}$ батальонов и 2 эскадрона ему пришлось взять из собственных войск. Эти силы он разделил на 5 колонн.

Первая — из $1\frac{1}{2}$ батальонов — уже 29 апреля выступила в долину Гампертона и должна была взять укрепления С.-Луциенштейга с тыла, со стороны Майенфельдских Альп.

Вторая — из 1 батальона — должна была в ночь на 1 мая подняться на Фалькинсберг, чтобы с наступлением дня взять небольшое селение Гутшен и спуститься на правый фланг укрепления.

Третья — из 1 батальона и 1 эскадрона — была назначена для атаки укрепления с фронта на Бальдерской дороге.

Четвертая — из $3\frac{1}{2}$ батальонов под командованием полковника Сен-Жульена должна была из селения Мельс взять Фашенсберг; последний,

* По видимому, этот офицер, командовавший в битве при Маньйо только одной бригадой Италийской армии, в Тирольской армии был прикомандирован к Готце.

отделенный от высокой горной цепи глубоким ущельем, в котором находился форт; он имел особые укрепления и упирался в Рейн; затем эта колонна должна была в тылу С.-Луденштейга соединиться с первой.

Два батальона и 1 эскадрон оставались у Бальцера в резерве.

Наконец, пятая колонна, состоявшая из 1½ батальонов, была выслана из Монтафона в Гаргеллаштейг через Шлапникский проход в Претиггау, чтобы или произвести диверсию и по возможности отвлечь силы французов от атакуемых пунктов или, чтобы, проникнув в Претиггау, атаковать французов с тыла. Источники не дают об этом достаточно точных сведений.

Результат этой операции был совершенно неудачный.

Первая колонна не пришла совсем; вторая — ничего не добилась; третья с большим напряжением овладела Флешнербергом и селением Флеш; но так как часть своих войск она оставила для прикрытия наступления, а другая часть преследовала отступающих французов до Майенфельда, — она оказалась слишком слабой для штурма укрепления с тыла. Пока она до 12 час. дня собирала свои войска и напрасно ждала первую колонну, генерал Менар использовала время, чтобы подтянуть сюда от Кура свои войска. Сен-Жульен был атакован французами и с трудом отступил через Флешнерберг, после того как 1½ батальона сложили оружие. Так сообщает эрцгерцог, но другим же источникам (Зейда фон-Ланденберг), он потерял весь отряд и сам едва спасся с несколькими беглецами.

Сен-Жульен 2 мая пришел в Блуенц, где присоединился с остатками своего отряда к войскам генерала Бельгарда.

Пятая колонна действительно овладела французскими постами Кластера и удерживала их весь день 2 мая. Но, получив известие о неудавшемся наступлении, она, конечно, отступила и в ночь с 2 на 3 мая вернулась на свою исходную позицию.

Как мы видим, для наступления на С.-Луденштейг не были использованы еще 8 000 из 28 000 австрийцев, которые, согласно данным эрцгерцога, были выставлены против французов в районе от Падуауна до Брегенца. Причина этого заключается в том, что Готце и Бельгард не считали возможным ни на одном пункте обложить кордоны, который тянулся от Брегенца через Фельдкирх, Монтафон и Падуауна до Инна, на расстоянии не менее 15 миль. Но и эти 8 000 чел. не были бы в состоянии взять С.-Луденштейг, тогда как генерал Менар, может быть, с половинным количеством войск взял в плен целые батальоны. Операция прошла не лучше, чем в Рейнской долине.

Восстания

Задуманное австрийцами в конце апреля наступление на французскую позицию в Граубюндене действительно привело к вооруженному восстанию уже давно готовых к нему швейцарцев в кантонах Швиц и Ури, в союзных кантонах и в Валиссе. Независимо, какими частями располагало там австрийское командование. Наибольшую поддержку при этом оказы-

вали, конечно, эмигранты, которые составляли при австрийской армии 3 швейцарских батальона и отличались крепкой сплоченностью и энтузиазмом. Нельзя также оставить без внимания, что генерал Готце, швейцарец по происхождению и человек крайне горячий, командовал в этом пункте австрийской армией, выставленной против французов, поощряя, как это известно, своих соотечественников ко всеобщему восстанию.

В день, когда австрийцы атаковали С.-Луденштейг, 10 000 чел. Обербунда напали на французские посты у Диссентиса, Иланца и Рейхенау и отгнали их. Если бы наступление Готце было успешнее, генерал Менар, возможно, вынужден был бы сложить оружие, потому что у моста под Рейхенау собралось до 6 000 вооруженных крестьян.

В малых кантонах уже 28 апреля вспыхнуло восстание, причем в Швице собралось 3 000 вооруженных.

В Валиссе их было вдвое больше. Нельзя было медлить с подавлением восстания.

Разбив Сен-Жульена, Менар 3 мая выступает против инсургентов Рейнской долины. Мало-помалу он вытесняет их от Рейхенау за Иланц до Диссентиса. Здесь они хотели остановиться, но он атаковал их 5 мая и рассеял после незначительного сопротивления.

В то же самое время против малых кантонов был отправлен Султ с частью резервной дивизии. Сначала 8 мая он натолкнулся у Рентенурма в кантоне Швиц на вооруженный отряд, который на требование сложить оружие добровольно подчинился. После этого 9-го Султ погрузился на судно на Фирвальдштетском озере и отплыл к Альторфу, в кантоне Ури. Здесь он нашел 3 000 чел. с 4 орудиями, которые тщетно пытались воспрепятствовать его высадке. Они были отбиты, потеряли свои орудия и были вынуждены подняться в долину Рейсы. Столкнувшись там с частями, посланными Лекурбом, они были совсем разогнаны.

Только в Валиссе французы в данный момент не могли одержать верх над инсургентами; последние сформировали отряд в 6 000 чел. с 7 орудиями, который занял позицию у Лекко и загородил путь в долину Роны. Генерал Ксантрайль, которому было поручено усмирить это восстание, сосредоточил свою дивизию, состоящую частично из войск, подомешших из центра, при выходе из долины Роны и несколько недель спустя начал свои действия против инсургентов.

После поражения главнейших инсургентских отрядов Швейцария успокоилась, и недовольство сменилось страхом. Швейцарцы, судя по такому результату их вооруженного выступления, достаточно доказали, что они не были способны путем беспрерывной народной войны в тылу неприятельской армии поставить последнюю в тяжелое положение, так что французы решили очистить страну больше под давлением обстоятельств, чем вследствие побед противника. Тем не менее, если бы напряжение сил швейцарцев соединилось с настоящим наступлением австрийцев, следствием могло бы быть завоевание всей Швейцарии. При таком положении Массены, бесспорно, не нужно было никаких искусных

комбинаций, чтобы одним энергичным использованием австрийского превосходства поставить дивизии Дессоля, Лекурба и Менара в безвыходное положение. Так как все ломбардские склоны Альп уже были в руках союзников, представлялась возможность часть этих дивизий забрать в плен и часть отвести на Валисе, куда им тоже пришлось бы прокладывать дорогу с оружием в руках. При подобном успехе восстание в тылу Массены быстро распространилось бы, и этот генерал не мог бы удержаться против всех австрийских сил под командованием Эрцгерцога.

Вместо подобного рода действий начинается кровавая реакция французов против швейцарцев, с целью дать им устрашающий пример для будущего, а что касается австрийцев, то всю вину их неудач можно безобидно приписать им самим.

Лекурб и Луазон оттесняют принца Рогана и Треаскому мосту

После вытеснения Лекурба из Энгадина и неудачного наступления на С.-Лувиенштейг опять наступило двухнедельное прекращение военных действий, использованное австрийцами на приготовление к новым операциям. Раньше чем приступить к их описанию, мы должны рассказать о действиях в этот промежуточный период Лекурба и Луазона на южном склоне Альп в конце мая, о которых мы уже должны были вспомнить мимоходом на итальянском театре войны.

Как мы говорили, Лекурб 4 мая вступил в Ленц, а Луазон 4 дня спустя — в долину Мизокко. Противник первого, Бельгард, остановился у Цервеца; противник второго, Штраух,— в Кьявене и под Шплюгеном, где находилось несколько батальонов дивизии Лекурба.

Лекурб оттянул свои войска в долину Рейна, чтобы приблизиться к центру армии Массена; но Массена не думал в целом укорачивать свои позиции, не считая себя вправе оставлять на произвол судьбы С.-Готарда. Согласно обычному взгляду, этот перевал имел значение как последний опорный пункт правого фланга на случай потери всей долины Инна и Шплюгена; затем, после очищения долины Валисса от инсургентов, он давал возможность по самой короткой дороге сохранить связь с Итальянской армией вместо того, чтобы держать ее обходным путем, позади Женевского озера, через Савойю. Одновременно с отходом Лекурба из Энгадина в Рейнскую долину 30 апреля пришло известие о победоносном вступлении союзной армии в Милан, о походе принца Рогана к Зомерзее и о переходе полковника Штрауха в Валь-Камоника; вследствие этого, справедливо тревожась за С.-Готарда, Массена приказал Лекурбу, оставив половину бригады в долине Рейна, спуститься с войсками своей дивизии опять на итальянский склон Альп, прикрыв, таким образом, подступы к С.-Готарду.

После нескольких дней пребывания в Ленце Лекурб выступил через С.-Бернара в долину Мизокко, соединился 10-го у С.-Джакомо с Луазоном и с силами в 8 000 чел. двинулся в Белинцонно, куда и прибыл 11-го.

Принц Роган раньше взял направление на Кьявенну; затем ввиду освобождения французами Вальтелина двинулся к Порлесццо, на самой северной оконечности озера Лугано, переплыл его и, высадившись в Лугано, продвинулся 12 мая до Биронико. Его передовые войска оттеснили французов от горы Ченере, причем 300 человек были взяты в плен.

Бой на горе Ченере 13 мая

Когда принц Роган занял 13-го позицию на горе Ченере, он был атакован Лекурбом. Так как оба противника имели почти равные силы, Лекурб стремительно и с большими потерями был отброшен за Трезу, соединяющую Лаго-Маджоре с озером Лугано. Он не смог бы удержаться и здесь, если бы в долину Мизокко проник отряд полковника Штрауха; распространившиеся об этом слухи заставили Лекурба опасаться за безопасность своего тыла.

Сам Штраух занял позицию у Кьявены, откуда вел наблюдение за Шплюгеном и долиной Мизокко; он полагал, наверное, что не должен слишком удаляться от Бельгарда, имея в виду притти на помощь принцу Рогану *.

Лекурб при известии о новом наступлении австрийцев на Граубюнден оставил генерала Луазона действовать против принца Рогана и с большей частью своей дивизии направился к С.-Готарду. Слишком поспешные действия принца Рогана, как мы видели, до некоторой степени встревожили суворовскую армию, и генерал Гогенцоллерн, стоявший у Миланской цитадели, получил приказ поспешить на помощь принцу Рогану.

Бой у Таверны 18 мая

17 мая генерал Гогенцоллерн с 5 батальонами подступил к мосту на Трезе; 18-го, как мы уже рассказали, он атаковал Луазона у Таверны в Валь д'Аньо и вытеснил его из Белинцонно, захватив 460 пленных, затем подкрепил одним батальоном принца Рогана и вернулся в Милан. В Белинцоне австрийцы нашли 10 орудий, оставленных французами.

К этому времени полковник Штраух соединился с принцем Роганом, и оба оставались в Белинцоне около 8 дней, а именно до 26 мая, когда прибыл Гаддик. В это время Луазон оставался у Биаски при впадении Брено в Тичино.

Позднее здесь начались операции Гаддика против С.-Готарда, которые мы в свое время опишем.

Бельгард и Готце вытесняют французов из Граубюндена

После ухода Лекурба силы французов в Граубюндене выше Фельдхирха состояли из дивизии Менара и полубригады дивизии Лекурба,

* Вследствие часто меняющихся маршрутов его последние части вступили в Кьявенну только 12-го.

т. е. насчитывали около 8 000 чел. Главные силы стояли в долине Рейна, передовая же оборонительная линия, расположенная в горных проходах, тянулася по правому краю долины р. Ландкварт до ее истоков, а оттуда выходила на левый край долины Инна через Флюэлу, Альбулу, Септимер, Шплюген и Бернардин. Вся длина линии составляла около 15 миль. Ниже С.-Луденштейга стояла дивизия Лоржа, насчитывавшая около 6 000 чел., растянувшаяся на 7 миль до Боденского озера.

Мы уже неоднократно упоминали, что первоначальные силы австрийцев состояли из 73 000 чел. в Тироле и Форарльберге, против которых стояли 18 000 чел. При всем том мы должны заметить, что эрцгерцог, Бельгард и Готце не считали свои силы достаточными, чтобы прорвать пугливую французскую правую фланга: эрцгерцог послал к Готце еще одно подкрепление, численность которого не указывается, но, по всей вероятности, не превышала 4—5 тыс. чел. Готце, конечно, испытывал стыд за свою неудачную операцию против С.-Луденштейга 1 мая; Бельгард, со своей стороны, чувствовал, что им недостаточно сделано, что он находится в невыгодном положении, растянув свой правый фланг отступлением в долине Инна; притом же Преттигау все еще был в руках французов. Мы, зная соотношение сил, конечно, с трудом сдерживаем законное недовольство, видя, что гео-стратегическим условиям постоянно уделяется такое исключительное внимание, но, повидимому, австрийские генералы слишком переоценивали силы своего противника, так что принципы их опасений до некоторой степени становятся понятными.

Готце и Бельгард решили, наконец, возобновить общее наступление на французов с целью вытеснить их из долины Рейна. Но переговоры между обоими австрийскими генералами длились так долго, что осуществление их намерения последовало только 14 мая.

Эрцгерцог, который все более уклонялся от мысли о большом сражении для обратного завоевания Швейцарии, смотрел на эту операцию своего левого фланга как на наиболее выгодную форму своей деятельности: во-первых, только этим путем он мог привлечь Бельгарда к совместным действиям; во-вторых, правый фланг Массены был, очевидно, самым слабым его местом; в-третьих, австрийское правительство испытывало постоянные опасения, как бы Тироль и Граубюнден не были слишком обнажены, и, наконец, не имея даже желания действовать решительно, эрцгерцог боялся четырех дивизий Массены, сосредоточенных за Рейном, ниже Боденского озера, и рассчитывал, что наступление левого фланга будет той успешной операцией, при которой менее всего можно опасаться за безопасность целого, поэтому он был готов подкрепить новую операцию большими силами.

Сражение в Граубюндене 14 мая

Это подкрепление подошло 14 мая, после чего план наступления был приведен в исполнение. Согласно этому плану, Готце с 19 батальонами и 8½ эскадронами должен был овладеть С.-Луденштейгом, занять до-

лину р. Ландкварт и продвинуться вверх по Рейну, чтобы вытеснить французов из долины Рейна. В это же время Бельгард должен был с 20½ батальонами подойти к Рейну через горы, отделяющие Рейн от Инна.

Подобный план всей операции мы усматриваем из специальных диспозиций и из того, что случилось в действительности, потому что он нигде не указывается. Если мы не приписываем генералу Бельгарду наиболее естественного плана: продвинувшись до долины Переднего Рейна, отрезать там отступление французам и соединиться с Готце, то это потому, что мы видим его стоящим в параллельных долинах Заднего Рейна и Ландассера; но мы не можем упрекать его в том, что его первоначальный план был иным, так как он был занят выполнением приказа о походе в Италию.

Таким образом, мы видим, что две большие массы войск, каждая в 17—18 тыс. чел., с двух сторон выступили в поход против 8-тысячной дивизии Менара, рассчитывая на большой успех.

Готце разделил свои силы на 4 колонны.

Первая — из 6 батальонов, 8 эскадронов с 21 орудием под командованием самого Готце была сформирована 14 мая у Бальцера и выступила на С.-Луденштейг с фронта. Она была назначена, главным образом, на борьбу с теми французскими силами, которые могли спешно подойти к Рейну по дороге Верденберг—Рагац. Возможность выполнить этот маневр ей давала многочисленная артиллерия, господствующая на противоположном берегу Рейна. Кроме того, войска имели штурмовые лестницы, чтобы в случае надобности непосредственно захватить укрепление.

Вторая колонна — из 3 батальонов, под командованием генерала Иахича — уже 12-го выступила в долину Гампертона, 13-го поднималась на Майенфельдские Альпы и должна была 14-го овладеть оттуда пунктами Майенфельд, Иенинг и Маланс. Один батальон этой колонны был назначен для атаки укреплений С.-Луденштейга с тыла.

Третья колонна — из 5 батальонов под командованием генерала Гиллера — должна была тоже пройти через долину Гампертона, но спуститься не в Рейнскую долину, а в долину р. Ландкварт, чтобы захватить стоящие там французские посты и, двигаясь вниз по долине Ландкварта, бить французов боковыми ударами.

Четвертая колонна — из 4½ батальонов и ½ эскадрона под командованием полковника Плуикета — должна была по Гаргеленской тропе проникнуть в долину Ландкварта и овладеть ее верхней частью.

Это наступление удалось на всех пунктах и сопровождалось если не блестящим, то во всяком случае достаточным успехом.

Относительно положения французов мы знаем только, что два батальона занимали С.-Луденштейг. Повидимому, одна бригада (Шабрана) находилась в долине Ландкварта и у Рейнской долины при впадении Ландкварта; другая, под командованием Сюше, — выше в долине Рейна, Кизауэншц 1799 г.

вероятно, у Кура, так как силы Шабрана оказались у Рагаца и Сюше — у Рейхенау.

Из 4 колонн Готце самую энергичную деятельность обнаружила, по-видимому, вторая. С двумя батальонами она взяла пункты Майенфельд, Ненинне и Маланс, с третьим — С.-Луденштейг, атаковав его выходы. Сопротивление французов было, по-видимому, не слишком энергичным, так как австрийцы понесли лишь незначительные потери. После того как батальон второй колонны открыл проход в С.-Луденштейг, в это укрепление вступил Готце с первой колонной, сюда же одновременно подошла и третья колонна из долины Ландкварта; в то время как одна часть победителей-австрийцев преследовала французов вверх по Рейну, другая осталась у С.-Луденштейга и Майенфельда против французов, сосредоточенных у Рагаца.

Четвертая колонна без труда вступила в долину Ландкварта и тоже спустилась по ней до Рейнской долины, так что Готце мог теперь сосредоточиться в этой долине все свои силы.

Трофеями этого дня были 15 орудий, 22 повозки с боевым снаряжением и 3 000 пленных; из последних около 1 000 чел. было взято в С.-Луденштейге, 1 100 чел. — когда были отрезаны отступающие из Преттигау посты, и остальные — при преследовании.

Чтобы объяснить необычное для французов незначительное сопротивление, надо знать до некоторой степени их мероприятия. Можно, конечно, предположить, что их силы были крайне разбросаны (значительно больше, чем 1 мая); с занятием Лекурбом позиции в долине Инна они еще не имели опасений за высокие районы Рейнской долины. Однако, предполагая, что у С.-Луденштейга и Майенфельда находились их главные силы, по незначительному числу убитых и раненых австрийцев можно вывести заключение об отсутствии упорного сопротивления со стороны французов, если даже самый факт победы австрийцев и отвести за счет их численного превосходства. Кроме того, генерал Менар на долгое время исчезает из списка дивизионных генералов, что указывает, по-видимому, на недовольство его мероприятиями.

Так же богата трофеями могла быть, конечно, и вторая часть операции — именно наступление Бельгарда, потому что ему предстояло провать лишь слабую цепь постов.

Он также разделил свои силы на 4 колонны. Первая из 1½ батальонов направилась 13-го из Гальтюра в Пацнауерскую долину, в Гаргелен, чтобы установить связь с Готце, и соединилась там с его четвертой колонной; в то время как одна спускалась по долине Ландкварта, другая направилась вверх к посту у Клостера, который французы сдали без сопротивления.

Отсюда эта колонна направилась к Давосу в долину Ландвассера и соединилась со второй.

Эта вторая колонна, состоявшая из 7 батальонов, 13 мая выступила из Зюса в Энгадине, оттеснила французские посты на горе Флуола и

направилась к близлежащему селению Чутген. 14-го она атаковала Давос и без большого труда вытеснила французов из их засек. 15-го она направила 2 батальона на Плессер к Лангенвицу, а с остальной частью двинулась по дороге в Ленц до Альенне, где и оставалась 16-го.

Третья колонна из 8 батальонов, при которой находился сам Бельгард, уже овладела Альбулой и, выступив отсюда 15-го, достигла Бергюна, а 16-го — Ландвассерского ручья у Филизюра. Несколько французских батальонов поспешно отступили в долину Рейна.

Четвертая колонна разделялась на два отряда, первый из которых двинулся через Юлиерберг, а второй через горы Малодикна и Септимер; 14-го они соединились у Модена в долине Оберхальштейна, а 15-го направились в Тиффенкастен против Ленца, откуда были посланы в долину Рейна.

Из всех этих районов французские отряды отступили с поспешностью и без всякого сопротивления, по большей части через долину на той стороне Рейна, через Шлюген на Беллинжон, т. е. к Лекурбу и Луазону.

Трофеи состояли из 2 орудий, которых противник не мог увезти, и из нескольких пленнных.

Таким образом, Бельгард использовал до 13-го и 14-го на то, чтобы с своими 20 батальонами пройти через слабые линии неприятельских постов, из долины Инна через горы до Ленца, т. е. на расстояние около 3 миль. В районе этого пункта он соединил все свои колонны.

В тот же самый день 15 мая Готце продвинулся до Кура и сделал рекогносцировку в Рейхенау, где были сосредоточены 4 000 чел. Сюше. Готце дал время и возможность частям собраться и не притесновал их дальнейшему отступлению на Дисентисе и оттуда в долину Рейсы; он лишь слабо преследовал их до Иланда, имея намерение повернуть со своим корпусом обратно для выполнения плана соединения с эрцгерцогом.

Сюше, не имевший возможности взять с собой свою артиллерию, побросал орудия в Рейн, разрушил лафеты и 19-го достиг Урзерна.

Левый фланг Менара, сосредоточенный у Рагаца, был 15-го оттеснен австрийцами за Пфеффере вверх по долине Таминны с потерей двух орудий.

Другой небольшой отряд французов, принадлежавший, по всей вероятности, к правому флангу дивизии Лоржа и сосредоточенный у Сарганса, отступил отсюда 16-го, причем пехота взяла направление на Валленштадт, а кавалерия — на Верденберг.

Здесь заканчивается эта общая операция. Готце направляется направо, а Бельгард, получивший приказ с 25 000 чел. выступить в Италию на соединение с Суворовым, остается на месте, чтобы приготовиться к выступлению.

На первый взгляд покажется удивительным видеть Тирольскую армию, которую эрцгерцог исчисляет в 47 000 чел., состоящей только из

25 000 чел. Но отсюда отходят 5 батальонов, стоящих под командованием Сен-Жульена, в Рейнской долине, 2 — которые остались в качестве гарнизона в Инсбруке и Куфштейне, 5 — которые под командованием Вукасовича в начале апреля присоединились к Суворову. Эти 12 батальонов составляют около 9 000 чел., и, таким образом, 13 000 чел. остаются на потери; считать потери меньше этой цифры едва ли возможно, если сопоставить ее с ошибочной сводкой Бельгарда. Считая отдельные батальоны, которые, согласно данным эрцгерцога, были отрезаны или взяты в плен, мы получаем следующее:

1. При начале кампании в Верхнем Энгадине	2 батальона
2. Когда Лаудон с 4 батальонами выступил против Лекурба, он потерял при отступлении большую часть своих людей, предположительно	2 »
3. Когда он у Шульца атаковал тыл Лекурба, он потерял еще около	1 »
4. У Тауферера	8 »
5. В тот же самый день после битвы при Наудерсе у Мартинсбрюка было отрезано	2 »
6. При отбитой атаке Бельгарда на Энгадин 22 апреля	1 »
7. При неудачной атаке на С.-Луциентштейн под командованием Сен-Жульена	1½ »

Всего 17½ батальонов.

К этому необходимо прибавить других убитых, пленных и не вернувшихся в строй раненых. Если же из указанных 17½ батальонов, с первоначальной силой в 800—1 000 чел. на батальон, вычесть значительное число бойцов, которые могли спастись обходными дорогами, то станет совершенно ясно, почему общее число потерь за март, апрель, май не превышало 13 000 чел.

Это число — 25 000 чел., собранных Бельгардом, — подтверждается и тем, что, как мы это увидим впоследствии, 10 000 чел. он оставил под командованием Готце у С.-Готтарда, а с 15 000 прибыл к Суворову.

Бельгард направляется в Италию

Этот поход сопровождался такой своеобразной стратегической путаницей, что его нельзя рассматривать только как поход вне сферы действий противника; его следует рассматривать, собственно, как стратегический акт.

Повидимому, Бельгард получил приказ 15 мая, когда он подходил к Ленцу. Можно предположить, что это новое назначение его армии не было неожиданным для Бельгарда, что он был осведомлен о нем раньше. Но так как ни один военный историк этого не указывает, и мы со

своей стороны не имеем права это утверждать. Здесь имеет место существенная разница: если Бельгард предвидел предстоящий поход, ему должно было представляться особенно необходимым продвижение в долину Переднего Рейна с целью получить господство над С.-Готтардом; если же получение приказа было совершенно неожиданным, становится понятным, насколько Бельгард был способен на его немедленное выполнение. Нам достаточно для этого только поставить себя на его место.

13 мая Лекурб отделился принца Ротана к мосту через р. Трезу; вероятно, известие об этом было получено Бельгардом 15-го. Это событие имело важное значение для похода Бельгарда. Если бы он считал силы Лекурба только слабой дивизией, рассеянной на южном склоне Аля, не имеющей никакой связи с Итальянской армией и связанной с Швейцарской только через С.-Готтарда, то, продолжая поход в долину Переднего Рейна и на С.-Готтарда, он мог бы эту дивизию отрезать и вследствие всеобщего восстания, вспыхнувшего в Валлисе, поставить ее в катастрофическое положение. Но Бельгард считал французских силными и у Тичино, и на С.-Готтарде, и в долине Переднего Рейна и, продолжая свой поход к С.-Готтарду, опасался быть вовлеченным в сомнительную операцию. Поэтому понятно, что он делает остановку в долине Заднего Рейна, занимается приготовлениями к походу и выступает через Кьявену. Он имел на это основание: так как приказ о передвижении с одного театра войны на другой не является приказом к наступлению, смысл подобного приказа не требует, чтобы он пробивал себе путь через армию противника. Предпримчивый и жаждущий успехов генерал, склонный оптимистически рассматривать положение, мог бы иметь здесь блестящий успех, в полном смысле этого слова одержанный «*schémín faisaits*» (михоходом), и без особых сомнений дойти до С.-Готтарда: слабая оборона С.-Луциентштейна уже указывала на то, что в долине Рейна французы были не в лучшем положении. Но Бельгард всегда был известен как человек в высшей степени осторожный, и мы не должны поэтому удивляться тому, что он выбрал такую осторожную дорогу, если наглядно представим себе все те различные колебания, которые им должны были овладеть.

Во-первых, в долине Переднего Рейна стоял Сюше с половиной дивизии Менара. Готце же имел намерение направиться к эрцгерцогу. Таким образом, на пути к С.-Готтарду все еще предстояла борьба.

Во-вторых, было едва ли вероятно, чтобы Бельгард повел наступление со всеми своими силами, так как для этого могло нехватить продовственных средств. В случае соединения Лекурба и Сюше их общие силы почти сравнялись бы с силами Бельгарда. Они были бы в таком случае отрезаны от Массены, но сохранили бы возможность отступления: восстание в долине Роны могло, конечно, его усложнить, но не делало совсем невозможным.

В-третьих, предпринимая подобную операцию, Бельгард не имел основания заранее собрать армию, назначенную в Пьемонт, и таким обра-

зом начать с ней поход. Атакуя и преследуя противника своими правым флангом, остальные колонны он обязан был послать по назначению.

Легко представить себе, какие здесь были возможные случайности, неизвестность и потеря времени; во всяком случае существовала опасность, что Бельгард, вместо быстрого и точного прибытия с собранными силами к Суворову, сам ставил себя в положение, не обещающее никаких существенных результатов. Более короткая дорога и возможность избежать погрузки на суда на Зоммерзе, дающие экономии времени, не могли иметь большого значения.

Конечно, эти колебания и трудности еще сильнее давали бы себя чувствовать, если бы Бельгард предполагал не только взять С.-Готард и разбить Лекурба, но и последовать за ним в Валис, как этого хотелось бы генералу Жюмин; но, конечно, подобное предложение нужно рассматривать как совершенно непрактичное.

Победа Лекурба над принцем Роганом и известие, полученное через Готце, о движении соединенных под командованием Сюше французских сил, которые, составляя всего 4 000 чел., легко, однако, могли быть приняты за 6—8 тыс., произвели на генерала Бельгарда сильное впечатление и еще более склонили его отказаться от всякого намерения продолжать операцию.

В виду этих соображений порицание, высказываемое эрцгерцогом генералу Бельгарду по поводу его нерешительности, мы можем рассматривать как суждение, хотя и запоздалое, но имеющее здоровые основания. Однако, для справедливой оценки решения Бельгарда мы должны отметить, что он был не предприимчивым генералом, а осторожным, что его поступки нельзя считать лишенными мотивировки и что большинство генералов, весьма вероятно и сам эрцгерцог, в его положении действовали бы не иначе. Генерал Бельгард начал свой поход уже 18-го. Это указывает во всяком случае на отсутствие на театре военных действий Швейцарии каких бы то ни было новых операций. Французские посты, стоявшие на Шплугене и Бернардине, к этому времени покинули эти перевалы, и Бельгард прошел через Шплуген к Кьявене, куда он вступил 21-го.

Для охраны выходов из Италии в Граубюнден и для обеспечения связи между Итальянской армией и эрцгерцогом Бельгард оставил, по просьбе Готце, в долине Нижнего Рейна бригаду полковника Сен-Жульена; полковник Штраух был назначен вместе с принцем Роганом стоять у С.-Готарда.

С остальными войсками, которые составляли около 20 000 чел., он погрузился на суда у Ривы, где стояли в полной готовности нужные ему 200 судов. Так как суда не могли вместить всю армию, большая часть пехоты была переправлена сначала в Геру, чтобы оттуда сушей двинуться в район Комо. Так как погрузка не могла закончиться в один день 27-го, то весь корпус собрался у Комо 28-го. Только тяжелая артиллерия и обозы, сопровождаемые, вероятно, несколькими тысячами человек прикрытия, взяли направление на долину Эча.

Бельгард получил поручение передать генералу Гаддику приказ относительно войск, оставшихся у С.-Готарда, в Комо он нашел новый приказ довести этот корпус до 10 000 чел. с тем чтобы он, овладев С.-Готардом, мог спасти инсургентов в Валисе. Поэтому он от Комо отправил бригады Дебри и Ламарселлы в Беллинцону, чтобы образовывать совместно с Роганом и Штраухом корпус, назначенный для действий против Лекурба. Бригада Нобили осталась для прикрытия или, вернее, для поддержания связи у Фаресе между Лаго-Маджоре и озером Комо. С остальными войсками Бельгард выступил через Милан через Павию. Корпус, с которым он прибыл к Суворову, состоял из 15 000 чел.

Эрцгерцог переходит через Рейн

Эрцгерцог также решился, наконец, снова вмешаться в военные действия. Он считал, что операции генерала Готце и Бельгарда носили испугливый характер, и намеревался после завоевания Граубюнденской долины Рейна перейти эту реку и, соединившись с большей частью войска Готце между Цюрихскими и Боденскими озерами, действовать против главных сил Массены. Невозможно предсказать, могло ли это привести к сражению и к какого рода решению пришел бы человек, подобный эрцгерцogu, в случае, если бы это сражение имело место, особенно, если принять во внимание, что силы, которыми командовал эрцгерцог, не имели решительного превосходства над силами противника. Эрцгерцог не имел, повидимому, никакого определенного объекта для этой операции, по крайней мере, он ничего не говорит об этом в своей истории: он рассказывает о своем переходе через Рейн приблизительно так, как если бы речь шла о самом обиходном дальнейшем движении часового механизма, в котором дан толчок маятнику.

Движение эрцгерцогом и Готце для соединения и попытки Массены ему воспрепятствовать, имевшие место в последней четверти мая, являлись вступлением к первому сражению при Цюрихе.

Вследствие сдачи С.-Лутигентейга и понесенных при этом потерь Массена не в состоянии был удерживать дальше долину Рейна. Это вообще ставило его больше сосредоточить свои силы и пока выжидать на позиции между Рейном и Лимматом дальнейших событий. В тылу же этой позиции у Цюриха, именно перед этим пунктом, между Лимматом и Глаттом, необходимо было устроить укрепленный лагерь, в который он мог бы отступить в случае решительного наступления своего противника и который годился бы для охранения остальной Швейцарии от нерешительного противника. Так как эрцгерцог был отделен от Готце Боденским озером, то их соединение в присутствии Массены было сопряжено с известными трудностями и могло представить последнему случай для выгодной боевой комбинации.

Левый фланг дивизии Менара оставил район Сарганса еще 16 мая и отступил к Валенштадту; правый же из дивизии Лорка остался на своей позиции под Атцмоосом, пока его не вытеснил Готце.

Последний 15-го у Рейхенау произвел рекогносцировку правого фланга Менара под командованием Сюше и решил преследовать его только небольшими силами, а с главными силами отойти на Майенфельд.

На это были потрачены 16, 17 и 18 мая.

19-го Готце послал один отряд под командованием полковника Гавазини через долину Зетта на Валленштадт и другой — на Верденберг. Этот отряд отбросил французов от Атмооса и Верденберга и захватил у них 5 орудий. Правый фланг дивизии Лоржа частью отошел к Лихтенштейгу, частью вниз по Рейну.

Гавазини продвинулся до Фумаса и Бершпа и в полдень 19-го был там атакован Менаром; поддержка местных вооруженных сил и батальона, посланного Готце, дали ему возможность отбросить противника к Мургу на южном берегу озера Валден.

20-го французы оставили все посты на Рейне выше и ниже Боденского озера до впадения в Рейн Тура и отступили на ту сторону этой реки; дивизия Лоржа заняла позицию у С.-Галлена, Лихтенштейга и Уйнаха.

21-го они оставили также и Тур и отошли за р. Тёс. В этот день стояли:

Дивизия Тарро как авангард у Винтертура	} у Клотена и Бассерсдорфа
» Удино	
» Вандама	
» Сульта	
Кавалерийский резерв	

Лорж оставался на своей позиции.

Менар же, к которому снова присоединился Сюше, остался у Бильтена между Валленским и Цюрихским озерами на южном берегу р. Линт. В это время производились усиленные работы по укреплению позиции под Цюрихом.

20-го австрийцы были заняты постройкой мостов для Готце у Бальцера и Мейнингена, а для эрцгерцога — у Штейна.

21-го генерал Науендорф совершил переправу с авангардом эрцгерцога, состоящим из 21 батальона и 30 эскадронов, у Штейна, а небольшим отряд переправился у Констанца.

Готце закончил постройку моста только 21-го и 22-го переправился у Бальцера и Мейнингена с 18 батальонами и 13 эскадронами, за ними последовали еще 4 батальона из Форарльберга, тогда как 5 батальонов остались в долине Переднего Рейна, чтобы поддерживать связь с Геддином.

Из армии эрцгерцога Науендорф продвинулся в этот день до Тура и даже занял позицию на дороге, идущей от Цюриха к Шафгаузену в районе под Орлингеном, так как эрцгерцог заставил перенести мост под Штейном за монастырь Парадиз у Шафгаузена, чтобы там совершить переправу.

Науендорф имел приказ, не вступая ни в какие значительные бои, пройти со своими отрядами до р. Тёс, что должно было обеспечить проход через Тур. Поэтому Науендорф выслал форпосты от 500 до 600 чел. за Тур.

Французский авангард стоял у Винтертура, имея перед собой только линию форпостов на расстоянии около полумили. Австрийцы продвинули свою линию вплоть до французских и даже отбили у последних деревню Хетлинген. Вследствие этого австрийские форпосты выдвинулись на целую милю за Тур, растянувшись по многомильной излучине от впадения Тура в Рейн до Фрауенфельда; на 4-мильном протяжении Тура — от Пфина и до устья Тура — было только два моста, на обоих дорогах от Шафгаузена и Фрауенфельда — у Адельфингена и Пфина; впрочем, Тур можно было еще перейти, пользуясь двумя бродами. В то время как Науендорф пытался, таким образом, слабой цепью постов занять территорию, нужную эрцгерцогу для соединения с Готце, австрийцы 22-го выставили несколько отрядов у Эглизау за Рейном для угрозы французскому левому флангу и отвращения сюда их внимания и сил. 23-го другие, более многочисленные и сильные отряды преследовали за Кайзерштуль, Цурцах и Кобленц. В ответ на эту демонстрацию Массена послал 22-го на Эглизау несколько тысяч человек, которые оттеснили австрийцев назад, а 23-го передвинул генерала Тарро с частью его дивизии в Баден для наблюдения Рейна на пространстве между реками Тёс и Аар; он должен был служить армии ищемом для левого фланга. Генерал Ней получил приказ занять место генерала Тарро над авангардом у Винтертура.

23-го эрцгерцог Карл переправился через Рейн со своей армией у монастыря Парадиз, оставив, повидимому, корпус в 6—8 тыс. чел. на правом берегу для наблюдения Рейна между Шафгаузенном и Базелем. В этот день он занял позицию у монастыря Парадиз.

Генерал Готце 23-го двинулся в С.-Галлен и выслал свой авангард на дорогу к Бишоффелю и Фрауенфельду.

Полковник Гавазини отправился в этот день в Моллис, на стыке долин Клена и Линты.

24-го в австрийской главной армии все оставалось спокойным: ни форпосты, ни главные силы не переменили своей позиции. Эрцгерцог ждал приближения Готце; но этот генерал и 24-го оставался в С.-Галлене вопреки желанию эрцгерцога, по словам которого он действовал таким образом из опасения за свой левый фланг. Он удовлетворялся тем, что выслал к Фрауенфельду генерала Петраша с 6 батальонами и 6 эскадронами.

Повидимому, оба австрийских командующих опасались произвести фланговое движение для соединения из страха оставить в тылу за собой Боденское озеро в момент решительного сражения. Готце, наверное, думал, что эрцгерцог мог бы по меньшей мере выйти ему навстречу на Констанцскую дорогу; эрцгерцог же не желал покидать дорогу из Шаф-

гаузена, так как она была, конечно, главной, и можно было ожидать, что французы, решившись на наступление, будут вести его по этой дороге.

Таким образом, французскому главнокомандующему от 21 по 25 мая оставалось 3 дня на то, чтобы подготовить наступление объединенными силами на одного из его двух противников и в случае победы, несомненно, вызвать отступление второго противника за Рейн и прекращение австрийских наступательных действий.

Массена 24-го также деятельно готовился к наступлению, назначенному на 25-е, но силы французского главнокомандующего были еще настолько разбросаны, что ему недоставало средств на приведение этого плана к решительному результату. Остатки дивизии Менара были на южном берегу Линты; Шабран, командующий теперь дивизией Лоржа, присоединился туда в Уннахе, оставив, повидимому, наблюдательный пост у С.-Галлена; генерала Суама Массена не считал возможным снять с позиции под Базелем для наблюдения долин Рейна и Фрика; также и Тарро с 3—4 тыс. чел., как мы видели, был послан в Баден для прикрытия тыла. Таким образом, Массена имел за р. Тёс только дивизии Вандама, Сульта, Удино и часть дивизии Тарро вместе с кавалерийским резервом.

Общая численность его сил доходила до 25 000 чел., куда надо отнести еще швейцарский контингент силою в целом около 10 000 чел., большая часть которых была послана для работ и непосредственного прикрытия укрепленного лагеря.

Французский главнокомандующий мог, конечно, себе сказать, что Готце должен выбрать направление не южнее, чем на Фрауенфельд, который был ближе всего к эрцгерцогу; затем он должен был быть готовым и к тому, что 25-го Готце с своим корпусом достигнет Фрауенфельда, и ничто не препятствовало эрцгерцогу быть в этот день у Андельфингена; оба пункта были удалены друг от друга только на несколько миль, и таким образом Массена не мог выступить против одного из неприятельских генералов, не выставив одновременно значительной части против другого. В противном случае он подвергался бы опасности, сражаясь с одним, быть атакованным с фланга и с тыла другим, приняв, таким образом, бой в крайне невыгодной форме и подвергая угрозе вместе с тем свое отступление на Цюрих. Считая, что силы генерала Готце составляют около 20 000 чел., а силы эрцгерцога—около 40 000 чел., французский главнокомандующий не мог, в сущности, иметь никакого шанса выступить против одного из обоих противников, располагавших превосходящими силами.

Готце был, во всяком случае, слабейшим; его позиция у Фрауенфельда, если он намеревался вернуться по дороге, которую прошел, была стратегически слабее позиции эрцгерцога у Андельфингена; поэтому было естественно, что Массена с главными силами направился против Готце, выслав заранее на Андельфинген лишь столько войск, сколько было необходимо для овладения на некоторое время местной переправой.

Если бы Массена знал, что Готце сделал 24-го остановку в С.-Галлене, комбинация была бы совсем другой: в этом случае Массена мог бы с неразделенными силами в количестве около 25 000 чел. выступить против эрцгерцога, и, не найдя последнего у Андельфингена, размышлять у монастыря Парадиз, чтобы вызвать его на решительное сражение. Конечно, оставалась вероятность превосходства сил у эрцгерцога, если даже последний и не все части имел на месте; но все же при этом оставалась такая возможность серьезного успеха, что французский главнокомандующий должен был избрать эту дорогу из всех других. Эрцгерцог и генерал Жюмнин делают ему по этому поводу упреки; они не приняли во внимание, что вечером 24-го, когда он давал в Винтертуре распоряжения на следующий день, он так же мало мог знать о пребывании Готце в С.-Галлене, как и о действительном выступлении Петраша оттуда на Фрауенфельд.

Однако, освободив французского главнокомандующего от упрека, который исходил, по нашему мнению, из ложного взгляда, мы все же не можем согласиться с тем, что его распоряжения 25-го могли привести к стоющему труда успеху.

Генерал Тарро остался на своей позиции у Бадена; бригада под командованием генерала Пайяра должна была отбросить австрийские посты правого фланга и идти к Андельфингену; генерал Ней со второй колонной, силы которой никем не указаны, получил направление на Альтикон, поблизости от Тура, на полпути от Фрауенфельда на Андельфинген; Удино должен был со своей дивизией отправиться на Фрауенфельд; Султ с резервом должен был оказать поддержку разным колоннам. Мы замечаем тут в первый раз отсутствие генерала Вандама среди командующих, так как, по сообщению „Moniteur“, ко времени первого сражения под Цюрихом он находился под судом за вымогательство. Можно предположить, что к этому времени была произведена перегруппировка войск.

Все эти распоряжения менее всего были похожи на приготовления к решительному удару, и если мы будем придерживаться скудного донесения, посланного генералом Массеной Директории,—то он и не заходя дальше намерения снова отбросить австрийцев за Тур. А это намерение не ведет ни к какой разумной цели и является, собственно, просто препровождением времени. В полном соответствии с этим намерением были даны и тактические распоряжения. Средняя колонна не имела прямого объекта атаки, а резерв неслыханным образом был назначен для прикрытия всех трех колонн, так что совершенно не мог ни на одном пункте произвести решительных действий. Если бы Готце выступил у Фрауенфельда или эрцгерцог у Андельфингена, Массена был бы поставлен приблизительно в такие же условия боя, как Журдан при Штокахе, т. е., несмотря на всю осторожность эрцгерцога, проиграл бы бой.

25-го на рассвете генерал Пайяр перешел у Рорбаса через р. Тёс и обошел правый фланг австрийской линии постов, в то время как она была атакована с фронта. С другой стороны, Ней разорвал эту линию

постов посредине, и отряды его колонны проникли в Андельфинген. Вследствие этого двойного обхода правый фланг австрийцев попал в крайне затруднительное положение и должен был пробиваться по дороге из Андельфингена, кавалерия же перешла через Тур; все это не обошлось без значительных потерь. Подоспевшие от Науендорфа и Орлингена подкрепления и поджог моста легко положили конец дальнейшему продвижению французов.

Удино столкнулся у Фрауенфельда с подошедшим в этот момент Петрашем, который заявил за этим пунктом сильную позицию, давшую ему возможность до 7 часов вечера оказывать упорное сопротивление; однако, подведённое Сультом подкрепление вынудило утомленных австрийцев отступить к Мадингену.

Ней с главными силами своей колонны продвинулся до Пфина и без труда овладел этой переправой; однако, после того как уже стемнело, подошла высланная из Науендорфа бригада, переправилась вброд и отпустила французов.

С наступлением дня подошли также 9 батальонов и 6 эскадронов, высланные Эрцгерцогом. Во время этого боя сам Готце шел на Шварценбах на полпути от С.-Галлена к Фрауенфельду.

Потери, которые понесли австрийцы в этот день, состояли из многих убитых и раненых, из 2 орудий и 2 000 пленных.

Массена чувствовал, что он не может ни в том, ни в другом направлении использовать свой успех, и отступил 26-го на свою прежнюю позицию за р. Тёс.

Австрийцы использовали 26-е на приготовления к назначенному на 27-е наступлению. Мосты через Тур были исправлены, Эрцгерцог с 6 батальонами двинулся к Науендорфу и послал кавалерийскую часть к Готце, который расположился двумя лагерями у Фрауенфельда и у Тутвила на дороге С.-Галлен — Винтертур.

27-го австрийцы начали наступление: Готце в направлении на Винтертур, Эрцгерцог — на Нефенбах близ р. Тёс, который находится на прямой дороге на Цюрих. Готце подошел раньше, отпустил французский авангард от Винтертура с потерей 4 орудий и овладел переправой через Тёс у селения того же имени. Эрцгерцог, задержанный постройкой моста у Андельфингена, пришел позднее, также отпустил неприятельские посты за Тёс и захватил деревню Пфунген на левом берегу.

Массена оставил 28-го утром свою сильную позицию под Брюеном и отступил в район Клотена. Здесь Массена еще раз с главными силами образовал фронт, тогда как Суль с резервом по Рейну войска, продвинулся на Бюлах, откуда он угрожал правому флангу идущих следом австрийцев; в это же время он отпустил легкие части войск за Тёс и занял Рорбас. До какого пункта продвинулись в этот день Эрцгерцог и Массена, неизвестно; во всяком случае Эрцгерцог был так близко от места отдельных стычек Тарро, что последний не мог их дальше про-

должать. Какое значение имели вообще эти стычки, трудно сказать: в целом поведение Массены указывало на желание выиграть один день времени, но почему это было важно, совершенно непонятно.

29-го Массена, оставив незначительные посты, отступил за Глатт; 30-го за ним последовали и эти посты. Готце занял 29-го позицию у Басерсдорфа, авангард — у Клотена, Эрцгерцог — у Пфунгена с авангардом у Эмбраха. 30-го австрийские командующие стояли на месте, 31-го Эрцгерцог выступил на Эмбрах.

Во время этого длинного перехода Эрцгерцог еще раз делал попытки демонстративных действий на обоих флангах своего противника, но всей вероятности, с целью стратегического маневрирования, желая, таким образом, избежать предстоящего решительного сражения.

На правом фланге с помощью оставленных на правом берегу Рейна войск из 3 батальонов и 1 эскадрона он возобновил демонстрацию на Рейне между Эглизау и Вальдсгуттом; однако, неизвестно, действительно ли он делал попытки к переправе.

Массена с целью подкрепления своей армии наблюдательными отрядами, все еще оставшимися на Рейне, отправил 4 батальона из Базеля в Кайзерштуль.

На своем левом фланге Эрцгерцог рассчитывал достигнуть цели с помощью подкрепления полковника Гавазини. Он послал генерала Иеллачича с 6 батальонами и 4 эскадронами в Уднха, чтобы в соединении с полковником Гавазини очистить от неприятеля Линту и оба берега Цюрихского озера и продвинуться по дороге на Цюрих; для этой же цели было привлечено несколько эскадронов из оставшейся в Граубюдене кавалерии. Сам Эрцгерцог не воздержался от порицания преувеличенной осторожности этой меры, характеризующей излишнюю предусмотрительность.

Гавазини со своими 5 батальонами и 1 эскадронном остановился к 25-му у Гларуса и Нефельса, Шабран был у Уннаха, Менап на левом берегу Линты, между Цюрихским и Валленским озерами. В этот день Гавазини произвел рекогносцировку на Рейхенбург, откуда был, однако, отброшен Менапом, потеряв при этом два орудия.

Бой в долине Муотты 28 мая

28-го Гавазини сделал попытку обойти Менапа, выслал отряд в долины Клена и Муотты; к несчастью, дивизия Лекурба, отпущенная Массеной от С.-Готарда к Альторфу, высадилась с частью своих сил у Бруннена; отряд Гавазини был снова отброшен к Гларусу и снова потерял 2 орудия. После этого он оставался в бездействии у Молдаса.

Дивизия Шабрана выступила 28-го из Уннаха на Рапперсвилль, 29-го часть ее направилась в Цюрих, часть по тропе от Рапперсвилля на левый берег. Иеллачич выступил 31-го на Рапперсвилль, а 1 и 2 июня тремя колоннами продвинулся в район между Цюрихским и Грейфенским озерами и восточнее от последнего. Когда он достиг района Витикона, Фел-

ландена и Шварценбаха, он был атакован Массеной с частью дивизии Сульта и отступил до Полликона.

Эрцгерцог направился в этот день с главными силами армии в Клотен.

Раньше чем приступить к описанию первого сражения при Цюрихе, на пороге которого мы находимся, мы должны ознакомиться с тем, что произошло у С.-Готтарда между генералами Гаддиком и Лекурбом.

Генерал Гаддик оттесняет Лекурба от С.-Готтарда

Когда мы покинули корпус, сражавшийся между обоими театрами военных действий в Италии и в Швейцарии на южном склоне Альп, Лекурб находился на С.-Готтарде, Луазон — у Биаско, при впадении Бренино в Тичино, а австрийские полковники Штраух и Роган — у Беллинцолы.

26 мая к последнему прибыл генерал Гаддик. Он имел предписание после ухода Бельгарда образовать соединительный корпус между Суворовым и эрцгерцогом и для сокращения линии соединения взять С.-Готтард. Сначала, повидимому, для этой цели были назначены только 3 бригады: Рогана, Штрауха и Сен-Жульена, последняя из которых, как мы знаем, оставалась в долине Переднего Рейна. Но 28-го к Бельгарду в Комо поступил приказ оставить у С.-Готтарда 10 000 чел. Поэтому он в тот же день отправил от Комо бригады Дебри и Ламарселла, а бригаде Нобили приказал занять в качестве соединительного поста позицию у Фарезе между Лаго-Маджоре и озером Комо.

Таким образом, 27 мая, когда после восьмидневного отдыха на этом участке театра войны начинаются передвижения и бои, имеют место следующий состав и группировка боевых сил.

Луазон со своей бригадой отходит 28-го от Биаско к Дацио в долине Тичино. Лекурб, имея пост на С.-Готтарде, стоит с главными силами своей дивизии у Узернуа, фронтом против Граубюндена. Сюше, направившийся при своем отступлении из долины Рейна вслед за ним, поворачивает обратно и у Валленштетского озера присоединяется к Менауру.

У австрийцев корпус Гаддика должен был состоять из 6 бригад: Сен-Жульена, Рогана, Штрауха, Нобили, Дебри и Ламарселла, силой около 15 000 чел. Но первая из этих бригад стояла в долине Переднего Рейна, а три последние находились у Бельгарда и даже еще не выступали.

Таким образом, Гаддик имел в своем распоряжении только бригады Рогана и Штрауха, которые преследовали генерала Луазона 26-го до Джоринико. 27-го его атаковал Гаддик, сражался с ним целый день и все-таки не мог овладеть Пололо.

В этот день Лекурб получил от Массены приказ подойти ближе к нему и направился к Альторфу, отослав 5 батальонов через С.-Готтард на подкрепление Луазону.

Гаддик, со своей стороны, послал генералу Сен-Жульену приказ продвигаться через Эриспальт в долину Рейсы и атаковать С.-Готтард с этой стороны.

28-го вечером он сам снова атаковал Луазона и вынудил его отступить. Возможно, что отступление было добровольным, и самый бой имел целью лишь задержать противника, так как упорное сопротивление Луазона, главным образом, имело целью обеспечить отход генерала Лекурба в Альторф.

Бой у Чортва моста 29 мая

Луазон 28-го перешел через С.-Готтард и 29-го продолжал свое отступление через Чортов мост. В тот самый момент, когда он достиг моста, к Узерну подошел Сен-Жульен. Главные силы французов уже перешли через мост, и только 600 человек были отрезаны и должны были сдаться.

Эрцгерцог замечает, что генерал Сен-Жульен запоздал; но, может быть, хорошо рассчитанная предосторожность помешала ему появиться раньше получения известия об отходе Лекурба в Альторф.

В то время как Луазон ушел от австрийских колонн, Лекурб, как мы рассказали, с частью своей дивизии перешел через Фирвальдштетское озеро и 28-го в долине Муотты разбил полковника Гавазини.

Генерал Гаддик не дал себе труда перейти через С.-Готтард, что было крайне необходимо, как мы сейчас увидим, а остался 29-го с бригадой Штрауха у Айроло. Он только послал по приказу Суворова принца Рогана в Домо д'Оссоло, чтобы наблюдать Симплон и держать связь со стоящей в Базеле бригадой Нобили.

Таким образом, из прорыва генералом Готце 14 мая французского правого фланга, который, казалось совсем отрезал Лекурба и Луазона от Массены, не последовало никакого затруднения для этого корпуса: Сюше опять спокойно соединился с Массеной, Лекурб отправился своим путем на Фирвальдштетское озеро, а Луазон отступил, хотя и с некоторым трудом, но без значительных потерь. Результат и не мог быть другим, поскольку у Рейнской долины были назначены только 5 батальонов генерала Сен-Жульена, чтобы отрезать от остальной армии эту массу войск, доходившую до 15 000 чел.; вполне естественно, что генерал Сен-Жульен не решался приближаться к Лекурбу и пришел в долину Рейсы не раньше, чем узнал о его уходе; нельзя удивляться и тому, что он не явился вовремя, чтобы отрезать идущего вслед за Лекурбом Луазона.

После занятия С.-Готтарда мы находим корпус генерала Гаддика расположенным следующим образом:

бригада Нобили — у Фарезе,
бригада Рогана — у Домо д'Оссоло,
бригада Штрауха — у Айроло,
бригада Сен-Жульена — в походе вслед за Луазоном в направлении

к Альторфу, наконец,
бригады Ламарселла и Дебри — в походе на Айроло; весь корпус, таким образом, растянулся на пространстве около 20 миль.

Бой у Амштега 31 мая и у Чортова моста 1 июня

Кроме растрачивания сил на такую соединительную позицию, нейтральную 15 000 чел., австрийцы имели и действительные потери. Генерал Сен-Жульен, не рассчитавший возможности быстрого возвращения Лекурба, продвинулся до Амштега в долине Рейсы; Лекурб же, узнав о приближении австрийского генерала, вернулся с частью своих войск на помощь Луазону, атаковал Сен-Жульена 31 мая у Амштега, бился с ним при упорном сопротивлении два дня подряд и с такой силой отбросил его вверх по долине Рейсы через Чортон мост, что этот генерал потерял пленными целых 3 батальона, вынужденных сдаться, и смог спастись с остатками своего корпуса, только кружным обходом к Чортову мосту. Подкрепление из одного батальона, посланное генералом Гаддиком с С.-Готтарда, не могло быть существенной помощью.

В то время как австрийцы, побеждая и терпя поражения, овладели С.-Готтардом, французы собрали свои силы с целью снова занять господствующее положение в Валисской долине, где народное ополчение, как мы сказали, преобразовалось в значительный корпус из 6 000 чел. с 5 орудиями. Генерал Ксантрайль получил приказ организовать из подошедших из Франции войск дивизию в 14 батальонов и 3 кавалерийских полка и с ней сначала рассеять народное ополчение в Валиссе и тотчас после этого выступить на подкрепление армии в Италии. Он вступил со своими войсками через Мартини в долину Роны и отбросил инсургентов до Лейка, где они заняли позицию, в то время как он остался у Зидерса, ожидая прибытия своих последних войск. Когда генерал Ксантрайль вступил в Валисс, как долго он сохранял свою позицию против инсургентов и что при этом происходило — все это обязана нам сообщить французская военная история. К корпусу Ксантрайля присоединилось еще несколько тысяч из района Во (Pays de Vaud), так что его можно считать в 10 000 чел.

27 мая инсургенты пытались атаковать его лагерь под Зидерсом, но были отбиты. 28-го Ксантрайль сам атаковал, разбил их, овладел всей артиллерией и отгнал инсургентов вверх по Роне, частью на Симплон, частью на Фурку; таким образом, эти бедные люди были отданы на произвол противника, обладавшего превосходными силами, тогда как австрийцы спокойно оставались стоять у Айрола и Домо д'Оссола. Едва ли принц Роган поддерживал их при атаке 27-го, во всяком случае известно, что он не оказал значительной помощи; еще менее близко принял к сердцу их положение генерал Гаддик, поскольку 28-го и 29-го он оставался у Айрола.

Двойной успех французов над Сен-Жульеном и в Валиссе заставил Гаддика послать полковника Штрауха в Обервальд, на верховье этой долины; сам же он с подошедшими тем временем бригадами Дебри и Ламарселя остался у Айрола.

Прежде чем мы сплестем нить этих второстепенных и, в сущности, очень незначительных событий в промежуточном корпусе, мы должны

обратиться к главной армии в Швейцарии, чтобы ознакомиться для будущего с ее позднейшим расположением.

Первое сражение при Цюрихе. Отступление Массены за Лиммат

Мы оставили обе главные армии в тот момент, когда Массена отошел на свою укрепленную позицию между Лимматом и Глаттом, а эрцгерцог приблизился к ней.

У Массены был план расположиться со своей армией у Цюриха и там принять решительное сражение. Цюрих действительно имел стратегическое значение. Цюрих был центром дорог, расходящихся радиусами в направлениях на Бери, Базель, Шафгаузен, Констанц, Брегенц, Фельдкирх и малые кантоны. С одной стороны, Цюрихское озеро в 6 миль длиной, с другой — близкое соседство Глатта, Лиммата, Рейсы, Аара и Рейна делают для противника обход этого пункта трудной и сложной операцией; наконец, Цюрих — город с 11 000 жителей, т. е. один из самых крупных городов Швейцарии, несмотря на свою слабую крепость, имел богато снабженный арсенал. Таким образом, полностью сохранить господство над этим городом было немаловажной задачей для французского главнокомандующего.

Массена решил занять позицию не позади Цюриха, а перед ним ввиду следующих важных причин:

- 1) местность там представляла очень выгодную позицию;
- 2) позиция перед Лимматом была еще сильнее, и если бы она оказалась в руках австрийцев, Цюрих был бы блокирован;
- 3) слабость крепостных укреплений вызывала необходимость расположения впереди них, хотя в этом случае позиция оказывалась открытой для штурма и, находясь на виду, могла быть обороняема от многочисленной неприятельской артиллерии только с большими человеческими жертвами;

4) при крайне неблагоприятном состоянии духа швейцарцев было важно избавить Цюрих от бомбардировки; эти настроения обнаруживала победа: после отступления Массены за Лиммат разбежались 10 батальонов швейцарского контингента.

Все эти основания вынудили генерала Массену устроить у Цюриха укрепленный лагерь, чтобы расположенные там главные силы, оставаясь сами недоступными, могли угрожать противнику наступлением, держа его, таким образом, все время «en échec» (под ударом), потому что он, конечно, не был достаточно силен, чтобы окружить противника и уничтожить все его коммуникации.

Мы не указываем здесь, как другие историки, на намерение Массены дожидаться значительных подкреплений, которые должны были подойти к нему из центра: австрийцы находились в таком же положении, как генерал Корсаков был на пути к нему.

Французский главнокомандующий не считал соответственным сосредоточение всех своих сил на этой позиции с единственной целью наблюдения района вниз от позиции до Рейна и еще менее района по западной стороне Цюрихского озера; но, как это обычно случается в войне между противниками с уравновешенными силами, взаимно наблюдающими друг за другом, он повсюду держал соответствующие силы, готовые к обороне.

Он держал сильную дивизию для прикрытия района ниже позиции, расположив ее не позади Лиммата, как можно было предположить с первого взгляда, а между Глаттом и Лимматом, в направлении на Кайерштуль. Очевидно, он выбрал эту позицию для своего левого фланга потому, что она была короче позиции, расположенной за Лимматом и Ааром до Кобленца.

На другой стороне, на западном берегу Цюрихского озера, остался генерал Менар, который, как мы сказали, снова соединился с генералом Сюе.

В каком положении была дивизия Лоржа, под командованием Шабрана, мы не можем точно сказать. Правый фланг французских сил получил, повидимому, другую организацию и с этого момента состоял только из двух дивизий. Вероятно, дивизия Лекурба получила некоторое подкрепление, может быть, также часть дивизии Лоржа была оттащена в центр. Ко времени первого сражения при Цюрихе мы находим Менара командующим на западной стороне Цюрихского озера, позднее на этом месте оказывается Шабран.

В укрепленном лагере находятся только дивизии Удино и Сульта вместе с резервом гренадер.

В настоящем случае мы должны снова довольствоваться одними данными, согласно которым можно предположить следующее: Тарро с 8—10 тыс. чел. стоял ниже позиции, между нею и Рейном, Менар с 5—6 тыс. чел. — за Цюрихским озером, позицию же занимали 20—25 тыс. чел. Все силы вместе первоначально состояли из 6 дивизий: Тарро, Лоржа, Менара, Вандама, Сульта и Удино в 40 000 чел., не считая швейцарских войск, насчитывавших 6—8 тыс. чел.

Позиция, выбранная Массеной, находилась на гребне горной цепи, которая между Лимматом и Глаттом выходила на Рейн. Этот хребет в районе Цюриха имел ширину: у основания 3—4 тыс. шагов, на вершине же по большей части только около 100 шагов; высота его варьировалась от 500 до 600 футов. Он тянется около Цюриха, спускаясь своим западным склоном к самому Лиммату и представляя вследствие этого возможность образовать перед Цюрихом сильный оборонительный линия; восточным склоном он направляется к Глатту, оставляя между этой рекой и своим основанием такое плоское пространство в 1 500 шагов шириной, частью же, как, например, ниже Швамендингена, откуда Глатт направляется к востоку, открытую холмистую местность. Восточный склон, который должен был, таким образом, представлять фронт позиции,

довольно крут и во многих местах совершенно недоступен. Он прорезан многими резко очерченными и иногда покрытыми лесом небольшими долинами; хребет также частью лесистый и недоступный. Подобный склон, естественно, должен являться очень сильным препятствием к доступу на позицию, но действие огня последней не везде могло быть удовлетворительным. Главным преимуществом этого фронта было то обстоятельство, что приближение противника к определенным пунктам переправы через Глатт было вполне доступно для наблюдения, в то время как атакующим было очень трудно сколько-нибудь судить о состоянии позиции и группировке войск.

Укрепленная позиция, расположенная на этом хребте, имела форму эллиптической дуги и лежала на расстоянии около 2 000 шагов от Цюриха и Лиммата. Правый фланг тянулся на 1 000 шагов от городских валов к Цюрихскому озеру, левый — спускался на $\frac{1}{4}$ мили ниже города к селению Хёнг на Лиммате и имел протяжение около $\frac{1}{4}$ мили.

На собственном фронте укрепленного лагеря нужно различать три части: Цюрихская гора, лежащая между Швамендингеном и Цюрихом, представляла правый фланг, гора Випкнигер, между озером Кацен и Цюрихом, являлась левым флангом. Обе представляют собой лесистые вершины в несколько тысяч шагов длиной. Между ними, несколько отступя назад, лежит не такой высокий, в несколько тысяч шагов длиной, открытый и более доступный хребет: таким образом, обе горы являлись как бы бастионами, хребет же — куртиной. Линия позиции, изогнувшаяся назад от Цюрихской горы к озеру, лежала, понятно, на восточном склоне всего хребта и частично имела перед собой командующую местность; гора Випкнигер, напротив, тянулась на 1 000 шагов к Лиммату и до самых своих нижних склонов господствовала над долиной этой реки.

Укрепления, поскольку о них можно судить на основании мало надежного плана, сообщаемого эрцгерцогом Карлом, повидимому, состояли частично из отдельных редутов и флешеобразных верков с интервалами приблизительно в сотню шагов, частично из связанных между собой линий длиной около 1 000 шагов и из широких засек, там где рос лес; только линия в 4 000 шагов, идущая от Цюрихской горы к озеру, имела значительно меньшее число верков: на всем этом протяжении было только 3—4 флеша. Правда, это пространство и не пуждалось в позиции, так как позади него находился неприступный Цюрих, и его нужно рассматривать только как укрепленную линию постов.

Шансы не были еще совсем окончены, хотя над ними работали шесть недель, и это было главной причиной того, почему Массена после сражения оставил позицию.

Главным недостатком позиции, который Массена почувствовал, может быть, слишком поздно, а именно в критический момент сражения 4-го июля, было отсутствие других переправ через Лиммат, кроме цюрихских; вследствие этого, естественно, создавалась угроза отступлению центра и

левого фланга. В Цюрихе было только три моста через Лиммат и одно место переправы на судах.

Массена переезжал на позицию 28 орудий из Цюрихского арсенала, часть же своей артиллерии с обозом, как сообщает эрцгерцог, спас, перебросив за Лиммат. Об этой последней мере с намерением двусмысленно говорит и Жомини. Если эта мера действительно имела место, то, приняв во внимание добровольный уход с позиции, можно предположить, что Массена и не думал более об ее серьезной обороне.

Так были расположены силы французского главнокомандующего, когда эрцгерцог подступил 3 июня к Глатту с намерением дать решительные сражения.

Силы эрцгерцога, которыми командовал он сам и Готце, состояли из 53 батальонов и 67 эскадронов. Первоначально силы обоих состояли из 87 батальонов и 176 эскадронов; 18 батальонов и 64 эскадрона стояли под командованием Старра в Шварцвальде, 5 батальонов и 6 эскадронов — в Граубюндене; остается 59 батальонов и несколько больше 100 эскадронов; следовательно, если катастрофа Ауффеберга не изменила общей численности войск, на правом берегу Рейна должны были остаться еще 6 батальонов и 40 эскадронов. Относительно пехоты названные цифры довольно верны, но из 40 эскадронов выделялись, наверное, и другие части, о которых эрцгерцог забыл упомянуть: Бельгард, повидимому, привел в Италию кавалерии несколько больше, чем он имел первоначально.

Этим 53 батальонам и 67 эскадронам, составившим около 60 000 чел., генерал Массена противопоставил только свой главный корпус вместе с дивизиями Тарро и Менара, в целом 45 000 чел., из которых, по всей вероятности, часть не могла выступить; таким образом, армия эрцгерцога превосходила французскую по меньшей мере на одну треть.

Если позиция Массены из-за ее значительного по сравнению с числом войск протяжения и не могла считаться неприступной, все же она была очень сильна, и атака против нее была, повидимому, предприятием, которое обещало мало успеха и на которое можно было решиться только за отсутствием всякого другого средства. Естественно поэтому, что эрцгерцогу сначала следовало атаковать генерала Тарро и, отогнав его за Лиммат, выжидать дальнейших событий; если противник удержится на позиции, он мог сделать попытку переправы через Лиммат. В случае удачи этого предприятия Массена был бы вынужден или сдать позицию или сражаться с эрцгерцогом вне позиции.

Эрцгерцог, повидимому, не принял во внимание этого естественного хода своей операции. Он считал, что стратегический обход позиции с левой стороны требует значительно большего превосходства сил, чем то, которое он имел; его рассуждения об опасности отступления при обходе левого фланга также относятся, собственно, к тактической предполагаемой атаке лагеря на левом фланге. Эрцгерцог предполагал, что при подобной атаке, повернувшись тылом к Кайзерштулу и совсем не имея

мостов через Рейн, он будет вынужден наступать по крайне тяжелой дороге; поэтому наиболее благоразумной будет атака с фронта.

Справедливость этого рассуждения мы проверим в конце главы, здесь же мы привели его только потому, что оно непосредственно связано с изображаемыми событиями.

Итак, эрцгерцог решил не только атаковать позицию Массены, но и вести со своими главными силами атаку с фронта. Его распоряжения были следующие.

Атака должна вестись 5 колоннами:

1. Иеллачич с 5 батальонами и 3 эскадронами должен действовать вдоль озера против правого фланга неприятельского расположения.
2. Генерал Бей с 4 батальонами и 3 эскадронами — от Витикола на Хирсланден против центра правой фланговой линии.
3. Принц Лотарингский с 4 батальонами и 4 эскадронами от Дюбендорфа.

4. Генерал Готце с 7 батальонами и 12 эскадронами от Шпамендигена до Цюрихской горы, — оба вместе с 11 батальонами и 16 эскадронами должны атаковать правый фланг и главный пункт фронта.

5. Князь Рейс с 10 батальонами и 20 эскадронами должен через Зеебах и Орликон продвигнуться до центра неприятельской позиции.

В качестве резерва были выставлены 8 батальонов и 16 эскадронов у Опфингена на Глатте.

Науендорф с 15 батальонами и 9 эскадронами оставался на Нижнем Глатте для наблюдения за генералом Тарро.

Согласно этой диспозиции 9 батальонов и 6 эскадронов должны были атаковать неприятельский правый фланг, что можно было рассматривать только как диверсию, так как в случае успеха эти войска натолкнулись бы на крепостные верки Цюриха, взять которые мимоходом они не могли.

Атаку на неприятельский правый фланг и центр вели 21 батальон и 36 эскадронов. Эти силы нельзя считать незначительными, но так как неприятельская позиция, против которой они направлялись, имела протяжение 4 000 шагов, атакующие были вынуждены разделиться и растянуться.

Резерв при Опфингене, в полумиле от неприятельской позиции, вернее считать стратегическим, чем тактическим; он совсем не относится к атакующим силам, которые, имея 30 батальонов и 42 эскадрона, насчитывали 33 000 чел. При том же надо отметить, что 6—7 тыс. чел. кавалерии не могли оказать существенной пользы при атаке подобной позиции.

Само собою понятно, что такая атака не могла быть успешной ни в одном пункте; неудивительно и то, что атакующие, даже не достигнув, собственно, позиции, были отброшены уже у подножия горного хребта. Это было нерешительный удар с половинными силами и половинным желанием.

Результат атаки вполне соответствовал ее проведению.

Иеллачич вытеснил французов с их позиции правого фланга под стены Цюриха, был снова отбит, еще раз продвинулся туда и кончил тем, что занял позицию Ридсбаха, в 1500 шагах от крепостных верков.

Генерал Бей продвинулся через Хирсланден к Хоттингену, но должен был снова несколько отступить и расположиться на одной высоте с Иеллачичем.

Принц Лотарингский, который, собственно, должен был продвигнуться через Штенбах по прямому направлению на укрепления Цюрихской горы, полагая, что не сможет пройти по перерезанному и трудному для подъема склону, сделал громадный обход через Феланден, позади второй колонны, направившись затем вправо от Пфаффаузена. Он подошел к Аттисбергу и Топельхофу, т. е. на 1500 шагов от укреплений Цюрихской горы, но был разбит уже у засады перед этими шансами и к 2 часам дня вышел из линии неприятельского огня.

Генералу Готце не удалось овладеть переправой при Швамендингене, поэтому он двинулся через Дюбендорф с величайшим трудом занял селения Штенбах и Швамендинген, лежащие на 2—3 тыс. шагов впереди его собственных позиций. Он сам был при этом ранен и должен был покинуть свой корпус; Петраш, принявший от него командование, не пошел дальше подножия холма.

Князь Рейс направился со своим левым флангом к Орликону, т. е. как и Готце, до подножия главного хребта, его остальные войска заняли (по данным Эргердота) дугообразную позицию с правым флангом у Рюмланга; это селение лежит на Глатте в $\frac{3}{4}$ милях от Орлика. Эта операция носила явно оборонительный характер, вызванный опасением возможности нападения со стороны неприятельского левого фланга, который и без того был под угрозой направленного против него значительно превосходящего корпуса и в случае нападения мог быть отражен стратегическим резервом, стоявшим у Онфингена.

Когда к часу дня австрийская атака приняла приблизительно такую форму, Эргердот еще думал, что она может быть успешной благодаря подкреплению из 5 батальонов, которое он под командованием генерала Валисса притянул из резерва; он приказал этому генералу продвигнуться между частями Готце и принца Лотарингского через Швамендинген и Гигель до Цюрихской горы, а принц Лотарингский получил приказ возобновить атаку на эту гору. Валисс, оставив один батальон у моста под Швамендингеном, с остальными 4 батальонами действительно продвинулся дальше, чем какая-либо другая колонна; он взял засеку и даже одну из неприятельских батарей, но был встречен там такими превосходящими силами и сокрушительным огнем, что был вынужден отступить с большими потерями. Генералы Валисс и Гиллер были при этом ранены. Такое углубление колонны Валисса во французское расположение легко объяснить: она выступила значительно позже других, и противник, не имея возможности оставаться одинаково сильным на всех

пунктах своей растянутой боевой линии, вероятно, держал в этом пункте только слабый заслон. Однако, когда колонна вступила на позицию, движимый под личным командованием Массены резерв гренадер отбросил ее назад.

Новая атака принца Лотарингского была не успешнее первой, и к концу дня он отступил со своими главными силами на высоты Витикона.

О действиях французов мы ничего не знаем. По ходу сражения можно вывести следующее заключение: Сульц командовал на правом фланге, Удино — на левом, Массена держался на Цюрихской горе; французы в этот день сражались по большей части не в своих укреплениях, а у подножия горного хребта, на засеках, причем их отдельные части неоднократно переходили в наступление.

Результат этого дня был следующий: 35 000 чел. (включая силы генерала Валисса) сражались против 25 000 чел.; последние, благодаря выгодным топографическим условиям, под защитой шансов на всех пунктах отразили атаку, и австрийцы потеряли при этом 3—4 тыс. чел. На отдельных пунктах сражение приняло ожесточенный характер, на что указывает значительное число раненых генералов: у французов были ранены Удино и Гумберт, у австрийцев — Готце, Валисс и Гиллер.

Массена мог считать себя победителем, но Эргердот не намеревался отказываться от атаки; используя приобретенный опыт, «он занялся», говорит этот полководец, — сам разведкой позиции, которую нельзя было ни видеть, ни оценить на дальнем расстоянии, и на основании такого ознакомления решил создать новый план атаки».

Мы сознаем, что не понимаем этого рассуждения, которое, может быть, случайно вышло таким непонятным: «Чего бы это ни стоило, противник должен быть вытеснен из-под Цюриха, без которого австрийцы не могли свободно занимать позиции и который вместе с тем прикрывал районы Штокаха, Форарльберга и их связи с Италией».

Эргердот рассчитывал произвести новую атаку внезапно в ночь с 5 на 6 июня. Две колонны отборных войск в 8 батальонов каждая сосредоточились одна у Швамендингена, другая между Орликоном и Зеэбахом. Одновременно Эргердот подтянул свой правый фланг с Нижнего Глатта к центру, заменив его 4 батальонами, выделенными из войск, все еще стоявших на правом берегу Рейна. Эти войска выступили в 2 часа. Эргердот запретил заряжать ружья. Это была попытка опередить противника, и Эргердот возлагал большие надежды на выгоду, которую ему может дать эта необычайная и, наверное, неожиданная мера; особенно он рассчитывал на то, что в связи с характером боя 4-го сильнеешие пункты позиции будут более всего ослаблены.

Но в то время как австрийский главнокомандующий приступил к исполнению своего нового плана, в ту же ночь с 5 на 6 июня — французский очистил свою позицию и, оставив 28 цюрихских орудий на произвол судьбы, отступил со своей армией за Лимат. Город Цюрих был 6-го в полдень по договору очищен и 150 орудий были переданы австрийцам.

Это отступление Массены было действительно слишком неожиданным. В течение многих месяцев он вел работы на укрепление лагеря, было построено от 30 до 40 шанцев, сделаны засеки от 1000 до 1500 шагов шириной; сюда он привез 28 орудий из Цюриха; на этой позиции он принял бой; за исключением единственного пункта, противник даже не дошел до главной позиции, а на этом единственном пункте был отброшен с большими потерями. И все же без всякой определенной причины французский главнокомандующий отступал, бросив на произвол судьбы свою позицию, свои шанцы, свою артиллерию, свою победу и город Цюрих. Это внезапное следствие привлекло внимание критики.

Жоиньи мотивирует отступление тремя причинами: незавершенным состоянием укреплений, опасностью отступления в случае потери отдельных пунктов, так как все переправы были в Цюрихе, и, наконец, второстепенной важности позиции под Цюрихом, представлявшей собой только предместное укрепление.

Эти три основания вызывают вопрос, почему генерал Массена организовал эту позицию, если она была так маловажна в стратегическом отношении, и почему он принял на ней бой, если она была мало устойчива? Это замечание указывает только на то, что отступление не может быть достаточно убедительно мотивировано названными причинами и что военная история, собственно, не вскрыла причин этого в высшей степени неожиданного шага, о котором неоднократно встречаются сообщения в «Moniteur». Так как в дальнейшем речь уже не заходит о каких-либо иных основаниях, мы можем искать их только в ходе боя. Хотя бой был совершенно благоприятен для французов и полный успех 4-го, как бы ни подвергался он поверхностной критике, был такого рода, что для французов не могло даже возникнуть сомнительного положения, — все же уже 4 июня Массена должен был почувствовать, что растянута позиция — это существенно слабая сторона. Он должен был, конечно, знать, что Эрцгерцог атаковал его не со всеми силами; когда этот полководец остался 5-го на своей позиции, до некоторой степени «с поднятой ногой» для дальнейшего продвижения, Массена мог почувствовать опасение, что Эрцгерцог намеревается больше сконцентрировать свои силы и атаковать его со всей армией; а такой сконцентрированной атаке он не мог противостоять. Повидимому, причиной отступления Массены было то, что Эрцгерцог продолжал оставаться 5-го на своей наступательной позиции.

Какие обстоятельства в ходе боя, который представляется нам вполне удавшимся, могли показаться опасными французскому главнокомандующему, остается до настоящего момента неразрешенной задачей. Но этот уход из совсем нетронутой позиции, существенные составные части которой даже не притупили к действию, вынуждают нас сказать: или позиция с самого начала нигде не годилась или она могла быть достаточно удовлетворительной и для 6 июня.

Непосредственным следствием этого шага Массены по отношению к Швейцарии были: переезд правительства из Люцерна в Цюрих и пого-

ловное дезертирство всего швейцарского контингента, находившегося в армии Массены.

Массена с своей армией занял позицию на части горной цепи Альбис, которая тянется за Лимматом и носит название горы Ютия.

Эрцгерцог направил свою армию на высоты между Лимматом и Глаттом, выслал небольшой авангард от Цюриха через р. Зиль, овладел Цюрихом с 5 батальонами и устроил главную квартиру в Кютене.

Главная квартира Массены находилась в Бремагартене на Рейсе. Генерал Тарро отступил за Аар.

Отозвание Гаддика в Италию

Мы покинули на С.-Готарде генерала Ксантрайя, продвигающегося к истокам Роны, генерал Лекурба, преследуемого Сен-Жульена, и Гаддика, стоящего в долине Рейсы. Оба французских генерала стремились, повидимому, к соединению на С.-Готарде; но частичное разрушение Чортова моста на пути Лекурба и выступление бригады Штрауха против Ксантрайя у Обервальда вынудили обоих остановиться; это тем более понятно, если принять во внимание, что у истоков Рейсы, Роны и Тичино находился Гаддик с армией в 10—12 тыс. чел. Несмотря на это, они, может быть, не замедлили бы с совместным наступлением на С.-Готард, если бы наступление Эрцгерцога на Цюрих не вынудило генерала Массену снова оттянуть свой правый фланг к Альторфу и Фирвальдштетскому озеру.

Ни в одном военном труде нет сведения о времени прибытия генерала Лекурба с войсками, действовавшими против Сен-Жульена, в тот пункт, где он находился со всей своей дивизией в первые восемь дней июня. Очевидно, его продвижение до Фирвальдштетского озера являлось полумерой, так как он не мог принять участия в решительном сражении при Цюрихе. Пока Лекурб оставался праздным, Гаддик имел возможность атаковать Ксантрайя с значительно превосходными силами и овладеть всем Валисом.

Однако, этого не случилось; приказы и контрприказы со стороны австрийцев приводили к достойной порицания нейтрализации сил. Повидимому, до 9 июня генерал Гаддик оставался в бездействии у Айроло. В этот день он с бригадами Дебри и Ламарселля, силой в 9 батальонов, направился через С.-Готард в Обервальд, бригады Рогана и Нобили он приказал продвигнуться одновременно на Симплон. Ксантрайль отступил на Бритг и Натерс. 13 июня обе бригады достигли Симплона, а Гаддик продвинулся до Монстера. Повидимому, наступил момент, когда Ксантрайль должен был оказаться вынужденным совершенно очистить Валис. Но венский двор, имея в виду путем большого превосходства сил при дать действительно решительный характер завоеванию Суворова в Италии, решил присоединить к нему генерала Гаддика. Последний получил 13-го приказ от Суворова, согласно которому он должен был личному требованию императора, произведя замену своих войск войсками Готце,

выслать их по-зелоно спешным маршем к Александрии. Этот приказ Суворова был следствием приближения Маконадальда и опасения, что его собственные силы недостаточны для сопротивления совместным действиям обоих французских генералов. Генерал Гаддик, однако, мог и должен был продолжать атаку на Ксантрайля, так как последний очень скоро уступил бы ему господство над дорогой через Симплон: в случае счастливого исхода атаки Гаддик имел бы возможность избрать для похода в Италию кратчайшую дорогу. В этом случае, очевидно, было много общего с выступлением генерала Бельгарда из Граубюндена, только при продолжении атаки Гаддика все было проще и определеннее; с другой стороны, поход в первый раз был поставлен в зависимость от замены одних войск другими. Если обыкновенная осторожность давала достаточные основания для решения генерала Бельгарда, то генерал Гаддик ничем не может оправдать прекращения наступления. Однако, этот генерал поступил так, как поступают в подобные моменты люди, имеющие обыкновение действовать не по собственному побуждению, а по приказу и из страха перед ответственностью: он использовал полученный приказ как предлог для отказа от плана атаки. Так как к этому времени на С.-Готард вступил отряд генерала Бейя, высланный генералом Иеллачичем для подкрепления Сен-Жульена, генерал Гаддик передал пост у Чортова моста Бейю, заставил продвигнуться несколько вперед войска полковника Штрауха в виде демонстрации для прикрытия своего отступления от позиции Ксантрайля и приступил к сосредоточению своих отдельных войск у Айроло с целью приготовления к походу. Прежде чем он начал эти приготовления, было получено письмо эрцгерцога, утверждавшего, что о замене его войск войсками Готце не может быть и речи и что его выступление из Валиссы приведет к невыгодным последствиям. Оба заявления указывают на чрезмерную близость эрцгерцога и на преувеличенное значение, которое он придавал (несмотря на позднейшие утверждения) обладанию высоколежащими районами. Тотчас вслед за письмом эрцгерцога поступил вторичный двойной приказ от Суворова и Меласа, требующий ускорения похода. Гаддик немедленно выступил (15 июня), оставив в долине Валиссы полковника Штрауха, и 17-го был в Белинцоне, когда получил контрприказ, требовавший продолжения его операций в Валиссе.

Можно было предположить, что генерал Гаддик немедленно вернется в долину Роны; но он, повидимому, не считал позднейший приказ Суворова достаточным для отмены прежнего приказа от Меласа: поэтому, посыл запрос своему прежнему начальнику генералу Бельгарду, к которому он должен был присоединиться, он остался пока у Белинцоне. 23-го он получил от начальника генерального штаба Итальянской армии генерала Шателера распоряжение, снова противоречащее последнему приказу: ему предписывалось спешным маршем отправиться к Александрии. Этот новый приказ, отправленный, очевидно, после сражения на Треббине, снова указывает на стремление командующих Итальянской ар-

мией к так называемому превосходству над французами, а также на то, что даже после блестящей победы над одним из главнокомандующих они не считали себя равными французам.

24-го Гаддик отправился в поход через Милан. В этом городе он нашел приказ ускорить поход своих войск, самому же вернуться в Валиссе. Но и этот приказ был снова изменен, так как эрцгерцог наотрез отказался растянуть свои войска к югу настолько, чтобы занять пост Гаддика, а части генерала Бейя тянулись только до Чортова моста. Суворов решил назначить корпус Гаддика для наблюдения за генералом Ксантрайлем. Таким образом, Штраух остался в долине Роны, принц Роган занял Симплон, а Гаддик расположил свой корпус у Аосты для наблюдения за обоими перевалами Сен-Бернара.

Так прошли три недели июня, в течение которых корпус Гаддика в 12 000 чел., стоящий против неприятельских войск, силою около 8 000 чел., из-за нерешительных и противоречивых приказов был обречен на бездельность, тогда как его считали в высшей степени необходимым в Италии.

Между тем Массена, как мы сказали, считал необходимым ближе подтянуть свой правый фланг и, отказавшись временно от С.-Готарда, удовольствоваться позицией между озерами.

8 июня Лекурб покинул Альфорт и Шниц; главный корпус направился из Альфорта водным путем в Люцерн, отряд из Шница — в Арт на Цугском озере.

Эрцгерцог предвидел, что расположившиеся 6 июня по обеим сторонам озера армии останутся там на некоторое время и будут вести наблюдение; при подобных обстоятельствах он считал недостаточным сильным своей левый фланг, который должен был поддерживать связь со стоящим в 18 милях Гаддиком. Этот левый фланг состоял из 5 батальонов и 1 эскадрона под командованием Гавазини и из 5 батальонов и 6 эскадронов, стоявших в долине Рейна. Эти последние частично усилили войска Гавазини, частично — Сен-Жульена; однако, Гавазини, как мы сообщали, понес в своем столкновении с Лекурбом значительные потери. Таким образом, оставалось только около 5—6 тыс. чел., из которых несколько батальонов были, наверное, оставлены в верхней части долины Переднего Рейна. Поэтому через 2 дня после сражения, 6 июня, эрцгерцог послал генерала Иеллачича с 9 батальонами и несколькими эскадронами в Уннах на соединение с Гавазини, благодаря чему корпус Иеллачича возрос до 12 000 чел. Укрепляя свой левый фланг, эрцгерцог имел намерение воспользоваться им совместно с корпусом Гаддика для дальнейшего оттеснения французского правого фланга. Этому последнему намерению помешал уход Гаддика.

Генерал Иеллачич послал из Уннаха 4½ батальона и 1 эскадрон под командованием генерала Бейя в долину Переднего Рейна с целью продвижения до долины Рейсы и оказания поддержки Сен-Жульену, которого, как он думал, крайне теснил Лекурб. Но мы видели, что на это

уже не было времени и что эти части послужили для замены постов геррера Гаддика на Чортовом мосту. Сам Меллачич с 6 батальонами и 6 эскадронами продвинулся 12 июня на правом берегу Цюрихского озера до Раппершвиля и выслал 3 батальона через долины Клена и Муотты в Швид для смены находящихся там постов; у Шинделлеги и Эйнзидельна были расположены посты связи.

Французы под командованием Лекурба стояли на обоих берегах Фирвальдштетского озера, от Зариского до Тунского озера. Главная квартира Лекурба находилась в Люцерне.

Другая дивизия, которой командовал до сих пор Менар, находилась под командованием Шабрана, причем неизвестно, куда девался Менар. Французские расположения 12 июня, с правым флагом у Заттеля, тянулись отсюда по линии Ротентурм — Верхняя Рона — горный хребт — через р. Зиле до Рихтершвиля на Цюрихском озере.

Таким образом, мы оставляем французскую армию силою в 40 000 чел. на кордонообразной позиции в 15 миль длиной, простирающейся от Зариского озера до Рейна. Против них на таких же разбросанных позициях располагалась австрийская армия силою около 55 000 чел.

Выводы

Австрийцы

Большую часть наших рассуждений мы были вынуждены включить в изложение событий, так как отчасти они были необходимы для мотивировки отдельных действий, отчасти же были вызваны естественным ходом рассказа. В настоящий момент нас занимают три вопроса, о которых мы должны высказать свое мнение: именно, вопрос о необходимости похода с целью завоевания Швейцарии, наступление генералов Готте и Бельгарда на Граубюнден и наступление эрцгерцога на Массену под Цюрихом.

Мы не намереваемся повторить порицания австрийцам за их трусость и отсутствие духа предпринимчивости, а хотим дать представление читателю о том, какое место занимало, собственно, завоевание Швейцарии в стратегических соотношениях этой войны. Ранее мы доказали, что Верхняя Италия и Швейцария представляли собой естественный объект для нападения и что если одна из них должна была подвергнуться нападению раньше, то выбор должен был пасть на Швейцарию, не потому, конечно, что овладение Ломбардией представляло меньшую важность, но единственно потому, что эта форма наступления обещала больший общий успех. Так как австрийцы имели возможность собрать силы, достаточные для завоевания обеих стран, то не было оснований для вопроса о том, какое из завоеваний представляло большее значение. Война на немецком театре военных действий велась без волевого напряжения и подъема, вследствие чего, завоевав Италию, австрийцы не смогли овладеть Швейцарией. Приспособившись к совершившемуся факту, австрий-

ское правительство стало отдавать решительное предпочтение Верхней Италии. Поэтому оно выслало туда четверть боевых сил с немецкого театра войны под командованием Бельгарда.

Это предпочтение было, бесспорно, вполне обосновано; собственно овладение Швейцарией не было основной целью ведения войны. Австрийцы ни в коем случае не могли рассчитывать сделать ее австрийской провинцией, сами французы имели намерение только косвенного господства в ней. Ломбардия, напротив, была старой австрийской провинцией, а французы сделали из нее отдельное государство, которое могли пока считать собственной территорией. Здесь, собственно, была почва для политической компенсации. Область же, в которой в политическом конфликте можно начать непосредственные действия, представляет и в стратегическом отношении большую ценность. Затем от завоевания Верхней Италии зависело падение Нижней, и, наконец, равнины Верхней Италии сами по себе — по величине и плотности населения — имели большее значение, чем Швейцария.

Поэтому австрийское правительство, поставленное перед необходимостью оставить в руках французов одну из стран, бывших объектом похода, поступило вполне правильно, предоставив этот жребий на долю Швейцарии.

Однако, признав это, мы все-таки должны сказать, что австрийское правительство из-за Италии упустило из виду значение, которое все же имела Швейцария.

Покорение Швейцарии было не только первым, но и самым дорогим из французских мероприятий, вызвавших вооруженное сопротивление. С итальянскими государствами Франция и раньше находилась более или менее в состоянии войны, Швейцария же всегда соблюдала строжайший нейтралитет; итальянские государства каждый раз втягивались в прежние войны, Швейцария же целые столетия оставалась чуждой всем европейским событиям; поэтому, чтобы решиться на вторжение в Швейцарию, понадобилось во всяком случае значительно большее высокомерие и более решительное пренебрежение всеми старыми отношениями, чем для завоевания итальянских государств. В этом смысле Швейцария для Австрии и других европейских держав была настоящим политическим «пунктом чести», который благодаря сопротивлению швейцарского народа французской реформе приобрел большее значение.

По этим основаниям без завоевания Швейцарии никак нельзя было считать цель войны достигнутой.

Результат похода без завоевания Швейцарии также кажется лишь наполовину удовлетворительным. На многолетнее содействие такой державы, как Россия, нельзя было рассчитывать. Большая удаленность театра военных действий от ее границ, вызывающая громадные издержки, косвенный характер ее участия в общем предприятии, наконец, странность русского монарха должны были внушать австрийскому правительству постоянные опасения за прочность союза и сознание необходимо-

сти добиться в течение первого похода такого положения, которое или непосредственно привело бы к миру или, по крайней мере, создало предпосылки для него в результате второго похода. Одно завоевание Италии еще не приводило к такому положению. Угроза для Австрии со стороны французских военных сил на Рейне была значительней, чем угроза для Франции со стороны австрийских сил у подножия Котских Альп; таким образом, насколько Италия была прекрасным залогом мира, настолько мало она была пригодна для того, чтобы вызвать опасения французского правительства. Швейцария, напротив, при ее ничтожном значении в качестве залогом мира, представляла большую важность как плацдарм для наступления: обладание ею давало возможность австрийцам угрожать вторжением в центр Франции, не оставляя у Рейнских крепостей две трети своей армии*. Если союзники в течение похода действительно доказали, что они бесцельны завоевать Швейцарию, то на самом деле совершенно непонятно, почему французское правительство в 1800 г. должно было особенно тревожиться.

Такого рода соображения могли бы побудить австрийское правительство и главнокомандующих с меньшим безразличием относиться к Швейцарии.

Мы коснемся здесь и другого пункта, который не затрагивает непосредственно вопроса о Швейцарии, а относится к необходимости достаточной энергии вообще. Когда войну ведет одно государство, оно может для собственного удовольствия растрачивать время и силы, не рискуя, по крайней мере, двойным убытком. Но при союзной войне исключительная бездеятельность одной из сторон подает повод и другой или к тому же поведению, или к возмущению и скорому разрыву союза. В данном случае произошло последнее. Австрийцы сами не могут этого отрицать, и эрцгерцог чистосердечно сознается, что сидел, сложа руки, в момент необходимости и возможности действий; австрийское правительство могло себе сказать, что русские в этом им не потворствовали. Если бы австрийские советы и главнокомандующие имели это в виду, стратегическая совесть помешала бы им, имел превосходные боевые силы, бродить вокруг Рейна и Боденского озера, напоминая чөлөкө, который вследствие внутренней пустоты не знает, как убить время.

В заключение похода, когда мы имеем перед глазами все отдельные акты горной обороны и проведенных атак, мы считаем необходимым сделать естественно напрашивающиеся выводы как для выявления своеобразных приемов каждой из обеих армий, так и ввиду их общего теоретического интереса.

* Мы несколько не придерживаемся мнения, что поход великой союзной армии в 1814 г. через Швейцарию имел разумные основания. В то время речь шла не о вторжении, а о завоевании Франции, и армии находились не на границах Швейцарии, а у Майнца; противник же с разбитым мечом спасался бегством во Францию, и нужно было только выбить у него из рук обломок меча, раньше чем он опят отточит острие.

Относительно наступления генералов Бельгарда и Готце на Граубюнден в конце апреля и середине мая мы должны сказать, что единственно оно имело общее стратегическое значение.

Намерение одновременно атаковать долины Инна и Рейна во всяком случае вполне естественно, так как обе расположены параллельно и рядом и через Преттигау соединены одна с другой в районе расположения главных постов, именно: С.-Луишентейга и позиции под Ремосом. Однако, нельзя утверждать, что наступление и в одной из этих долин совершенно не имело смысла; в подобных высоких горных районах не возникает настоятельной необходимости в прямолинейном фронте стратегического расположения, так как фланговые операции не могут происходить настолько быстро и неожиданно, чтобы не представлялась возможность защиты от нападения с тыла, как это неоднократно доказывал пример французов. Вышесказанное достаточно доказывает и результатом наступления, предпринятого в конце апреля: в долине Рейна оно не удалось совершенно, не говоря уже о том, что оно воспрепятствовало Бельгарду вытеснить Лекурба из долины Инна.

Взаимные переговоры обоих генералов, длившиеся сначала месяц, а затем еще две недели и отсрочившие на такое долгое время наступательные операции, мы можем приписать только ложному взгляду на положение и отсутствию решительности. Главным образом, этот упрек падает на генерала Бельгарда, который, имея почти такие же силы, как Готце, не был поставлен в необходимость, подобно последнему, держать длинную линию расположения, находившуюся под угрозой главных сил противника. В этом случае, как и в тысяче других, мы видим доказательство тому, какое громадное содействие могут оказать в военном акте добрая воля, честолобие и дух предприимчивости подчиненных командующих и как ошибочно представление, что все исходит «сверху». В горных районах эти качества подчиненных начальников еще более необходимы, чем в равнинах, так как их положение там по необходимости более самостоятельное. Австрийским командующим, в особенности генералу Бельгарду, в такой же степени нехватало этих качеств, в какой ими отличались французские дивизионные генералы Лекурб и Дессоль, и это обстоятельство является одной из серьезных причин, почему поход австрийцев в Германию, несмотря на их большое превосходство, не имел благоприятного результата.

Когда, наконец, оба генерала двинулись в наступление, предпринятое 14 мая с 35—36 тыс. чел. с целью вытеснения около 10 000 чел. из долины Рейна, они все же не отважились осуществить план разгрома этого слабого корпуса. Корпусу Бельгарда следовало сначала двинуться в долину Заднего Рейна и затем, в то время как Готце продвигается в Преттигау и к С.-Луишентейгу, пройти в долину Переднего Рейна, отдельным отрядом овладеть Кункельским перевалом и уже тогда продвигаться вниз по Рейну и р. Тамина на Майенфельд, что давало возможность отрезать отступление всему правому флангу и войскам, стояв-

шив в Преттигау. Вместо этого Бельгард перешел 15 мая (т. е. на день позже) через Альбулу и не отказался идти дальше долины Заднего Рейна. Конечно, по условиям времени и места не было недостатка в тысяче малых причин поступить именно так, однако, можно, не принимая их во внимание, позволить себе высказать сильнейшее порицание этой трусости и половинчатости Бельгарда, не мотивированным никакой реальной опасностью.

Наконец, в наступлении эрцгерцога на главные силы Массены мы должны отметить два момента: наступление эрцгерцога и атаку укрепленной позиции.

Силы эрцгерцога и Готце, вместе взятые, составляли около 70 000 чел. Из французских войск Массена мог фактически выставить против них около 40 000 чел.; но он мог еще подтянуть большую часть войск, стоявших у Базеля, и тогда его силы составили бы около 50 000 чел., а включая швейцарцев — около 60 000 чел.; кроме того, было неизвестно, насколько приближались генерал Лекурб, который в момент перехода эрцгерцога через Рейн снова выступил от Тремы на С.-Готтард; если прибавить силы этого генерала в 8 000 чел., то войска Массены также составят около 70 000 чел. Естественно, что эрцгерцог, перейдя через Рейн и имея перед глазами всю величину этой войсковой массы, должен был себе сказать, что как бы они ни были распределены, они существуют и что нельзя с полной уверенностью считать какую-либо часть нейтрализованной. Поэтому, если австрийцы как атакующие и могут надеяться на перевес в решительном пункте, тем не менее, они не могут рассчитывать на такое превосходство, которое намерен обещало бы решительный успех и, следовательно, давало бы возможность пренебрегать всеми остальными пунктами. Поскольку же нет полной уверенности в успехе, сосредоточение всех сил создаст опасное положение, и такой осторожный полководец, как эрцгерцог, не был человеком, способным поступить таким образом. Вследствие этого были оставлены сзади, с одной стороны, для прикрытия Фельдкирха и С.-Лудвигштайта и для наблюдения французского правого фланга один корпус (6—8 тыс. чел.), с другой стороны, для наблюдения французских сил у Базеля и для прикрытия тыла между Базелем и Шафгаузен — другой корпус такой же численности. Таким образом, атака могла быть предпринята уже не с 70 000 чел., а с силами около 56 000 чел., и не было даже достоверно известно, равны ли силы и не придется ли австрийцам иметь дело с превосходными силами французов.

При подобных обстоятельствах для осторожного полководца не могло быть и речи о том, чтобы австрийцы использовали охватывающее положение, которое, однако, могло оказаться пригодным: при решительном наступлении отдельных колонн оно давало возможность действовать всеми силами и давало выигрыш одной стороне в том, что могло быть потеряно другой. Разделенными колоннами командовали эрцгерцог и Готце, первый с силами около 38 000 чел., второй — 18 000 чел.;

первый базируется на Шафгаузен и Штейн, второй — на район между Рейнеком и Фельдкирхом.

Если бы они захотели выбрать самое естественное направление, то силы Готце направлялись бы через Лихтенштейн, а силы эрцгерцога — через Андельфинген на Цюрих. Но в этом случае Готце подвергся бы опасности быть атакованным и разбитым превосходящими силами; эрцгерцог, со своей стороны, не был уверен, что сможет возместить его потери, так как в укрепленном лагере он мог встретить сопротивление, примерно, 20 000 чел., которых он не мог разбить, раньше чем подойдет Массена.

Чтобы как можно скорее лишить противника возможности действий во внутренних линиях, было важно как можно раньше, т. е. около Тура, соединиться с Готце.

Это соединение в виду противника и через Боденское озеро при крайне ограниченной линии отступления во всяком случае представляло известную трудность и являлось одной из тех задач, которые мы часто встречаем в военной истории и которыми крайне гордился старая стратегия, хотя вся задача бывает обыкновенно вызвана, как в фигуре танца, только беспомощным разъединением. В данном случае этого не было, так как соединение эрцгерцога с Готце севернее Боденского озера было бы сопряжено с потерей времени, и если бы оно было проведено полностью, Граубюнден оказался бы совершенно незащищенным.

21-го оба австрийских главнокомандующих предполагали назначить демонстративную переправу, так как в этот день Наундорф переправился с авангардом эрцгерцога, т. е. с большей частью своего корпуса, у Штейна и с одним отрядом — у Констанца, но Готце дал знать, что его мост не совсем готов. 20-го французы покинули Рейн; таким образом, условие, заключенное с Готце, могло привести не к простому маршу на соединение, а к вынужденной переправе в виду неприятельской линии кордонов; так и случилось, потому что австрийцы предполагали, что дальнейшие продвижения, сопровождаемые более или менее значительными боями, будут происходить короткими переходами. Французы отступили за р. Тур; австрийцы занимали только район до Тура, на противоположной же стороне этой реки представлялась возможность столкновения с неприятельскими главными силами, т. е. с 40 000 чел. Тур протекает от Штейна на расстоянии всего лишь около мили, тогда как Мейннген отстоит от этого пункта на 9 миль. Соединение на этом узком четырехугольнике представляло тем большую трудность, что главная армия не могла встретить генерала Готце на подорожье — в этом случае оставался незащищенным их собственный пункт переправы, рассчитывать же на опасную переправу под Констанцем было невозможно. Таким образом, если бы французский главнокомандующий сделал все необходимое для сосредоточения за р. Тур 32 000 чел., стоявших между Боденским озером и Аром (что по справедливости могло произойти 22-го), если бы он оставил против Готце только легкую цепь войск и

притянул к своей армии главные силы дивизии Лоржа, он мог бы 23-го выступить против эрцгерцога с силами в 40 000 чел. (включая швейцарцев); в этот день Готце должен был продвигнуться в район Бишофсцелля, что удаляло его от эрцгерцога на расстояние еще одного перехода. Это предположение указывает на то, что эрцгерцог, сделав переправу и продвинувшись до Тура 21-го, в течение трех дней — 22-го, 23-го и 24-го — подвергался бы опасности быть вынужденным сражаться без Готце. С другой стороны, он не должен был слишком запаздывать с переправой, которая могла удерживать главные силы противника и препятствовать его нападению на Готце. Это обстоятельство вынудило эрцгерцога переправить свой сильный авангард 21-го и продвинуть его до Тура 22-го, цепь форпостов продвинуть за Тур, с остальными же своими войсками произвести переправу только 23-го.

Готце, который 23-го мог бы по справедливости быть в Бишофсцелле, оставался весь день 24-го в С.-Галлене, вследствие чего соединение откладывалось еще на несколько дней. Эрцгерцог бесспорно не был в этом виноват, и его нельзя порицать за то, что он не перешел Тур до 25-го. Нельзя только понять, почему он не продвинулся с остатками своих войск до Тура и почему вместо того, чтобы выставить разлитые цепи форпостов, что привело к потере 25-го, он не предпочел овладеть пунктами под Андельфингеном и Фрауенфельдом и ускорить решительным приказом марш генерала Готце. Фрауенфельд он должен был считать как бы своей левой рукой, которую он протягивал навстречу генералу Готце для соединения, и так как Фрауенфельд отстоит от Андельфингена только на 2 мили, обе массы войск могли участвовать в одном решительном сражении.

В общем нужно сказать, что оба австрийских главнокомандующих не вполне разрешили задачу соединения на глазах у противника и не их заслуга в том, что противник до этого соединения не получил решительного преимущества над ними.

С 26-го, когда французы отступили до Винтертура, до 4 июня, для сражения при Цюрихе, проходит 9 дней, в течение которых не происходит никаких событий, кроме отнесения эрцгерцогом французов за Глатт на укрепленную позицию, что вполне можно было выполнить в два дня. Таким образом, эрцгерцог предоставил своему противнику целую неделю для укрепления обоих флангов и для усовершенствования укреплений позиции. Если намерением эрцгерцога было наступление, то каждый потерянный день был для него крайне невыгодным. Правда, мы совершенно не знаем, усилился ли действительно за это время генерал Массена, но эрцгерцог со своей точки зрения во всяком случае должен был это предположить.

Мотивы, указанные эрцгерцогом для принятия решения атаковать укрепленную позицию, мы никоим образом не считаем достаточными.

Генерал Массена занимает позицию между Лимматом и Глаттом, от Цюриха до Рейна, на пространстве длиной около 3 миль; продолжением

этого расположения является правый фланг с $\frac{1}{2}$ французских сил, занимающий укрепленную, очень сильную позицию в $\frac{1}{2}$ мили длиной; остальные силы располагаются цепью постов около 2 миль длиной и, имея в тылу Лиммат и Аар, визд до Рейна располагают только немногими мостами. Что легче было, вследствие этого, атаковать? Позицию или линию постов? Во всяком случае, если бы эрцгерцог имел намерение с большей частью своих сил направиться против генерала Тарро, при отступлении он оказался бы в затруднительном положении из-за отсутствия моста у Эглинау; но, во-первых, устройство моста под Эглинау не могло представлять большой трудности; во-вторых, не было и речи о том, что эрцгерцог с большей частью своих сил должен действовать против Тарро. Из 56 000 чел., сосредоточенных 27 мая, вместо бесполезного направления генерала Исхлячича на Пфеффикон, эрцгерцог с 30 000 чел. мог остаться у Клотена для прикрытия главного пути связи на Андельфинген, послал 26 000 чел. для вытеснения генерала Тарро за Лиммат. Тогда этот корпус не был бы удален от него на несколько миль и не возникло бы опасности, что во время действий этого корпуса против Тарро эрцгерцог, вынужденный генералом Массена к отступлению, оставил бы его до некоторой степени на произвол судьбы.

Если бы отступление генерала Тарро за Лиммат и Аар не вынудило генерала Массену очистить позицию под Цюрихом, то устройство моста было бы лучшей подготовкой к наступлению на основную позицию, если эрцгерцог намеревался его сделать. Но и в этом случае мы не считаем необходимой атаку собственно позиции, а предпочли бы на месте эрцгерцога устроить несколько постов между Эглинау и Кайзерштулем и продолжать натиск на правом фланге противника против Лиммата, чтобы заставить его покинуть свою укрепленную позицию. Если бы это не удалось и вызвало бы мало-помалу опасное положение, нужно было начать атаку главной позиции. Отступление Массены 6-го указывает на то, что он не придавал особенного значения удержанию этой позиции, следовательно, и в атаке ее не было необходимости.

Операция имела бы совсем иной исход, если бы эрцгерцог, твердо решившись на атаку позиции, которую он считал в основном слабой и неготовой, с крайне незначительным числом войск для ее обороны, не оставил противнику времени для лучшей подготовки: он мог бы одержать большую и блестящую победу, которую обычно можно одержать только над большими массами. Однако, если бы эти мотивы действительно существовали, эрцгерцог их привел бы и, кроме того, не потерял бы 8 дней. Вместо этого он изображает атаку позиции только как неизбежное зло.

Если, тем не менее, мы видим, что решение эрцгерцога увенчалось успехом, так как вследствие хода сражения 4-го генерал Массена счел необходимым 6-го покинуть позицию, то подобный результат мы можем приписать взаимному влиянию двух событий.

Французам

Мы видели, что согласно операционному плану армии Массены было предписано продвижение вперед, к северу от Швейцарии; сражение при Штокке сразу остановило это движение, и мы должны рассматривать взаимную связь и развитие событий, начиная с этого момента.

Вследствие этого движения Дессоль прибыл в долину Мюнстера. Лекурб — в Энгадин, Менар — в долину Переднего Рейна и в Преттигау. Вся французская позиция представляла собой связанную линию, тянувшуюся от Рейска до Рейна до Майенфельда, затем вдоль р. Ландкварт в долину Инна и через долину Мюнстера до Эча; таким образом, правый фланг прикрывал вход в долину Адды через Вормский проход и установил до некоторой степени связь с Итальянской армией через Вальтеллину. В эту линию входили позиции при Тауферсе и Ремюсе и С.-Луденштейн как главный пункт; так как подобная растянутасть имела место вследствие прежних распоряжений, Массена, понятно, тоже ее сохранил и не отказался (как того хотел эрцгерцог) от позиций под Трауферсом и Ремюсом вместе с половиной Граубюндена, чтобы расположиться со своим правым флангом между Майенфельдом, Куром и Ленцем. Мы не хотим сказать, что позиции Дессоля и Лекурба не были чрезвычайно смелы, так как второе сильнейший Бельгард мог буквально «поймать» обоих генералов; мы только находим, что пребывание на позициях было не опаснее продвижения вперед, что французы, считающие необходимым позволить себе последнее, не могли слишком задумываться над первым и что намерение таким путем сохранить с Итальянской армией род прямой связи слишком соответствовало их обычным планам, чтобы нас удивлять.

Первой операцией Бельгарда было вытеснение в начале апреля генерала Дессоля из долины Мюнстера; вследствие этого позиция Массены была укорочена (она тянулась теперь только до Ремюса), но не усилена, так как корпус Дессоля не остался у Лекурба, а ушел в Вальтелину, чтобы послужить как бы корпусом связи с Итальянской армией. Таким образом, получился вынужденный назад правый фланг, вследствие чего позиция Лекурба оказалась в крайне опасном положении; если бы поведение Бельгарда не было таким нерешительным, Лекурб мог бы совершенно погибнуть.

В продолжение 4 недель, именно до начала мая, французы оставались в этом положении, хотя французская армия в Италии уже проиграла сражения на Эче и Адде и очистила Ломбардию до Тичино, вследствие чего основания для их опасного положения, заключающиеся в необходимости связи с этой армией, совершенно отпали; теперь кратчайшая линия связи шла через С.-Готарда. Французы оставили Дессоля в Вальтеллине и Лекурба в Энгадине с единственным намерением уступить из завоеванных территорий не больше того, что будет у них отнято с оружием в руках. Они рассчитывали на бездеятельность австрийцев и надеялись, может быть, извлечь выгоду из того, что Суворов

видел в их позиции угрозу своему правому флангу и мог оказаться вынужденным выделить значительные отряды. Последнего в основном не случилось, так как слабая бригада Рогана с таким же успехом могла оставаться у С.-Готарда, а направление принца Гогенцоллерна из-за его быстрого возвращения не оказало никакого заметного влияния на операции в Италии.

После того как австрийцы в течение месяца сохраняли это положение вещей, они вытеснили, наконец, Лекурба из Энгадина; этот генерал отступил не к правому флангу Массены и не в верхнюю долину Рейна для овладения С.-Готардом, а перешел через С.-Бернардин на итальянскую сторону Альп с целью соединения с генералом Луазоном, командующим теперь бригадой Дессоля; он рассчитывал путем наступления на принца Рогана занять снова господствующее положение в районе Белинцони.

В то время как Лекурб был занят этим великодушным наступлением, Бельгард и Готце атаковали правый фланг Массены, и генерал Менар легко мог стать жертвой, если бы Бельгард не остановился в долине Заднего Рейна, испугавшись приказа Лекурба. Это наступление австрийцев лишило генерала Массену его третьего главного поста, именно у С.-Луденштейга, вследствие чего произошли два важных изменения: во-первых, он был вынужден покинуть линию пастов на Рейне, выше Боденского озера, чем обусловилась и необходимость отступления от Рейна ниже Боденского озера, во-вторых, линию пастов, направляющуюся к С.-Готарду через долину Рейсм, т. е. на Фирвальдштетское и Пугское озера, нужно было несколько оттянуть. Таким образом, за полтора месяца, после трех крайне нерешительных атак со стороны австрийцев, французы без сколько-нибудь значительных потерь были оттеснены назад со своей длинной и опасной позиции.

Наступление генерала Лекурба в районе итальянских озер не могло иметь дальнейшего развития: при известии о потере Граубюндена он поспешил назад к С.-Готарду, куда прибыл в то время, когда Бельгард и Готце овладели рейнскими долинами. Но и здесь он не мог оставаться, так как промежуточный пост должен был прикрывать длинную линию от С.-Готарда до Цюрихского озера, поэтому он отправил часть своих войск на С.-Готард, а сам направился на Альтерф. Также и Луазон был вынужден отступить перед Гаддиком и очистить С.-Готард. Тогда Лекурб вернулся, разбил генерала Сен-Жульена, наполовину уничтожил его и намеревался снова овладеть С.-Готардом. Однако, сражение при Цюрихе 4 июня, хотя его и нельзя ни в коем случае считать проигранным французами, вынудило генерала Массену подтянуть генерала Лекурба ближе к себе, именно в район между Фирвальдштетским и Пугскими озерами.

Таким образом, мы видим, что генерал Лекурб за 4 недели мая делает пять передвижений от Понта через Ленц, Бернардин, Белинцону, С.-Готард на Альтерф, не достигнув этим продвижением никакого стра-

тегического объекта, так как небольшая победа над принцем Роганом была слишком незначительна и неопределенна по сравнению с тем, во что она могла обойтись. Едва Лекурб приближался к Луазону, как должен был направиться на С.-Готард; едва он подошел к С.-Готарду, как приказ Массены отозвал его в Альторф. Конечно, движение Лекурба на Белинцону могло иметь целью прикрытые подступы к С.-Готарду, но нас интересует не мотив, который имел генерал Массена, а вопрос о действительной выгоде движения и, следовательно, о допустимости мотива. Продвижение Лекурба указывает на то, что Массена не имел возможности ни удержать С.-Готард, ни тем более, овладеть районом Белинцоны; Бельгард выступил в Италию, оставив из своей армии против Швейцарской армии только около 15 000 чел. План Массены был тем более недопустим, что он совершенно не знал об уходе Бельгарда.

Однако, генерал Лекурб в этот месячный срок одерживает три небольшие различные победы, имеющие, однако, неодинаковое значение: 13 мая на горе Чернере к югу от Белинцоны над Роганом, 28-го в долине Муотты у Фирвальдштетского озера над Гавазини и 31-го в долине Рейсм над Сен-Жульеном; все три победы можно приписать только неподражаемой энергии и большой решительности этого генерала. Путь, пройденный им с 4 по 31 мая, составляет около 40 миль, три раза он переходит через горную цепь высоких Альп и два раза переплывает на судах через южную часть Фирвальдштетского озера. Конечно, в общем Франция должна быть благодарна генералу Массене, но вся заслуга этого удивительного, в высшей степени блестящего периода похода принадлежит генералу Лекурбу.

Здесь возникает вопрос: какое значение могло иметь для обеих сторон обладание С.-Готардом? Мы имеем смелость утверждать: крайне незначительное, как бы предосудительным ни показалось такое мнение генеральным штабам всех армий.

Мы отрицаем без дальнейших доказательств предположение, что он мог иметь значение в географическом отношении как наивысший пункт Швейцарии, как пункт раздела больших европейских водных бассейнов. Мы придерживаемся мнения, что людям, придающим понятие доминирования это иллюзорное и по большей части фигуральное значение, вменяется в обязанность привести доказательство его реальности.

Этот общий взгляд до настоящего момента все еще обнаруживается в фразеологии. Ничем не доказано, что было бы неудобно или значительно более трудно держаться на посту у Диссентиса или Амштега, чем на С.-Готарде, единственно потому, что последний на 3 000 или 4 000 футов выше, чем первые; напротив, примеры истории этой войны опровергают такую точку зрения. Конечно, С.-Готард, доступный для лошадей и вьючных животных, является перекрестным пунктом для дорог. С одной стороны, от него идут дороги на Кур и Альторф, с другой — на Бриг в Валиссе, Домо д'Оссола и Белинцону. Узел дорог в стратегическом, конечно, большое значение, но только тогда, когда эти

дороги имеют значение сами по себе, т. е. если они ведут к объекту, имеющему прямое отношение к акту войны, и если есть армия, которую можно использовать в том или ином случае. Дороги на Домо д'Оссола и Белинцону в качестве связи между обеими армиями не имели более для французов никакого значения, так как Итальянская армия отступила к Апеннинам; они могли бы иметь значение только в том случае, если бы французы проявили предусмотрительность, угрожая тылу союзной армии в Италии; но в данный момент они благодушно отказались от такой цели, так как армия Массены в Швейцарии сама находилась под непосредственной угрозой. Дорога через Валиссскую долину находилась в руках инсургентов, но если бы она и была свободна, это не имело значения, так как существовали и другие дороги к перевалу Большой Бернар, являющийся в данный момент единственной ценной дорогой связи, а не только дорога через С.-Готард. Дорога через Криспальт на Кур вела в долину Рейна к австрийцам, дорога на Альторф — к армии Массены. Но, во-первых, обладание С.-Готардом никоим образом не означает захвата Криспальта, хотя и облегчает его; во-вторых, было бы преувеличением сказать, что Криспальт дал господство над долиной Рейна, вследствие чего мы возвращаемся к утверждению, что можно было иметь дост. у Диссентиса или в каком-либо другом пункте с таким же результатом, как на С.-Готарде, и что французы могли охранять дорогу Массены от австрийцев и не стоя на С.-Готарде. Мы придерживаемся мнения, что после отступления Моро из Ломбардии С.-Готард не мог иметь значения как пункт, соединяющий обе армии; на возмещение, что потеря С.-Готарда затруднила связь обеих австрийских армий, мы ответим, что в Италию были более короткие тропы через Юлиерберг, Шплюген и Бернардун, по которым все армия Бельгарда и прошла без всякого затруднения.

Таким образом, мы считаем, что при положении дел в мае и июне обладание С.-Готардом не могло иметь никакого серьезного значения, если же оно и давало известную выгоду, заключающуюся в господстве над горными районами, то она была крайне незначительна, вследствие растунности и маловажности этих районов. Действительно, в конце настоящей главы мы видели, что Массену отдал С.-Готард вместе с высоколежащими горными районами и посылает генерала Лекурба с его главными силами к северу от Фирвальдштетского озера, не видя в этом никакой потери для себя. Теперь мы переходим к наступлению Массены на передовые австрийские войска 25 мая. Момент для наступления был вполне благоприятен, наступление было необходимо по системе внутренних линий*, и его скорее можно рассматривать как акт обороны, — тем не менее мы не можем оценивать операцию Массены с этой точки зрения. Мы не можем создавать себе никаких иллюзий; генерал, не думая о дальнейшем, намеревался отбросить австрийские передовые вой-

* Мы выбираем это выражение, совершенно не ссылаясь на теорию Жюмни, а потому, что оно отлично характеризует давно существовавший образ действий.

ска путем безопасного параллельного наступления. Мы не беремся судить, какое влияние могла оказать эта операция на общее положение. В донесении Директории* он пишет:

«Последние движения противника и некоторые полученные мною сведения о сосредоточении войск на левом берегу Тура указывают на его намерение атаковать нас. Чтобы уничтожить его планы, я счел своим долгом его предупредить и дать приказ об общей атаке на этой линии с целью отбросить противника за реку».

Из этой мотивировки наступления едва ли можно понять, имел ли Массена в виду сражение или бой, являвшийся его эквивалентом. Операция Массены кажется нам настолько перешитой полумерой без определенной цели, что мы затруднимся, к какого рода предприятиям ее можно отнести.

Далее из донесения генерала Массены мы видим, что демонстрацию переправы через Рейн, предпринятую эрцгерцогом 23-го и 24-го при помощи нескольких отрядов, он принимает, повидимому, за первое наступление; мы видим, что 27-го он принимает бой по ту сторону Гатта, несмотря на намерение отступить в укрепленный лагерь под Цюрихом; наконец, 27-го генерал Тарро производит нападение на правый фланг эрцгерцога, стоявшего там также без всякого серьезного основания. Все это еще более подтверждает наше предположение, что генерал Массена, подобно простому дивизионному генералу, имел обыкновение действовать под минутным впечатлением и по вдохновению, а не по плану, имеющему в виду отдаленную цель.

Это отсутствие плана привело французского главнокомандующего к полному противоречию в момент последнего акта, именно во время сражения под Цюрихом. Мы уже сказали, что основания, заставившие Массену отступить 6 июня, заключались в ходе сражения 4-го; но это только наше предположение, исходящее из необходимости мотивировки; мотивы же, не известные нам, мы не можем считать действительными. Повидимому, это имело весьма значительные последствия. На укрепленной позиции многие месяцы велись работы, сражение же имело место более перед позицией, чем на ней: из этого, естественно, вытекает, что работы были не окончены или выполнены так неудовлетворительно, что лучше было бы на них не полагаться. Если же позиция была так слаба, почему Массена не перешел тогда же через Лиммат? И как неубедителен должен быть мотив начать сражение на левом берегу Лиммата, если обстоятельства, совершенно ускользающие от пытливого взгляда историка, могли вынудить французского главнокомандующего к отступлению.

ГЛАВА IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ КАМПАНИИ В ИТАЛИИ. СУВРОВ РАЗБИВАЕТ МАКДОНАЛЬДА У ТРЕББИИ

Макдональд из Южной Италии направляется в Апеннины

Французы, как мы рассказали в первой главе, в январе вторглись в Неаполь и начали по своему образу республиканизировать страну. Не считая тех жителей, которые вообще были склонны к новым порядкам и к республиканской системе, скоро оказалось, что среди их прежних сторонников а среднем сословии, ранее довольно многочисленных, многие теперь высказывали недовольство их образом действий и теми тяготами войны, которые были возложены на страну. Ни французская Директория, ни ее комиссар в Неаполе Фейну не считали нужным обращать внимание на местные интересы или предрасудки; конфискации, реквизиции, равно как и образ действий новых учреждений, восстановили общественное мнение против французов и должны были привести к открытому сопротивлению.

Шампоне, который, как мы видели, командовал французской армией, считал необходимым ставить преграды действиям правительственного комиссара.

Но в своей борьбе с Фейну он потерпел поражение в Директории, был отозван, привлечен к ответственности и заменен Макдональдом. Последнему, естественно, не оставалось ничего другого, как не вмешиваться в ход событий.

Составление конституции было поручено комиссии из 25 человек, до ее введения у власти стало временное правительство. Все органы исполнительной власти, собственные войска, местная полиция, служившие орудиями власти и прежнего правительства, были распущены, так как при господствовавшем недовольстве не решались доверять ни одному из этих учреждений.

* «Moniteur» от 13 прернала VII (текст приведен на французском языке).

Это недоверие затрудняло и замедляло учреждение и формирование национальной гвардии. В результате получилось, что в то время как со стороны правительства не было создано никакой вооруженной силы, те, кто помышлял о реакции, являя на службу банды празднующихся людей, способных к дерзким выступлениям. Нет страны, более склонной к реакции, чем Неаполь, Калабрия, дикая страна с фанатично религиозным населением для близлежащей Сицилии, естественно, была вполне подходящим полем, на которое можно было бросить первое зерно сопротивления, где быстро могло выкристаллизоваться народное восстание. Протажение страны и ее недоступность давали время для создания крупных внутренних сил.

Сицилианский двор среди людей, перешедших к нему на службу из Римской области, нашел в лице кардинала Руффо человека очень предпримчивого; по натуре он был не столько духовным лицом, сколько военным, который оказался вполне способным стать во главе банд, собравшихся вокруг него отчасти из состава распушенных учреждений, отчасти из фанатически настроенных местных жителей. Уже в начале февраля он высадился в Италии и, не имея еще полномочий со стороны сицилианского правительства, быстро собрал в своих руках силы в 10—15 тыс. чел., с которыми и овладел городом Монтелеоне. Вскоре затем король официально назначил его своим наместником и послал ему в подкрепление небольшой отряд войска. Одновременно восстание вспыхнуло также и в Апулии, и его истребительное пламя все более и более приближалось к окрестностям города, в котором Макдональд сосредоточил свою армию. Уже в феврале этот генерал вынужден был вступить в борьбу с инсургентами. В Апулию и Калабрию были посланы две колонны войск, из которых первая состояла из французской дивизии Дюро, а вторая — из новых неаполитанских формирований. Борьба с партиями повстанцев продолжалась в течение марта и апреля, — в Апулии успешно для французов, в Калабрии, наоборот, неудачно для республиканцев, так что отряд Руффо, среди вождей которого выделялся Фра-Дьяволо, с каждым днем становился все сильнее и был уже в состоянии двинуться в Апулию. В этот момент, именно в конце апреля, Макдональд получил приказание выступить со своей армией в Верхнюю Италию, оставив гарнизоны в неаполитанских и римских крепостях. Это было нелегкое дело.

Макдональд с своей стороны употреблял все средства, чтобы скрыть свои планы до момента приведения их в исполнение, новое же правительство чрезвычайно спешило создать собственные вооруженные силы, главным образом, сформировать национальную гвардию. Оба усилия не могли иметь достаточного успеха. Дюро с большим трудом старался с оружием в руках открыть себе путь на Капуу, и новые формирования не могли быть доведены до необходимой степени совершенства.

Уже 600 англичан высадился в Салернской гавани, в Апулию выступил отряд русских войск, и Руффо наступал с армией в 25 000 чел.

Таким образом, еще прежде чем Макдональд действительно выступил в поход, в этом эфемерном государстве, созданном французами, все было подготовлено к тому, чтобы через несколько недель после ухода французов нанести ему смертельный удар и создать плацдарм для союзников, сицилианцев, русских и англичан.

Макдональд в начале мая сосредоточил свою армию в районе Неаполя в количестве 24 000 чел., из них 5 000 чел. он назначил для гарнизонов Капуи и Гарты, а с остальными 19 000 чел. 7 и 8 мая двинулся на Рим.

Так как восстание вспыхнуло уже и в Римской области и генерал Гарнье, находившийся там с одной дивизией, с трудом собрал ее, то Макдональд приказал подвижной колонне в 4 000 чел. под командованием генерала Домбровского очистить путь. Сама армия следовала 4 колоннами по двум дорогам, а именно — через Понтийские болота и через С.-Джермано, на расстоянии одного дня пути, и подошла к Риму 16 и 17 мая. Здесь Макдональд усилил свою армию еще на несколько тысяч человек, оставил остальные войска дивизии Гарнье в качестве гарнизонов С.-Анджело, Чивита-Веккиа и Анконы и продолжал свой поход по дороге через Перуджию и Сьенну на Флоренцию, куда он вступил 25-го, пройдя в 18 дней около 55 миль.

Теперь он соединился с дивизиями Готье и Монришара, которые вели войну с повстанцами — первая на границах Моденской, вторая — Болонской областей. Только несколько батальонов было оставлено генералам Готье и Миодлису в Тоскане, отчасти для того, чтобы мешать действиям повстанческих отрядов, отчасти же для обороны Ливорно против англичан. Остальные войска образовали армию в 27 000 пехоты и 3 000 кавалерии и получили следующее распределение:

Дивизия Сальма (авангард)	3 000 чел.
» Оливье	6 000 »
» Монришара	6 000 »
» Рука	5 400 »
» Ватрена	6 000 »
» Домбровского	3 600 »

Всего 30 000 чел.

29 мая Макдональд перенес свою главную квартиру в Лукку и занял с армией позицию, на которой дивизия Домбровского, составленная левый фланг, стояла в долине Магги у Сарданы и Ауаллы; дивизии Рука и Монришара, образовавшие правый фланг, занимали проходы Апеннин от Моденской дороги до Болонской, и центр между этими выдвинутыми вперед флангами стоял между Флоренцией и Пистойей. Находясь на этой позиции, Макдональд впервые установил безопасную связь с Моро, который в это время уже начал свое отступление в Апеннины, тогда как до сих пор большинство курьеров, отправляемых ими

друг к другу, попадали в плен к неприятелю или в руки инсургентов. Эта поздняя связь с Моро была причиной того, что Макдональд не проник немедленно в долину По или не продолжал своего похода вдоль побережья, но потратил время в течение 10 дней, оставаясь на своей позиции на южных склонах Апеннин.

Прежде чем мы займемся началом его операции, мы должны бросить взгляд на распределение сил союзников в Италии.

Позиция союзников

Союзники после битвы при Маньяно имели силы в 92 000 чел.; с этого времени они получили еще подкрепление около 5 000 чел. русских под начальством генерала Ферстера и ожидали в первых числах июня прибытия генерала Бельгарда с 15 000 чел. Все это вместе составляло 112 000 чел. По австрийским источникам, дающим обзор к началу июня, включая корпус Гаддика, они имели силы в 98 000 чел., без этого корпуса — 88 000 чел.; следовательно, из 112 000 чел. недостает 24 000 чел.; потери в сражениях при Кассано и в других боях могут считаться в 10 000 чел., 14 000 чел. остается на гарнизоны в укрепленных пунктах.

7 июня, т. е. незадолго до открытия действий со стороны Макдональда, эти 88 000 чел. были размещены и заняты следующим образом:

1. Главная армия под командованием Меласа и Розенберга — 42 700 чел. — блокировала цитадель Турина и имела отряды для действий в Пьемонтских Альпах. Авангард ее под командованием Вукасовича стоял у Монкальери, форпосты были расставлены от Пиньеролы до Асти.

2. Корпус Бельгарда — в 11 400 чел. — блокировал цитадели Тортоны и Александрии и наблюдал за Апеннинскими со стороны Генуи.

К этому корпусу принадлежала дивизия Отта* — 8 000 чел., — которая стояла в Моденской области у Апеннин.

3. Корпус генерала Края осаждал Мантую — 19 800 чел., к этому корпусу принадлежала еще дивизия Кленуа — 6 100 чел., которая в Болонской области наблюдала за Апеннинскими и прикрывала осаду Мантуй, всего 88 000 чел.

Из укрепленных пунктов по ю сторону Минчио союзники владели Пескьерой, Орчиови, Пачингетоне, Форей, Чева, далее цитаделями Милана, Пьяченцы, Феррары, Валенцы и замками Бард и Арона.

Союзники сделали Валенцу своим главным складом и укрепили ее для обороны. Они имели там и у Бассинию мосты через По и занялись укреплением и вооружением Бассинийского тет-де-пона. Третий мост находился у Пьяченцы, и этот пункт, цитадель которого была приведена

* В австрийском военном журнале силы Бельгарда вместе с Оттом считаются в 19 400 чел., и позднее о генерале Отте говорится, что он имел силы в 8 000 чел. Следовательно, генерал Бельгард должен был на своих 15 000 чел. часть оставить при главной армии.

в оборонительное положение, можно рассматривать как предместное укрепление.

При переходе через По генерал Отт, отправленный против Монришара, получил задание вытеснить этого генерала из равнин и захватить дорогу через Понтремолы на Сарзану, которая была единственной большой дорогой, проходившей через горы, кроме дорог на Флоренцию из Модены и Болоньи. Кроме того, он должен был держать связь с Кленуа, наступавшим на Болонью и форт Урбано.

В австрийских источниках говорится: «Генерал Отт вообще имел назначение помогать соединению Моро с Макдональдом, и это было собственноручным приказом Суворова, где было сказано: «Я слышал, что Моро и Макдональд хотят соединиться в Ривьеры. Вы, господин генерал, лучше всего сделаете, если нападете на них и обоих сбросите в море».

По своим силам и занимаемой им позиции генерал Отт не мог иметь никакого другого назначения, как наблюдать за Апеннинскими, а при благоприятно сложившихся обстоятельствах выйти на дорогу, по которой Макдональд намерен был вести свои войска, и задержать его движение, с тем, чтобы главная армия могла во-время поспеть сюда. Следовательно, он мог оказать значительное содействие тому, чтобы воспрепятствовать соединению обеих французских армий севернее Апеннин. Соединению южнее Апеннин в Ривьеры, конечно, генерал Отт мог помешать и один, но когда речь идет о соединении друг с другом двух масс в 30 000 и 20 000 чел., то никому не придет в голову воспрепятствовать этому с силами в 8 000 чел.

Итак, приходится весьма сомневаться, чтобы союзный главнокомандующий действительно дал генералу Отту такое задание. В приведенном выше письме Суворова, особенно если оно написано им собственноручно, мы не можем видеть ничего другого, как вытекавший, собственно, из хода событий шутиливый призыв к деятельности; в этом призыве генерал Отт мог прочесть только то, что Суворов считает его способным человеком, который бросится на своего противника, где это только возможно.

Генерал Отт овладел горным районом, который ближе всего лежал к пути соединения обеих французских армий и через проходы которого они, соединившись, могли проникнуть в долины По. Они занимали долины Таро, Нуры и Треббии на северных склонах и долину Магры на южных склонах отрядами, которые стояли у Боббио в долине Треббии, у Барди в долине Чено, у Компиньо в долине Таро, у Понтремолы на Магре и у Фишиццано на притоке Магры и имели приказ совершать набег на морское побережье. Генерал Отт должен был прежде всего частично отнять у французков эти пункты. Он расположил свои резервы у Реджио и послал несколько сотен на Панаро отчасти для того, чтобы поддерживать связь с Кленуа, отчасти же чтобы держать под наблюдением форт Урбано с западной стороны, в то время как Кленуа будет блокировать его с восточной стороны. С остальными своими войсками он стал у Болоньи.

Из этого расположения войск генералов Отта и Кленуа мы видим, что французы на дорогах из Болоньи и Модены держали в руках переходы через Апеннины, что западнее — горы находились в руках австрийцев, отряды которых были достаточны для того, чтобы прервать связь между обеими неприятельскими армиями, пока они еще не приблизились друг к другу, но были слишком слабы, чтобы оказать им где бы то ни было сопротивление. Южнее Апеннин отряды, выдвинутые к Понтремоли и Финиццано, сами находились в опасном положении.

При главной армии находились генерал Лузиньян и князь Багратион с несколькими тысячами человек в долинах Пиньероло и Сузы для наблюдения за дорогами, ведущими из Гренобля и Бриансона. Лузиньян блокировал Фенестреллу, Багратион удерживал проход из Сесане к Монт-Женевр, форт Брюнетте на Сузе и так называемый Camp de Lassignette, т. е. старую укрепленную позицию, находившуюся в горах и разделявшую долины Сузы и Пиньероли. В проходах между Пиньеролой и Конн, ведущих в Котские Альпы, повидимому, не стояло никаких значительных сил. Это были, по большей части, только вымочные тропы.

Против Конн у Фоссано стояла дивизия Фрелиха силой в 4 000 чел. Затем подошел Вукасоччи с силами в 5—6 тыс. чел., захватил Мовдон, Чеву и Саличетто.

К нему присоединились посты Зекедорфа, который с несколькими тысячами человек занял позицию впереди Акви.

Таким образом, мы можем рассматривать войска генералов Багратиона, Лузиньяна, Фрелиха и Зекедорфа как авангард Суворова, растившийся в длинной цепи постов.

Оставались еще у Турина дивизия Кайма и Цопфа вместе с русскими, всего около 30 000 чел., и корпус Бельгарда у Тортоны и Александрии силой около 8 000 чел.

Союзники, следовательно, держа в осаде на линии от Фенестреллы до Мантуи 6 укрепленных пунктов, именно Фенестреллу, Турин, цитадели Александрии и Тортоны, Болонью и Мантую, занимали главными силами позицию протяжением более чем в 40 миль и разбросали в горах слабыми отрядами до 25 000 чел.

Они были, собственно говоря, гораздо более рассредоточены, чем обе французские армии, воспрепятствовать соединению которых было объектом операций союзников с момента вступления их в этот район.

Рассуждение относительно плана французского наступления

Союзники упустили момент поставить армию Моро еще до прибытия Макдональда в такое крайнее положение, в котором ей вообще трудно было бы вести операцию.

С прибытием Макдональда французская армия, после того как Моро получил несколько тысяч подкреплений из Франции, теперь насчитывала около 50 000 чел., готовых к решительному сражению.

После отправки необходимых гарнизонов для Генуи и Конн в распоряжении Макдональда было 30 000 чел. в Тоскане и у Моро — 20 000 чел. в Генуэзской области. Невоспорно, чтобы союзники даже в случае отказа от той или другой из своих многочисленных блокад могли выставить для борьбы такое же количество сил. Французы были в состоянии готовности к большому решительному сражению и были вынуждены искать его, так как союзники интенсивно вели наступление путем осад. Их положение с каждым днем становилось все более выгодным, положение же французской армии, имевшей в тылу такую незначительную территорию, было таково, что ей нельзя было медлить, если она хотела действительно добиться каких-нибудь положительных результатов.

Операция, которая должна была явиться результатом решения, вытекала из довольно необычных условий, поэтому теоретически ее нужно рассматривать как интересную задачу, при разрешении которой нельзя оставлять без внимания связанных с ней представлений, и мы можем, следовательно, позволить себе подробное рассмотрение возникающего здесь вопроса.

Пока Макдональд находился в Неаполитанской области, а Моро — в Генуэзской или Пьемонтской, полагали, что они стратегически разъединены и даже не могут соединиться, так как они не только разделены пространством, но между ними находится страна, которой они не владеют; в сущности, это было только предположение, благодаря которому союзники рассчитывали занять позицию между обеими армиями, предусматривая при этом, что им ничто не может помешать. Но пока этого не случилось, не было никакого действительного разобщения обеих армий. Во всяком случае, Суворов мог бы этого добиться, если бы он вовремя овладел Тосканой, в чем ничто ему не препятствовало, кроме других операций, которые он предпочел вести в Пьемонтской долине. Так как он этого не сделал и Апеннины, как мы видели, лишь в незначительной степени образовывали разъединяющую линию между обеими армиями, короче говоря, при положении их в конце мая представление о том, что обе французские армии разъединены, т. е. что они не могут соединиться до решительного сражения, было совершенно неверным. Между ними не находилось никакой неприятельской армии, кроме нескольких отрядов, которые имел Отт у Понтремоли и Финиццано и которые, как мы скоро увидим, быстро были прогнаны. Таким образом связь между обеими французскими армиями была, и можно только допустить, что она осуществлялась с трудом.

Если бы Макдональд просто хотел присоединиться к Моро со своей армией, то в его распоряжении был путь вдоль побережья; этот путь был проследим только до Леричи; впрочем, мы часто видим в этих походах, что значительные части французских войск проходили по непроезжим дорогам; мы видим позднее, что Макдональд после сражения при Треббиа действительно пошел по этому пути, так что не можем считать этот путь по побережью вполне непригодным. Легкие орудия и бое-

припасы можно было перевезти на вьючных животных, а для парков и тяжелого обоза оставался путь морем, ибо как раз в это время в порт Вадо прибыла эскадра адмирала Брюя и можно было не опасаться каких-либо действий со стороны англичан. Было ли такое соединение с Моро наилучшим из того, что он мог сделать — это другой вопрос; мы хотим только вывести здесь заключение, что это соединение не было невозможным и что эту невозможность нельзя класть в основу рассуждения.

Если соединение на побережье было во власти французского главнокомандующего, являясь простым маршем, а не собственно операцией, и различные пути соединения путем операции также не были трудны, так как обоим французским командующим, хотя они и находились далеко друг от друга и были раздвинуты неприятельской главной армией, при потребности лишь в простом соединении предстояло победить настолько слабые силы, что успех был вне всякого сомнения.

Таким образом, с того момента, как Макдональд вступил во Флоренцию, обе французские армии можно рассматривать как уже соединившиеся, и это соединение не следует рассматривать как объект особой операции, если мы не хотим умышленно разбрасываться при обзоре событий.

Но соединение двух армий само по себе было ничто; они не могли, как мы уже сказали, оставаться в своем прежнем положении, не в их интересах было держаться спокойно, они должны были дать решительное сражение, и, таким образом, возникает вопрос, где лучше всего оно могло быть дано.

Наименьшей задачей, которую могли иметь перед собой французские командующие, было отбросить союзников за По и освободить осажденные цитадели. Если бы они достигли такого успеха, то могли бы или одержать победу над самим Суворовым или нанести настоящее поражение одному из его корпусов.

Если мы теперь ближе рассмотрим в отношении этой цели условия, в которых находились обе армии, то нам представится двоякая точка зрения, в зависимости от того, будем ли мы рассматривать события так, как они могли сложиться в конце мая или как они действительно сложились благодаря ошибкам Моро.

Совершенно очевидно, что при умелом распределении сил могло бы иметь место такое соединение обеих французских армий у северного подножия Апеннин, которое вместе с тем явилось бы очень выгодным иступлением к решительному сражению.

Макдональд 25 мая вступил во Флоренцию; Бельгард тогда еще не погрузился на суда на озере Комо, Гогенцоллерн только что начал свой отход от Милана: все силы союзников, готовые к сопротивлению, исчезли, следовательно, в 20 000 чел.; они были слабее, чем две недели спустя, когда был действительно нанесен удар. Суворов тогда еще находился в походе на Турин, этот город еще не пал, и Моро еще

находился поблизости от него в долине По. Макдональд имел против себя только Отта и Кленау, силы которых в количестве 12—13 тыс. чел. были разбросаны исключительно маленькими отрядами; он мог в течение нескольких дней увеличить свои силы до 25 000 чел., и ему оставалось пройти только 15 миль до дороги из Пьяченцы в Болонью, где ему предстояло встретиться с главными силами Отта и Кленау. По крайней мере, как нам теперь представляются события, не было ни малейшего сомнения в том, что в течение 8 дней, т. е. к 1 июня, эти силы будут отброшены Макдональдом за По, и он будет в состоянии двинуться на Пьяченцу. Моро тогда был занят приготовлениями к отступлению в Апеннины, т. е. напрасными усилиями вызвать Чеу, покороменем крестяна и открытием нового пути на Ривьеру. Ничто, казалось, не мешало ему вернуться в район Александрии и там снова соединиться с Виктором. Нельзя усмотреть, какие препятствия должны были стать на пути соединения обеих армий, оставлявших Генуя в тылу. Тортона и Александрия были освобождены, и если бы они построили мост у Валенцы, то было бы большим вопросом, рискнет ли Суворов предложить им сражение на правом берегу По.

Но для такого разрешения задачи недоставало инициативы. Когда Макдональд вступил во Флоренцию, Моро настолько был занят мыслью восстановить утраченную связь с Ривьерой и совершить свой отход туда, что он совершенно упустил из виду возможность соединения на северной стороне Апеннин. Если Макдональд перешел бы эти горы по своей собственной инициативе, то была бы опасность, что генерал Моро будет спускаться по южным склонам их в тот момент, когда Макдональд достигнет северного подножия их в районе Тортоны. Для переговоров не было времени, если не хотели дать союзникам возможности принять контрмеры. Ошибки Моро, помешавшие разрешению этой задачи, являлись, следовательно, уже в предшествующем периоде кампании. Когда прибыл Макдональд, исправить их уже не было времени.

Критика, следовательно, должна стать на эту точку зрения, и мы не можем отказаться от нее, во-первых, потому что она сама собой напрашивается, во-вторых, она выводит на свет ошибку Моро.

Другая точка зрения заключается в том, что мы считаем Моро уже прибывшим в Ривьеру и операции обеих армий рассматриваем как вытекающие из этого условия. Существенное отличие новых условий от предыдущих заключается не в том, что Моро также вынужден был, как и Макдональд, сначала снова спуститься в долину. Но в том, что вся операция происходит на 10—12 дней позже. Так как в начале июня Моро находился еще в долинах Танаро, стремился овладеть Чевой и открыть путь на Лоано в Ривьеру, и этот кризис миновал только 9-го. Но в этот промежуток времени подошли Бельгард и Гогенцоллерн, и Суворов начал уже сосредоточивать свои силы и готовиться к походу на Алек-

сандрию. Благодаря этому все установилось по-другому. То, что в первом случае, как экспромт («impromptu»), могло быть проведено с легкостью, так как Суворов своим походом из района Александрии сам помогал этому и протигивал для этого руку, теперь могло быть совершенно только путем комбинаций движений, которым противник мог противопоставить свои меры.

Необычные условия, в которых находились обе армии и о которых мы уже говорили, состояли в следующем:

1. Обе армии в своем стратегическом расположении имели фронты под углом в 90°, так что настоящие их линии отступления и связи находились на левых флангах. Это всегда значительное обстоятельство было здесь еще гораздо более важным, благодаря длине фронтов.

2. Эта линия расположения у союзников простиралась от Фенестреллы до Генуи на 40 миль, у французов — на 40 миль от Кони до Лукки.

Естественно, что эта аномалия благодаря длине линий расположения сильно возрасдала; случаи таких длинных и одновременно таких изломанных линий расположения встречаются не часто.

3. Французы в тылу своего расположения вблизи имели море, они не могли рассматривать Южную Италию как базу. Союзники же в тылу у себя имели, по крайней мере, всю Ломбардию.

4. Обе французских армии перед собой и между собой имели Апеннины, но в этих горах только две дороги из Флоренции в Модену и в Болонью образовывали хорошие переходы, тогда как с запада на восток, т. е. в направлении соединения, проходили только плохие дороги вдоль побережья на Геную и через Понтремоли на Парму в Пьяценцу.

Итак, французы находились в неблагоприятных условиях, в их пользу до некоторой степени служило лишь то обстоятельство, что силы союзников были растянуты по длинной линии и большей частью были заняты.

Теперь мы переходим к вопросу: что могли сделать французы при данных условиях?

Из отдельных масс, в которые группировались союзные войска, Край со своим осадным корпусом был вне сферы нападения, так как его прикрывала р. По.

Главная армия под Туринном могла быть атакована только соединенными силами, и Макдональд должен был пройти всю стратегическую линию фронта; это могло случиться только за Апеннинскими, следовательно, на путях побережья. Если бы это даже и было возможно, то все же являлось такой формой стратегического наступления, которая требовала наибольшего времени для приготовления, следовательно, менее всего могла быть неожиданной; это наступление не могло быть проведено решительно, так как объектом его были главные силы неприятельской армии. Эти невыгоды не могли быть уравновешены тем преимуществом, что линия отступления в этих условиях большей частью оставалась прикрытой.

Также и наступление с соединенными силами против корпуса Бельгарда, с одной стороны, и Отта и Кленуа, с другой — не могло быть выполнено в выгодных условиях. Соединение его против первого потребовало бы от 10 до 12 дней, так как от Лукки до Александрии около 30 миль и дорога все время проходит в горах. Но этого времени было более чем достаточно для Суворова, чтобы сосредоточить у Александрии все свои силы. Соединение против Отта и Кленуа было невозможно, так как Моро для того, чтобы двинуться вправо, нужно было совершенно отказаться от связи с Ниццей и подвергнуть опасности свою связь с Генуей; французская армия, как говорится, висела бы в воздухе. Теперь спрашивается, что они могли сделать против этих двух корпусов в случае, если бы они не соединились, т. е. при двойной операционной линии?

Прежде всего мы должны заметить, что к тому времени, когда оба французских главнокомандующих должны были выработать свой план, т. е. в начале июня, Бельгард вообще еще не появлялся. Войска, стоявшие у Александрии, были лишь слабой дивизией. Однако, можно предполагать, что Моро знал о походе Бельгарда, так как приказ о нем был дан еще 3—4 недели назад. В этом случае он должен был принять решение встретить его корпус у Александрии, т. е. столкнуться там с массой около 20 000 чел., это составляло приблизительно столько же, сколько он сам мог вывести в бой при строжайшей экономии сил.

Если бы обстоятельства сложились неблагоприятно, он мог бы еще отказаться от наступления: это показало бы, что нельзя рассчитывать с уверенностью на решительные действия армии Моро против Александрии и Тортоны. Но если предположить, что Моро встретил бы там силы более слабые, чем он сам мог привести, и, таким образом, он мог бы добиться снятия обеих осад и прогнать союзников за Танаро, то он должен был принять в соображение, что через несколько дней появится Суворов с главной армией, т. е. гораздо скорее, чем Макдональд сможет поспешить на помощь Моро в случае одновременного выступления. Из этого следует, что удар Моро в районе Александрии, т. е. на Бельгарда, не привел бы к результатам, благоприятным для предстоящего решительного сражения.

Напротив, быстрое наступление со стороны Макдональда на корпус Отта и Кленуа не вызвало никаких сомнений.

Макдональд имел над ними большое превосходство сил даже в том случае, если бы они несколько усилились во время проведения операции. Прежде чем главная армия могла прийти на помощь, прошло бы, по крайней мере, 8 дней. Но, конечно, нельзя было ожидать, что этот удар Макдональда против Отта и Кленуа даст значительные результаты.

Оба могли податься за По или отойти к главной армии. Итак нужно было, используя по возможности этот первый удар, принять решение начать борьбу с самими Суворовым, т. е. оба французских командующих

непосредственно после удара, нанесенного Макдональдом войскам Отта и Кленуа, должны были соединить свои силы и там, где это окажется возможным, отрезать от Суворова часть австрийской армии. Таким образом, можно было бы надеяться, что французские командующие, прорываясь в середине неприятельской линии расположения, кроме победы над отдельным корпусом, добьются еще того преимущества, что хорошо подготовят вступление к генеральному сражению, так как Суворов, отрезанный от части своей армии и вынужденный оставить войска у Турина, Александрии и Тортоны, вероятно, выступит на поле сражения с меньшими силами, чем те, которыми они располагали. При этом легко мог быть охвачен его правый фланг; в случае отступления ему пришлось бы идти прямо на Павию, и тогда правый фланг временно был бы отрезан. Макдональд мог бы пройти через Понтремоли или на Парму, или прямо на Пьяченцу. Между Пармой и Пьячендой он скорее всего мог встретить генерала Отта. Если бы в то же самое время Моро продвинулся от Гави к Боббио на Треббину, он этим маневром прикрыл бы путь отступления обеих армий и получил бы возможность соединиться с Макдональдом, если бы Суворов с целью нападения на него перешел Сквино.

Дальнейшие шаги обеих армий и пункт их соединения, независимо от того, атакуют ли они Суворова или будут его ожидать на месте, нельзя было определить заранее — это могло быть установлено лишь в зависимости от маневров противника.

Все наше рассмотрение планов обеих французских командующих, по видимому, приводит к очень скромным результатам. Но мы не смущаемся этим. Порочность многих критических рассуждений и концепций заключается в том, что они стремятся найти блестящие результаты там, где их нет в действительности. Нетрудно при помощи громких слов и фраз в ущерб всякой логике и вероятности нарисовать одностороннюю, с виду блестящую комбинацию, но она никогда не бывает поучительной. Если мы сравним решения и действия французских командующих с нашими предположениями, то при этом обнаружится, сколько встречается здесь ложных взглядов и стремлений и как от этого должен был страдать успех дела, а вскрытие этих ложных взглядов и стремлений является, собственно, нашей задачей. План французских командующих состоял в том, что Макдональд должен двигаться на Модену, а оттуда через Парму и Пьяченцу вверх по реке По до Тортоны, упираясь правым флангом в эту реку, а левым — в Апеннины, в то время как Моро хотел пробиться за Гави и Серрвалле.

Так как у Макдональда была более важная задача, то Виктор с 6—7 тыс. чел. должен был через долину Таро идти на Парму и стать под его командованием; корпус Лапоша направлялся к Боббио на Треббину, чтобы поддерживать связь и прикрывать левый фланг Макдональда.

Так говорит Жюмин. Если в этом плане мы не находим никакой ясности и определенности, то это нас не очень удивляет, так как мы

слишком часто встречаемся с этим в военной истории. То, что в действительности думали и решали полководцы, могло выглядеть несколько иначе, чем сообщал об этом Жюмин, но для теории этого писателя, конечно, нет ничего хорошего в том, что он так мало проявляет критического чувства в своем изображении событий и даже в важных местах не может выйти из пределов обычной для него неопределенной фразологии.

Простой марш, как мы представлена операция Макдональда, не может быть указан как объект его деятельности.

Опора, с одной стороны, на Апеннины, а с другой на По — это прежде всего неточное представление, которое практически не имело смысла и не представляло никакого значения для планов Макдональда, так как он не намеревался в долине По вести позиционной войны, а стремился к решительному сражению, для чего ему нужно было держать свои силы сосредоточенными и он не мог искать опоры на пунктах, отстоящих на 6 миль один от другого. Так как успех был связан с продвижением Макдональда, то все это должно было иметь иной, лучший вид. Цель движения Моро на Тортоно не указывается; неизвестно, думали ли французские командующие сообщать генеральное сражение при Тортоне, к которому они никоим образом не были готовы, или Моро должен был направиться туда просто с целью частично задержать там силы союзников с тем, чтобы они не могли двинуть слишком крупные силы против Макдональда, или же Моро должен был при Тортоне сам дать сражение в случае, если главные силы были направлены против Макдональда?

Целью могло быть и то и другое, только мы должны были бы встретить указание на это.

В этом неясном плане, нам кажется, путаницу создают два ложных представления о том:

1) что разрозненная деятельность обеих командующих была необходима и даже якобы предпочтительна;

2) что так называемое дебуширование в долину должно рассматриваться как главный акт, благодаря которому уже многое можно выиграть.

Если французские командующие считали, что наступление соединенными силами сопряжено с большими трудностями, то этот взгляд при тех обстоятельствах, которые мы изложили, был вполне обоснован, но из этого вовсе не вытекала необходимость раздельных действий. Соединение могло и должно было произойти во время их операций.

Можно сказать, что генерал Виктор с 6—7 тыс. чел. был назначен для присоединения к Макдональду и что если бы явился сам Моро, он, вероятно, привел бы с собой тоже только 10—12 тыс. чел., так что особенно большой разницы не было. Но, во-первых, 4—5 тыс. чел. в сражении, где выступают с армией в 40 000 чел., являются немаловажной величиной, во-вторых, все сражение получило бы другой харак-

тер, если бы сам Моро был там. Он был главным командующим, которому была вверена и армия Макдональда, он мог бы проявить в командовании свою остроту и талантливость, и в нашем представлении немедленное соединение сил и обеспечение этого соединения должно быть главным объектом операций, исключавшим, таким образом, всякий аксентрический удар Макдональда на Модену или Болонью. В проведении операций, как мы увидим, план французских командующих не вел к этой цели.

Однако, весьма вероятно, что французские командующие не считали эти разъединенные операции необходимым злом, а видели в них выгодную форму наступления, известное умознание сил.

То положение, что противника всегда нужно атаковать, где только возможно, в нескольких пунктах и с разных сторон, было принесено из тактики в стратегию, хотя здесь, собственно, должно быть выставлено противоположное положение; тогда эта мысль была в моде, и поэтому весьма вероятно, что французы считали марш Макдональда стратегическим фланговым наступлением против союзников и вследствие этого смотрели на него как на нечто положительное.

Такое представление мы извлекаем из одного места у Жомини, где он по вопросу о соединении на южных склонах Апеннин, говорит: «После соединения у Генуи нужно было второй раз дебушировать через горы Лигурии»; так как дебуширование в Моденской области казалось гораздо более легким, то это было основанием к тому, чтобы представить Макдональду возможность выйти на равнину. Думали так, что когда лед будет сломан, тогда будет видно, что следует делать.

Впрочем, это так называемое дебуширование на равнину, считавшееся чем-то вроде кризиса, в большинстве случаев — только пустая терминология, так как лишь очень редко бывают такие положения, где противник может создать из этого кризиса.

Мы думаем, что дело было не в том, как легче всего спуститься в долину, а в том, как создать наилучшие условия для решительного сражения.

Только потому, что сражения не ожидали при соединенном прорыве из района Генуи, этот прорыв не должен был выполняться, а не потому, что прорыв велся массой в этом районе был бы слишком труден, вследствие совместного действия географических и топографических элементов.

Это важное значение, которое придавалось прорыву, заставило Макдональда выбрать для этого пути из Модены и Болоньи, не обращая внимания на их ложное направление; он полагал, что выходом в долину он уже выиграл многое, так что опасность разделения казалась ему менее значительной.

Если бы в суждении исходили из того, что решительный удар необходим, если бы установили, каким способом он может быть осуществлен и как можно до некоторой степени преодолеть трудности собствен-

ного положения, — то не допустили бы этой ошибки и под давлением истинных потребностей не гнали бы за блуждающими огоньками ложных положений.

Какой вид получило осуществление этих планов и насколько отклоняется оно от тех результатов, которые, вероятно, получились бы согласно нашим предположениям, а также предположениям самих французских командующих, это мы можем усмотреть из простого изложения событий.

Макдональд переходит через Апеннины и разбивает Гогенцоллерна у Модены

Макдональд 25 мая прибыл во Флоренцию. На необходимые переговоры с Моро о стигании разбросанных корпусов и о перестроении армии было потрачено 8 дней, прежде чем начались операции. Ничего иного и нельзя было ожидать. Однако, Макдональд ждал всего 14 дней, и эта проволочка времени, весьма вероятно, объясняется лишь тем, что генерал Моро в это время переживал наиболее критический момент своего отступления и вследствие этого не мог предпринять никаких совместных действий с Макдональдом, если бы последний захотел выступить в поход ранее. Мы не говорим, что совместные операции генерала Моро были бы невозможны, если бы он вместо того, чтобы все время направлять свой взгляд на Лоано, двинулся бы через Апеннины на Нови, но говорим только то, что генерал Моро, всецело охваченный этой тенденцией, вследствие этого был нейтрализован в течение первых 8 дней.

Только генерал Мордони, командовавший отрядами, посланными Оттом за Апеннины, и стоявший в Понтремоли, был уже 29 мая вытеснен Домбровским. Хотя он заранее получил сведения о предстоящем нападении и уже начал отход со своим корпусом на Борго-Валь, все же его арьергард, состоявший из двух рот, оставленный им в Понтремоли, был совершенно уничтожен. Мордони продолжал свой отход по долине Таро на Форново, откуда ему навстречу выступил Отт. После этого армия Макдональда оставалась в спокойствии до 9 июня.

При известии о прибытии Макдональда генерал Край приказал принцу Гогенцоллерну, собиравшемуся присоединиться к нему с 5 000 чел. из Милана, идти в направлении на Казаль-Маджоре, чтобы там перейти через По и занять позицию в районе Модены между Кленуа и Оттом.

Край, как сообщает австрийские источники*, считал возможным, что Макдональд направит свое наступление против него и, сорвав осаду Мантуи, попытается совершить диверсию с целью заставить Суворова вернуться за По. Хотя осада еще не начиналась, но так как осадная артиллерия была уже на месте, то Край полагал, что следует наблюдать за Макдональдом по ту сторону По, задерживая его, где возможно, и позаботиться об обратной отправке своей артиллерии. Это побудило его отправить корпус Гогенцоллерна в Апеннины с приказом, насколько

* «Neue militärische Zeitschrift», 1812, Heft 6.

будет возможно, оказывать сопротивление продвижению Макдональда. Таким образом, против Макдональда находилось теперь около 18 000 австрийцев, разделенных на три независимых друг от друга корпуса на пространстве 12 миль от Болоньи до Пармы. Они должны были служить не только для наблюдения за Макдональдом, но также по возможности оказывать ему сопротивление и продолжать до последнего момента осаду Болоньи и форта Урбано.

Сам Суворов вместе с известием о прибытии Макдональда получил еще другое ложное извещение, что Моро ожидает прибытия подкреплений из Франции в количестве 27 000 чел., что подтверждалось, по видимому, и медлительностью Макдональда. При таких обстоятельствах он считал весьма вероятным наступление Моро на Александрию и Тортону, и так как ему приходилось и без того приблизиться к пути Макдональда, то 10-го он решил выступить в район Александрии.

Не желая отказываться от осады цитадели Турина, которая была уже близка к падению, так же как и от обладания городом, он приказал генералу Кайму с 8 000 чел. его армии и с 2—3 тыс. пьемонтцев, в случае наступления Моро с превосходящими силами, вернуться в город и обороняться там до последней крайности. Генерал Вукасович получал приказ от Чемы отойти на Ниццу, расположив свои посты до Мондови и Кони. Из этого следовало, что этот генерал сохранил свое прежнее назначение — наблюдение за Апенниннами восточнее Бормиды. Генералам Лузиньяну, Багратюну, Фремлиху и остальным войскам главной армии дано было направление на Асти, где эти войска, численность которых оценивалась приблизительно в 28 000 чел., оставались сосредоточенными только до 11 июня.

Генералу Отту Суворов прислал приказ отправить в район Пармы только легкую кавалерию под командованием полковника Князевича, самому же со своим корпусом идти к Александрии и присоединиться к генералу Бельгарду.

Суворов вполне основательно не считал себя достаточно сильным для будущего решительного сражения.

Поэтому он решил отложить еще не начинавшуюся осаду Мантуи до предстоящих критических событий. Он написал генералу Краю, чтобы тот отправил свою осадную артиллерию в Верону и Пескьеру, оставив под Мантуйю только 3 эскадронов, которые вместе с несколькими тысячами человек мантуанской милиции и гарнизонами Вероны, Леньго и Пескьеры казались достаточными для наблюдения за Мантуей; сам Край со своим корпусом должен был идти на Пьяченцу, чтобы соединиться с Суворовым на поле сражения. Это дало бы усиление приблизительно на 12 000 чел., следовательно, войска, находившиеся в районе Александрии и Тортоны, исчислялись бы в 65 000 чел. Этих сил было едва достаточно для сопротивления французам, если бы Моро получил предполагаемые подкрепления, так как в таком случае он легко мог бы выступить с армией в 60—70 тыс. чел.

Здесь мы наталкиваемся на одну из таких особенностей коалиционного ведения войны, когда даже при крайней опасности не проявляется стремления к единству и последовательности, а там, где вступают в игру раздельные политические интересы, это приводит к разногласиям, противоречиям и, наконец, к совершенному разброду.

Австрийское правительство ничего не вынесло из уроков походов 1796—1797 гг. Оно было уверено, что в 1799 г. дело ведется настолько непогрешимо и считало себя настолько гарантированным от всякого неожиданного поворота событий, что вообще не заботилось об обеспечении успеха, обращая внимание лишь на нюансы особых политических интересов. В настоящее время австрийцы считали, что их ближайшие интересы состоят в том, чтобы вступить в обладание укрепленными пунктами Италии. Они боялись, что русский фельдмаршал не придаст этому никакого значения, что улекаясь честолюбием и духом предприимчивости он будет стремиться распространить свои победы и расширить круг своих завоеваний за счет их прочности, как это казалось австрийскому правительству. Они полагали, что должны обезопасить себя против этого, и поэтому в дело вмешался сам император, написавший собственноручный приказ, в котором генералу Краю предлагалось ни при каких условиях не отказываться от осады Мантуи *.

Исчерпывающая мысль Суворова, которой нельзя в достаточной мере нахвалиться, натолкнулась здесь на неспредвиденный камень преткновения, и австрийцы своим поистине преступным противодействием естественному ходу колеса войны подвергли себя опасности обрушить на себя самих все здание похода. Итак, генерал Край остался под Мантуей и ограничился тем, что послал, как мы видели, генерала Гогенцоллерна на Модену.

Так обстояли дела у союзников, когда Макдональд 9 июня начал свой поход.

К этому дню он перешел 3 колоннами гребень Апеннин.

Правый фланг, состоявший из дивизий Руска и Монришара, силой в 11 000 чел. с тяжелой артиллерией двинулся по дороге из Флоренции на Болонью.

Центр, находившийся в авангарде и состоявший из дивизии Оливье и Ватрена, силой в 15 000 чел. шел по дороге из Пистойи на Модену через Пьеве-ди-Пеллаго и по двум боковым дорогам на С.-Пеллегрино по долине Драгона и на С.-Леоне по долине Панаро.

Левый фланг, состоявший из дивизии Домбровского — 3 500 чел. — направлялся из Фивинцано через Сассальбо в долину Секкии.

10 и 11 июня французские дивизии продолжали свой поход и прибыли — правый фланг в Болонью, центр — в Формиджине (авангард

* Генерал Жюмнин, упоминающий об этом, заслуживает в данном случае полного доверия, так как он взял его из сообщения, написанного собственноручно генералом Шатлером.

продвинулся до Модены), левый фланг — в Вещиано, в нескольких часах пути к югу от Реджио.

Этот марш через Апенины был выполнен не без сопротивления со стороны австрийцев, но из того, что сообщают австрийские источники о событиях в течение предшествующих трех дней, именно 6, 7 и 8 июня, можно заключить, что ни гребень гор, ни северные их склоны уже не находились более в руках австрийцев, что французы уже раньше выслали туда свои отряды. Только у Болоньи, где французский авангард отбросил передовые части Гогенцоллерна, произошел бой, и этот авангард понес потери, преследуя противника.

В то время как Макдональд, совершив таким образом свой поход в течение трех дней, вышел непосредственно на большую дорогу из Пьяченцы на Болонью, Виктор перешел ущелье Понтремолы и через долину Таро достиг Пармы; время его похода недостаточно известно, но можно предполагать, что он подошел к Парме в то самое время, когда другие колонны достигли Болоньи, Модены и Реджио.

Что касается австрийских сил, то нам неизвестно точно, где и как они были расположены в течение этих трех дней — 9, 10 и 11 июня. Клеау был занят осадой Модены и форта Урбано. Естественно, ему пришлось снять эту осаду при приближении Монришара, и, повидимому, уже 11-го он собрался у Ченто на р. Рено, а 12-го выступил на С.-Джигиовани и занял Нонантолу для связи с Гогенцоллерном. Гогенцоллерн 11-го находился у Модены против Макдональда и решил ожидать атаки последнего.

Генерал Отт по приказу Суворова предпринял поход на Александрию и 12-го находился на дороге из Пармы на Пьяченцу у Борго С.-Донико.

Итак, 11 июня, за день до первого решительного столкновения, мы видим, что оба противника расположились тремя массами, растянутыми на 12 миль. Эти одинаковые ошибки, совершенные ими, привели к тому, что ни одна из сторон не поплатилась за свою ошибку.

Сражение при Модене 12 июня

Гогенцоллерн занял позицию перед Моденой, расположив пехоту в предместьях города, а кавалерию — на дороге в Рубьеру. Линия отступления шла между Панаро и Секкией на Мираңдолу и оттуда в район Говерноло на По, где был сооружен pontonный мост. Клеау, находившийся у С.-Джигиовани, должен был прикрывать левый фланг и в случае крайности оборонять Панаро для обеспечения отступления.

С.-Джигиовани отстоит от Модены на расстоянии 3 миль, поэтому Клеау ни в коем случае не мог оказать Гогенцоллерну поддержки в сражении, которое ему предстояло выдержать с фронта.

Макдональд решил атаковать последнего 12-го, приказав своему правому флангу под командованием генерала Руска отрезать Гогенцоллерну путь отступления на Мираңдолу. Атаку с фронта должен был повести

генерал Оливье со своей дивизией, авангард направлялся на Рубьеру, чтобы установить связь с Домбровским, Ватрен оставался в резерве.

Генерал Оливье начал атаку 12-го в 10 часов утра тремя колоннами. Хотя дивизия Оливье состояла не более чем из 5 000 чел. и, следовательно, немногим превосходила силы генерала Гогенцоллерна, однако, последний, очевидно, был не в состоянии оказывать длительное сопротивление этой атаке, если верить известию, сообщаемому генералом Жюмпи, что Оливье потерял только 300 чел. Понес такие незначительные потери, он отбросил противника из предместья в город, воровавшись туда одновременно с ним и привел его в полное замешательство. Гогенцоллерн, силы которого, вероятно, неслись в 4 000 чел., потерял (по сведениям самих австрийцев) не менее 8 орудий и 2 233 чел. убитыми, ранеными и пленными. С остатками своей дивизии он с трудом спасся в Мираңдолу. У французов был убит генерал Форест, и сам Макдональд получил два сабельных удара, подвергшись нападению отряда австрийских конных егерей.

Несмотря на блестящий успех генерала Оливье, план Макдональда отрезать противнику путь отступления все-таки не удался. Генерал Руска был задержан Клеау.

В каких условиях происходил бой между обоими противниками, об этом нет достаточных сведений. Главное сопротивление французам со стороны Клеау, повидимому, было оказано за мостом, через который проходит дорога Болонья, Самоджия, Карпи; здесь Клеау с 4 эскадронами атаковал французов в тот момент, когда их передовые колонны вступили на мост, и снова отбросил их за реку, причем взял у них одно орудие. Небольшой отряд французов продвинулся также к Нонантоле; этот отряд, вероятно, прибыл от форта Урбино. Как ни скудны сведения об этом бое Клеау, все же, очевидно, он не имел большого значения, и по нему можно заключить лишь о том, что генерал Руска очень плохо воспользовался своим двойным превосходством над противником. Успех всего сражения можно усмотреть в том, что Гогенцоллерн в течение ночи с 12-го на 13-е оставался еще у Мираңдолы, 13-го, двигаясь по течению Секкии, он достиг По и, найдя там мост уже разрушенным, мог совершить переправу только на 1 миль ниже, сам же Клеау в своем отступлении взял направление на Феррару вдоль по течению Панаро.

После этого первого удачного столкновения Макдональд решил с главными силами своей армии двинуться наделю по дороге на Пьяченцу, чтобы подойти к союзной армии и вместе с тем сблизиться с армией генерала Моро. В результате переговоров между ним и Моро было решено, что Моро 17-го двинется на Нови и Серравалле, посыл свой правый фланг на Боббио, а Макдональд в этот день рассчитывал быть в Пьяченце. Моро надеялся, что на Треббине ему удастся соединиться с Макдональдом, т. е. что его правый фланг вступит в связь с левым флангом Макдональда. Эти планы, очевидно, возникшие в результате

состоявшихся переговоров, содержится в письме, перехваченном австрийцами после сражения у Модены. Ясно, что здесь речь шла только о том, что оба полководца хотели иметь уваженную взаимно линию расположения от Скриппи до Треббиа и вдоль по течению Треббиа до По. Они предусматривали при этом, что противник займет параллельную линию такой же длины, или же в случае, если он этого не сделает, они рассчитывали, что будут в состоянии обойти с фланга и окружить его. Таким образом, они рассматривали это соединение как выгодное вступление к решительному сражению.

Стремление к тактическому и стратегическому обходу и идея о том, что повсеместная атака в один и тот же день на линии протяжением в 15 миль является мастерской операцией, принадлежит прошлому времени, предшествующему эпохе революционных войн. Опыт Бонапарта 1796 г. был оставлен без внимания, Моро и Макдональд были учениками школы старого времени, и даже первый из них ни в каком отношении не стоял выше ее. Поэтому нас не могут удивлять их действия по такому методу, когда мы видим, что они стремились к цели, напоминающей мишень, лишенную центра, и вели операцию на основании соглашения, в котором не было основного ядра.

Военные историки (Жюмнини и эрцгерцог), желая спасти репутацию Моро, говорят, правда, что Макдональд, зная сначала направление на Болонью и Модену, а потом выбрав для наступления своих главных сил большую дорогу на Пьяченцу, действовал вопреки мнению Моро, который требовал, чтобы он оставался в горах, имея в виду соединиться с ним у Боббио на Треббиа. Это мнение создалось на основании перехваченного письма Моро к Макдональду. Однако, в содержании этого письма, приводимого в военном журнале, заключается столько противоречий, что его в таком виде нельзя рассматривать как доказательство. Там говорится:

- 1) что Моро намерен ожидать прибытия Макдональда к Пьяченце;
- 2) что он в это время продвигнется через горы от Боббио к Пьяченце и там у подножия их намерен соединиться с ним;
- 3) что Боббио будет занято Лапоном и должно служить опорным пунктом для правого фланга Моро и левого фланга Макдональда;
- 4) что он намерен напрячь все силы, чтобы задержать в тылу Бориды часть сил Суворова;
- 5) что он рекомендует ему все время держаться у подножия гор и под защитой их до соединения армий уклониться от всякого сражения;
- 6) что, если Макдональд будет атакован Суворовым, он сам атакует его на правом фланге.

Кому не бросится в глаза, что третий пункт не согласуется с вторым, что четвертый пункт со вторым и пятый с первым находятся в прямом противоречии и что шестой пункт с трудом увязывается с представленным об общих условиях?

В первоначальном плане, сообщаемом Жюмнини, не содержится ничего относительно намерения соединиться в горах или даже у их подножия. Жюмнини сообщает только о направлении Макдональда на Модену и говорит, что Макдональд во время своего похода должен был опереться с левой стороны на горы и с правой на По, что, очевидно, лучше вело к вытýршу указанной выше позиции.

Боббио было тем пунктом, куда Моро и Макдональд хотели направить — первый свой правый, а другой свой левый фланги; они хотели соединиться у Боббио, чтобы в дальнейшем, пока это будет необходимо, в этом пункте представлять всю массу соединенных сил. Мы базируемся на этой части письма, которая согласуется с общим планом, а также с тем, что в действительности позднее сделал Моро, и думаем, что не имеем права приписывать расчетам одного Макдональда ту иную, которую нужно возложить совместно на обоих полководцев.

Это рассуждение необходимо для нас, если мы хотим обнажить до некоторой степени перед глазами читателя стратегическую нить мотивов. Теперь мы вернемся к походу Макдональда.

Отбросив, таким образом, войска Гогенцоллерна и Кленуа за По, Макдональд приказал дивизии Монришара идти в район между Карпи и Корреджо с целью частью держать под угрозой, частью же наблюдать отрезок р. По между ним и Мантуей. Оставив у Модены дивизию Олинье для поддержки Монришара, он с двумя другими дивизиями и авангардом 13-го направился на Пьяченцу и дошел до Реджико, где соединился с Домбровским. Авангард продвинулся до Пармы.

14-го Макдональд двинулся на Парму; его авангард вытеснил оттуда передовые части генерала Отта и у С.-Донино соединился с Виктором.

Прежде чем продолжить описание похода Макдональда, мы должны рассмотреть действия другого корпуса.

О генерале Моро со времени начала его похода на Ривьеру у нас нет точных и полных сведений.

6 июня, как мы уже рассказали, его последние колонны вступили в Тоано. Левый фланг его под командованием Гренье занимает позицию в Тоано. Левый фланг его под командованием Вардинетто приближался к Таваро. Лабуассьера Моро посылает в район Генуи, где уже находился Лапон, а Виктора — на Понтремоли, откуда тот, как мы уже видели, присоединился к Макдональду.

На рейде Вадо (недалеко от Савоны) Моро нашел эскадру адмирала Брюи, но на судах не было никаких сухопутных войск, так как они имели назначение только прикрывать в Средиземном море. Тем не менее он снял с эскадры около 1 000 матросов и воспользовался этим, чтобы распускать слух об усилении своей армии на 15 000 чел., и даже постарался придать этому слуху правдоподобие путем передвижений войск, произведенных специально для этой цели.

Таким образом, мы видим, что в то время как Макдональд своим вступлением в долину Ломбардии должен был по необходимости при-

влять на себя главные силы неприятеля, генерал Моро, приказав дивизии Виктора примкнуть к нему, с остальными дивизиями занял позицию в Апеннингах, тянувшуюся от Альбенги до Генуи, т. е. на протяжении 12 миль. Генерал Лапощи, который согласно переговорам должен был идти в Боббио, прибыл туда только 16-го. Так как расстояние от этого пункта до Генуи только 3 перехода, то его вступление туда нужно рассматривать как операцию, согласованную с передвижением Макдональда.

Сам Моро со своими главными силами, как мы увидим, приступил к действиям только через несколько дней, пока же он ограничился лишь тем, что, распространив слухи о своем усилении, хотел держать Суворова под ударом.

Суворов, действительно, как мы рассказали, некоторое время полагал, что Моро соединится с Макдональдом на Скривии или же выступит на Бормиду, и следствием этого был его приказ генералу Отту отступить на Тортоно. Но на его операции это не оказало никакого влияния. Суворов, как мы видели, 12-го подошел со своей армией к Александрии и здесь уже узнал о движении Макдональда по дороге из Модены на Болонью, вследствие чего он послал генералу Отту приказ немедленно вернуться, снова идти на Парму и оставаться в районе между этим пунктом и Пьяченцей, держась по возможности до прибытия армии и не вступая в решительное сражение. Сам он усилил свою армию на несколько тысяч человек из войск Бельгарда; однако, он мог возобновить свой поход только 15-го, так как понтоны были брошены из-за плохих дорог, а мост через Бормиду еще не был готов. Конечно, нужно удивляться тому, что там не оказалось мостов, что, впрочем, можно объяснить обилием рек в этом районе.

Более подробных сведений об операциях генерала Отта нет. Весьма вероятно, что он 13-го направился из Борго С.-Донино на Пьяченцу, там получил контриприказ, вследствие этого 14-го вернулся на Пармскую дорогу и продвинулся до Нуры, где на встречу ему выступил полковник Князевич. Как мы уже рассказывали, Виктор в этот день соединился с авангардом Макдональда у Борго С.-Донино. Вероятно, их передовые части отбросили полковника Князевича к Нуре.

Генералу Крапо поражение Готенцоллерна при Модене внушило сильный страх, он боялся переправы через По и поэтому, отправив свою осадную артиллерию в Верону, принял серьезные меры для обороны По, причем получил деятельную поддержку от местного населения. Сам он оставался все же у Мантуи. В ответ на настоящие требования Суворова он послал ему в качестве подкрепления только 3 батальона и 6 эскадронов, которые подошли во время сражения при Треббине.

Боевые силы были разбросаны по многочисленным отдельным корпусам, и приближавшееся решительное сражение должно было произойти при большом разнообразии позиций и маневров; поэтому двойне важно всегда иметь перед глазами их одновременность, и мы, насколько это будет возможно, распределим их по отдельным дням.

15 и 16 июня Суворов оставил генерала Бельгарда с 2 бригадами между Тортоной и Александрией у С.-Джулиано, туда же он направил генералов Альканиси, Зекедорфа и Вукосовича, из которых первый осаждал цитадель Тортоны, а оба другие занимали позиции в горах.

Он дал указание генералу Бельгарду, в случае, если неприятель поведет на него наступление со значительными силами, снять осаду Тортоны и воспрепятствовать действиям противника в тылу армии, направляющейся к Пьяченце, в случае же, если ему придется отступить, идти сначала за Бормиду, потом — в лагерь у С.-Сальвадора между Александрией и Валенцей, если же и там он не в состоянии будет держаться, то вступить в Валенцу.

С силами из 32 батальонов, 18 эскадронов и 4 казачьих полков, всего около 30 000 чел., Суворов выступил в поход двумя колоннами и двинулся на Кастельнуово. Макдональд продвинулся до С.-Донино, Виктор — до Фьоренцуоллы, Отт повернул на Пьяченцу, преследуемый французским авангардом под командованием генерала Сальма.

Дивизии Оливье и Монришара, повидимому, в этот день получили приказ следовать за армией до Таро*.

Моро, повидимому, в этот день сосредоточил свою армию у Генуи, а Лепонн находился в пути на Боббио.

16 июня Суворов шел на Кастельно; он послал генерала Шателера с 5 000 чел. на Страделлу, чтобы в случае необходимости сменить Отта; генерала Велеского с 2 000 чел. он отправил к Боббио для наблюдения за ожидавшей там французской дивизией. Суворову предстоял марш всего в 3 мили, но так как он выступил только вечером предыдущего дня, то войска, возможно, прибыли только ночью.

Макдональд двинулся на Пьяченцу.

Сальм, Руска и Домбровский остались на Нуре, Ватрен продвинулся до Фьоренцуоллы, а Виктор дошел даже до Пьяченцы и отгнал Отта. Последний некоторое время находился в нерешительности, должен ли он вступить в эту крепость и за ее стенами ожидать прибытия Суворова, но все же предпочел разрушить мост через По и отступить за Треббину, а потом за Тидоне, когда французы перешли эту реку.

Что касается более отдаленных частей войск, то дивизии Оливье и Монришара находились еще на расстоянии трех переходов от Нуры.

Лапощи подошел к Боббио.

Моро с 14 000 чел. двинулся на Гави, оставив генералов Периньола и Лабуссьера с 5—6 тыс. чел. в Генуэзской области.

На левом берегу По были расположены силы генералов Готенцоллерна и Кленау для обороны реки.

Из Валенцы Суворов ожидал прибытия 2 русских и из Мантуи 3 австрийских батальонов, которые находились еще в пути на левом берегу По.

* Жюмпи допускает, что этот приказ дошел до них только 16-го, но он, как мы увидим, уже 18-го в полдень подошел к Треббине, до которой от района Модены должны были пройти 15 миль; такой марш не мог быть выполнен в два дня.

Таково было положение накануне 3-дневного сражения при Треббине.

Суворов с 26 000 чел., главными силами армии, был еще в отдалении от Отта на расстоянии 5 миль, впрочем, выдвинутые вперед части приблизились к нему на несколько миль; Отт отступал, Суворов спешил вперед; можно было, таким образом, предвидеть, что если Макдональд пожелает 17-го дать значительное сражение, ему придется иметь дело с большей частью союзных сил.

Макдональд имел 7 000 чел. на Треббине, 12 000 чел. стояли позади, в 2 милях на Нуре, 6 000 чел. еще далее, в 2 милях у Фьоренцуоллы, и еще 11 000 чел. на расстоянии двух переходов. Таким образом, он мог сражаться, имея в распоряжении 17-го — 25 000 чел., а 18-го — в случае необходимости — 36 000 чел., т. е. все свои силы. Если бы он захотел остаться, ему следовало опасаться, что 17-го он столкнется с передовыми 19 000 чел. союзных сил.

Но он не мог действовать наступательно со всеми силами до 19-го. Части в верхней долине Треббине у Боббио имели самостоятельную операцию, и успех этих незначительных сил не мог оказать влияния на операции войск в нижней долине Треббине, количество которых было в 9—10 раз больше; поэтому их можно было не принимать во внимание при подсчете сил, которые должны были участвовать в решительном сражении.

Сражение при Треббине 17, 18 и 19 июня

17 и 18 июня были первыми днями сражения. Макдональд, вероятно, не думая, что Суворов с главными силами армии находится уже достаточно близко, чтобы 17-го оказать помощь генералу Отту. Он хотел одержать победу над этим генералом, на что имел основания рассчитывать, благодаря превосходству своих сил. Поэтому генерал Виктор уже 16-го получил приказ — на следующее утро атаковать Отта, генералы Сальм, Руска и Домбровский должны были поддержать эту атаку.

Отт стоял за р. Тидоне, которую и занял от Гаццино до Вератто на протяжении одного часа пути легкой цепью форпостов. Утром в 8 час. он был сначала атакован Виктором у Вератто; Отт, находясь в нерешительности, продолжать ли ему возникшее вследствие этого сражение, заметил продвижение одной колонны на Мотта-Циана в полумиле за своим правым флангом. Это была дивизия Домбровского, образовывавшая левый фланг Макдональда. Руска шел в центре на Понте-Тидоне, генерал Сальм присоединился к Виктору.

Таким образом, 19 000 французов были выстроены в боевую линию на фронте, растянутом более чем на одну милю.

Отт намеревался уже начать отступление на Страделлу, когда подошел генерал Мелас с несколькими тысячами русских и австрийцев, за которым вскоре последовал князь Багратион с русскими авангардом.

Хотя генерал Мелас в соединении с Оттом мог располагать только 10—12 тыс. чел. и полагал, что он имеет дело со всей армией Макдональда, он все же колебался начать отступление на Страделлу.

Союзной армии предстояло совершить изнурительный марш при сильной жаре, причем тактический порядок марша, повидимому, трудно было соблюсти; Мелас заботился о том, чтобы его отступление и внезапный натиск французов не произвели дурного впечатления и не повлияли за собой плохих последствий; с другой стороны, местные условия были подходящими для оказания сопротивления, и прибытие Суворова было так близко, что, в случае продолжения этого сопротивления еще в течение некоторого времени, он прибыл бы вовремя для решительного сражения.

К этим мотивам можно присоединить еще один, чрезвычайно важный с критической точки зрения, именно — страх перед Суворовым. Письмо, написанное Суворовым Меласу перед битвой у Кассано, еще живо сохранилось в памяти последнего: Энергия, когда она у места, является в высшей степени важным элементом ведения войны, и, таким образом, гений Суворова уже в этот момент начал оказывать влияние на сражение.

Согласно решению, принятому генералом Меласом, генерал Отт со своим корпусом силой в 7 батальонов и 14 эскадронов занял деревню Сармато и примыкающий к ней район и расположил на этой позиции свои форпосты.

Деревня Сармато подверглась теперь атакам со стороны французов и несколько раз переходила из рук в руки. В конце концов она осталась в руках французов, которые вместе с этим захватили батарею в 8 орудий, выставленную на большой дороге.

Между тем приведенные Меласом войска, усиленные еще 10 батальонами и 20 эскадронами, расположились в небольшой долине перед С.-Джованни, имея правый фланг у Карамелло и левый — у Фонтане-Прадоа.

Сам Суворов прибыл в тот момент, когда французская дивизия Домбровского наступала на Карамелло, а Виктор и Сальм вели наступление по реке По на С.-Джованни.

Домбровский, повидимому, с большей частью сил находился вперед. Суворов приказал атаковать его с фланга князь Горчакову с 2 казачьими полками и 4 батальонами, с фронта — Отту. Полки были отброшены с большой силой и с трудом спаслись за р. Тидоне. Тогда Отт повернул к Сармато и овладел деревней, захватив при этом и потерянную батарею.

Между тем Виктор и Сальм были атакованы Багратионом и тем скорее были отброшены им, чем более подвергалось опасности их отступление вследствие поражения Домбровского и потери Сармато. В то время как они совершали отход подоспела союзная конница, действовавшая против Домбровского, напала на левый фланг Виктора и разбила часть пехоты, образовавшую каре на высоте Каstellе-Боско. С трудом и лишь

под защитой сильно пересеченной местности остальная часть правого фланга укрылась за Треббио. С наступлением ночи и другие дивизии также отошли за Треббио, все же Макдональд был в состоянии оставить лишь своих форпостов на левом берегу между Сантимо и Граньяно; на местности, пересеченной рвами и преградами, конница союзников, посланная Суворовым для преследования, прилагала напрасные усилия двигаться вперед, ей приходилось большей частью спешиваться, и она понесла большие потери.

Пехота союзной армии удовлетворялась тем, что заняла позицию за Тидоне.

Между тем вся армия Суворова прибыла на поле сражения. Нужно было снова привести в порядок войска, расстроившиеся во время марша и боя; в течение ночи они получили следующее расположение: дивизия Фрейлиха была помещена на левом фланге между Сармато и По, направо рядом с ней стала дивизия Ферстера, рядом с последней у Карамелло — дивизия Швейковского; дивизия Отта образовала форпосты левое, а князя Багратиона — правого фланга, не переходя через Тидоне.

Французы расположились от По до Госсоленто на протяжении двухчасового пути. Дивизия Ватрена стояла у Пьяченцы и блокировала ее цитадель; дивизии Оливье и Монришара находились еще за р. Нурой.

О потерях обоих противников за этот день мы не знаем ничего. Можно думать, что с каждой стороны они исчислялись в несколько тысяч, причем потери французов были, по крайней мере, на 1 000 чел. больше, чем у союзников. Так как Макдональд сражался только с половиной своих сил, то моральные результаты проигранного сражения были значительно меньше. Во всяком случае в первый день еще не достигнуто было полного решения, и для Макдональда этот день можно рассматривать лишь как неудачное вступление к предстоящему генеральному сражению.

Действительно ли дивизия Ватрена силой около 6 000 чел. прибыла слишком поздно, для того чтобы с успехом быть использованной в сражении, или же Макдональд, опасаясь за свой тыл, приказал ей остановиться у Пьяченцы, все это могло бы остаться в области догадок, если бы мы не нашли 18-ю эту дивизию на прежнем месте и в состоянии прежней бездеятельности.

Силы, которые Макдональд вывел в сражение, как мы уже сказали, исчислялись в 19 000 чел. Силы союзников, действительно принимавшие участие в сражении, можно считать приблизительно такими же. Но так как мало-помалу подошла вся армия и все силы, имевшиеся в виду противника, следует рассматривать как участвовавшие в сражении, то здесь, собственно говоря, победа была одержана всей главной армией Суворова, которая, как мы нашли, насчитывала 33 000 чел.

Части, стоявшие у Боббио, в этот день, повидимому, не имели никакого столкновения с противником.

Моро продвинулся до долины Нови.

18 и ю. н. Что касается истории этого дня, то читатель будет обмолвиться в своих напряженных ожиданиях.

Макдональд сначала ожидал в течение дня прибытия целой третьей армии. Затем он решил отложить свою атаку на 19-е. У него были вполне достаточные основания не продолжать своего отступления за р. Нурой; отчасти благодаря этому он мог улучшить моральное впечатление, оставшееся от вчерашнего дня, отчасти же с отступательным движением непосредственно после большого сражения всегда связаны значительные потери; кроме того, он мог надеяться, что вызванные им дивизии придут еще во время, чтобы в случае необходимости принять участие в оборонительном сражении. Можно было, следовательно, ожидать, что французский главнокомандующий удержит свою позицию за Треббией и в случае атаки будет оборонять ее, насколько возможно. Суворов одержал полупобеду, силы его теперь были собраны, можно было ожидать, что он продолжит атаку и завершит свою победу.

Таковы были намерения обоих полководцев, и решительный результат казался неизбежным, хотя в действительности события сложились иначе, и борьба вторично осталась нерешенной.

Суворов решил начать атаку только в 10 час утра, вероятно, для того, чтобы дать время войскам достать и сварить себе пищу. Его план атаки заключался в том, чтобы с главными силами обрушиться на левый фланг французов, так как можно было предполагать, что они придают ему наибольшее значение вследствие соседства с Моро и с горными районами. Он разделил свою армию на три атакующие колонны.

Генерал Розенберг с дивизиями Багратиона и Швейковского силами в 14 батальонов, 6 эскадронов и 1 казачьего полка должен был у Брено перейти через Тидоне, идти на Кампремольдо и Ривальто, а там перейти через Треббио и через Сеттимо двинуться на С.-Джорджо на р. Нуре.

Вторая колонна под командованием генерала Меласа состояла из 8 батальонов и 6 эскадронов под командованием генерала Ферстера, за ним следовали в качестве резерва 10 батальонов под командованием генерала Фрейлиха. Они должны были у Мотта-Циана перейти через Тидоне, идти на Граньяно, откуда через Треббио наступать на Валера, С.-Бонико и Ивандари к р. Нуре.

Третья состояла из дивизии Отта силой в 7 батальонов, 8 эскадронов и 1 казачьего полка. Ей надлежало двинуться по большой дороге за Треббио, в случае удачи других колонн повести наступление на Понте-нуре и отвлечь на себя гарнизон Пьяченцы. Она, повидимому, предназначена была для того, чтобы держать противника под ударом.

Суворовым было дано ясное указание, чтобы резервы свои главные действия направляли на правый фланг и предпочтительно перед всем провалили там наибольшую энергию.

Вообще войскам было указано действовать массами и прибегать в атаке к штыковому бою.

Чтобы облегчить подход батальонов, ожидаемых с левого берега По, и на худой конец иметь лишний путь отступления, Суворов приказал построить мост на р. По у Парпанезе (на высоте С.-Джованни) и снабдить его предместным укреплением.

Диспозиция Суворова была скорее планом преследования, чем планом сражения, и вполне понятно, что к этому побуждали его события 17-го. Ривальто находится на расстоянии 2 миль от большой дороги на Пьяченцу, колонны двигались по эксцентрическим (расходящимся) линиям, силы были разбросаны на большое пространство, что нигде не могли произвестись натиска с большой силой.

Сам Суворов находился при колонне правого фланга.

В 3 часа пополудни, достигнув района Казалиджо, она ударила на дивизию Домбровского. Последняя, повидимому, составляла форпосты левого фланга. Она скоро попала в очень стесненное положение. Генерал Виктор, который, как сообщает Жомини, в отсутствие Макдональда командовал всей линией, поспешно собрал свою пехоту, т. е. дивизию Виктора и Руска, и с ними направился за Треббину для поддержки Домбровского. Таким образом, бой на этом пункте возобновился; оба полководца имели почти равные силы — около 14 000 чел., и Виктор долгое время оказывал упорное сопротивление в районе Ториделла, но, наконец, должен был отступить и отойти за Треббину на Сеттимо. Розенберг вел преследование до района Тавернаско, куда он прибыл лишь с наступлением ночи.

Так как колонна Розенберга только в 3 часа пополудни произвела атаку, а в основу диспозиции была положена мысль, что левый фланг должен отклониться в сторону при своем движении, то можно думать, что центр и левый фланг не торопились с атаккой. Относительно генерала Отта было ясно сказано, что он ударит на противника только в 5 часов пополудни у Ротто-Френо, т. е. в получасе пути от Тидоне. Таким образом, время второго решительного столкновения было отсрочено до вечера, т. е. до тех пор, пока, во-первых, должны были прибыть обе французские дивизии, ожидавшиеся в течение дня, во-вторых, наступившая ночь едва ли допускала переправу через Треббину. Этого вполне достаточно, чтобы прийти к заключению, что весь удар союзной армии в этот день неизбежно должен был оказаться безрезультатным.

Действительно, дивизии Оливье и Монришара подошли к двум часам. Первая разместилась по обеим сторонам большой дороги на Пьяченцу, чтобы сменить Сальма, вторая поспешно перешла Треббину и двинулась на Граньяно для поддержки центра.

Можно предполагать, что она состояла из части дивизии Руска, тогда как другая часть была направлена Виктором против Розенберга. Дивизия Ферстера трудно было бы пробиться и дойти до Треббии, если бы Монришар, беспокоясь за свой левый фланг вследствие отступательного движения Виктора, не счел нужным отступить за реку и разместить свой

левый фланг у Госсоленто. С обоих берегов Треббии велась жестокая канонада.

На французском правом фланге генерал Сальм был смещен за Треббией дивизией Оливье. Продвижение союзников к Треббии здесь не могло принять победоносного характера, так как генерал Мелас, несмотря на данное Суворовым указание, чтобы резервы преимущественно были готовы поддержать первую колонну, считал себя вынужденным отправить их для прикрытия большой дороги и для поддержки генерала Отта.

О дивизии Ватрена ничего не говорится. Утром она стояла еще у Пьяченцы и, повидимому, была нейтрализована одним только этим пунктом, т. е. тремя австрийскими ротами.

Таким образом, вечером 18-го союзники продвинулись до Треббии и за реку, левый фланг и центр до реки, правый — под командованием Розенберга — до Тавернаско, в получасе пути на той стороне реки. Но этот правый фланг, очутившись на чрезвычайно пересеченной и трудной для маневрирования местности, попал в изолированное и опасное положение, так что генерал Розенберг приказал из всей своей пехоты образовать большое карре и в таком положении провел ночь, а утром отошел за Треббину.

Результат этого дня снова получился неудачным для французов, так как их левый фланг понес большие потери; кроме того, они были отсечены с поля сражения, выбранного их дивизиями на левом берегу Треббии, опять на правый берег. Но этот результат никим образом не являлся еще решительным; речь идет только об одном единственном оружии, потерянном французами.

Если план Суворова был лишь планом плохо подготовленного марша и бой принял характер почти случайной схватки, то французы действовали без всякого плана, и командирам дивизии не было дано никаких распоряжений. Виктор по собственной инициативе, как это ясно указывает Жомини, с большей частью двух дивизий перешел через Треббину навстречу первой колонне союзников; то же сделал Монришар против второй колонны, Оливье остался на правом берегу. О Макдональде и его распоряжениях не говорится ни слова. То, что командующий мало имел возможности вмешиваться в ход сражения в такой пересеченной и защищенной местности между Треббией и Тидоне и до известной степени был нейтрализован, — это было в порядке вещей. Но основные тактические моменты должны были находиться под его влиянием. Переход генералов Виктора и Монришара через Треббину мог иметь два основания: во-первых, общий тактический принцип — повсюду выступать в качестве атакующей стороны, во-вторых, топографические особенности местности. Эта местность покрыта таким количеством естественных препятствий, что обзор и связь представляются на два или на три рукава, шириной в несколько тысяч шагов, когда нет подъема воды, является наиболее доступной и открытой частью всего района. Во время

сражения эта река была очень бедна водой и почти повсюду переходима вброд, кроме того, берега ее совершенно плоские, поэтому русло ее не представляло никаких препятствий для прохода, и можно думать, что войска, которым предстояло вести бой, предпочитали иметь реку позади себя, а не перед собой, так как это облегчало связь по фронту. Хотя мы из-за отсутствия плана и подробного описания и высказываем подобное предположение, но все же не хотим придавать ему никакого важного значения, другие местные условия и другие неизвестные нам мотивы могли здесь быть причиной. Но каковы бы ни были причины этого маневра, в нем невозможно усмотреть никакого заслуживающего одобрения плана.

Предполагалось, что французские войска еще сосредоточиваются, — Макдональд хотел свою атаку произвести только 19-го. В интересах французского главнокомандующего было выиграть время, т. е. задержать решительное сражение, между тем как французское наступление ускорило его, и если столкновение 18-го не привело к решительному сражению вопреки интересам и намерениям французского командующего, то это не было заслугой со стороны французских генералов.

Но что вообще могло получиться из этого лишнего всякого плана выступления против неприятеля, когда один идет вперед, другой остается на месте, и ни один не знает ничего о противнике?

За вычетом дивизии Ватрена и всех сил, потерянных Макдональдом до настоящего времени, войска его, выступавшие 18-го, вряд ли имели более 26 000 чел.; они вели бой в районе протяжением в 2 мили и благодаря пересеченному характеру местности, ограничивающему обзор и быстрые передвижения, для прикрытия своих флангов и взаимной связи были растянуты длинными тонкими линиями, которые согласно обычному методу того времени и применительно к характеру местности прерывались стрелковыми цепями. Если принять во внимание все эти обстоятельства, то можно сказать, что при такой форме сражения ни в коем случае нельзя было вырвать из рук победу у такого решительного противника, как Суворов, и если эта форма не привела к полному поражению, то причина этого заключалась лишь в том, что атака запаздывала и велась плохо и без всякой энергии.

Как бы для того, чтобы еще более показать, что события этого дня были лишены какой бы то ни было цели и плана, и превратить их почти в явление природы, лишённое воздействия разумной воли, в русле Требии с наступлением ночи возобновился бой, которого никто не хотел, никто не понимал и которым никто не руководил.

В 9 час. 3 французских батальона на Пяченческой дороге, взявшие вследствие лютной тревоги за оружие, поспешно и в беспорядке бросились в русло Требии. Союзные войска приняли это за атаку, открыли сильный артиллерийский огонь по французам и, когда последние начали отступать, некоторые отделения поспешно бросились за ними в русло реки. Французы повернули назад, началось пехотный бой, и с обеих сто-

рон были посланы подкрепления, чтобы выручить своих и прекратить бой, который благодаря этому испынул с новой силой. Так, подобно плохо потушенному пожару, снова само собой вспыхнуло сражение уже среди русла реки, которая, казалось, должна была служить для разъединения обоих противников и предоставить им возможность отдыха. Так как местность здесь была доступнее, чем во всем остальном районе, для действия конницы, то она с обеих сторон вступила в дело, и беспорядок этого ночного боя достиг высшей степени. Стоявшая на берегу артиллерия обоих противников ничего не могла различать при слабом свете луны, она стреляла в эту толпу устремившихся в бой одиночных людей вслепую, скорее для успокоения своей артиллерийской совести, в уверенности, что каждый несчастный выстрел, который, неся разрушение, попадал в собственные ряды, оплачивался подобным же выстрелом противника. Только через 2 часа, в 11 час. вечера, высшим командирам удалось положить конец этому бесцельному истреблению, и остатка ночи оказалось едва достаточно, чтобы восстановить утраченный порядок.

О результате этого боя нельзя сказать ничего, кроме той бесспорной истины, что всякого рода потери и всякое напрасное напряжение сил тяжелее отражаются на том, кто находится в более невыгодном положении и чьи силы уже надомлены.

У Боббио в этот день было все спокойно, и Моро, повидимому, вовсе не двигался в этот день или во всяком случае не переходил через Нови и Серравалле.

Гоценцоллерн и Кленуа начали производить разведку на правом берегу По и доходили до Пармы.

19 и 20 июня. Обе армии были изурены до крайней степени, но решение еще не было достигнуто. Суворов ожидал прибытия с правого берега По 5 батальонов и 14 эскадронов, которые частично прибыли еще 18-го вечером.

У Макдональда была еще одна дивизия, до сих пор не вступавшая в бой. Суворов был не такой человек, чтобы уступить раньше, чем его принудили к этому крайние обстоятельства; у французов происходило тогда нечто почти неслыханное. Кроме того, Макдональд был связан операциями Моро; с одной стороны, он мог ожидать от своего появления у Тортоны действительной диверсии, с другой, — своим слишком ранним походом он подвергал Моро опасности, а себя — ответственности. Борьба, следовательно, должна была еще раз возобновиться 19-го.

Суворов не дал никакой новой диспозиции, он считал, что диспозиция на 18-е осталась невыполненной и вечером этого дня дал только приказание, чтобы колонны на следующий день повели наступление за Треббио, а резервы держались наготове для поддержки генерала Розенберга.

Что касается Макдональда, то он дал на этот день настоящую диспозицию, согласно которой предполагался обход неприятельской армии с обеих флангов вполне в стиле тактики того времени. Домбровский дод-

жеп был двинуться в обход правого фланга союзной армии в направлении на Нивинано, а затем на Ривальто и Тун для охвата правого фланга.

Виктор и Руска должны были атаковать с фронта правый фланг, т. е. генерала Розенберга. Таким образом, на этом пункте опять выставились друг против друга те же самые войска. Оливье и Монришар должны были наступать в центре — первый на большой дороге, другой — на Гранино, Сальм же и Ватрен — на правом фланге между дорогой и По. На этот раз совершенно не предполагалось иметь значительные резервы. Растягивая фронт на $2\frac{1}{2}$ миль, полагали, что резервы не нужны, между тем как они были как раз необходимы: то преимущество, которое выигрывалось для парирования численного превосходства противника путем растяжения фронта, терялось вследствие ослабления всей линии, и резервы были тем нужней ей, чем более нарушался естественный закон тактической длины фронта.

Генерал Лапони был назначен для содействия центру, причем его задачей было отсечь русских на правом фланге за Траво.

Рассчитывал ли Макдональд на то, что Моро в этот же день уже появится в тылу союзной армии, — это остается до сих пор нерешенным; однако, он старался уверенностью в этом поднять мужество своих войск.

Ночной бой лишил войска необходимого отдыха, в котором они так нуждались; поэтому с обеих сторон движение началось не раньше 10 час. утра.

Французский левый фланг под командованием Виктора у Госсоленто перешел через Треббину, в это время Домбровский продвинулся за Ривальто и появился на правом фланге русских. Лично командовавший здесь Суворов послал против него Багратиона, который после ожесточенного боя отбросил его снова за Треббину. Благодаря этому маневру Багратиона между ним и Швейковским образовался интервал в 1 500 шагов, которым воспользовались Руска и Виктор, чтобы разбить Швейковского, атаковав его правый фланг. Он был отброшен в район Казалиджо. Но русские вели бой так же благоразумно, как и мужественно. Полк Розенберга при фланговой атаке образовал двухсторонний фронт и, таким образом, выдерживал нападение.

Важно здесь было не то, что образовался интервал и был отрезан фланг дивизии Швейковского; дело было в том, что Багратион, вероятно, был сильнее Домбровского, поэтому он и отбросил его за Треббину, Руска же и Виктор превосходили численно Швейковского, которому пришлось расклатиться за победу Багратиона. Однако, Багратион одержал победу скорее, чем Виктор, — он поспешил атаковать последнего на левом фланге, в то время как генерал Шателер, получив подкрепление в 4 батальона из дивизии Ферстера, явился с другой стороны и поддержал Швейковского с фронта. Бой возобновился с новой силой, союзники атаковали обе дивизии Виктора и Руска и принуждали их отступить за Треббину, причем 17-й и 35-й линейные полки были почти уничтожены. Рус-

ские сделали попытку перейти через Треббину, но безрезультатно. На берегу этой реки бой и на этот раз прекратился.

В центре и на левом фланге союзниками командовал генерал Мелас. В его распоряжении находились дивизии Ферстера и Отта, последняя из которых была усилена 18-го вечером тремя батальонами и одним кавалерийским полком, переброшенным сюда с левого берега По. Кроме того, здесь находилась в качестве резерва дивизия Фрелиха, состоявшая из 10 батальонов. Генерал Мелас утром перед началом сражения получил от Суворова вторичный приказ двинуть резервы вместе с драгунами Лобковича под командованием князя Иоганна Лихтенштейна направо, для поддержки генерала Розенберга. Мелас, будучи человеком старым и бодреньким, всегда считал наиболее угрожаемым тот пункт, на котором он сам находился; поэтому он и на этот раз предпочитал удерживать резервы у себя; однако, приказ Суворова был настолько решителен, что ему все-таки пришлось отправить их. Впрочем, он собрал своих генералов на военный совет, на котором было решено, что при таких обстоятельствах было бы рискованно переходить через Треббину, прежде чем правый фланг не закрепится на том берегу реки, и что, следовательно, желательно оставаться в оборонительном положении.

Хотя это решение в случае серьезной атаки со стороны французов вернее должно было повести к выигрышу сражения, чем сама атака, однако, оно противоречило ясно выраженному приказу Суворова и нейтрализовало целую треть боевых сил в случае, если бы французы не произвели атаки. Ясно, что Мелас смотрел на себя не просто как на подчиненного Суворова, но наполовину считал себя разделяющим с ним командование, и это было таким злом, которое могло подорвать все значение коалиции.

Итак, австрийский командующий остановился на этом решении, когда обе французские дивизии, Оливье и Монришара, перешли через Треббину и атаковали его. Обе эти дивизии вместе с правым французским флангом, состоявшим из войск Ватрена и Сальмы, вероятно, насчитывали 18 000 чел. Силы Ферстера и Отта могли расцениваться приблизительно в 16 000 чел.; но первый из них, как мы уже сказали, должен был отправить 4 батальона для поддержки Швейковского, а из них было по меньшей мере 3 000 чел., следовательно, оставались только 13 000 чел., которые вообще с трудом могли оказать сопротивление французской атаке в случае полного отсутствия резервов. Однако, в дело вмешался случай: когда обе дивизии Оливье и Монришара вступили в бой и уже могли надеяться на полный успех, князь Лихтенштейн, находившийся уже в пути к Суворову, был еще достаточно близко, чтобы не только немедленно повернуть назад и оказать поддержку Меласу, но и самому атаковать левый фланг противника. В результате этой атаки превосходящий сил противника дивизии Монришара была отброшена с такой силой, что была обращена в настоящее бегство, продолжавшееся до самой Пьяченцы, благодаря чему были обнажены фланги Оливье и Виктора. Князь

Лихтенштейн понял, какое важное значение будет иметь дальнейшее развитие достигнутого успеха; поэтому он не стал терять времени, чтобы снова повернуть и направиться к правому флангу, но точнее же обратился против Оливье, который под угрозой потери пути отступления должен был спешно переправиться обратно на правый берег Треббии, где он остановился, чтобы решительно воспрепятствовать дальнейшему продвижению союзных войск.

Правый фланг французов под командованием Ватрена имел против себя незначительные силы и без труда продвинулся до Календаско, откуда передовые его части доходили даже до моста Тидоне. После неудач на левом фланге и в центре Ватрен был отозван Макдональдом и совершил свой отход без значительных потерь. Он занял позицию также за Треббией.

Макдональд напрасно питал надежду, что во время сражения генерал Лапоин появится на правом фланге Суворова, что должно было более импонировать в отношении стратегическом, чем оказать помощь в тактическом. Этот генерал получил распоряжение Макдональда только 19-го в 11 часов утра, между тем как расстояние от Боббио до центра поля сражения — около 5 миль. Генерал Лапоин тотчас же двинулся через Траво, но не мог, как это вполне понятно, вовремя прибыть на поле сражения. Согласно сообщению Жомини, 20-го он находился выше С.-Джорджо и при известии об отступлении Макдональда, вероятно, направился в долину р. Нуры.

Таким образом, наступление французов было повсюду отбито, но они снова заняли свои прежние позиции. Хотя отражение наступления в обычных случаях рассматривается как победа, но в данном случае нельзя было говорить о решительном успехе союзников, пока французы не оставили своей позиции на Треббии; в общем, Суворов в такой же степени был наступающей стороной, как и Макдональд. Результат 3-дневного сражения пока что был следующий: союзники потеряли около 6 000 чел., французы — около 8 000 чел. Разница не слишком значительная, и так как оба противника имели почти одинаковые силы, то оставшиеся после сражения силы находились приблизительно в равновесии.

Большая продолжительность этой борьбы по обыкновенно заставляет думать о чрезвычайном упорстве и кровопролитности ее, — так дело изображается всеми авторами.

Однако, мы держимся того мнения, что продолжительность, другими словами, долговую неразрешимость боя более следует приписать топографическим условиям, чем необыкновенной храбрости войск. Чрезвычайно изрезанная местность может оказать на исход борьбы задерживающее влияние и вследствие этого ослабить ее интенсивность и удлинить ее во времени. Среди 6 000 чел., которых союзники потеряли в

сражении, вероятно, было 2 000 чел. пропавших без вести*, таким образом, на убитых и раненых остается 4 000 чел., что, очевидно, очень немного для 36-тысячной армии, выдержавшей три упорных сражения.

Из всех успехов, которые принесло с собой это трехдневное сражение, очевидно, не было ни одного, который можно было бы приписать действию геометрического или географического элемента. Форма позиций и топографические условия были совершенно равноценны для обоих противников. Их действительные потери, как мы видели выше, также мало разнились между собой.

Что касается стратегических условий, то они вовсе не имели такого характера, чтобы побудить к отступлению Макдональда в большей степени, чем Суворова. 18-го или 19-го Моро мог в тылу Суворова дать сражение Бельгарду; это он и сделал в действительности 19-го. Тогда Суворов должен был бы, не теряя времени, обратиться против него или же, в случае если бы присутствие Макдональда помешало ему в этом, переправиться через По.

То, что говорит Жомини для обоснования французского отступления об опасности, создавшейся в тылу Макдональда, которому угрожали Гогеццоллери и Кленуа, преувеличено, так как эти генералы прозводили в его тылу только поиски и не решились напасть на самый тыл. Во всяком случае Макдональд не имел достаточных сведений об их силах, так как Край мог послать им подкрепления. Впрочем, эти стратегические условия возникли уже тогда, когда Макдональд выступил в поход на Парму, — пока же еще существовала надежда на победу, у него не было никаких оснований для отступления.

Если французский главнокомандующий начал, таким образом, 20-го свое отступление, то основанием для этого должно было послужить состояние его армии. В этом сражении, как мы видим, был оставлен без внимания тот ясно выступающий принцип, который в сражениях имеет вообще решающее значение: принцип физического и морального истощения. Не потеря какого-нибудь пункта позиции, не обход фланга, не выдвижение центра вперед, не угроза тылу, не неудача конной атаки, не потеря батареи, не разгромы или местная путаница — все, что может оказаться достаточным для проигрыша сражения, по степени истощения войск, в конце концов, делает чашу весов настолько чувствительными, что победителем оказывается тот, на чьей стороне остается хотя бы ничтожное преимущество. Но речь здесь идет не только о физических, но еще в большей степени о моральных силах. Здесь именно важен не тот перевес в какие-нибудь несколько тысяч человек, кото-

* Австрийские данные сообщают только о 497 пропавших без вести; но так как 244 убитых и 1816 раненых — это совсем необычная пропорция, то следует 800 раненых причислить к пропавшим без вести; известно, что немцы изначально неохотно дают подобные сведения, так что при всем желании при подсчете нельзя доискаться истины. Русские данные указывают 675 убитых и 2 986 раненых, т. е. на каждого убитого приходится 4—5 раненых, что составляет обычную пропорцию.

рый мог оказаться на стороне союзников, но моральное состояние. Французы в трех столкновениях каждый раз были до некоторой степени в невыгодном положении, что разрушительным образом действовало на структуру их армии; то, что осталось, было скорее *scrap metal**. Впечатление от трехдневных неудач все суммировалось и возрастало, и как у командующего, так и у войск возникло сознание недостаточности сил, из чего вытекал только один вывод—отказ от большого сражения.

Отход Макдональда за Апеннины

Не получая ни малейших известий ни от Моро, ни от Лапона и не будучи в состоянии вести дальнейшую борьбу с Суворовым, Макдональд начал после полноточия отступать, пока только за р. Нуру. Виктор с 3 дивизиями левого фланга пошел на С.-Джорджио, оставив сильный аррьергард на Треббине. Ватрен со своей дивизией и с дивизией Оливье миновал Пьяченцу и затем вышел на большую дорогу на Понте-Нуре. Резервы под командованием генерал-адъютанта Ля Круа были направлены за Ронкальо между дорогой и По. Монришару было дано поручение спешно направиться на Таро, очистить местность от партизанских отрядов Кленау и Гогенцоллерна и занять Парму. Его дивизию сопровождали обоз и тяжелая артиллерия.

Суворов вечером 19-го не получал еще никакого известия о том, что произошло между Моро и Бельгардом, но получил донесение, что французы производят набег (поиски) на Вогеру и Кастеджио. Хотя Суворова должна была беспокоить участь Бельгарда и вытекающие из нее для него самого последствия, он не все же не удовлетворился достигнутым успехом и не двинулся немедленно против Моро, как это, конечно, сделал бы обыкновенный генерал, а решил не упускать из рук победу, на которую он имел уже право, и новым смелым ударом 20-го заставить противника склонить свои знамена. Он ограничился тем, что оставил для прикрытия своего тыла 2 эскадрона и 1 казачий полк у Кастеджио, послал 1 батальон пехоты на Гардаццо между С.-Джованни и Страделлой и 3 других батальона к Парпанезе и к предместному укреплению, сам же уже в 4 часа утра повел новое наступление в том же порядке, как и накануне.

Нет слов для того, чтобы выразить все восхищение этим решением союзного главнокомандующего. Согласно ложным или сомнительным сообщениям о силах Моро он мог ожидать, что тот в долине Тортоны располагает армией в 25—30 тыс. чел., чего, впрочем, было более чем достаточно для того, чтобы отбросить Бельгарда за По; ему достаточно было даже 20 000 чел. для нового решительного сражения. Считая понесенные потери и корпус, который пришлось оставить против Макдональда, Суворов не мог, конечно, выступить против него с 20 000 чел.,

и, таким образом, исход этого нового решительного сражения казался весьма сомнительным. Обыкновенный генерал постарался бы во всяком случае подойти ближе к своему мосту у Парпанезе. Следствием этого было бы то, что он, действительно, оказался бы между двух огней и решился бы, не теряя времени, жертвуя своей победой, отказавшись от своей цели и с большими потерями, достигнуть левого берега По. Это было бы полным стратегическим поражением. Для достижения такого результата не было необходимости и в тех силах, которые на основании слухов приписывали генералу Моро. Достаточно было тех сил, которые были у него в действительности. Но Суворов понимал, что прежде всего нужно довести до решительных результатов операцию против Макдональда, что и было бы большой ошибкой, благодаря слишком раннему отходу, выпустить из рук уже достигнутые результаты, чтобы снова в другом месте искать победы, которой он здесь уже почти добился; для этого ему нужно было нанести еще только один единственный удар. Его суровому натурализму всегда была свойственна идея, которая так часто вытесняется ложной теорией, что все дело в победе, где бы и против кого он ни сражался. Если бы Суворов, подобно аррьергарду Карлу, всегда придавал значение географическим пунктам, он не мог бы разделить подобной идеи. Доведя свою победу над Макдональдом до полной уверенности и осуществления, он вместе с тем одерживал стратегическую победу и над генералом Моро, и чем более блестящей была эта победа, тем сильнее отразилась бы она на положении Моро и тем более у Суворова устранились бы все сомнения в его собственном положении.

Союзная армия при своей переправе через Треббину нашла эту реку занятой лишь незначительными частями войск, которые оказали слабое сопротивление, и, таким образом, Суворов был немедленно вознагражден за свою твердость уверенностью в победе. Во многих случаях только преследование даст войскам уверенность в собственной победе; тем более это верно для данного случая, когда во время самого сражения едва могла идти речь о захвате одного единственного орудия; в данном случае размеры победы могли быть обнаружены и осознаны только во время преследования; в этом отношении день 20 июня нужно рассматривать как день настоящей победы.

Тотчас же после того, как союзная армия перешла через Треббину, был захвачен неприятельский шпион, который с письмом Макдональда находился в пути на Периньян; он сообщил об отступлении, об огромных потерях, которые понесли французы, и объяснил это расстроением состоянием своей армии. Это открытие воодушевило Суворова новой энергией и побудило его еще раз дать сражение Макдональду. Поэтому он приказал ускорить марш до высшего напряжения, в случае необходимости с боем форсировать р. Нуру и продвигнуться до р. Арды.

Дивизия Ферстера должна была примкнуть к Розенбергу, а этот последний должен был взять направление через Госсолето и Таверна-

* Величина, не имеющая значения, которой можно пренебречь.

ско на С.-Рокко против С.-Джорджии. Мелас и дивизии Отта и Фрелиха должны были направиться мимо Пьяченцы до Понтепуре.

Виктор занял деревню С.-Джорджии с 17-й полубригадой, выставив для защиты переправы 2 орудия и 6 эскадронов. Главные силы стояли сзади. В планы Виктора не входило с такими силами принимать бой. Он намеревался уже выступить, когда правая фланговая колонна Суворова, при которой находился он сам, произвела стремительное нападение, не дав времени противнику для отступления, атаковала С.-Джорджию в нескольких пунктах, наконец, совершенно отрезала 17-й полубригаде путь отступления и заставила ее в составе 1100 чел. положить оружие; весь корпус Виктора был приведен в такой ужас, что частью в беспорядке отступил на Кадео на большой дороге, частью рассеялся в горах. Эта последняя часть потом снова собралась к Кастель-Арквато на Арде.

Розенберг вел преследование до Монтекаро на Кьявенне.

Генерал Мелас нашел в Пьяченце генералов Оливье, Сальма, Руска и Камбре и 5000 раненых и, кроме того, только слабый гарнизон. Он приказал Фрелиху остаться там (кажется, вопреки планам Суворова) и направился к Нуре только с дивизией Отта. С такими силами он был слишком слаб, чтобы отбросить генерала Ватрена, который отступил только тогда, когда его вынудило к этому бегство левого крыла, и имел еще время спасти парки левого фланга. Он отступил на Фьоренцуолу.

Отряд у Ронкальо не был атакован, по приказанию Макдональда он направился к Кортэ-Маджоре.

Таким образом, Макдональд в первый день своего отступления прошел около 4 миль до района за Ардой.

Генерал Лапони, который, как мы уже сказали, согласно сообщению Жюмьи, 20-го находился выше С.-Джорджии, при известии о спешном отступлении Виктора, как это весьма вероятно, повернул назад на Гоббио. Однако, он нашел этот пункт уже занятым войсками генерала Велеского и произвел безуспешную попытку снова овладеть им; после этого, как сообщают источники, его войска рассыпались в горах и перешли через них по тропинкам маленькими отрядами.

21 июня. Войска Виктора, собравшиеся у Кастель-Арквато, еще ночью выступили на Борго С.-Доннио, куда прибыли рано утром; там они еще застали Монришара, который после этого двинулся на Парму и отбросил оттуда форпосты Гогенцоллерна. Макдональд, повидимому, со всеми соединенными дивизиями находился на большой дороге.

В этот день он отступил в район за Таро.

Суворов в этот день достиг района за Ардой, авангард его под командованием Отта продвинулся до Борго С.-Доннио.

22 июня. В этот день Макдональд дошел до Реджии, дивизия Виктора, вероятно, отделилась от Макдональда и являла путь через Форново на Понтремоди, где мы ее находим позднее, не рассматривая более подробно ее дальнейшего марша.

Теперь Суворов решил выступить против Моро; поэтому он дал 22-го отдах своим войскам, поручив дальнейшее преследование генералу Отту, который должен был установить связь с Гогенцоллерном и Клену.

Днем 21 июня заканчиваются операции, связанные непосредственно с сражением. Общая сумма пленных, включая сюда и раненых, исчислялась в 12—13 тыс. чел. с 8 орудиями.

Считая от 3 до 4 тыс. убитых и раненых, оставленных на поле сражения, потери Макдональда можно определить в 16 000 чел., и со включением больных и оставших можно считать, что у него осталась половина из тех 37 000 чел., с которыми он перешел через Апеннины.

Хотя дальнейшее отступление Макдональда за Апеннины несколько замедлилось, но все же оно в такой степени было следствием сражения при Треббии, что мы не можем отклониться от его описания. Поэтому мы намерены, прежде чем перейти к операциям на Скривии, рассказать о дальнейшем ходе событий в восточном секторе театра войны до перехода Макдональда на западный.

22-го Макдональд должен был у Реджии произвести перемещение своей армии, состоявшей теперь из дивизий Домбровского, Монришара и Ватрена и резерва под командованием генерал-адъютанта Ля Круа.

23-го Макдональд продолжал свое движение. Домбровский направился в Апеннины на Кастельнуово-ди-Монте с целью прикрыть выход на Ривьеру у седловины горного хребта, где находились истоки Секкии и откуда шел путь на Фивизцано.

Ватрен и Ля Круа направлись на Модену, Монришар остался у Крестоло.

Генерал Отт продвинулся до Реджии и установил связь со стоявшими вью от него Клену и Гогенцоллерном.

24-го Монришар под давлением Отта отступил на Рубьеру. Макдональд очень хотел на этот день удержать свою позицию за Секкией, чтобы дать время своим обозам безопасно отойти за Апеннины. Главными силами он занял мысы Рубьеры и Понтальто (дорога на Карпи), бригада Кальена была послана на Сассуоло и войска Ля Круа с резервами выставлены у Формиджине.

Так как Секкиа преграждена высокими плотинами и ее русло не так постоянно, как русло Треббии, то ее легче было оборонять.

Атака, произведенная Оттом на мост Рубьеры и Гогенцоллерном и Клену на Понтальто, не имела никакого успеха. Попытки генерала Отта послать в атаку против французского левого фланга конницу под командованием полковника Киззевича, перешедшего реку вброд выше Рубьеры, вовлекла его в неудачный бой с французской кавалерией. Еще неудачней был результат дальнейшего обхода. Отт послал майора Пастори с батальоном пехоты и 1 эскадрон конных егерей на Сассуоло, чтобы там перейти реку и затем, где это окажется возможным, выйти на

дорогу Модена — Пистойя, по которой двигались обозы Макдональда. Бригада Кальена, стоявшая у Сассуоло, оказала слабое сопротивление, так что Пастори легко овладел этим пунктом. Но сюда поспешили резервы под командованием Ла Круа, и результат был такой, что весь австрийский отряд силой в 700 чел. с 2 орудиями был взят в плен.

Австрийские источники изображают дело так, что будто бы этот отряд защищал пост майора Пастори до последней возможности, чтобы заградить путь на Пистойю. Однако, мы знаем, что Сассуоло лежит не на этой дороге, а на другой, находящейся в одном часу пути восточнее и ведущей из Модены на Кастельнуово-ди-Монте. Нам приходится оставить как собственные планы майора Пастори, так и обстоятельства, приведшие к катастрофе, во мраке неизвестности, которым окутан рассказ об этом событии; во всяком случае, можно сказать, что все это произошло от неудачного проявления доброй воли Пастори.

25-го Макдональд занял позицию у Формиджине у подножия горного хребта, оставив 600 чел. в форте Урбино и отправив дивизию Монришара на Болонью. Виктор стоял у Понтремоли.

Генерал Отт двинулся на Модену. Генерал Кленуэ оставил отряд у форта Урбино и направился к Болонье. О Гогенцоллерне ничего не говорится, вероятно, он получил приказ вернуться к генералу Краю.

В таком расположении войска обеих противников оставались у северного подножия Апеннин до первых дней июля, когда Макдональд повел свои силы на Пистойю, послав приказ генералу Монришару* отступить к Флоренции.

Об этом походе через Апеннины, так же как и о марше на Геную, мы не имеем полных сведений. Болонья сдалась Кленуэ уже 6 июля на условии свободного выхода гарнизона. Урбино держался против Отта так долго, что последний уже имел приказ отойти на Мантую, когда 10 июля был сдан на тех же самых условиях.

Макдональд в Лукке делал приготовления к маршу через Корниш на Геную, пока Монришар и Виктор держались в Апеннинах, чтобы прикрыть этот трудный марш и затем последовать за Макдональдом.

Так как у побережья не было английских кораблей, то оказалось возможным погрузить на суда парки и тяжелую артиллерию. Легкая артиллерия была переправлена на вьючных животных. Таким образом, эта армия силой в 14 000 чел. в очень плохом состоянии 17 июля пошла к Генуе.

Моро атакует Бельгарда на Скривии

Из 26 000 чел., составлявших армию Моро, не считая лигурийских войск, он отправил, как мы знаем, 7 000 чел. для присоединения к Макдональду; несколько тысяч человек под начальством Лапоппа было послано на Боббио; генерал Периньон с 3 батальонами и дивизией Лабуасьера оставался у Генуи; следовательно, у самого Моро оставались

силы в 14 000 чел., с которыми он намеревался начать свое наступление.

Так как при армии Моро находились также лигурийские войска, о численности которых нигде не говорится, то крайне трудно судить о распределении всех его сил.

Если считать, что лигурийские войска имели от 4 до 5 тыс. чел., Виктор — 7 000 чел., Лапопп — вероятно, около 2 000 чел., сам Моро — 14 000 чел., то на Генуэзскую область останется около 7—8 тыс. чел. Вероятно, они стояли не только у Генуи, как говорят историки, но часть их предназначалась для прикрытия западных горных проходов.

Генерал Моро, как мы уже сказали, 16 июня сосредоточил эти 14 000 чел. у Гави. Он разделил их на 2 дивизии; первая под командованием Гренье состояла из бригад Кенеля, Гардана* и Партуно и имела численность в 9 500 чел., другая под командованием Груши состояла из бригад Коалли и Гарро численностью в 4 500 чел. Артиллерия обеих дивизий состояла только из 15 орудий.

Мы видели, что из 54 000 чел., которые составляли соединенные силы Суворова и Бельгарда, 8 000 чел. оставались в Турине под начальством Кайма и 30 000 чел. находились с Суворовым на Треббине; следовательно, в районе между Скривией и Танаро оставалось под командованием Вукасовича, Зексендорфа и Бельгарда около 16 000 чел., они были заняты осадой цитаделей Александрии и Тортони. Как из неизвестных были силы, с которыми Моро начал свое наступление, все же можно было предполагать, что при умелом использовании они окажутся достаточными, чтобы освободить от осады обе цитадели и принудить Бельгарда отступить за По.

Генерал Моро мог двинуться от Гави на Александрию по Тортонской дороге; поэтому Бельгард в случае, если бы он не захотел сразу отказаться от осады одной из цитаделей, был не в состоянии предотвратить разрыв своих сил. Из своих 16 000 чел. ему не следовало выставлять против Моро в районе С.-Джуджано 6—8 тыс. чел., которым пришлось отклониться за Бормиду; этот отход за Бормиду мог настолько затруднить их, что они, вероятно, оказались бы в очень тяжелом положении между Скривией и Танаро. Одним словом, если бы Бельгард 17-го не растянул свои силы на протяжении 6 миль от Тортони до Ниццы, где стоял Вукасович, то, повидимому, ему нетрудно было бы оказать успешное сопротивление.

* Эти данные мы берем у Жюмини, который не только называет бригаду Гардана, но говорит о личном присутствии этого генерала. Так как генерал Гардани в качестве команданта оставался в Александрии и сдал этот город, то или имелось два генерала с такой фамилией, или же Жюмини допустил здесь ошибку. Последнее тем более вероятно, что в таблице распределения сил французской армии в марте имеется только один бригадный генерал Гардани. Может быть, здесь Гардана нужно заменить генералом Грашианом, который командовал бригадой Итальянской армии.

Моро 17 июня выступил с дивизией Груши по главной дороге на Нови и с дивизией Гренье по проселочной дороге вдоль Скривии, которую она перешла выше Серравалле, вероятно, на высоте Нови. 18-го он, повидимому, имел дневку.

Бельгард уже 17-го оттянул свою пехоту, размещенную в горах, оставив против неприятеля только часть кавалерии, и сосредоточил свои главные силы у Синьетто, на скрещении дорог из Тортоны и Нови на Александрию.

Вукасович сосредоточил свои силы у Ниццы, Зекедорф — у Кастельо-дель-Энца, Альянкин остался у Тортоны.

18-го Бельгард приказал Альянкин снять осаду Тортоны и присоединиться к нему. Вукасович в тот день прибыл в Канталупо, в одной миле к югу от Александрии, и занял Бормидо. Зекедорф получил командование над силами под Александрией.

19-го Моро с дивизией Гренье продвинулся до Тортоны, бригады Кенеля и Партуно остались на Скривии, Гарданиа он отправил по Вогерской дороге к Понте-Куроне; последний приказал своей легкой кавалерии продвигнуться до Вогеры, откуда она была отброшена отрядом союзной армии. Груши в этот день дошел до Беттоле-ди-Вилла в одночасе пути к югу от Тортоны, авангард его продвинулся до Гарофольдо.

Это движение Моро по обоим берегам Скривии, повидимому, было предпринято с намерением вызвать тревогу и побудить Суворова изменить свое направление. Оно являлось скорее демонстрацией, чем преследовало достижение какого-либо важного объекта, так как освобождение Тортонской цитадели не могло служить для него достаточным основанием.

20-го Гренье должен был продолжать свой марш на Вогеру, а бригада Партуно остаться у Кастельоуво. Груши должен был атаковать австрийские форпосты, стоявшие со стороны С.-Джулиано, отбросить их за этот пункт и затем ожидать нового приказа. Если бы это было закончено к полудню, то бригада Партуно, оставленная у Кастельоуво, должна была следовать за генералом Гренье на Вогеру, а последний — продолжать свой марш к Треббину, в то время как Груши должен был весь день 21-го держать генерала Бельгарда под ударом, а ночью возобновить марш и догнать Гренье.

Мы приводим этот план Моро на основании труда Жюминя, не будучи в состоянии разоблачить полную неразумность этого плана, которая с первого взгляда бросается в глаза. Мы с трудом решаемся верить, что знаменитый полководец предпринял подобную операцию, которая выглядит так, как будто бы она составлена человеком в состоянии сна; рассматривая возможные данные со всех сторон и со всех точек зрения, мы находим их почти невероятными. Следовательно, принимая столь глупый план одному из высочайших талантов французских полководцев, мы оставляем это на ответственности Жюминя.

19-го, когда Моро выбирал этот план, он должен был, по крайней мере, знать, что обе армии находились в районе рек Тидоне и Треббиа и что уже 17-го на первой реке произошло сражение. Совершенно неверно, чтобы он не слышал шума оружейной канонады. Но до вечера 21-го Гренье не мог достигнуть этого района, следовательно, до 22-го не мог принять участия в действиях. Как возможно было ожидать, что сражение в течение пяти дней останется нерешенным! Если бы даже это и случилось, то Гренье со своими 2 бригадами, т. е. приблизительно с 6000 чел., оказался бы в тылу Суворова, следовательно, был бы разобщен с Макдональдом и не мог бы действовать совместно с ним. Между тем Бельгард мог бы разбить дивизию Груши и перерезать Моро дорогу на Бокету. Но если бы Гренье оказался в тылу Суворова после окончания сражения, в чем едва ли можно было сомневаться, и Суворов оказался бы победителем, то ничего не могло быть легче, чем отрезать Гренье от Апеннин.

Таким образом, генерал Моро подвергал себя опасности с обеих сторон ради едва ли возможного успеха. Как может генерал рассчитывать на участие в сражении, продолжающемся уже два дня, от которого он находится еще на расстоянии 10 миль, и не счесть в тысячу раз более естественным атаковать противника, непосредственно стоящего перед ним с более слабыми силами? Если даже допустить, вопреки всякой вероятности, что генерал Моро 19-го ничего еще не знал о двух сражениях 17-го и 18-го в 10 милях от него, и предположить, что Суворов, покинувший Кастеджио 17-го, в течение 18-го, 19-го, 20-го и 21-го еще не атаковал своего противника, то все же было глупостью давать дивизии в 6000 чел. такое направление, что она оказывалась отрезанной от главных сил своей армии силами неприятельской армии в 36 000 чел.

Если же генерал Моро имел намерение только произвести демонстрацию, чтобы побудить Суворова изменить направление до решительного сражения, то нужно было бы действовать иначе и как можно скорее послать одну бригаду за Вогеру. Впрочем, это вообще не было разрешением задачи, так как целью соединения было разбить Суворова. Незаслуженным счастьем для Моро явилась неосуществимость его предположения о том, что Груши без труда отеснит австрийцев за С.-Джулиано и затем спокойно сможет занять там позицию.

Бельгард 20-го сосредоточил у Синьетто 7—8 тыс. чел. Вукасович с 6000 чел. находился у Канталупо. Когда Груши 20-го утром перешел Скривию, атаковал тремя колоннами австрийские форпосты и овладел С.-Джулиано, Бельгард послал подкрепление из 4 батальонов и отбросил французов. Затем подшел сам Бельгард с остальными войсками, и Груши попал в тяжелое положение, которое могло бы закончиться полным его поражением, если бы Моро, получив его донесение, не приказал тотчас же идти на С.-Джулиано бригаде Кенеля, уже выступившей на Вогеру, и не направил бы туда также и Партуно. Прибыв с бригадой Кенеля, Гренье сформировал из нее две атакующие колонны и бро-

сился на австрийский центр с такой решительностью, что разгромил его и отрезал от пути на Александрию правый фланг, который должен был атаковать левый фланг Гружи. Когда этот фланг взял путь на Нови, навстречу ему от Тортоньи выступили Партуно, — окруженный со всех сторон, он был вынужден сложить оружие. При таком повороте, сражения генералу Бельгарду оставалось думать только об отступлении за Бормиду, которой он достиг тремя колоннами, потеряв 900 чел. убитыми и ранеными и 1360 чел. пленными.

Вукасович, повидимому, не принимал никакого участия в этом сражении; занимая Бормиду, он был, благодаря этому, нейтрализован.

Таким образом, судьба до некоторой степени помогала генералу Моро одержать победу в своем тылу. Однако, он, как говорит Жомини, хотя это должно казаться совершенно неподходящим, принял решение снова идти на Пьяченцу, утратив благодаря этому до некоторой степени плоды своей победы, тогда как переход через Танаро или через Бормиду удваивал бы ее и мог бы ослабить Александрию. Эта переправа, возможно, сопряжена была бы с некоторыми трудностями вследствие недостатка переправочных материалов, но ее нельзя считать невозможной, и пункт для переправы нужно было искать до Акви. Бельгард также, по утверждению Жомини, уже вполне готов был начать отход на Валенцу.

Однако, обоим полководцам пришлось отказаться от своего намерения при получении одного и того же известия.

20 июня сдался цитадель Турина, после того как десять дней назад были проведены траншеи. Здесь союзники снова захватили огромные запасы, между прочим, 618 орудий, 40 000 ружей и 50 000 центнеров пороха.

Это известие, естественно, побудило Бельгарда остаться за Бормидой, не говоря уже о еще более важном известии — о победе при Треббии.

Моро сосредоточил свою маленькую армию в районе между Александрией и Тортонью, как будто бы намереваясь переправиться через Бормиду или Танаро, снабдив цитадель Тортоньи новыми продовольственными запасами и при приближении Суворова 24-го к Сквивии начал отступление на Гави, откуда он позднее двинулся на заранее подготовленные позиции.

Суворов дал отдых своим войскам, разбил лагерь на Орбе, отправив авангард к Нови и приказав снова начать осаду Тортоньи.

Выводы

Большую часть теоретических вопросов, касающихся событий, изложенных в этой главе, мы уже подвергли рассмотрению в самом ходе рассказа; поэтому нам остается только сделать еще несколько отдельных замечаний.

Французы

В этой главе в поведении Моро мы совершенно не находим действий, в которых обнаруживались бы талант и решительность характера. Кажется, что крайне неостаточно было продумано, какие операции мог начать Моро совместно с наступающим Макдональдом. Сначала, повидимому, думали, что все дело в соединении, и это соединение предполагалось на Ривьере; при дальнейшем развитии событий обнаружилось затруднение, время и средства для беспрепятственного соединения на равнине были упущены, и тогда вдруг возникла мысль о двойном наступлении и о сложной операции. Это была мимо гениальная идея, внезапно родившаяся на свет, которая без всяких размышлений и расчетов интуитивным путем нашла якобы правильное решение.

Так думали тогда. Мысль о соединении до решительного сражения теперь совершенно исчезла, и таким образом было утрачено простейшее и вполне естественное стремление. Объект этой двойной операции, собственно, не был определен и растворялся в излюбленных цветистых фразах. Повсюду мы видим отсутствие ясно намеченных целей и средств для их достижения.

В медлительном наступлении Моро против Тортоньи мы находим вообще недостаток решительности. Вполне вероятно, что ему ничто не препятствовало сосредоточить свои силы у Гави на день раньше, т. е. 15-го, а 16-го быть уже у Тортоньи, — ничего, кроме страха, что Суворов может повернуть, обратиться против него. Но и тогда у него оставалось бы время для отступления. Это была задача не из легких, однако, в процессе ведения войны возникают еще более трудные задачи, и во всяком случае Моро обязан был выполнить эту задачу, чтобы помочь своему товарищу по оружию. Если бы Моро благодаря этому хоть на несколько дней задержал Суворова, то Макдональд подошел бы ближе и соединение было бы достигнуто до решительного сражения. Но если бы Суворов повел наступление против Макдональда, то Моро, по крайней мере, имел время, чтобы до некоторой степени компенсировать неудачу, действуя против Бельгарда в соответствии со сложившимися условиями.

Генералу Макдональду, по нашему мнению, можно сделать только один упрек, что он не держал сосредоточенными свои силы для главного удара, разбросав их во времени и пространстве, и, располагаясь сражением, действовал просто по господствовавшему тогда методу, не проявляя собственной инициативы. Мы, пожалуй, достаточно уже указали, что, оставаясь на большой дороге, он действовал не вопреки планам Моро. Его ошибка заключалась в том, что на Треббии он хотел использовать свои силы более на правом, чем на левом фланге. Это было ошибкой не потому, что последнее лучше обеспечивало связь с горным районом, ибо Моро стоял не в горах, и не потому также, что этот генерал вообще находился влево от него, но исключительно по той причине, что на протяжении 3—4 переходов большая дорога, по которой проходил путь его

отступления, у Пьяченцы образует поворот к левому флангу, и, следовательно, с этой стороны мы более всего угрожала опасность.

Союзники

Прежде всего мы можем спросить: что означало отправление генерала Гогенцоллерна за По? Если этот генерал совместно с Кленуа должен был прикрывать осаду Мантуи, то они могли лучше выполнить это, находясь за рекой По, чем перед нею. Здесь не играли никакой роли страх, испытываемый гениальным полководцем перед всякой обороной реки, а также мысль о том, что этот маленький корпус лучше можно использовать в открытом поле, чем за водным барьером, шириной в 800 шагов. Впрочем, почему вообще так заботились об осаде Мантуи? К обожению ее еще не приступали, в крепости не было недостатка в съестных припасах, поэтому срыв осады не имел никакого значения. Мог ли Макдональд ради такого объекта, лишенного всякого значения, двинуться за По (для этого у него отсутствовали все необходимые средства), оставить на произвол судьбы Моро и свои коммуникации и даже отрезать себе возможный путь отступления? Если подобное предположение считалось вероятным в войсках, стоявших против Макдональда, то это, конечно, доказывает только то, что тогда, а, вероятно, также теперь, в больших скоплениях людей как военных, так и невоенных, так мало еще имеется методов для правильного понимания вещей и критики, что явления, совершенно не внушающие страха, имеют в их представлении большее значение, чем те, которые действительно могут внушать страх.

Мы никоим образом не хотим осуждать тот факт, что оба корпуса Гогенцоллерна и Кленуа были выставлены против Макдональда на той стороне По, только это нужно было сделать не в виде принесения человеческой жертвы Минотавру, а для того, чтобы отступать на Суворова для подкрепления сил этого полководца. Уже одно это эксцентрическое отступление могло сделать невозможной всякую мысль о переходе По Макдональдом.

Может возникнуть вопрос, не лучше ли поступил бы Суворов, продолжая преследование Макдональда, чтобы причинить ему большие потери или даже вовсе вытеснить его из Аннины, не было ли более выгодным создать для Моро в его тылу неблагоприятные условия? При ближайшем рассмотрении условий отступления окажется, что для этого не представлялось случая. В самом сражении Суворов во всяком случае мог отвести своего противника от гор и от дороги на Парму, что являлось необходимым, в случае, если бы он имел свободу использования большей части своих сил на правом фланге. Но Суворов не мог оставить на произвол судьбы большую дорогу, и, таким образом, само собой отпадало стремление к этой чрезвычайной цели. При отходе Макдональда по большой дороге было немисливо отрезать его от всех путей на Флоренцию, так как на расстоянии длиной в 12 миль была возможность уйти в Аннинны, и отряды Макдональда на большой дороге всегда могли

двигаться быстрее, чем те отряды, которые мог выслать Суворов через горы для того, чтобы отрезать их. Во всяком случае число трофеев могло бы быть значительно увеличено, если бы Суворов продолжал преследование генерала Макдональда еще на три перехода, т. е. до района Реджио, и если бы соединенные силы Гогенцоллерна и Кленуа выступили против Макдональда на каком-нибудь пункте большой дороги. Это, возможно, побудило бы этого генерала скорее направиться в горы, и при этом часть парков, тяжелой артиллерии и обозов могла быть потеряна. Но это заставило бы генерала Суворова отклониться от Скриви на 8 дней пути, совместные операции с Гогенцоллерном и Кленуа были ненадежны и даже опасны, поэтому трудно упрекать союзного командующего за то, что он не пошел на это.

В заключение нам следует еще отметить то влияние, которое оказала на события этого дня личность Суворова. На том пункте, где он находился, союзники всегда оказывались решительными победителями, хотя бы они вели бой, не имея численного превосходства над противником; наоборот, Мелас всегда сталкивался с трудностями, и без Суворова они представлялись бы ему еще большими. Обыкновенный полководец, так серьезно угрожаемый с тыла, не продолжал бы боя 19-го и 20-го и еще менее был бы способен вести преследование до Арды. Мужество всегда является на войне важнейшим элементом, но в высших областях большой ответственности оно имеет значение только в том случае, если оно опирается на сильный ум; поэтому так много могут достигнуть храбрые солдаты, даже в незначительном числе, предводимые мужественными и предприимчивыми полководцами.

ГЛАВА V

ВЗЯТИЕ СОЮЗНИКАМИ МАНТУИ И АЛЕКСАНДРИИ. СУВОРОВ НАНОСИТ ПОРАЖЕНИЕ ЖУБЕРУ ПРИ НОВИ

Положение армии Суворова после сражения при Треббии

Причинив потери Макдональду и оставив против него Отта, Суворов с армией около 20 000 чел. двинулся к Сирвини; там он мог получить около 5 000 чел. от Кайма, если последний оставил бы другие свои силы для гарнизона Турина; такое же количество — от Бельгарда, если бы под Александрией и Тортоной были оставлены минимально необходимые силы; в таком случае он имел бы 30 000 чел., с которыми ему предстояло атаковать Моро и против которых этот генерал мог выставить около 20 000 чел. Таким образом, не было никаких сомнений, что Суворов может одержать над ним новую победу. Победа сама по себе имеет известное значение, даже в том случае, когда победитель не знает, как ее использовать. Но если это абсолютное значение победы является достаточным мотивом для полководца, чтобы понести потери и подвергнуть себя опасностям, всегда сопряженным с большим сражением, то, по крайней мере, победа должна служить тем, чтобы занять независимое положение и быть гарантированным от всяких посторонних взглядов и условий, которые могут отвечать от принятого решения. Было ясно, что последний Суворову добиться не удастся. Австрийскому двору более всего было по сердцу завоевание укрепленных пунктов, предпочтительно перед всем остальным. Всякого рода боевые операции должны были предприниматься лишь для того, чтобы способствовать этому завоеванию и обеспечивать его.

Все дальнейшие планы наступления, имелось ли при этом в виду вторжение в графство Ниццы или даже в Прованс, вселяли в него страх и, конечно, не без основания.

Итак, Суворов в вежливой форме получил указание позаботиться о завоевании укрепленных пунктов и по возможности отказаться от других

операций. Стоя по главе союзной армии, Суворов всегда был как бы на положении иностранца, так как в его армии русские составляли только $\frac{1}{5}$, а $\frac{4}{5}$ — австрийцы. Россия выступала более как вспомогательная держава, интересы которой, в общем, были подчинены интересам Австрии.

При таких условиях Суворов не мог действовать с такой самостоятельностью, как, например, Мальборо, Евгений или Конде, и если бы он решился на это, то ему грозила бы опасность, что Мелас откажет ему в повиновении. Следовательно, если бы он под влиянием своей победы при Треббии захотел дать новое удачное сражение Моро, ему по крайней мере необходимо было провести его с блестящим и несомненным успехом, чтобы не подвергать себя очень большой ответственности.

Если мы спросим теперь, что могло бы случиться, если бы Суворов атаковал Моро на его позиции в горах, то случилось бы то, что этот генерал принял бы сражение, проиграл его и тогда или вступил бы со своими главными силами в Геную, а свой левый фланг послал бы к Ницце или же снабдил бы Геную гарнизоном только в 12 000 чел., а сам с остальными 10 000 чел. пошел бы на Ниццу; наконец, он мог сделать или то, или другое, не вступая предварительно в сражение. Ясно, что теперь Суворов, как это и случилось в действительности, был у цели своего похода или, вернее, уже перешел за нее, так как его 30 000 чел. были недостаточно, чтобы держать в осаде Геную, послать корпус против Ниццы и еще предпринять какие-либо действия против Макдональда в Тоскане. Правда, он добился разъединения обеих армий, но его собственное положение вследствие этого сделалось слабым и угрожаемым. Подобное положение никоим образом не являлось крупным успехом, который давал бы ему возможность осуществить свое предприятие. Конечно, мы вполне допускаем, что могло бы случиться и нечто другое, что Суворов мог бы не только одержать простую победу, но нанести Моро решительное поражение, рассеять его войско, отсечь его от Генуи, остатки этого войска отбросить к Ницце и, опираясь на моральный вес этой победы, действовать против Генуи.

В таком большом торговом итальянском городе, как Генуя, где были обычны народные восстания и быстрая смена партий, где правительство находилось в руках олигархии, расположенной к австрийцам, и где ненависть народа против французов уже разгоралась под пелом,— в таком городе победоносный гром австрийских орудий, разнесшийся эхом по горам, мог бы произвести чудо, и это скорее привело бы к его завоеванию, чем всякие траншеи, мины и штурмы. Но вместе с этим первым плодом победы на долю союзного главнокомандующего доставался еще другой, более блестящий успех, так как именно здесь обнаруживались результаты неудач в деле содействия обеих неприятельских армий и полное значение победы при Треббии; армия Макдональда попадала в такое положение, из которого она с трудом могла найти другой выход, кроме позорных переговоров о сдаче.

Такая полнота победы, конечно, должна была бы опьянить трезвый оффриграт и заставить его предать забвению непослушание главнокомандующего.

Мы допускаем, что подобный успех был возможен, но говорим: это было бы делом искусства и блестящих операций, зависевших от индивидуальных талантов, но отнюдь не являлось простым естественным следствием общих условий. Может быть, Бонапарт был бы способен предусмотреть эту блестящую цель, преследовать ее и добиться ее осуществления, но может ли критика на основании одной этой возможности строить свои заключения? Следовательно, если историки, подчиняясь субъективным чувствам, выражают свое негодование против Суворова за то, что он не использовал лучшим образом своей победы при Треббии, это происходит не потому, что они выставляют необходимые объективные требования, но единственно по той причине, что они не подвергают достаточному обсуждению положение вещей, не задают себе вопроса, как в конце концов могло и что должно было случиться. Марш Макдональда по направлению к Моро был настолько труден и позиция последнего в Апеннинах настолько слаба, что это, повидимому, должно было представлять выгоды для союзников. Во всяком случае, если бы союзники могли предвидеть последствия, они не заняли бы половины своих сил блокадой трех укрепленных пунктов.

Итак, если Суворов после своего похода от Треббии к Скривия и Бормиде сделал остановку и спокойно расположился лагерем, то мы не можем найти в этом никакого упущения, но мы смотрим на победу при Треббии как на отражение нападения, предпринятого в ответ на различные осады и блокады крепостей, а на позицию у Спинетто — как на дальнейшее прикрытие этих операций.

Силы и расположение обеих сторон

Моро снова занял свою старую позицию в Апеннинах, растянув цепь постов от истоков Танапо до истоков Таро. Его главная квартира находилась в Корнильяно у устья Поливерры.

Суворов отправил генерала Кайма в район Турниа для наблюдения за альпийскими переходами и приказал генералу Гаддику занять позицию у Аосты для наблюдения обоех Бернардских переходов. Отт получил приказ усилить Края под Мантуей, последний же — начать осаду и, по возможности, вести ее энергично; Клепау должен был вести преследование Макдональда за Апеннины, Альканья с 3—4 тыс. чел. — снова осадить Тортону, Бельгард — приступить к блокаде Александрийской цитадели, которая, представляя собой правильный укрепленный пятиугольник с гарнизоном в 3 000 чел., могла считаться почти настоящей крепостью.

В таком положении обе армии готовились к дальнейшим операциям; французы благодаря значительным подкреплениям и новой организации своей армии надеялись, что этого будет достаточно для нового наступления и освобождения от осады Мантун и Александрии; Суворов, ожидая

падения этих пунктов, надеясь с помощью сил осадного корпуса, а также прибывших новых отрядов русских войск завершить завоевание Италии.

Во Франции четыре неудачных сражения, происшедшие в течение всего трех месяцев военных действий, потеря всей Италии и угроза собственным границам вызвали среди всех партий и фракций бурю возмущения против правительства, приведшую 18 июня (30 перналя) к кризису, который, как это бывает в большинстве случаев, в первый момент дал правительству новую силу.

Директория собрала новые средства в людей, чтобы значительно усилить Итальянскую армию. Видя угрозу, создававшейся для границ французского государства, Директория, казалось, важнее всего было, обратившись к помощи сведущих лиц, определить, где находится наиболее уязвимое место Французской республики, которое следует защищать в первую очередь. Собрание таких сведущих людей представляло собою Топографическое бюро, где скопился вся стратегическая мудрость века; итак, этому корпусу педантов надлежало отложить в сторону свои циркули, чертежи и перья для черчения, надеть очки и приняться за чтение. Вот все то, что они могли вычитать из старых истлевших бумаг. Должна существовать особая Альпийская армия, прикрывающая и обороняющая проходы во Францию через Симплон, Большой и Малый Бернарды, Мон-Сенс, Мон-Женевр и Коль д'Арженьер, в то время как Итальянская армия снова перейдет в наступление для освобождения крепостей от осады. Доверия этой письменной мудрости, профильтрованной педантами, Директория постановила, что Альпийская армия должна состоять из 32 000 чел., а Итальянскую армию надо довести до 48 000 чел. Доверие к Макдональду после понесенного им поражения при Треббии было утрачено, Моро также не считали достаточно предприимчивым человеком; поэтому у первого совсем было отнято командование, второму же лишь *pro forma* (формально) было поручено командование на Рейне и в Швейцарии, но так как устранить Массену не собирались, то, в конце концов, у Моро оставалось только командование над Рейнской армией, которая в это время еще не была восстановлена. Для Италии выбрали двух новых полководцев. Для Итальянской армии был выбран Жубер, отличившийся в Тироле в кампаниях 1796 г.; по его молодости * и характеру от него можно было ожидать большой смелости и предприимчивости и его предпочтительно перед всеми другими считали наиболее способным выступить против энергичного Суворова; для Альпийской армии выбрали Шампионне.

Ранее оба по одним и тем же причинам были устранены от командования, так как их деятельность противоречила политическим директивам, и этим они навлекли на себя немилость Директории. Теперь рассчитывали этим выбором польстить общественному мнению. Оба получили независимое друг от друга положение.

* Ему было 30 лет.

Укрепленные пункты, находившиеся в Альпах, — Женева, Гренобль, Бриансон и Фенестрелла — были спешно приведены в порядок и снабжены всем необходимым. Директория не рисковала использовать огромные силы национальной гвардии; положение правительства считалось недостаточно прочным для проведения подобной меры, поэтому ограничилось тем, что снабдили гарнизонами только крепости первого разряда.

Подкрепления, назначенные для Итальянской армии, прибыли к ней в конце июля и состояли из 6 полубригад, силы которых насчитывали 12 000 чел. Наоборот, план образования Альпийской армии долго оставался невыполненным. Вообще она была образована из батальонов первого набора и части войск, находившихся до сих пор внутри самой Франции для поддержания спокойствия и порядка. В первой половине августа, к моменту нового решительного сражения при Нови, Альпийская армия насчитывала еще не более 16 000 чел.

После присоединения Макдональда к Моро и прибытия Лемуана с 12 000 чел. подкреплений Итальянская армия получила новое распределение сил, которое мы можем привести здесь только на основании таблицы, имеющейся у Жюмيين для битвы при Нови. Она состояла из:

дивизии Груши	5 600 чел.
» Лемуана	6 400 »
» Лабуасьера	3 600 »
» Ватрена	4 500 »
» Домбровского	2 100 »
» Миолиса	3 500 »
бригады Колли	3 900 »
резерва правого фланга	3 000 »
» левого фланга	5 900 »
отряда в долине Бормиды	2 400 »
» в Ривьера-ди-Поненте	2 300 »

Всего 43 200 чел.

В этой таблице, вероятно, не приняты в расчет большие и откомандированные, число которых нужно считать в 4—5 тыс. чел.

В продолжение июля эта армия занимала позиции в Апенниннах, причем Сен-Сир командовал правым флангом, Лемуан — левым и Периньон — центром.

К союзной армии 8 июля подошел новый отряд русских войск под начальством генерала Ребиндера, и в течение июля — до падения Мантуи и Александрии — ее силы и расположение были следующие:

Главная армия, стоявшая у Пинетты при устье Орбы	30 600 чел.
Бельгард, осаждавший Александрию	11 200 »
Альканин, осаждавший Тортоно	3 300 »
Розенберг, стоявший у Апеннинских проходов Боббио, С.-Кроче и Понтремоли	8 200 »

Клеау — у Восточных Апеннин, а потом в Тоскане	6 000 чел.
Край у Мантуи	27 300 »
Кайм у Турина и для наблюдения за альпийскими выходами	13 800 »
Гаддик в долине Аосты и у Валлиса	12 000 »

Всего 112 400 чел.*

Среди этих войск находилось около 8 000 пьемонтцев.

Кроме того, сюда не входит 26 батальонов и 2 эскадрона, составлявших гарнизоны укрепленных пунктов.

В середине июля союзная армия, не считая сил Гаддика, имела силы в 88 000 чел.; сражение при Модене, а также битва при Треббии должны были ослабить ее приблизительно на 9 000 чел., следовательно, она получила подкрепления в количестве 33 000 чел.; они состояли из 12 000 чел. корпуса Гаддика, 8 000 пьемонтцев, 8 000 чел. дивизии Ребиндера и нескольких тысяч австрийцев, прибывших из Австрии, которые преимущественно присоединились к Краю под Мантуй.

Из указанных позиций Кайм занял Суау, Пиньероу и Кариньяно пехотой и кавалерией и Савильно и Фоссано — кавалерией.

Из корпуса генерала Гаддика полковник Штраух с 8 батальонами стоял у Обервальда в Валлисе, полковник Роган с 2½ батальонами — у Симпона, сам Гаддик с остальными 8 батальонами стоял у Аосты, наблюдая оттуда за обоими Бернардскими проходами. Расположенный в долине Аосты замок Бард находился в руках союзников.

Отряд полковника Штрауха едва ли можно причислить к Итальянской армии. Весьма вероятно, что он получал директивы более от эрцгерцога, чем от Гаддика. Если считать этот отряд в 5 000 чел., то у Гаддика оставалось около 7 000 чел. для наблюдения за тремя проходами; в тылу у него находился только генерал Ксантрайль в Валлисе и несколько отрядов левого фланга Альпийской армии; следовательно, можно было не опасаться никаких сил, которые могли бы повести наступление на Милан.

* Подсчет сил мы занимаем частью у Жюмيين, частью из австрийского журнала; при расхождении между ними отдам предпочтение тому из этих двух источников, который внушает большее доверие. Жюмий берет свои цифры из мемуаров Шателера; маркиз Шателер легко мог ошибиться при подсчете сил далеко стоящего корпуса Гаддика и взял за основание его прежние состояние; он исчисляет силы 19 пехотных батальонов в 14 600 чел., тогда как австрийский журнал в 18½ батальонах считает 10 990 чел.; первый считает в батальоне около 750, второй — 600 чел.; последнее более соответствует общему подсчету сил армии и поэтому является более верным, так как батальоны за 5 месяцев войны должны были потерять более, чем 250 чел. С другой стороны, австрийский журнал указывает только на 500 пьемонтцев, а Жюмий — на 10 батальонов их, находившихся у Кайма; это составляет разницу в 6 000 чел. Если вообще быть пьемонтцы, то мало вероятно, чтобы их было всего 500 чел. Вероятно, австрийский журнал исключает из подсчета батальоны, назначенные для гарнизона Турина. Наконец, австрийский журнал совершенно пропускает при подсчете сил казаков, между тем как их было от 1 200 до 1 500 чел. Приводимая нами общая численность сил вполне совпадает с той, которую указывает эрцгерцог.

О главной армии мы вообще знаем только то, что ее форпосты образывали цепь на линии Акви через Овада и Нови до Боббио. Точно так же и о Розенберге известно лишь, что он наблюдал Апеннины от района Боббио до Понтремоли, но неизвестно точно, где находился он сам. Впоследствии, к моменту битвы при Нови, мы находим этого генерала с его корпусом у Тортона, причем ни один из историков не упоминает о пемени и оставлении им своей позиции.

Генералу Клену было дано назначение проникнуть в Флорентийскую область, о чем мы будем говорить дальше.

Такое расположение союзники сохранили в течение всего июля и начала августа, около 6 недель, т. е. до падения Мантуи и Александрии.

Итак, мы видим, что 112 000 союзников стояли против 60—70 тыс. французов, считая и войска Шампнионе; но 42 000 чел. из них были заняты осадой трех укрепленных пунктов, так что нарушенное шестинедельным спокойствием равновесие сил в отношении массы войск, имевшихся в наличности, снова было восстановлено.

События, происходившие в течение этих 6 недель к северу от Апеннин, можно совершенно не принимать в расчет, там шли лишь отдельные бои между форпостами, и успех их не мог иметь никакого значения.

Сначала казалось, что старый Суворов, получив в подкрепление дивизию Ребиндера, пожелает продолжать свое наступление против Моро, прежде чем тот соединится с Макдональдом; при численном превосходстве его сил ему нетрудно было помешать этому соединению, что являлось, повидимому, немаловажной целью. Впрочем, в своих прежних рассуждениях мы показали, что без исключительно блестящего разрешения задачи нельзя было создать благоприятной обстановки для операций, так как в игру вступила Генуя. Возможно, что Суворова и его советников отклонили от этого намерения собственные соображения или же удержало собственноручное письмо к нему австрийского императора, в котором содержался определенный приказ не предпринимать никаких действий против Швейцарии, Генуи и французской альпийской границы до падения Мантуи и пьемонтских крепостей; так или иначе Суворов совершенно отказался от своей первоначальной идеи.

Напротив того, он принял решение произвести силами корпуса Гадди-ка диверсию в пользу эрцгерцога Карла. Суворов приказал этому генералу, с которым мы расстались, когда он совершал свой марш по направлению к Суворову, идти на Аосту, оттуда он должен был через Большой Бернард двинуться на Мартинях; одновременно с ним князь Ротан через Симплон, а Штраух через Обервальд должны были проникнуть в долину Роны; благодаря этому маневру не только можно было вынудить французов под начальством Ксантрия очистить эту долину, но, может быть, удалось бы даже выйти им в тыл. Мы не знаем точной даты этого приказа, точно так же, как и не находим никакого объяснения, каким образом Гадди, который по последнему назначению должен был оставаться у С.-Готтарда, снова стал во главе марширующих войск.

Этот план возник, вероятно, вследствие жалоб эрцгерцога на то, что его лишили корпуса Гадди; у него было твердо укоренившееся мнение, что союзники в Италии имеют преобладающее превосходство сил, между тем как он ничего не знал о своих собственных силах в Швейцарии. Подобный план, возникающий из простого уважения к интересам другого, обыкновенно не имеет никакой жизненной силы, он терпит крушение при малейших затруднениях, и тем скорее можно было ожидать его неудачи, что его должен был выполнить корпус войск, действовавший на расстоянии от 20 до 30 миль от главных сил армии; силы корпуса при этом были разбросаны на большом протяжении. Французы выставили на Большом Бернарде укрепленные посты, время года, кончавшееся лето, не позволяло производить передвижения войск по альпийским снегам, силы корпуса Гадди были разбросаны на большом пространстве, — все эти условия были достаточными причинами для того, чтобы отказаться от этого предприятия и оставить генерала Гадди на указанной выше позиции.

Отдельной успешной операцией союзников был переход генерала Клену через Апеннины во второй половине июля.

Хотя цель этого похода заключалась только в том, чтобы овладеть Тосканой и создать с этой стороны угрозу для Генуэзской области, н, следовательно, он не был направлен против римских владений, однако, для более ясного представления об общих условиях нам следует бросить беглый взгляд на ход событий в Неаполитанском королевстве и в Церковном государстве.

Положение и ход событий в Южной Италии

Макдональд, как мы видели, оставил в тылу 5 000 чел. в качестве гарнизонов форта С.-Эльмо, Кануи и Газты. Директория Партегенейской республики создала национальную гвардию, доведя ее численность до 20 000 чел., войска же в собственном смысле имели только 8—9 тыс. чел. Этим сил едва хватило для защиты столицы, не говоря уже о всей области; повсюду поднимались новые восстания, кардинал Руффо приближался к столице с 25 000 чел. и подступил к ней 6 июня. Он обратился с просьбой ко двору прислать ему в подкрепление части регулярной армии; и 5 000 чел. уже были посажены на суда. Но появление адмирала Брюи в Генуэзской гавани заставило английскую эскадру, которая должна была сопровождать эти войска, заняться другой операцией. Поэтому пришлось выселить их обратно, и Руффо остался лишь со своими прежними силами. Это, повидимому, оказало влияние на медленность его продвижения к Неаполю и на встреченное им там сопротивление.

Кастелламаре был немедленно захвачен английскими судами. Но в Неаполе республиканцы приготовились к серьезной защите, было всего только 3 или 4 тыс. чел. из Калабрии и Апулии, преданных интересам партии, связавших себя с новым порядком вещей, которые со

страстью и решительностью готовы были сопротивляться; большинство же населения желало не только мира, но даже восстановления старого правительства, но, как это нередко случается, эта маленькая партия, захватив в свои руки власть, увлекла за собой всех. В Неаполе не было недостатка в материальных средствах обороны, многие укрепленные пункты — Кастель-Ново, форт С.-Эльмо, Дель-Ово и некоторые здания были хорошо приспособлены для обороны. Поэтому республиканцам удалось в течение 17 дней вести оборону и даже после взятия города продолжать ее на забаррикадированных улицах. Только 23 июня республиканские власти сдали город на известных условиях, а через несколько дней после этого капитулировал и генерал Ньюжо в форте С.-Эльмо.

Капуя и Гаэта сдались только четыре недели спустя, в конце июля, неаполитанскому генералу Саландра; с их падением исчезали последние следы Партенопейской республики.

Спустя некоторое время пала и Римская республика. Здесь французы оставили генерала Гарнье с несколькими тысячами человек. Французские силы были расположены в двух пунктах — Риме и Анконе. В Анконе был гарнизон генерала Монье, состоявший из 3 000 французских и римских войск. Находившийся в Риме Гарнье имел 5 000 чел.; с этими силами он занимал, кроме замка С.-Анджело, еще ряд других пунктов на северной и южной границах и на побережье области. Нужно было обладать незаурядным мужеством, чтобы, находясь в его положении, задержать на несколько месяцев падение этой новой республики.

На восточной стороне Апеннин, как мы уже рассказали, в мае и июне поднялось восстание под предводительством генерала Лагоца, угрожавшее Анконе и прервавшее связь между обоими французскими генералами. Несколько позднее, но еще до прохода армии Макдональда, начались также беспорядки и в северных районах Римской области, после же ухода Макдональда в Арещо и Витербо вспыхнуло настоящее восстание, которое достигло такой силы, что число вооруженных повстанцев дошло до 10 000 чел.

В то же самое время, т. е. в середине июня, адмирал Ушаков послал после завоевания Корфу небольшую русско-турецкую эскадру к восточному побережью Италии, произвел там десант в несколько сот человек и захватил Фано и Синигаллю. Правда, этот десант был отозван вследствие появления адмирала Брюи в Генуэзской гавани, но в июле он снова вернулся и совместно с Лагоцем начал действия против Анконы. Наконец, после падения Партенопейской республики следовало ожидать, что и на юге Римской области генералу Гарнье скоро придется иметь дело с новым противником.

Несмотря на такие затруднения, генерал Гарнье путем энергичных революционных мероприятий старался удержаться в своем положении, и это ему удалось, так как мы видим, что он оказался в состоянии в августе дать несколько удачных сражений наступавшим неаполитан-

ским войскам и задержать падение Римской республики до конца сентября, так что Суворов вынужден был после падения Мантуи послать сюда генерала Фрелиха с 7 000 чел.

Итак, в середине июля, когда Клену с 6 000 чел. выступил в поход, направляясь за Апеннины, Неаполитанское королевство снова было восстановлено, и войска его занялись завоеванием последних укрепленных пунктов. В Римской области Анкона была осаждена русскими, турками и инсургентами, в Арещо и Витербо происходило восстание, и опасность угрожала Гарнье со всех сторон.

Поход Клену за Апеннины, как мы уже сказали, совершенно не ставил себе целью нанести последний удар Римской республике — он был предпринят для того, чтобы овладеть Тосканой и проникнуть на Ривьеру, создав угрозу правому флангу французского расположения в Генуэзской области, однако, этот поход, повидимому, явился достаточной причиной восстания населения в северных районах Римской республики. До сих пор французы в Тосканской области были еще слишком слабы, для того чтобы можно было поручить завоевание этой области таким незначительным силам, как корпус Клену. Инсургенты отправили посольство с просьбой о помощи и указывали на легкость всего этого предприятия — тогда Клену получил приказ овладеть Тосканской областью. Во Флоренции, Лукке, Пиэзе и Ливорно он был встречен с большим торжеством; он захватил некоторое количество военного имущества, которое не могли вывезти французы, богатую добычу и 1 100 пленных. Отбросив французов за Магру, он занял 31 июля их позицию у Сарзаны, вследствие чего французам пришлось очистить также и Понтремони, и Клену выиграл кратчайшую линию связи с главными силами армии.

Инсургенты добились осуществления своих планов в том смысле, что их тыл находился теперь в безопасности; на положение генерала Гарнье это наступление Клену также оказало решительное влияние.

Падение Мантуи и Александрии

В июле союзники овладели обоими главными пунктами — цитаделью Александрии и крепостью Мантуя.

Первая пала 22 июля. Ее осаждали с 26 мая 11 000 чел. под командованием Бельгарда. 8 июля были проведены траншеи, и осажденных отослали на прикрытый путь, при этом представлялся также случай пробить нечто вроде бреши. Но так как через эту брешь пройти было невозможно, и гарнизон, не испытывая ни в чем существенного недостатка, сдался в плен, то, повидимому, оборона не была достаточно упорной.

Большое количество осадной артиллерии, находившейся в распоряжении союзников, необыкновенно сильный огонь, особенно из навесных орудий, недостаток казематов для укрытия осажденных, искусное и энергичное ведение осады, причем маркиз Шателер получил

тяжелое ранение, — все это привело к быстрому успеху при незначительных потерях — не более 200 человек убитыми и ранеными.

Еще менее удачной для французов была оборона Мантуи, которая сдавалась 28 июля.

Осада этой крепости не могла начаться до победы при Треббии, так как предназначенные для осады войска насчитывали только 12 000 чел., а Гогенцоллерн, выступивший из Милана для их усиления, должен был идти на Модену. После сражения при Треббии войска Гогенцоллерна и Отта присоединились к Краю, причем последний только 8 июля выступил с позиции у форта Урбино. С прибытием нескольких батальонов подкреплений из центра осадная армия возросла до 20 000 чел. Начальником генерального штаба этой армии был генерал Цах.

Гарнизон крепости состоял из 11 000 чел. В крепости находилось 600 орудий, ни в чем существенном недостатка не ощущалось. Крепостные сооружения Мантуи состояли только из сильной стены, которая была очень слабо защищена несколькими небольшими, неправильно расположенными бастиянами и полулунными верками. Перед Перезекскими воротами в качестве внешнего верка был расположен укрепленный лагерь, а перед Прадельскими воротами находился очень плохой бастийный фронт. Наибольшие силы нужно было сосредоточить на участке канала Пайоло, протекавшего по болотистой почве. Ни одна из обеих сторон не проявляла энергичной деятельности, и генерал Фуассак, занимавший пост губернатора, человек слабого характера, был слишком образованным инженером для того, чтобы добиваться каких-либо результатов при защите такой неправильно устроенной и плохой крепости. У него заранее создалось убеждение, что ничего нельзя достигнуть, и он настойчиво, хотя и безрезультатно, просил генерала Шерера заменить его другим лицом. 5 июня австрийцы приступили к осадным работам с целью овладения выдвинутым вперед верками, защищавшими канал Пайоло, 14-го были проведены траншеи перед Прадельским бастийным фронтом, через 14 дней французы вынуждены были покинуть его и вместе с тем 28 июля отказаться от дальнейшей обороны. Гарнизон получил право свободного выхода, да обещание в течение одного года не служить в войсках против союзников, офицеры генерального штаба в качестве заложников были размещены по австрийским провинциям. Потери австрийцев исчислялись не более чем в 300 человек, в течение 3 недель осады они произвели только 14 000 выстрелов, т. е. 1/3 того количества, которое было произведено в течение 8 дней при осаде Александрии. Гарнизон сдался в количестве 8 000 чел.

Край по приказу Суворова оставил в крепости 7 батальонов в качестве гарнизона, а 11 батальонов и 6 эскадронов под начальством Гогенцоллерна, которого потом сменил генерал Фрелих, отправил за Апеннины в Тоскану и сам с 23 батальонами через Кремону направился к главной армии, куда он прибыл 12 августа только с 13 000 чел., так как ему пришлось оставить 3 000 больных.

Армия Суворова после падения Александрии приступила в первых числах августа к осаде форта Серравалле и Тортонской цитадели; для этой цели главные силы армии заняли позицию у Ривальты на левом берегу Скривиц, Бельгард со своим корпусом остался на Бормиде.

После падения Александрии Суворов, не получивший еще известия о значительных подкреплениях, прибывших к французской армии, пришел к мысли снова начать наступление против французской армии для завоевания Ривьеры. Сосредоточив все свои силы, кроме 6 000 чел., осаждавших Тортоно, он теперь был в состоянии выставить около 50 000 чел. и мог почти не опасаться, что его противник выступит более чем с 1/2 этих сил. Он занялся выработкой этого плана, как только прибыл генерал Цах, замещавший генерала Шателера, когда пришло известие о падении Мантуи, и, следовательно, он мог ожидать через 8 дней прибытия осадного корпуса в качестве подкреплений. Это побуждало его отложить наступление до их прибытия. Может быть, в это же время пришло известие о подкреплениях, подошедших к французской армии под командованием Лемуана, и оно тем более побуждало Суворова дожидаться прибытия собственных подкреплений.

Серравалле пал 7 августа, Край подошел к армии 12-го; но прежде чем была взята Тортона и прежде чем созрел план Суворова, французская армия под предводительством Жубера также перешла на наступление.

Сражение при Нови 15 августа

Жубер прибыл в армию 5 августа. Он созвал на совещание главнейших генералов своей армии для обсуждения вопроса, что предпринять дальше. Они высказались в том смысле, что нужно подождать, пока Альпийская армия будет в состоянии начать совместные действия с Итальянской армией, и тогда при наличии обеих армий встанет вопрос о наступлении, обороне или диверсии; такие отговорки обычно выдвигаются при операциях разрозненных масс в качестве неизбежного ала для формального их обоснования.

Так как это предложение не выдвигало никакого плана действий, то мы не будем тратить времени на его обсуждение. Жубер полагал, что он не может так долго откладывать свои операции. Директория приказала ему без промедлений начать наступление; если он даже и думал, что падение Мантуи еще не так близко, то все же неизвестно было, как долго она сможет держаться, и в таком важном вопросе было опасно базироваться на ложных расчетах. Итак, новый главнокомандующий решил сосредоточить свою армию и перейти в наступление на равнину. Его противник располагал между Турном и Тортоной силами в 60 000 чел., но можно было предполагать, что в самом сражении он будет иметь под рукой не свыше 40 000 чел., так как нельзя было совершенно оставить без войск ни Турин, ни Тортоно; таким образом, в отношении превосходства сил противника его операция не представлялась слишком

рискованной, нужно было только принять в расчет большое превосходство неприятельской кавалерии над французской. Первая насчитывала 12 000 чел., тогда как вторая — не свыше 2 000 чел.

Моро и Жубер уже раньше знали друг друга. После похода 1797 г., когда Бонапарт ушел из армии, Жубер некоторое время командовал Итальянской армией; в это время Моро, у которого отнято было командование Рейнской армией, был назначен инспектором кавалерии при Итальянской армии; оба они в это время подружились.

Поэтому Жубер высказал пожелание, чтобы Моро не покидал армии, прежде чем произойдет решительное сражение, и помогал ему своими советами. Моро был достаточно благородным человеком, чтобы забыть о всякой обиде, дожидаясь предстоящего сражения и участвовать в нем под начальством своего молодого преемника.

Жубер начал свою операцию 9 августа.

Нужно предположить, что теперь французская армия действовала двумя большими массами. Правый фланг под командованием Сен-Сира состоял из:

дивизии Домбровского	2 000 чел.	
» Ватрена	4 600 »	
» Лабуасера	3 700 »	17 000
бригады Колли	3 900 »	
резерва	2 800 »	
левый фланг под командованием Периньола состоял из дивизии Лемуана	6 400 »	
дивизии Груши	5 600 »	18 000
резерва, состоявшего из пехотных бригад Пар- турно и Клазель и кавалерийской бригады Ришпанса	5 900 »	

Общая численность, следовательно, была около 35 000 чел.

Кроме того, в Восточной Ривьере против генерала Клену стояла дивизия Миоллиса силой в 3 500 чел. и в долинах Бормиды и Западной Ривьеры находилось около 5 000 чел. Все это вместе составляло указанное нами выше число в 43 000 чел. номинального состава.

9 августа правый фланг был сосредоточен между Вольтаджино и Овада, левый — в долинах Бормиды выше Каиро и прилегающего к нему района. 10-го и 11-го последний дошел до Бормиды выше Акви, 12-го частью переправился через Бормиду у Вистаньо, 13-го вторично произвел переправу у Ривальты и двинулся к Орбе.

Правый фланг до 13-го оставался на своих позициях, а в этот день двинулся к району Серравалле и Гави.

14-го правый фланг французской армии занял расположение у С.-Бартоломео, в одном часу пути ниже Серравалле на Скривии, центр — у Нови и левый фланг — у Пастураны на Лемме.

Суворов решил ожидать французскую армию на равнине, где благодаря своей многочисленной кавалерии он имел весьма заметный перевес над противником. Каким образом он намеревался начать и вести сражение, об этом нигде нет сведений, мы видим только, что он не занял никакой настоящей позиции, а лишь временное расположение, исходя из которого отдельные части войск, вероятно, должны были действовать, смотря по обстоятельствам, поддерживая друг друга или переходя в атаки. С таким намерением могла быть выбрана позиция, на которой мы находим армию 14-го. Генерал Край с дивизиями Отта и Бельгарда силой в 18 000 чел. стоял между дорогой Нови—Александрия и Ваулуццо. Генерал Дерфельден с дивизиями Ферстера и Швейковского силою в 13 000 чел. находился у Поццо-Формигаро, генерал Мелас с дивизиями Фрелиха и Лихтенштейна силою в 14 000 чел. — у Ривальты. Эти большие массы войск силой в 44 000 чел. были готовы к бою.

Кроме того, генерал Розенберг с 12 700 чел. находился у Тортоны для осады и вместе с тем для прикрытия осады этого пункта; 5 600 чел. было оставлено в качестве резерва у Спинетти и генерал Кайм со своими 14 000 стоял у Турина и выходов Пьемонтских Альп. Так как обе первые массы находились на расстоянии только нескольких часов пути от армии, то они могли, хотя бы частично, принять участие в сражении на равнине, и, таким образом, если исключить несколько тысяч человек, необходимых для Тортоны, где находилось всего 1 200 французов, армия располагала силами около 60 000 чел.

Какие мотивы и причины были основанием чрезвычайно медленного наступления Жубера, это остается для нас совершенно неизвестным; можно предполагать, что два дня — 12-го и 13-го, когда правый фланг оставался разобщенным с левым на расстоянии 4 миль, были потрачены на то, чтобы принять меры безопасности против планов Суворова; французы, возможно, боялись, что во время сосредоточения их армии между Скривией и Леммо значительные силы союзников могут проникнуть в район Акви, и вследствие этого создастся такое стратегическое положение, которое может неблагоприятно отразиться на развитии предстоящего сражения. Нельзя упрекать французского главнокомандующего за эти два потерянных дня, ибо полководцев, вынужденный под давлением обстоятельств вести наступление против превосходящих сил противника, может действовать не иначе, как с большой осторожностью.

Весьма странно, что Жубер до 14-го не получил еще никакого официального сообщения о сдаче Мантуи. Непроверенным слухам он не придавал никакого значения, считая их хитростью со стороны врага. Следовательно, его наступление до 14-го производилось с намерением при помощи сражения освободить эту крепость от осады, и, по словам Жомини, он только в тот день убедился в падении Мантуи, когда увидел корпус Край перед своим левым флангом. Он собрал на совещание своих главных генералов, и все высказалось в том смысле, что будет неразумно вести наступление на равнине и что, следовательно, нужно ожидать

содействия Шампиноне. Сам Жубер не высказывался, и никто не сообщает нам, какое решение он принял. Жюини говорит: ему следовало бы отступить на свои прежние позиции в горах, но для этого подождать еще известий до следующего дня, и тогда это явилось бы неожиданностью для Суворова и помешало бы осуществлению его планов. Это утверждение могло бы казаться правильным, если бы известия, которых он хотел дожидаться, имели бы важное значение. Повидимому же, оно приведено просто за неимением другого. Кроме того, мы видим, что левый фланг французов утром 15-го, когда Край вступил с ним в столкновение, двинулся вперед от Пастураны.

Проще всего предположить, что генерал Жубер отказался от своего наступления и что из этого само собой вытекал исход на прежние позиции, так как он не мог более оставлять свои силы в таком сосредоточенном состоянии и иметь обнажившими свои коммуникации; когда же он увидел, что его противник перешел в наступление, то сильная позиция при Нови обещала ему, повидимому, такое преимущество, что он не мог преодолеть желания померяться силами с Суворовым. Освобождение Мантуи не могло уже более быть целью сражения, и всякий другой полководец согласился бы дать его позднее совместно с Шампионом: при существовавшем соотношении сил было бы решительной ошибкой желать сражения; Тюренн не допустил бы подобной ошибки; впрочем, вполне понятно, что такой молодой и пылкий генерал, как Жубер, все еще, вероятно, вспоминавший о блестящем походе Бонапарта в 1796 г., не слишком задавался вопросами диалектики войны и был увлечен честолюбием. Пока не будут указаны более веские объективные причины для доказательства неизбежности сражения, нам следует остаться при прежней оценке действий Жубера, и мы считаем все прочее относительно его военных талантов весьма сомнительным.

Позиция, которую Жубер еще не занимал 14 августа, но на которой французская армия располагалась 15-го, лежала на последних отрогах у Поццоло-Формигаро, высокого горного хребта, простиравшегося с востока на запад от Серравалле до С.-Кристофоро и прерывавшегося у последнего пункта рекою Леммо. Северный склон этого хребта спускается к Нови, где он переходит в ровное плато, простирающееся до Формигаро. Главный отрог отходит от восточного края этого склона, образуя Монте-Ротондо, это название удерживается также и в районе Нови. Весь скат этого хребта спускается к р. Леммо, и во входящем углу между главным хребтом и Монте-Ротондо находится 5—6 поперечных долин, по которым, огибая Пастурану, протекает р. Рьяско. падающая в Леммо.

Эти долины, как мы увидим, расположенные были в тылу позиции, и по ним проходили пути отступления. Монте-Ротондо до Нови образует острый угол с Треббией, поэтому невыгодно было выбирать здесь позицию, обращенную фронтом против русских; у Нови же он образует острый дугу, поворачивает к западу за город и обращается фронтом к Поц-

цоло-Формигаро на протяжении около одного часа пути. Здесь он едва достигает высоты в несколько сот футов и имеет покатый скат. Таким образом, фронт позиции направлялся с юго-востока на северо-запад, начинаясь в нескольких сотнях шагов от Нови и заканчиваясь на расстоянии около $\frac{3}{4}$ часа пути к западу. Продолжаясь вправо, позиция образовывала примыкавший к Монте-Ротондо тупой фланг, который в случае необходимости можно было продолжить на $1\frac{1}{2}$ часа пути до главного хребта, где местность становилась все более удобной вследствие возрастания высоты и крутизны хребта. При удлинении позиции влево она принимала форму оттянутого назад фланга, продолжавшегося до Рьяско и занимавшего ряд невысоких гор, которые, заканчиваясь на одной линии, составляли удобную сплошную позицию и хотя и были невысоки, но господствовали над лежащими впереди их районами. Сила и защищенность позиции, следовательно, возрастала в направлении с левого к правому флангу, кроме того, на протяжении около 1000 шагов длины ее фронта она была защищена стенами, окружавшими город Нови. Окрестности Нови по большей части покрыты виноградниками, канавами и огорожены каменными стенами. Благодаря этому позиция становилась еще более неприступной. Тому, кто понимает, как мало значения имеет высота горной позиции для усиления фронта линии боя, будет легко убедиться, что позиция при Нови может быть причислена в фронтальном отношении к сильнейшим позициям, на которых приходилось сражаться с большими сосредоточенными массами. Опорой для левого фланга можно было считать Рьяско, правый же фланг не имел, собственно, никакой опоры, так как здесь невозможно было удлинить позицию до более высоких гор. Напротив того, при удлинении правого фланга силу его можно было усаживать в благоприятных почвенных условиях. Если измерять длину позиции в зависимости от того пространства, которое французы занимали во время сражения, то она имела протяжение на две французские мили; при благоприятных местных условиях это пространство было все еще слишком велико для каких-нибудь 30 000 чел. Но главной ошибкой при выборе этой позиции было то, что проходившие в тылу ее три проезжих дороги на Гави, а именно — шоссе на Бокетту, проселочная дорога восточнее его на Монте-Ротондо и дорога из Пастураны на Гави — образовывали такой острый угол по отношению к фронту, что простой охват правого фланга мог отрезать вторую из этих дорог и малейший обход создавал бы сильную угрозу для первой из них.

Безопасный отход на Бокетту являлся главным условием для любой позиции при Нови; поэтому данную позицию следовало удерживать лишь при том условии, если бы она на правом фланге была усиленная более значительными по сравнению с находившимися там силами, т. е., по меньшей мере, 6—8 тыс. чел., расположенных на Монте-Ротондо, которые или помешали бы обходу правого фланга и затем были бы

использованы в качестве резерва, или даже атаковали обходящего противника.

При таком условии позицию при Нови все еще можно расценивать как весьма выгодную.

Как мы видели, правый фланг французской армии под командованием Сен-Сира, т. е. дивизии Домбровского и Ватрена^{*}, 14-го стоял на Скривии; дивизия Домбровского осаждала Серравалле, где находился гарнизон союзников, состоявший из 1 батальона; Ватрен стоял у С.-Бартоломео; центр, т. е. дивизия Лабуасера и бригада Коли, стояли на позиции у Нови, занимая город и высоту к западу от него; левый фланг стоял у Пастураны, вероятно, на западном берегу Риаско. Эта позиция, занятая французской армией в 4 часа пополудни, была еще наступательной позицией. Мы уже сказали, что, собственно говоря, не знаем, какое решение принял генерал Жубер на 14-е, так же мало мы знаем о его приказах на другой день, а также о том, было ли занятие позиции у Нови, состоявшееся только 15-го утром, результатом его решения или же это сделано было только для того, чтобы можно было противопоставить левый фланг наступающему Краю^{*}. Нам приходится здесь снова ограничиться простыми фактами.

С своей стороны, и Суворов в этот же день 14 августа изменил свое решение. Увидев, что Жубер вместо того, чтобы вести наступление 14-го, занял сильную позицию перед Нови, он пришел к заключению, что этот генерал намерен держаться на этой позиции и при помощи укрепления может сделать ее совершенно неприступной и, таким образом, создать большие затруднения для проведения его собственного плана — овладеть Ривьерой. Короче говоря, он решил атаковать ее на следующий день, чтобы одержать над ним победу, пока еще позволяло время.

Относительно плана атаки Суворова все историки находятся в большом затруднении, мы же вообще испытываем затруднение вследствие запутанности их изложения.

Генерал Край должен был выступить 15 августа на рассвете для атаки французского левого фланга у Пастураны.

Князь Багратион с русским авангардом получил задание двинуться от Поццоло-Формигаро для атаки стоящего на Скривии правого фланга французов, после чего постараться соединиться с Краем. Это привело бы, как можно было предвидеть, к полному окружению неприятельской армии. Дерфельден деловит был атаковать Нови, Мелас — оставаться в резерве. Так передает Жомини план сражения, однако, даже здесь, где он берет материал из мемуаров Шателера, он не заслуживает большого доверия. Австрийский журнал, всегда старающийся изобразить в несколько смешном виде личные действия Суворова, сообщает только о приказе, посланном 14-го вечером Краю, — атаковать левый фланг,

^{*} Если генерал Жомини мог пройти мимо такого важного вопроса и оставить во мраке неизвестности возникновение такого крупного военного события, как битва при Нови, то это доказывает, как мало значительны его теории и критика.

в то время как русские будут заняты атакой центра, а Мелас — правого фланга. Мы не намерены здесь заниматься дальнейшими рассуждениями о плане или об отсутствии плана сражения, но ограничимся фактическим изложением хода событий, задав себе сначала вопрос, что нам следует думать о них.

Край выступил на рассвете. Дивизия Отта взяла направление на Пастурану и должна была подойти к левому крылу французского центра, если бы она не столкнулась с дивизией Лемуана, которая, по словам Жомини, находилась еще в походном порядке, следовательно, может быть, только что прибыла. Неожиданная атака вызвала в ней некоторое замешательство, она скоро начала отступать, так что австрийцы чуть было не овладели высотой, но сюда поспешил сам Жубер, воодушевив свои войска и восстановил нарушенный порядок.

Дивизия Бельгарда двинулась справа, рядом с дивизией Отта; она ударила на дивизию Груши, которая, имея построение в форме дуги, стояла рядом с дивизией Лемуана; с нею скоро завязался ожесточенный бой.

Более для прикрытия своего правого фланга, чем для обхода левого фланга противника, Край послал генерала Экендорфа с 3 батальонами и 3 эскадронами на Базалуццо, где этот генерал сначала не встретил никаких сил противника. Таким образом, на западном фланге обеих армий в 5 часов утра сражение было уже в полном разгаре. Оба противника имели силы около 18 000 чел. Вслед за обеими французскими дивизиями в ходе сражения подошли пехотные резервы левого фланга под командованием Клозеля, и кавалерийские резервы под командованием Ришпанса подошли к Пастуране.

Дивизия Лемуана скоро снова оказалась в критическом положении, так как Жубер, воодушевлявший своих стрелков к наступлению, был ранен пулей и потерял сознание; это вызвало большое замешательство, войска снова начали отступать; тогда Моро, во-время подоспевший сюда, личным своим влиянием восстановил порядок и доверие, так что французы удержались на высотах.

Бельгард в своем наступлении против Груши также не продвинулся вперед. Видя, что на фронте наступление не имеет успеха, он хотел создать угрозу левому флангу и поэтому приказал коннице двинуться в долины Леммо и Риаско, а генералу Экендорфу оказать ей поддержку. Однако, этот генерал продолжал свой марш по дороге от Базалуццо к Оваде и полагал, что не может сделать ничего более важного, как помешать французскому отряду, показавшемуся в этом районе и, вероятно, принятому им за головную часть сильной колонны, соединиться с главными силами армии. Благодаря этому он не поддержал маневра против левого фланга Груши. Появление австрийской кавалерии побудило генерала Ришпанса, прикрывавшего левый фланг Груши, отступить к Пастуране. Однако, теперь вступил в дело французский пехотный резерв под командованием Клозеля, но он не вынудил австрийцев

к отступлению, а только потеснил правый фланг Бельгарда, заставив повернуть фронт, вследствие чего дальнейшее его продвижение вперед было остановлено.

Таким образом, сражение оставалось нерешенным от 5 до 8 час. утра. В центре и на противоположном фланге царствовало еще полное спокойствие. Генерал Край был убежден, что он не в состоянии наступать.

Как это всегда бывает, ему казалось, что большая часть неприятельской армии находится против него, и он не мог понять странного положения: уже в течение трех часов бой был в разгаре, а центр еще не двигался с места. Полный беспокойства и тревоги, он послал своего адъютанта к Багратиону, требуя, чтобы он, наконец, вступил в сражение. Но Суворов не дал еще приказа о наступлении, и Багратион колебался брать его на свою ответственность; поэтому прошло еще некоторое время, и только когда Багратион заметил, что французам, повидимому, готовятся к наступлению против Край, и последний готов потерять равновесие, так как приказал Багратиону сказать, что он совсем отступит, если тот не двинется вперед, Багратион решил выступить и атаковать Нови и ближайшие пункты позиции, когда уже было 9 час. утра.

В то время как половина французской армии на левом фланге в течение четырех часов с большими усилиями удерживала свои позиции, французские генералы поняли, что дивизия Ватрена на Скривии, в одном часе пути от поля сражения, имевшая опорный пункт и прикрывавшая полностью дорогу на Бокетту, легко могла быть отрезана от левого фланга и центра. Поэтому генерал Сен-Сир послал Ватрену приказ двинуться к Нови с целью занять Монте-Ротондо вправо от города и обрабатывать, таким образом, загнанный назад фланг.

Это распоряжение Ватрен начал приводить в исполнение.

В центре бригада Гардаина занимала Нови и, повидимому, удерживала предместья города против русских. Остальная часть дивизии Лабуасера и бригада Колли стояли на высотах влево от Нови, но одна полубригада стояла справа и другая в качестве резерва — на высотах позади Нови.

Первая атака русских велась 10 батальонами, предводительствуемыми генералами Багратионом и Милорадовичем, и была направлена на фронт Нови и ближайших участков позиции. У французов было достаточно сил и времени, чтобы подготовиться к этой атаке и не испытывать никаких опасений. Русские повсюду были отброшены с большими потерями. Тогда Багратион сделал попытку с 4 батальонами обойти Нови с востока. Это движение совпало с маневром дивизии Ватрена. Она атаковала эти 4 батальона с фланга, частью отбросив их к остальным силам, частью привела их в расстройство и вынудил отступить на Формигаро.

Вскоре после перехода в атаку Багратиона и Милорадовича Суворов, став во главе дивизии Дерфельдена, выступил для поддержки этой ата-

ки. Вместе с тем он приказал Краю возобновить атаку с его стороны. Меласу тотчас же двинуться на присоединение к левому флангу армии и даже Розенбергу он послал приказ спешно прибыть сюда. Эти распоряжения могли быть даны в 11 час. утра.

Дивизия Дерфельдена направила свою атаку не против дивизии Ватрена, как это можно было предполагать, так как последняя более всего выдвинулась вперед и над ней легче всего можно было одержать победу, но против позиций у Нови и самого города. Вероятно, причина этого заключалась в том, что эта дивизия уже слишком далеко продвинулась вперед, когда Ватрен отпустил левый фланг на Формигаро. Атака дивизии Дерфельдена опять оказалась безрезультатной. Возобновившаяся атака Край сначала имела некоторый успех; Бельгард овладел одной высотой на левом фланге дивизии Груши, а Отт после новых усилий взял передние холмы, из которых состояла позиция к западу от Нови. Но резервная бригада Клаузеля отбросила выдвинувшиеся вперед правое крыло Бельгарда, а резервная бригада Партуно, которую Моро выслал против левого крыла генерала Отта, вынудила этот последний на равнине к отступлению, причем генерал Партуно повел энергичное преследование. Генерал Край себя еще удовлетворенным и поэтому решил под защитой своей артиллерии и конницы только собрать и привести в некоторый порядок совершенно растерянную пехоту, а то время как находившиеся впереди 2 легких батальона вели еще перестрелку с французами среди садов, виноградников и домов.

Таким образом, сражение шло до 12 час. дня, оставаясь нерешенным, и не следует слишком удивляться этому, так как французам после ухода Дембровского имели силы в 33 000 чел., союзники же только 31 000 чел.; первые, следовательно, все еще имели превосходство на несколько тысяч человек, кроме того, они занимали очень сильную позицию. Обе армии уже исчерпали свои силы, и каждый удар, нанесенный со свежими до некоторой степени силами, должен был в короткое время привести к несомненному решению. Если бы французы в 12 час. могли ввести в бой хотя бы одну новую дивизию в 6—8 тыс. чел., то все еще колебавшееся равновесие сил для союзников было бы, может быть, вновь потеряно, так что потом ни Мелас, ни Розенберг не могли бы восстановить его.

Мелас в течение этих 6 часов, когда гром сражения раздавался в двух милях от него, находился у Ривальты в ожидании и все возрастающем беспокойстве. Он только выставил сторожевое охранение и, не имея исполне точных директив, не покидал своего лагеря до получения приказа. В 11 час. посланные вперед части принесли ему известие о поражении, нанесенном Ватреном Багратиону, и о том, что французская колонна, именно дивизия Ватрена, наступает с высот на дорогу Формигаро—Нови. Тогда Мелас решил, что дальше не следует ожидать приказа, западающего, может быть, просто по несчастной случай-

пости; он решил немедленно выступить и атаковать неприятельскую армию в правый фланг; для этого он дал следующие распоряжения.

Генерал Нобили с одной бригадой должен был двинуться к Скриши и освободить Серравалле.

Генерал Дмитровский с другой дивизией — идти в направлении между рекой и Монте-Ротондо, подняться на эту гору на фланге французской армии и затем атаковать ее с фланга и с тыла.

Сам Мелас с бригадами Лаудона и Лузиньяна и двумя полками кавалерии под командованием Лихтенштейна двинулся сначала по дороге на Нови, затем также свернул влево, чтобы атаковать часть горного хребта, лежащую к востоку от Нови.

Так началась третий и заключительный акт этой великой трагедии.

Мелас выступил с 14 000 свежих войск, когда кризис этой великой борьбы еще не миновал, и теперь победу союзников можно было считать делом решенным. Никакая нерешительность или ошибочные шаги, с одной стороны, и никакое проявление гениальности и чрезвычайного мужества, с другой — не могли больше изменить судьбы. В таком виде представляется нам положение сражения, но полководцы, лишенные возможности полного обзора развития начавшегося сражения, могли, конечно, иметь другой взгляд на дело.

Между тем Суворов, как мы уже рассказали, послал Меласу приказ о наступлении; узнав, что тот находится на высоте Бузетто, он приказал ему двинуться вправо и атаковать Нови, в то время как русские и Край должны были возобновить свою атаку западнее этого пункта. Однако, Мелас не мог уже более изменить своих распоряжений; желая насколько возможно согласовать свои действия с планом Суворова, он поддержал Дмитровского только бригадой Лаудона, а с бригадой Лузиньяна, состоявшей из 5 батальонов, тотчас же двинулся напрова, к спускающейся окраине плато между Нови и Формигаро.

Французы не переменили заблаговременно выдвинутую вперед позицию своего правого фланга, приобретенную им благодаря наступлению дивизии Ватрена. Дивизия Ватрена была задержана русскими, непрерывно возобновлявшими свои атаки. Было уже 2 часа дня, борьба здесь продолжалась уже около 2—3 часов; первоначальный порядок армий обеих противников был совершенно расстроен; геометрически правильное построение превратилось в пеструю сутолоку. Между тем Мелас со своими массами войск спокойно продвигался по своей дороге. Когда французы заметили его приближение, у них было еще время изменить свои неправильные позиции. Несколько батальонов направились к краю плато с целью помешать бригаде Лузиньяна взобраться на него, другие спешно отошли за Монте-Ротондо. Соппротивление у края плато длилось очень недолго, и спешное отступление к высотам произвело на войска очень дурное впечатление. Когда же они взобрались на них и увидели со многих сторон черные тучи наступающих на них неприятельских масс, они утратили свою стойкость и вместо того, что-

бы повернуться фронтом к Лузиньяну, начали спешно отступать дальше, желая вырваться из круга, который грозил замкнуть их. Таким образом, появление Дмитровского и Лаудона на фланге дивизии Ватрена облегчило бригаде Лузиньяна подъем на Монте-Ротондо. Несколько батальонов, развернувшихся тонкими линиями стрелков, вероятно, в блаженном неведении о том, что происходило у них в тылу, удержались на месте и совместно с артиллерией оказали австрийцам даже некоторые сопротивления.

Лаудон и Дмитровский двинулись к высотам, лежавшим за Нови, в то время как Лузиньян направился к этому пункту.

Дивизия Ватрена в своем полубегстве уже оставила дорогу на Гави, но Сен-Сир снова собрал ее и, усилив ее 106-й полубригадой из дивизии Лабуасьера, снова повел ее против австрийцев и добился еще раз обладания этой дорогой, по которой эти войска отступили в район за долиной Форново, находившейся в полумиле от поля сражения, и там заняли позицию.

Пока эти события происходили на левом фланге союзников, русские в центре и Край на правом фланге возобновили свои усилия. Со стороны Края они, повидимому, имели наименьший успех, что было вполне естественно, так как французский левый фланг менее всего был подвержен обходу их правого фланга. Суворов же с русскими войсками оказался в состоянии выбить французов из предместьев Нови и отбросить их в самый город. Было уже более 4 часов дня. Моро принял решение отступить.

Дивизия Ватрена, уже совершенно, как мы видели, прогнанная с поля сражения, получила приказ занять более высокие террасы Медерима, деревни Тассароло и С.-Кристофоро и этим подготовить отступление для остальных войск.

Дивизия Лабуасьера двинулась на Тассароло и оттуда под прикрытием Ватрена отступила на Гави. Бригада Колли и 6 000 чел. кавалерии должны были прикрывать отход правого фланга.

По плану Моро Груши должен был сначала идти через Пастурану, Лемуан следовать за ним, а Колли прикрывать отступление. Но эти указания плана и порядок следования не могли быть выполнены. С одной стороны, прежде еще чем французы начали свое отступление, Бельгарду удалось перебросить с тыла один батальон на Пастурану, что вызвало страх и смятение, с другой, — дивизия Лемуана соединенными атаками русских и австрийцев была совершенно расстроена. Это был момент, когда все пришло в дикий беспорядок и обратилось в бегство, и каждый старался спастись по тропинкам, как только мог.

Только одна бригада Граникана, которая нашла средство обойти деревню Пастурану, сохранила порядок. Генералы Периньон и Груши оставались пока в Пастуране с одним батальоном и собирали всех беглецов, кого только могли, чтобы удержать этот пункт еще в течение некоторого времени и этим дать время бегущим; но они были атакованы со

всех сторон, и оба попали в руки союзников, причем Периньон получил 7 ранений, Груши — 4. Такова же была участь Коли с его бригадой; атакованная со всех сторон она обратилась в бегство, и сам этот генерал, тяжело раненный, попал в плен.

Таким образом, в 8 час. вечера закончилось сражение, начавшееся в 5 час. утра. Французская армия потерпела полное поражение: левый фланг был совершенно разгромлен, из правого фланга спаслись лишь слабые осколки, генерал, командовавший армией, пал на поле сражения, дивизионные генералы Периньон и Груши и бригадные генералы Коли и Партуно попали в плен. Бесперывное преследование не позволяло и думать о каком бы то ни было дальнейшем сопротивлении в Генуэзской области и о возможности снова собрать армию. Между тем нормальное преследование силами конницы при данных топографических условиях было совершенно невозможно, а из пехоты только Мелас предполагал для этой цели некоторыми частями, так как Розенберг не прибыл еще. Но когда и где после ожесточенного боя в такой трудной местности бывало, чтобы преследование продолжалось даже после наступления темноты?

Там, где такое количество естественных препятствий затрудняло и задерживало даже простое передвижение, всякое новое наступление против неприятеля казалось как бы новой борьбой даже при полном расстройстве сил противника; подобное преследование в темноте с войсками, полгатавшими, что в течение дня они выполнили уже свой долг, требовало необыкновенной энергии, которой нельзя было ожидать от человека, подобного Меласу; если бы даже и Суворове оказалась такая энергия, то силы австрийской армии при широким брешах, образовавшихся в ней, легко могли исчезнуть. Таким образом, можно было, не ошибаясь, предположить, что в течение ночи отдельным частям французов удастся спастись и что в число трофеев первого дня будет значительно меньше, чем позволяли ожидать размеры победы.

Бежавшая армия собралась у Гави. Французы потеряли 37 орудий, 28 повозок с порохом, 1 500 чел. убитыми, 5 000 ранеными и 3 000 пленными. Потери союзников исчислялись в 8 000 чел., из которых 5 000 чел. приходится на корпус Края, 2 500 чел. — на русские войска и 500 чел. — на корпус Меласа. Следовательно, у французов потери составляли от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ сил всей армии, у союзников — $\frac{1}{6}$, и при этом данное сражение надо считать одним из наиболее кровопролитных в военной истории. Число орудий, потерянных французами, было меньше, чем могло быть при данных обстоятельствах, даже если допустить, что они слабо были вооружены артиллерией.

Теперь нам остается только еще упомянуть, что генерал Нобили отбросил генерала Домбровского от Серравалле и вынудил его отступить в направлении за Виньоле на Скринья, причем эта небольшая вспомогательная операция нигде не оказала никакого влияния на главное сражение.

Генерал Розенберг действительно начал свой марш, но он только ночью прибыл в Поццоло-Формигаро.

Рассеуждение о битве при Нови

Позором для австрийской военной истории является тот факт, что она не дает нам более подробных объяснений истории этого дня. Если даже, действительно, Суворов не дал никакой письменной диспозиции на 15 августа, то в австрийских военных архивах все же должно было найтись нечто большее, чем те несколько слов, которые приводит в своем рассказе австрийский военный журнал в качестве директивы, полученной генералом Краем 14-го вечером; если же в архивах и не было никаких письменных материалов, то все же, опираясь на традицию, не трудно было бы более точно привести план Суворова и указать, какое влияние имел этот план и вытекавшие из него приказы на ход событий. Вполне возможно, что при этом мы натолкнулись бы на некоторые чудачества русского полководца, более уместные на Дунае, чем на По. Но, во-первых, военная история не обязана заботиться о славе Суворова, которую вообще следует искать не в сильной военной диалектике, во-вторых, совершенно непереносимо, чтобы австрийцы умалчали о чем-нибудь, заботясь о славе Суворова, скорее можно предположить, что вступление к сражению умышленно изображается так анекдотически, чтобы более выставить на вид странности Суворова, потому что австрийцы, повидному, думали, что гений этого полководца более задерживает, чем открывает их победоносное оружие.

Из тех немногих сведений, которые сообщают австрийские источники о распоряжениях Суворова, можно усмотреть, что этот полководец намерен был только вести частичную операцию с обеими дивизиями Бельгарда и Отта, чтобы отбросить левый фланг французов, который 14-го у Пастураны еще можно было рассматривать как отдельный корпус, и овладеть этим районом, остальные силы должны были заняться центром и правым флангом. Этот план согласуется также с позднейшим использованием русских сил и с оставлением генерала Меласа у Ривальты.

Если бы мы имели дело с робким полководцем, то такой план не являлся бы невероятным; такой полководец постарался бы путем стратегического маневра побудить к отступлению французов; был ли этот план неудачным или опасным — это другой вопрос; по крайней мере, мы можем принять в соображение его стратегическое значение. Но Суворов никоим образом не был робким полководцем, и если упорное сопротивление французов на Требии заставило его несколько задуматься, то все же при своем превосходстве над противником он мог не опасаться за победу; случай победить своего противника в большом сражении, прежде чем Альпийская армия сможет приступить к совместным действиям, должен был казаться ему желательным. У всех историков

вполне определенно говорится также о плане атаки, так что можно отослать в сторону всякое предположение о маневре.

В изложении Жюмани дается настоящий план сражения, но мы опасаемся, что этот план взят из сомнительных источников: во-первых, согласно этому плану, Багратион должен был вне линии обстрела артиллерии идти от Нови на Серравалле и там атаковать правый фланг французов, тогда как в действительности этот генерал не оставлял района Формигаро и оттуда двинулся прямо к самому Нову: во-вторых, оставление генерала Меласа у Ривальты не соответствовало существу плана сражения и, в-третьих, было совершенно ненормальным явлением при атаках различных колонн допускать промежутки между атаками от 4 до 5 часов.

Мы не можем найти никакого выхода из этих противоречий, но склоняемся к тому мнению, что Суворов 15-го намерен был вести со своим правым флангом только частичную операцию против войск, стоявших у Пастураны; генерала Меласа он оставил у Ривальты, может быть, из опасения, что часть французской армии может появиться на правом берегу Скрийны, а также потому, что он хотел дожидаться дальнейшего развития французских операций.

Подобное предположение мы находим возможным хотя бы уже потому, что Суворов привык к ведению войн с турками, а эти войны, как вообще все войны полукультурных народов, характеризуются недостатком общей связи операций и похожи на живой организм, в котором деятельность самых малых частей более или менее составляет все. Подобная война является полем для частичных операций, имеющих значение не по своей взаимной связи, а по своему количеству.

Мы не хотим придавать этому предположению какого-либо важного значения и не торопимся с выводами, для которых у нас еще будет время.

Если мы рассмотрим сражение так, как оно фактически происходило, то следующие моменты в нем заслуживают внимания.

1. Тот факт, что 44 000 союзников разбили 35 000 французов, не нуждается в объяснении, и, следовательно, мы не должны искать причины этого в ходе сражения.

2. Если бы французы в начале сражения не расположились в трех разобщенных один от другого пунктах, а именно у С.-Бартоломео на Скрийне, у Нови и у Пастураны, но находились бы уже в сосредоточенных силах на позиции у Нови, то они сражались бы с гораздо большим успехом и при данных обстоятельствах, может быть, одержали бы победу над союзниками. Их левый фланг с самого начала попал в тяжелое положение, так как он еще был на марше и не приведен был в порядок, поэтому 18 000 французов, из которых он состоял, были совершенно скваны 18 000 союзников, чего не могло бы случиться при хорошей позиции. Левый фланг мог бы тогда иметь большой резерв и с помощью его добиться благоприятного исхода.

Если бы французский правый фланг находился на горе Монте-Ротондо, его положение было бы почти неприступным, и в худшем случае при переходе в наступление ему только не удалось бы провести его, так как оно направлялось в район Формигаро, где Мелас мог одновременно атаковать его с фланга и с тыла.

Мы приходим к такому выводу: вполне возможно, что если бы французы сосредоточили свои силы у Нови и имели бы одну треть их в качестве резерва, они не только отбили бы все атаки Края и русских, но могли бы разбить эти войска, прежде чем подошел бы Мелас, а с прибытием последнего положение было бы таким, что его содействие не принесло бы уже никакой пользы. Мы говорим, что это было бы возможно, хотя, учитывая огромную энергию, обнаруженную Суворовым в битве при Треббии, не считаем этого вероятным. В ходе сражения французы должны были бы добиться очень значительных успехов, чтобы поставить Края и русских в такое положение, когда Мелас не мог бы уже восстановить сражение, но пока его можно было продолжать, нельзя было ожидать от Суворова, что он от него отказался.

Эта возможность представляла, следовательно, опасность, которой союзники избегли, последовательно вводя в бой свои силы. Это привело к успеху, и данное сражение с теоретической точки зрения является в высшей степени показательным, так как ни в каком другом сражении не обнаружилась с такой ясностью успешность постепенного использования сил. Итак, нам следует сосредоточить на нем свое внимание.

3. В 5 час. утра Край начал первый акт, в 9 час. утра Багратион — второй, в 2 часа дня выступил Мелас со своим решением. Если бы русские силы были введены в бой в 5 часов, одновременно с Краем, то союзникам было бы трудно так долго, девять часов, выдерживать бой, так как русские в течение пятичасового боя находились в невыгодном положении, и им было бы тяжело держаться еще четыре часа; но если бы Мелас выступил значительно раньше, то все сражение сократилось бы, и в решительный момент силы не в такой степени были бы истощены.

Мы видим здесь, какая опасности удалось избежать союзникам, и хотим показать, что такая эшелонобразная атака давала средство руководить в течение девяти часов все еще не решенным сражением. Хотя объектом атак русских и генерала Края были не одни и те же пункты, а следовательно, и не одни и те же части войск, однако, это не исключало их взаимного влияния друг на друга. Когда русские вступили в бой, Край, собственно, уже вел его, и без этого возобновления сражения на другом пункте он, вероятно, ничего бы не добился. Он полагал, что у него на плечах висит большая часть неприятельской армии, и на выступление русских смотрел как на непосредственную помощь; однако, как мы это знаем из хода сражения, дело было не так; из войск, сражавшихся против русских, никакие части не были выставлены против Края; если бы русские выступили одновременно с ним, против него

все же оставалось бы не меньшее количество войск, и вместе с тем он не мог рассчитывать на большой успех. Человеку по природе свойственно при каждом новом ожидании напрягать свои силы и приобретать способность к новой деятельности.

Итак, сражение отличалось большой продолжительностью, так как оно не на всех пунктах происходило одновременно.

Когда подошел Мелас, силы обоих противников дошли уже до крайней степени истощения, резервы были крайне немногочисленны, или даже вообще не было никаких свежих резервов. Части в большей или меньшей степени утратили свой первоначальный порядок, правый фланг французов запутался в своем наступлении, которое являлось лишь заключительным актом; одним словом, все было подготовлено к победе, и даже простое продвижение 14 000 чел. под начальством Меласа должно было сделать ее несомненной. Даже простого появления этого корпуса на Монте-Ротондо было достаточно, чтобы внезапно расстроить левый фланг и центр французов, которые до сих пор успешно отражали все атаки и в течение девяти часов полностью удерживали за собой свои первоначальные позиции; подобно расшатанной стене, они повсюду поддались под новыми ударами союзных войск. Эта уверенность в победе в тот момент, когда выступил Мелас, была большим выигрышем, получившимся в результате введения в бой новых сил. Предположим, что союзники одновременно атаковали тремя большими массами и генерал Мелас наступал, обойдя сначала правый фланг, и появился на горе Монте-Ротондо, то возможно вообще, что союзники спустя некоторое время одержали бы победу благодаря превосходству своих сил, но не такую полную, как в 2 часа, когда появился Мелас.

Эта несомненность победы была куплена ценой опасности, которой они подвергались до этого времени, но эта опасность не возникла бы, если бы русские и Мелас, не приступая рано к атаке, оставались на месте; тогда бы это сражение оставалось в ряду обычных и было бы отмечено только все возрастающим введением в бой боевых сил со стороны союзников.

В наших сражениях нового времени это постепенное использование боевых сил всех родов войск имеет то преимущественное значение, что тот, кто сумеет в среднем добиться преимущества, может почти методически побеждать.

Мы, однако, не придерживаемся того мнения, что распоряжения Суворова вытекали из хорошего плана сражения; мы даже сомневаемся в том, нужно ли было вообще иметь такой план. Из-за неподготовленности к бою его войсковых масс непредвиденным образом получилось медленное использование его сил, которое было бы очень тяжелым, если бы все оставалось на месте, но которое впоследствии тем не менее оказалось действительным и устранило опасность.

5 600 чел., оставленных Суворовым у Спинетто, большая часть из 13 000 чел., оставшихся под начальством Розенберга у Тортоны, ис-

сколько тысяч отправленных Меласом к Серравалле, — все это было бесполезной растратой сил, которая ничем не может быть оправдана; это не нуждается ни в каких доказательствах. Это ослабило силы союзников на 16—18 тыс. чел., которых вполне было бы достаточно, чтобы совершенно уничтожить французскую армию.

Суворов до своего ухода остается в бездействии на Танаро. Падение Тортоны

После того как французская армия в сражении при Нови потеряла 10 000 чел. и большую часть своей артиллерии, она сохранила еще силы до 31 000 чел., находившихся в расстроенном состоянии. С такими силами защищать Генуэзские горы против 60 000 союзников было невозможно, пока последние продолжали свое наступление. Моро решил отступить на Ниццу и уже отправил артиллерию в С.-Бьетро д'Арена, небольшой порт близ Генуи, для погрузки на суда. Между тем союзники на следующий день после сражения вели преследование не со всей массой войск, а ограничили тем, что послали на Гави одну дивизию русских.

Следовательно, французскому командиющему не только не нужно было двигаться быстрым маршем, но он мог удовлетвориться 16-го и 17-го занятием своих старых позиций в горах.

Ватрен со своей дивизией и дивизией Домбровского занял пункты между Скривией и Орбой. Под его командованием находились также генерал Миоллис, стоявший в Восточной Ривьере за Стурой с 3 400 чел. против Кленуа.

Левый фланг под командованием Сен-Сира состоял из дивизий Лабуассера, Лемуана, Гранжава (раньше Груши) и бригады Роге, остававшейся в долинах Бормиды. Он занимал подступы к Савоне, Финале и Леоно, достигая своим правым крылом Стуры. Оценивание Генуэзской области должно было казаться генералу Моро тем предпочтительнее, что наступление союзников на его левый фланг помещало бы большей части его войск достигнуть графства Ниццы, так что они вынуждены были бы отступить в Геную, а последнее, вследствие настроения генуэзского населения, представлялось французскому командиющему нежелательным. Однако, он смотрел на это добровольное отступление Генуэзской области как на шаг большой ответственности. Взгляды на подобные стратегические вопросы были слишком различны, чтобы командиющий мог успокоиться на решении, принятом по своему личному убеждению; то, что ему самому представлялось полезным и необходимым, могло показаться Директории малодушной поспешностью. И без этого, командирий лишь фактически, без официального назначения, он боялся принять эту решительную меру на свою личную ответственность и, так как союзники его не преследовали, он надеялся отложить ее или до прибытия своего преемника или до получения решения Директории.

С этим намерением он просил генерала Шампионе сосредоточить сильную дивизию Альпийской армии у Кони и предложить Лигурийской республике, кроме немногочисленных войск, уже имевшихся при французской армии, выставить еще 12—15 тыс. чел., которые могли бы взять на себя защиту города; однако, он получил такой ответ: об этом не может быть и речи, так как население совершенно не расположено обороняться против союзников, а скорее склонно открыть перед ними ворота, как только они появятся перед городом.

Суворов не преследовал французской армии и не делал никаких приготовлений к новому наступлению или к использованию в каком-либо пункте своей победы. Он продолжал стоять со своей армией у Нови, снова послав генерала Меласа в Ривальту, и приказал Алькани снова начать снятую на время осаду Тортоны. В качестве причины своего бездействия он приводил опасения за фланг и тыл своего театра войны, возникшие у него в связи с событиями в Альпах. Мы в нескольких словах напомним об этих событиях.

Шампионе в начале августа прибыл в Альпийскую армию, но нашел ее еще в очень мало воинственном состоянии. Немногочисленные линейные войска, находившиеся при ней, были под командованием Лемуана присоединены к Итальянской армии и их должны были заменить войска, прибывавшие из центра. Эта армия в начале августа насчитывала только 16 000 чел., и в ней не хватало еще многих предметов военного снаряжения. Тем не менее Шампионе решил перед наступлением французской армии произвести диверсию для облегчения его. Поэтому 10 августа он приказал генералу Компану с несколькими тысячами человек продвинуться за Малый Бернард и взять у генерала Гаддика, стоявшего у Аосты, у подножия Малого Бернарда, расположенным там укрепленный пост Ла-Тюилье. В то же время один отряд проник за Мон-Сенне и отбросил к Сузе австрийские посты, принадлежавшие к силам генерала Кайма. Эти события, при которых австрийцы потеряли несколько человек, произвели шума больше, чем они того заслуживали.

Через несколько дней началась операция Лекурба против австрийского левого фланга в Швейцарии. Стоявший с 8 батальонами в Валдесской долине полковник Штраух 14-го и 15-го ввязался в крайне неудачные бои с дивизиями Кендрайла и Лекурба и, потеряв половину своих сил, был вытеснен из Валлиса и вынужден был отступить до Лаго-Маджоре.

Об этом мы расскажем более подробно в следующей главе.

Таковы были два события, которые, по крайней мере, по внешности мотивировали бездеятельность Суворова и действительно побудили его через несколько дней после сражения при Нови послать к Лаго-Маджоре генерала Края с 8 000 чел., а самому с главными силами армии 20 августа двинуться к Асти, чтобы ближе подойти к Кайму.

Впрочем, едва ли можно сомневаться в том, что не эти события были действительной причиной бездействия Суворова. Он уже знал, что

ему назначено со своими русскими войсками идти в поход в Швейцарию. Там ему предстояло соединиться с 30 000 русских войск, ожидавших его под командованием Коссакова, и сменить в Швейцарии эрцгерцога, с тем чтобы последний мог двинуться на Рейн, где французы намеревались создать новую армию под предводительством Моро. Легко понять, что такой обмен ролями не очень нравился генералу Суворову; в Италии ему оставалось только позвать плоды победы, тогда как в Швейцарии нужно было еще одержать такую же победу. Впрочем, главная причина того, что он был недоволен и неохотно шел на эту отдаленную операцию, заключалась в тех разногласиях, обнаружившихся уже между венским и петербургским правительствами, причиной которых был русский главнокомандующий, который, естественно, принимал в них участие. Давно уже все шло не так, как ему хотелось: когда он прилагал все усилия к тому, чтобы пригласить сардинского короля вернуться в свою столицу, австрийский двор хотя и не выступил с формальным протестом, но все же решительно воспротивился этому возвращению. Мы не располагаем подробными сведениями об этом, но и то, что мы знаем, вполне достаточно, чтобы понять, что бездействие Суворова после решительной победы было вызвано не обстановкой, создавшейся на театре войны,—здесь играла роль закулисная сторона событий, без которой не обходится ни одна кампания.

24 или 25 августа Суворов, действительно, получил приказ идти с русскими войсками в Швейцарию и передать командование в Пьемонте генералу Меласу.

Сначала он хотел горячая уже 27-го выступить в поход, но потом его уговорили отсрочить выступление еще на несколько дней, чтобы принять меры для обеспечения продовольствием; так как Тортонская цитадель 25-го заключила соглашение о перемирии на условии сдачи 11 сентября в случае если до этого времени она не получит никакой помощи, то австрийским генералам трудно было уговорить Суворова дожидаться в Италии наступления этого срока.

Итак, Суворов остался в Италии еще на 3 недели на позициях у Асти, Акви и Ривальты, тогда как французы заняли позиции в горах. В течение этого времени в открытом поле союзниками было проведено лишь несколько операций на правом и левом флангах театра военных действий.

На левом фланге генерал Кленав в Восточной Ривьере с несколькими тысячами человек во время сражения при Нови предпринял наступательную операцию против Генуи. В начале августа он прибыл в залув у Специи, овладел там укрепленными замками за исключением форта С.-Мария, где находился сильный гарнизон. 15 августа он получил доставленный прибывшим казачьим полком приказ Суворова начать наступление на правый фланг противника. Хотя ожидалось еще прибытие посланных из Апеннин нескольких пехотных полков из осаждавшего Мантуя корпуса, которые должны были присоединиться к

нему в количестве около 1600 человек, однако, он решил в тот же день продвигнуться до Рикко. 16 августа он атаковал отряды генерала Мюллера в районе Монельи и отбросил их за Сестри, Кьявари, Рапалло и Нерви. Затем генерал Клену получил приказ отослать в Тоскану только что прибывшие два полка, с другой стороны, французам получили подкрепления; поэтому он решил отступить за Стурю на Кьявари, оставив у Рапалло полковника Аспера с несколькими сотнями человек.

На этой позиции он оставался в течение нескольких дней, в то время как Моро послал подкрепление генералу Мюллеру и приказал Ватрину с несколькими тысячами человек пройти по Апеннинскому хребту и, спустившись через Торралью к Стуре, атаковать австрийского генерала с правого фланга.

Таким образом, генерал Клену 21 августа был атакован с двух сторон; он оказал упорное сопротивление, но все же был разбит и, понес потери в 5—6 тыс. чел., был вынужден отступить на Сестри. Французы не преследовали, и Клену мог беспрепятственно заняться заволашеванием форта С.-Мария. У него не доставало осадных средств, поэтому он доставил несколько орудий из флорентинских укрепленных пунктов, закупил порох и снаряды и с большим трудом и усилиями перебросил орудия на склоны гор, возвышавшихся над фортом. Отсюда форт в течение нескольких дней с большим успехом обстреливался, и 27 августа гарнизон в составе 600 чел. сдался в плен. Кроме 64 орудий, в этом форте были найдены значительные запасы продовольствия и военных материалов.

Таковы были события на левом фланге союзной армии.

На правом фланге Шампионе, добившись некоторых успехов в организации своей армии, желая произвести диверсию в интересах Итальянской армии, спустился с высот Котских Альп в долины Пьемонта.

Ни один из источников не дает никаких сведений о позиции, выбранной войсками генерала Кайма. Так как Турин находится на расстоянии 8—10 миль от большинства укрепленных пунктов этих долин, а корпус Кайма насчитывал только 14 000 чел., то можно предположить, что эти пункты с большей частью полуразрушенными укреплениями были заняты лишь немногими австрийскими войсками, главным образом, вооруженными пьемонтцами. Какие силы стояли в долинах По, Майры и Стуры, об этом мы можем судить лишь совершенно проблематично, так как нигде не говорится, что союзники когда бы то ни было осаждали Кони. Кажется, что там против французской Альпийской армии находились только вооруженные группы под названием барбетов, но далее в тыл, в районе Савильяно и Фоссано, стоял генерал Готтегейм с несколькими тысячами человек.

Действительную диверсию следовало предпринять одновременно с сражением при Нови, чтобы распространившиеся о ней слухи явились

противовесом одержанной союзниками победе. Это случилось бы, если бы Шампионе предпринял свои первые операции 10 августа, а затем спустился бы в долину По. Впрочем, при начале действий Шампионе, повидимому, чувствовал себя еще слишком слабым, и эта новая операция объясняется только решением Моро задержаться в Апеннинах.

25 августа французские колоны проникли за Альпы — правый фланг под командованием Шампионе через заграждения у истоков Вара в долину Стуры; центр под командованием Дюма через Мон-Женевр — в Бриансонскую долину, наступаая двумя колоннами, правая из которых под командованием Лессюира направилась на Фенестреллу и Пиньеролу, левая под командованием Молара — в Валь д'Уль (долина Суаз).

Силы этих трех колонн состояли из 12 000 чел. Две последние из них к 12 августа, т. е. в продолжение 6 дней, овладели долинами, деблокировали Фенестреллу и заняли Суаз и Пиньеролу. Колонна под командованием Компана наступала еще медленнее. Она встретила со стороны барбетов упорное сопротивление и только 2 сентября могла достичь Кони.

6 сентября, через 12 дней после этого перехода, на внешнем левом фланге Шампионе генерал Малле прошел через Малый Сен-Бернард, а генерал Ксантрайль в это же время прошел через Симплон и отбросил принца Рогана от Дома д'Оссола; поэтому Гаддик считал за лучшее отступить до Иврей.

Оставаясь на этой позиции, Шампионе, как мы увидим, после выступления в поход Суворова продолжал свою диверсию против Меласа.

Суворов не придавал слишком большого значения этой поднятой в горах тревоге и она не оказала никакого влияния на его мероприятия, кроме того, что он отозвал Края назад.

Этот генерал при известии о том, что французы не ведут далее преследования полковника Штрауха, 22 августа сделал остановку у Ватеры, отправив на поддержку Штрауха только одну бригаду Лаудона. Суворов неизвестно по какой причине оставил генерала Края у Новары и только при известии о наступлении Альпийской армии 28 августа приказал ему вернуться к Танаро и расположиться у Феллициано.

Главная армия Суворова получила приказ быть в готовности к походу на Савильяно, ибо Суворов в случае действительно серьезного наступления французов мог ожидать его прежде всего со стороны Кони.

В Генуе при приближении Зекендорфа в ответ на требование французов увеличить вооруженные силы на 12—15 тыс. чел. возникли волнения, причем народ угрожал непосредственным выступлением в переговоры с австрийцами. Эти серьезные выступления побудили генерала Моро объявить Геную на осадном положении и назначить генерала Дессола комендантом с большими полномочиями.

Моро видел, что если Генуя должна пасть, руководить правительством должно быть совершенно отянуто у старых патрициев и во главе

правления должны быть поставлены люди, которые были глубоко заинтересованы в демократической системе. Но Моро и здесь боялся предпринять решительные шаги, желая также и это трудное дело передать своему преемнику.

Соглашение о перемирии под Тортоной, которое по существу своему требовало попытки к ее освобождению, а также известие, полученное Моро о новом назначении Суворова, побудили первого принять решение — предпринять еще одну такую попытку. Для этого он назначил сильную дивизию под командованием генерала Ватрена, который 8 сентября продвинулся до Нови и отеснил австрийцев.

Сен-Сир и Шампионе Моро приказал несколько продвинуться вперед на Стуре и Бормиде, чтобы отвлечь в эту сторону внимание союзников.

Действительно, Суворов, ввиду предстоящего падения 11 сентября Тортоны, уже начал свой поход; 8 сентября колонна под командованием Розенберга двинулась из Ривальты на Александрию и другая колонна от Асти на Монкальво.

Мелас при первом известии о движении французов к Нови приказал генералу Краю двинуться от Фелиццано на Формигаро и сам из Асти поспешил сюда же. Суворов также 9-го повернул назад и снова направился к Александрии, так что уже 9-го Край вынудил Ватрена снова отступить за Нови.

На следующий день сам Моро произвел еще рекогносцировку и, убедившись, что перед ним находится большая часть союзной армии, приказал начать обратный марш на старые позиции.

11 сентября гарнизон Тортоны сдался после трехмесячного окружения и трехнедельной осады. 1 000 чел., из которых состоял гарнизон, получили право свободного выхода.

В тот же самый день Суворов выступил к С.-Готтарду, Мелас же оставил генерала Карача с 5 000 чел. в районе Нови и сам двинулся с главными силами армии против позиций у Бра при впадении Стуры в Танаро; эти позиции были им взяты 16 сентября.

Так как сделанные нами ранее замечания по поводу бездействия Суворова и принятые французским правительством постановления о создании двух итальянских армий для намеченного нового наступления, равно как и решение союзников отправить русскую армию Суворова в Швейцарию, занимают довольно большое место в общих рассуждениях о всей кампании, то мы можем теперь перейти к новой главе, содержанием которой будут события в Швейцарии, происшедшие в период между двумя сражениями при Цюрихе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От издательства	5
Введение	6
 Глава I. Общее положение. Открытие кампании в Германии. Завоевание французами Граубюндена. Поражение, нанесенное эрцгерцогом Карлом Журдану при Штопахе	7
Политическое положение при открытии кампании	7
Численность и расположение боевых сил воюющих сторон	13
Влияние Швейцарии на войну	19
Влияние Южной Италии на войну	24
Выводы из предыдущего применительно к оперативным планам обеих сторон	25
Действительные планы кампании обеих сторон	33
Журдан и Бернадотт начинают кампанию	43
Центр армии Массены уничтожает корпус Ауффенберга в Рейнской долине	45
Завоевание Энгадина Лекурбом	51
Дессоль уничтожает корпус Лаутона у Тауфера	58
Лекурб наносит поражение другому корпусу у Наудерс	58
Массена атакует позицию у Фельдхирха	62
Эрцгерцог Карл наносит поражение Журдану в битве при Острахе	66
Сражение при Острахе 21 марта	68
Сражение при Штопахе 25 марта	72
Отступление Журдана и Бернадотта за Рейн	80
Выводы	81
 Глава II. Открытие кампании в Италии. Завоевание Ломбардии. Отеснение французов к Апеннинам	95
Силы и расположение обеих армий	95
Шерер атакует Край. Бой при Настренто, Вероне, Лепяго и Бароне	98
Край переходит в наступление. Сражение при Маньяно 5-го апреля	109
Отступление французов за Адду	115
Выводы	116
Суворов атакует французов за Аддой. Сражение при Кассано	123
Выводы	133
Подход Суворова к р. По	136
Отступление Моро в Апеннины. Сражение при Маренго 16 мая	142
Выводы	145

Глава III. Продолжение кампании в Швейцарии. Австрийцы вытесняют французов из Граубюндена и переходят через Рейн. Эрцгерцог дает первое сражение при Цюрихе	159
Положение в Германии и Швейцарии	159
Бельгард вытесняет Дессоля из долины Монстера. Бой при Тауферсе и Монстере 4 апреля	160
Новое соотношение сил и расположение обеих сторон	162
Бельгард вытесняет Лекурба из Энгадина	167
Дессоль оставляет Вальтелину	170
Готце безрезультатно атакует С.-Луденштейг. Сражение при С.-Луденштейге 1 мая	171
Восстания	172
Лекурб и Луазон оттесняют принца Рогана к Тревскому мосту	174
Бельгард и Готце вытесняют французов из Граубюндена	175
Бельгард направляется в Италию	180
Эрцгерцог переходит через Рейн	183
Генерал Гадди оттесняет Лекурба от С.-Готаря	190
Первое сражение при Цюрихе. Отступление Массены за Лиммат	193
Отзывание Гадди в Италию	201
Выводы	204
Глава IV. Продолжение кампании в Италии. Суворов разбивает Макдональда у Треббии	217
Макдональд из Южной Италии направляется в Апеннины	217
Позиция союзников	220
Рассуждение относительно плана французского наступления	222
Макдональд переходит через Апеннины и разбивает Готенцоллерна у Модены	231
Сражение при Треббии 17, 18 и 19 июня	240
Отход Макдональда за Апеннины	252
Моро атакует Бельгарда на Скрявни	256
Выводы	260
Глава V. Валие союзниками Мантуи и Александрии. Суворов наносит поражение Жуберу при Нови	264
Положение армии Суворова после сражения при Треббии	264
Силы и расположение обеих сторон	266
Положение и ход событий в Южной Италии	271
Падение Мантуи и Александрии	273
Сражение при Нови 15 августа	275
Рассуждение о битве при Нови	287
Суворов до своего ухода остается в бездействии на Танаро. Падение Тортоны	291

Редакторы: майор Подорожный и Беловацкий
Техн. редактор Галин
Корректоры: Себрякова, Патшорская

Сдано в производство 25.2.38
Подписано к печати 20.10.38

Формат бумаги 70х109/16
Объем 187, печ. л., +1 вклейка = 1/4, в. л. 23,4 уч.-всп. л.
В бумажном листе 99,264 знака

Удостовер. Главлита Г—2933
Издательский № 131. Заказ № 124

Цена книги 4 р. 50 к., переплета 1 р. 50 к.

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината
Переплетные материалы Школовской ф-ки

Адрес издателя: Москва, Орликов пер., д. 3

Набрано в 1-й типографии
Государственного военного изд-ва НКО СССР.
Москва, ул. Скорцова-Степанова, 3

Сматрицировано и отпечатано в 1-й Образцовой типографии
Огиза РСФСР треста "Полиграфгиз", Москва, Валовая, 26.
Заказ № 5276.

